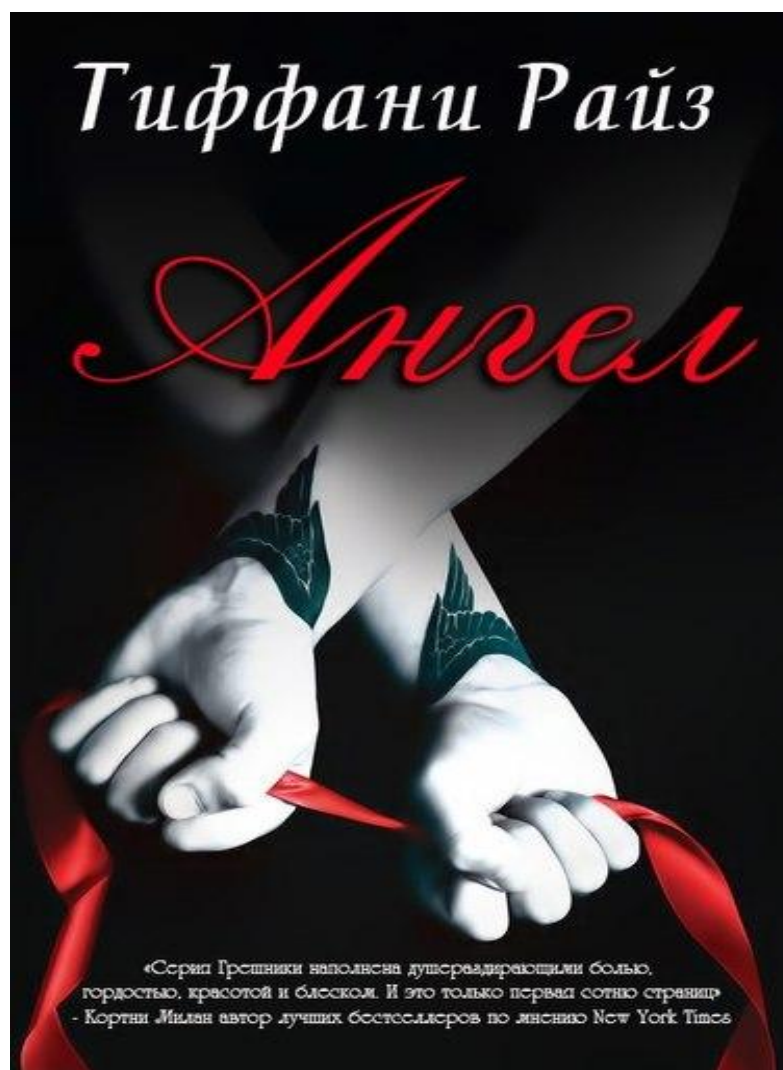

Тиффани Райз

«Ангел» (книга 2)

Серия "Грешники"

Автор: Тиффани Райз

Оригинальное название: The Angel

Название на русском: Ангел

Серия: Грешники

Аннотация

Нет такого стоп-слова, которое может защитить твоё сердце.

Скандално известная писательница в жанре «эротика» и опытная Госпожа Нора Сатерлин, делает то, что совершенно несвойственно для нее: прячется. В то время, как ее давний любовник, Сорен – чьи необычные пристрастия погубят его, если будут обнародованы – находится под пристальным вниманием из-за предстоящего продвижения по службе, Норе приходится затаиться подальше от соблазна в объятиях роскоши.

Пригласивший ее богатый и раскованный Гриффин Фиске безумно рад видеть Нору у себя в загородном особняке, особенно после того, как знакомится с ее спутником. Молодой, неопытный и ангельски красивый Микаэль стал протее Нору, и это лето, проведенное вместе с Гриффином, станет его тренировкой, полной опасностей и чувственных издевательств над плотью.

В то время, как тело Нору следует зову похоти, мыслями она снова и снова возвращается к Сорену, ее Хозяину, находящемуся под пристальным вниманием журналистки, преследующей корыстную цель. Это лето напоминает еще об одном человеке из прошлого, чья власть над Норой не несет в себе физической боли, но чьи секреты не менее болезненны. Этому лету будет суждено доказать старую поговорку: «Любовь причиняет боль».

Глава 1

- Сливочная помадка.

Лежа на кровати и свисая с нее вниз головой, Нора видела прозрачные солнечные лучи света, скользящие по подоконнику и полу перед окном. Сорен толкнулся в нее снова, и она задрожала от удовольствия.

- Элеонор, ты думаешь о еде в такой момент? - Сорен с силой вонзился в нее еще раз и кончил, вздрогнув всем телом.

Смеясь после полученного только что оргазма и от абсурдности этого разговора в такой позиции, Нора закончила свою мысль.

- Вы сказали, что мне больше нельзя ругаться по воскресеньям. Поэтому, сливочная помадка, я опаздываю на мессу, Сэр.

Сорен опустил голову и поцеловал девушку в шею.

- Уверен, твой священник будет весьма недоволен, если ты опоздаешь, - прошептал он ей на ухо.

- Тогда мой священник должен отвязать мою ногу от спинки его кровати.

Сорен поднялся и уставился на нее сверху вниз; она невинно захлопала ресницами, глядя на него.

- Умоляй, - приказал он, и Нора не смогла сдержать стон.

Вот же высокомерный сукин сын. Он никогда ничего не говорил о том, что ей запрещено ругаться в мыслях, лишь о том, чтобы не ругаться вслух. Сорен приложил палец к ее губам.

- Никаких стонов. Умоляй.

Сжав и разжав зубы, Нора сделала глубокий вдох.

- Прошу вас, Сэр, позвольте мне уйти, чтобы я могла довести домой мою задни..., мою прекрасную пятую точку, принять душ, позавтракать хоть раз на этой неделе, надеть какую-нибудь одежду и приехать обратно в церковь, чтобы сидеть на скамье, как и положено набожной прихожанке, представляя Вас совершенно обнаженным, в то время, пока Вы будете читать проповедь о грехе гомосексуализма. Надо же, Бог против этого? Пожалуйста-препожалуйста?

Сорен шлепнул Нору по бедру достаточно сильно, что она взвизгнула, но все-таки протянул руку и отвязал черную шелковую веревку от ее лодыжки. С явной неохотой он отстранился и перекатился на свою сторону кровати.

Освободившись, Нора начала выползать из постели, а Сорен подпер голову рукой и лениво растянулся на белых простынях. Она не собиралась смотреть на него. Если она только посмотрит в его сторону, то незамедлительно приползет обратно.

- Торопишься, малышка?

- Чтобы оставить тебя? Нет. Но вот чтобы не опоздать на мессу и не заработать еще одну порку на этой неделе - да.

Сорен нежно провел пальцем по линии ее позвоночника, и Нора посмотрела на него в ответ с острым негодованием.

- Вы специально пытаетесь заставить меня опоздать... Сэр?

Вздохнув, Сорен отдернул руку. Это было несправедливо. Дом священника находился всего в двух минутах ходьбы от церкви; и, будучи мужчиной и не волнуясь о том, какой наряд ему выбрать, Сорен мог собраться за десять минут.

- Это ужасное оскорбление, Элеонор. Конечно, я бы никогда не попытался заставить тебя опоздать. В конце концов, ты являешься примером для подражания для

всех молодых людей в нашем приходе.

Фыркнув от смеха, Нора начала собирать свою одежду. Она сняла свою рубашку со спинки кровати, к которой девушка была привязана прошлой ночью, пока Сорен порол ее до бесчувствия. Ее юбка лежала мятой кучей на полу, куда приземлилась после того, как Сорен расстегнул ее, позволив упасть, в то время как привязывал лодыжки Норы к распорке. Где-то под кроватью она нашла свой бюстгальтер, а вот трусики были дома в ящике. Девушка редко заботилась о нижнем белье с Сореном - совершенно бесполезное занятие на самом деле.

- Примером для подражания? Нора Сатерлин - эротическая писательница, экс-Госпожа. Приятно познакомиться с вами.

Она протянула руку для рукопожатия. Сорен вздернул бровь, глядя на этот спектакль.

- Ты образец для Микаэля. Он обожает тебя.

- Но Микаэль один из нас, Сэр.

Она улыбнулась, вспомнив о подарке Сорена в прошлом году: девственность, возможно, самого красивого тинэйджера во всем мире. Прекрасный парень, со своими личными фетишами и, к сожалению, по уши в проблемах.

- Конечно, он питает ко мне определённую слабость. Или скорее твердость. В любом случае, ни один из этих ванильных ханжей в церкви не станет смотреть на меня с восхищением.

Нора сунула ноги в туфли, наблюдая за тем, как Сорен встал с постели. Ее сердце заколотилось быстрее при виде всех ста девяти сантиметров его прекрасного мускулистого, бесстыдно обнаженного тела. Глядя на Сорена сейчас, было трудно поверить в то, что ему сорок семь лет. И невозможно было увидеть в нем, вчера вечером и сегодня утром избивающем и трахающем и не раз, в многочисленных прекрасно-порочных позах, одного из самых уважаемых католических священников во всей Новой Англии.

- Ты даешь им надежду, что стать католиком без опасения и осуждения может каждый.

- Хочешь сказать, дети считают меня клевой, да?

- Именно так.

Она повернулась лицом к нему для мимолетного прощального поцелуя. Вместо этого мужчина наклонился и поцеловал ее глубоко и властно... долго и медленно. Никто не целовал ее так, как это делал Сорен, как будто он был внутри ее тела, даже когда он был только внутри ее рта. После почти пяти минут чистой страсти в поцелуе Сорен, наконец, отстранился.

- Элеонор, тебе действительно пора закругляться.

Его стального цвета глаза дьявольски сверкнули. Нора бросила на него свирепый взгляд.

- Ты уб-, - начала было Нора, но Сорен смерил ее высокомерным взглядом.

Это дурацкое правило "Не ругаться по воскресеньям" убивало ее. Но она приложит все усилия, чтобы сдержаться.

- Убиваешь меня. Ты только что украл у меня пять минут своими поцелуями. Господь Всемогуший.

- Юная леди, если вы не прекратите использовать имя Господа всуе, придется снова вернуть в наши отношения наказание тростью. Ты действительно жалуешься на то, что я тебя поцеловал?

- Да. Ты жульничаешь. Хочешь, чтобы я опоздала, и у тебя появился предлог меня выпороть.

- Как будто мне нужен предлог.

Сорен улыбнулся ей, заставляя Нору разрываться между желанием дать ему пощечину или поцеловать снова.

- Я ушла. Пока. Я люблю тебя, я ненавижу тебя, я люблю тебя. Увидимся в одиннадцать, и я буду очень стараться слушать твою проповедь и не отвлекаться на воспоминания о прошлой ночи. Но ничего не обещаю.

Нора направилась к двери.

- Элеонор... ничего не забыла?

Нора развернулась на каблуках и вернулась к нему. Поднявшись на носочки, она обвила руками его шею.

- Разве, Сэр?

Он наклонился, чтобы поцеловать ее снова.

- Кровать.

Нора закатила глаза. Отстранившись от него, она быстро заправила постель, взбив подушки с почти ураганной скоростью.

- Готово, Сэр. Теперь довольны?

Сорен притянул девушку к себе и провел пальцами по ее щеке.

- Ты здесь. Конечно, я доволен.

Нора вздохнула от его слов и прикосновений. За те годы, что она и Сорен провели вместе, эти десять прекрасных лет в ошейнике до того инцидента, когда она оставила его, они, как правило, проводили вместе две или три ночи в неделю. Но затем, после пяти лет разлуки, она вернулась к нему, и с тех пор практически каждую свободную минуту Сатерлин проводила рядом с ним: в домике священника, в особняке своего друга Кингсли на Манхеттене или в «Восьмом Круге», порочно известном подпольном садо-мазо клубе, где Сорену практически поклонялись. Девушка ненавидела оставаться дома одна в последние дни. Дом казался слишком большим, слишком пустым, слишком тихим.

Руки Сорена покинули ее лицо, прикоснувшись к шее. Нора услышала щелчок, и почувствовала, как Сорен снял белый кожаный ошейник. Каждый раз, когда он снимал его с ее шеи, Нора испытывала щемящее чувство в груди. Сорен открыл коробочку из палисандра, и достал белый воротничок, кладя на его место ошейник Норы.

- Jeg elsker dig. Du er mit hjerte.

Я люблю тебя. Ты мое сердце.

С громким стоном Нора рухнула ему на грудь.

- Ты знаешь, как меня заводит, когда ты говоришь на датском?

- Да. Теперь иди. Ты опаздываешь, и надеюсь, хорошо помнишь, что было в последний раз, когда ты опоздала к мессе.

- Ага. Но мне понравилось, так что угроза так себе.

- Я могу пригрозить тебе недель без секса, но так как лично я не собираюсь опаздывать, не вижу никаких причин наказывать еще и себя. Элеонор, ты всегда можешь переехать поближе. Ты думала об этом?

Она думала. Целых пять секунд, прежде чем решила, что скорее отрубит руку, чем продаст свой дом.

- Я люблю свой дом. И хочу там жить.

- Дело в доме или все же в воспоминаниях, которые ты хочешь сохранить?

Нора уставилась взглядом в пол.

- Пожалуйста, не заставляй меня переезжать.

Еще год назад Ссорен спрашивал ее, не хотела бы она переехать поближе к нему и церкви. Нора не сказала «нет» тогда и не сказала бы сейчас. Она знала, что он мог приказать переехать ближе, и так бы она и сделала. Но до сих пор такого не случилось. Сорен кивнул, и Нора отстранилась от него.

- Встретимся после церкви? - спросила Нора, стоя в дверях спальни.

Послеобеденное время воскресенья всегда принадлежало им. Прихожане Сорена всегда оставляли его в покое в воскресенье во второй половине дня, предполагая, что тот занят молитвой. Ну, не совсем.

- Если не произойдет божественного вмешательства.

- Божественное вмешательство, отец Стернс?

Нора тряхнула волосами с высокомерной игривостью.

- Богу лучше определиться с планами побыстрее.

Улыбнувшись через плечо, Нора последний раз взглянула на Сорена. У него, без сомнения, было самое красивое лицо, которое она когда-либо видела. Самое красивое лицо, самый острый ум, дьявольски ненасытное либидо, сексуальное тело и самое преданное сердце... Четыре года из тех пяти, что они прожили отдельно, были агонией для нее. И теперь, когда они больше года были вместе, все стало идеально. Что ж, почти идеально.

* * *

Как обычно, Микаэль проснулся задолго до будильника. Он лежал в постели с рукой в трусах и думал, что частичное отсутствие воздуха сделало бы наслаждение еще более острым. Но он обещал отцу С, что больше не станет причинять себе вред. Отец С ничего не имел против аутоасфиксии*, но запретил Микаэлю это делать в одиночку.

- Мы чуть было не потеряли тебя, Микаэль. Я бы предпочел, чтобы такого не повторилось, - сказал отец С, и Микаэль решил, что никогда не простит себе, если подведет священника - человека, который спас его - снова.

Поэтому вместо этого Микаэль просто закрыл глаза и вызывал в памяти образ Норы Сатерлин, связывающей его, направляющей его член внутрь себя и сжимающей так крепко, что он вздрогнул. Воспоминание сработало, и Микаэль сильно кончил в руку.

Вместо того, чтобы воспользоваться салфеткой, Микаэль встал и направился напрямик в душ. Он пробыл в душе дольше, чем большинство парней его возраста, но у них не было таких длинных волос, падающих на плечи, и любви к самоистязанию в буквальном смысле этого слова. Кипяток был не настолько хорош, как обжигающий воск свечи, но это было лучшее из имеющегося под рукой.

После душа Микаэль вытерся и оделся. Высушив длинные волосы, и собрав их в низкий конский хвост, он погладил свою белую рубашку, черные штаны на армейский манер и даже надел галстук. Но не из-за эротических пристрастий... хотя его желание произвести впечатление на Нору Сатерлин могло считаться за такое пристрастие.

Как обычно, перед тем, как выйти из спальни, Микаэль закатал рукава, нанося

витамин Е на оба запястья. Витамин Е предположительно должен был помочь шрамам зажить и исчезнуть, но до сих пор эффект был минимальным. Парень надел часы с широким кожаным ремешком на правое запястье и натянул черный браслет на левое, после чего направился в комнату своей матери.

Микаэль постучал в дверь ее спальни.

- Иди без меня, - сказала она, как он и предполагал. Однако он всегда спрашивал.
- Оставь машину. Мне нужно заехать кое-куда сегодня утром.

Оставь машину... просто отлично. Хорошо, что церковь «Пресвятого сердца» была в паре кварталов отсюда.

Надев солнцезащитные очки, Микаэль схватил скейтборд и рюкзак на пути к выходу, и вышел на улицу. Доехав прямо до крыльца «Пресвятого сердца», парень поднял скейт и сунул под мышку. Перед тем как войти в святилище, он зашел напрямик в кабинет секретаря, и выкопав что-то из недр своего рюкзака, отправил факс.

После, Микаэль направился в церковь, заметив, что Нора еще не пришла, и сел на десятой скамье, если считать от алтаря, на два ряда позади обычного места девушки. Ее маленькая тень, семилетний Оуэн Перри, уже ждал свою мисс Элли. Оуэн обожал Нору-мисс Элли - и совершенно не скрывал этого. Он сидел рядом с ней во время мессы, а иногда даже лежал, свернувшись калачиком, на ее коленях. Однажды Микаэль проходил мимо них и увидел Оуэна, лежавшего в полусне на коленях молодой женщины, пока Нора бездумно водила пальцами по его лбу. У них обоих были волнистые черные волосы. Любой видевший их впервые мог бы подумать, что Нора - мать этого малыша.

То, как Оуэн прижимался к Норе, задевало парня. Он завидовал ребенку, который мог спокойно показывать Норе свою любовь и внимание. Микаэль целовал бы ее ноги, если бы она позволила. И еще он завидовал самой Норе. У нее, по крайней мере, был кто-то, кто не боялся прикоснуться к ней на людях. Микаэль даже не мог вспомнить, когда последний раз кто-то дотрагивался до него. Даже его собственная мать перестала обнимать после того, как отец ушел из дома.

У Норы были не просто люди, которые могли прикоснуться к ней. У нее был Отец С, который мог дотрагиваться до нее наедине. Микаэля беспокоило, что кто-то узнает об Отце С и Норе. Все знали, что Нора пишет эротику, и прихожанам тайно нравилось иметь мини-знаменитость в своей среде. И все в церкви преклонялись перед Отцом С. Но Нора и Отец С влюбились друг в друга, когда ей было всего пятнадцать лет. Если кто-то узнает об их прошлом, или еще хуже, настоящем... Микаэль даже не хотел думать о том, что тогда могло бы произойти.

Посмотрев на часы, парень понял, что у него еще есть время сбегать выпить воды. Он встал и быстро направился к двери. Выходя из святилища он увидел Нору

впорхнувшую через передние двери в облегающей белой юбке и в вышитой черной блузке. Ее длинные волосы были уложены в пучок на макушке, а на полных красных губах играла легкая улыбка. Микаэль мог только представить, что делал с ней утром Отец С, отчего на ее лице теперь играла такая улыбка - мог и частенько представлял.

Нора подошла к нему, и Микаэль замер. Они никогда не говорили друг с другом, ни слова с той ночи, проведенной вместе. Но, как обычно, он помахал ей, и вместо того, чтобы помахать ему в ответ, Нора взяла его за руку, задержав ее в своей ладони на долю секунды. Она сжала его пальцы, и отпустила, проходя мимо так, будто ничего не произошло.

Микаэль посмотрел на свою руку. Она дотронулась до него. Когда Микаэль поднял голову, он заметил, что один из женатых мужчин в собрании, имевший дурную привычку флиртовать с Норой, уставился на него, в его взгляде читалась зависть. Выпрямившись, Микаэль уже хотел было вернуться к своей скамье, но передумал. Сделав два шага вперед, он опустился на сиденье рядом с Норой. Она не смотрела на него, просто болтала с Оуэном о рисунке, который тот сделал для нее. Но тут, рука Норы дотянулась до парня и сильно ущипнула Микаэля за бедро, да так, что завтра наверняка на этом месте останется синяк. Парень улыбнулся. Боже, как же он любил воскресенья.

* * *

Сюзанна проснулась от того, что рука Патрика скользила по ее обнаженному животу, а его рот по шее сзади.

- Патрик, серьезно. Я сплю.

Она оттолкнула его руку.

- Я до сих пор не могу прийти в себя от смены часовых поясов, - ответила она, поворачиваясь на бок, спиной к нему.

Смеясь, Патрик прикусил ее плечо.

- Секс - это народное средство для лечения недомогания от смены часовых поясов. Я где-то читал об этом.

Сюзанна закрыла глаза. Натянув простыни до подбородка, девушка попыталась вспомнить, когда именно вчера вечером она решила, что спать с экс-бойфрендом было хорошей идеей, возможно, где-то между четвертым и шестым стаканом рома с колой.

- Тебе не хватило прошлой ночи?

Сюзанна смутно помнила, по крайней мере, два, а, возможно, три оргазма - один в гостиной и дважды в ее постели. Хотя, третий, можно было не считать.

- Я ничего не помню о прошлой ночи. Впечатляющая «Добро пожаловать домой»

вечеринка.

Патрик уткнулся носом в ее шею.

- Патрик, серьезно, - сказала Сюзанна, когда почувствовала его эрекцию, вжимающуюся в ее задницу.

Иногда Патрик мог быть ненасытным - одно из его лучших качеств по ее мнению. Не то, чтобы она хотела рассказывать ему о этом.

- Это воскресное утро. Давай трахнемся, пока все святоши в церкви.

- Упоминание о церкви не заставит меня хорошо о тебе думать, Патрик. Как бы ты ни старался.

Сюзанна почувствовала, как Патрик перекатился на бок. Перевернувшись на спину, она заставила себя посмотреть ему в глаза. Две недели тому назад, недалеко от Кабула, где она работала, взорвалась бомба. Но не вся ее жизнь, а лицо Патрика - взъерошенные каштановые волосы, душевный взгляд и игривая улыбка - промелькнули перед глазами. Он не зря стал экс-бойфрендом, напоминала себе девушка. Порой, правда, было трудно вспомнить, по какой именно причине. Сегодня утром она вспомнила.

- Черт, Сюзи. Я идиот. Я не имел в виду... Боже, я был так рад, что ты возвращаешься, и уже все испортил.

- Заткнись, - бросила она без злости в голосе. - Кажется, сработал мой факс.

Подхватив рубашку Патрика с пола и накинув ту сверху, девушка вышла из спальни. В углу гостиной располагался ее маленький домашний офис. Сюзанна сбросила книги и блокноты на пол. Читатели высоко ценили ее газетные и журнальные статьи за ясность и точность. Они могли бы удивиться, увидев, в каком хаосе автор создавал такие организованные, познавательные истории.

За второй стопкой книг и записок она нашла запылившийся факс. На выходном лотке лежал один лист бумаги. Глаза Сюзанны расширились, когда она прочитала логотип на фирменном бланке в верхней части.

- Патрик?

- В чем дело? - спросил он, застегивая джинсы по пути в гостиную.

- Прочти это.

Она сунула листок бумаги в руки Патрика.

- Анонимный?

- Думаю, что да. Титульного листа нет. Номер факса на обратной стороне. Загадка.

Сюзанна смотрела, как глаза Патрика сканировали страницу. Он покачал головой, либо от шока, либо от удивления.

- Это то, о чем я думаю?

Сюзанна забрала факс и прочла еще раз.

- Епархия Уэйкфилд, что ты знаешь о ней? - спросила она.

Патрик пробежался рукой по волосам и посмотрел вверх. Она знала, что он всегда так делал, когда глубоко задумывался, как будто Бог или потолок могли ответить на все его вопросы.

- Уэйкфилд... Уэйкфилд ... маленькая епархия в Коннектикуте. Тихая, чистая, за городом. Довольно либеральная, скучная.

Сюзанна услышала сомнение в голосе Патрика.

- Говори же, Патрик. Я переживу.

- Хорошо, - сказал он, вздыхая. - Один из их ребят, отец Лэндон, должен был занять место епископа Лео Солтера. В последнюю минуту, его приговорили к тридцати годам за обвинение в насилии. Таким образом, вместо того, чтобы стать епископом, его отправили туда, куда ссылают всех насильников.

- Они отправляют замешанных в насилии в другую церковь, где полно детей.

Руки Сюзанны затряслись от едва сдерживаемого гнева.

Патрик пожал плечами и забрал факс. Будучи репортером в центре журналистских расследований, Патрик выступал в качестве ходячей энциклопедии по каждому скандалу. Он познакомился с Сюзанной два года назад, когда они оба работали вместе.

- Сюзанна, - сказал Патрик предупреждающе, - не делай этого, пожалуйста. Пусть останется все как есть.

Сюзанна не ответила. Сидя на своем вращающемся кресле, она подтянула ноги к груди и потянулась за фотографией в рамке, что стояла на углу стола. Ее старший брат Адам улыбался с фотографии. Тогда ему было двадцать восемь. Теперь ей было двадцать восемь, а Адам уже умер.

- Сюзанна, - сказал Патрик со спокойной торжественностью.

На мгновение, в обеспокоенном голосе мужчины она услышала эхо своего отца.

- Это Католическая Церковь. Считай, это собственная страна со своей собственной армией, состоящей в основном из юристов. Я знаю, ты ненавидишь Церковь. Будь я на твоем месте, я бы тоже ее ненавидел. Но ты должна подумать, прежде чем броситься в это сломя голову.

- Я не слепая. И точно знаю, что вижу. Анонимный доносчик говорит, что-то не так в епархии Уэйкфилд. И я собираюсь выяснить это.

Патрик тяжело вздохнул.

- Хорошо, - сказал он. - Но ты позволишь мне помочь в этом деле. Договорились?

Сюзанна закатила глаза и попыталась сдержать улыбку.

- Договорились. Прекрасно. Если настаиваешь.

- Так с чего мы начнем? – спросил он ее.

Сюзанна ткнула пальцем в одно имя на листе, которое ее заинтересовало.

Отец Маркус Стернс, приход «Пресвятое сердце», Уэйкфилд, штат Коннектикут.

- Начнем с него.

Патрик подхватил свой ноутбук из сумки, которую оставил на диване вчера вечером.

- Проще простого, - сказал Патрик, загружая свой Мак. - Что ты хочешь о нем узнать?

Сюзанна снова уставилась на фотографию Адама. Если бы Адам не умер, в этом месяце ему бы исполнилось тридцать четыре.

- Все.

* * *

Нора еле сдержала улыбку, когда Микаэль, впервые со дня их знакомства, сел рядом с ней. Бедный ребенок - уже год она ждала, пока он наберется мужества, чтобы поговорить с ней. Каким бы молодым и хрупким он ни был, девушка не хотела подталкивать его. Микаэлем звали архангела и главного воина Бога, но Микаэль сидящий рядом с ней был самым кротким молодым человеком, которого она знала. Чувствуя любовь и простую вредность, Нора быстро и сильно ущипнула Микаэля за ногу, пока Оуэн показывал еще один из его рисунков - вот это семирукий ампутированный осьминог. Девушка заявила, что рисунок достоин самого Джорджа Кондо, аккуратно кладя картинку в сумочку. У нее было прекрасное утро - ее трахал любимый мужчина, обнял ее любимый мальчик и безмолвно обожал ее любимый ангел. Но счастье испарилось, когда на передней скамье она заметила священника, которого никогда не видела прежде. Тот окинул ее неодобрительным взглядом. Это не шокировало, и уж точно не удивило. На сегодня она уже получила достаточно неодобрительных взглядов, особенно от Сорена. Но затем взгляд прошелся от нее на Микаэля. Тайнственный священник смотрел на парня со смесью жалости и отвращения. Микаэль заметил этот взгляд, и краска сбежала с его и без того бледного лица.

Сердце Норы бешено заколотилось. Вдруг священник что-то знал о ней? О том, как она и Сорен уже "помогли" Микаэлю оправиться от попытки самоубийства?

До того, как Нора ударилась в полноценную панику, зазвонили колокола, заиграла музыка, сопровождающая мессу, и Сорен вышел из-за распятия, занимая свое место у алтаря.

- Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и Святого Духа да прибудет со всеми вами, - сказал Сорен.

Таинственный визитер остался на своем месте. Плохой знак. Гость-священник почти всегда разделяет обязанности во время мессы. То, что он просто сидел и смотрел, что-то означало. Что-то плохое.

- И с Вами тоже. - произнесла Нора в унисон с остальной частью общины.

Сорен казался спокойным и невозмутимым, как обычно. Визитер совершенно не беспокоил его. Это немного успокоило девушку. Сорен мог быть спокоен, даже находясь в самом эпицентре военных действий.

Нора видела, как Сорен скользнул пальцами вверх по алтарю и постучал по углу три раза. Для всех это казалось просто бессмысленным жестом, однако Нора знала, это был сигнал для нее. Он хотел, чтобы она пришла к нему в кабинет после службы вместо того, чтобы напрямик направиться в его кровать. Что-то происходит. «Если не произойдет божественного вмешательства», - сказал Сорен. Нора ненавидела божественное вмешательство.

Девушка повернулась к Микаэлю и увидела, как ее собственный страх отражается в его необычных серебристых глазах. Затем Сатерлин посмотрела на Сорена и прошептала испуганно про себя одно лишь слово.

- Чёрт.

*аутоасфиксия — форма аномальной сексуальной активности, связанная с использованием средств, ограничивающих доступ кислорода в лёгкие и к головному мозгу для усиления ощущений, связанных с сексуальной разрядкой. Связана с серьёзным риском для жизни субъекта: в США, по оценкам специалистов, ежегодно наблюдается от 200 до 1000 случаев аутоэротической смерти, связанной с подобного рода действиями.

Глава 2

Необходимость возвратить Оуэна его ошеломленным родителям задержала Нору в святилище еще на несколько минут после мессы. И к тому времени, как она добралась до офиса Сорена, Микаэль уже стоял со скрещенными на груди руками возле двери, прислонившись к стене.

- Он и тебя тоже вызвал? - спросила девушка, садясь на скамью напротив двери в кабинет священника.

Микаэль кивнул.

- У меня такое чувство, как будто мы школьники и ждем взбучки от директора, - сказала Нора. - Слышала, ты выпускаешься с отличием в этом году, так что, наверное, тебе никогда не приходилось сидеть перед учительской, да?

Сатерлин ждала хоть какого-нибудь ответа от парня, но тот только улыбнулся, так ничего и не сказав.

- Микаэль? Твой язык застрял в чьей-то киске?

Он засмеялся... во весь голос.

- Ну, наконец-то, - Нора с облегчением вздохнула, услышав хоть что-то от него. - Есть какие-нибудь предположения, почему мы здесь?

Микаэль пожал плечами.

- Ни одного. Но в любом случае, это не к добру.

- Микаэль, ты никому не говорил о нас?

От взгляда, которым парень ее наградил, ей стало неуютно, и она поняла, что выставила себя идиоткой, даже просто допуская в мыслях, что Микаэль мог бы рассказать о ней или Сорене.

- Нора, - произнес он, чуть ли не шепотом, - Я даже сам с собой не говорю.

Теперь настала ее очередь смеяться.

- Прости, Ангел. Я просто параноик.

- Все в порядке. Даю слово, что никому не рассказывал. Я никогда никому ничего не говорю.

Нора встала и подошла к Микаэлю; сев рядом, девушка пристально уставилась на него. Тот попытался отвести взгляд в сторону, но Нора щелкнула пальцами перед его лицом и указала прямо на свои глаза. В этот же момент серебряные глаза встретились с ее зелеными.

- Ты говорил со мной тогда, той ночью, - выдохнула она ему на ухо.

Бледное лицо Микаэля залилось румянцем, когда он прошептал: - Это был всего лишь сон.

Нора легонько подула на его шею возле уха.

- Тогда у нас был один и тот же сон.

Зрачки Микаэля расширились, Нора знала, что он вспоминал ту ночь, когда Сорен подарил его ей - как подарок и испытание. Подарком она насладились, однако испытание провалила.

- Ты в порядке? - спросила Сатерлин, делая шаг назад, чтобы дать ему передышку.

Микаэль нервно потер руки.

- Да, думаю, все нормально.

- Сорен дал тебе ту книгу?

- Да, она помогла. Спасибо, - ответил Микаэль.

Нора уставилась на ее старую потрепанную копию «Другого Таинственного Сада», классическую работу по психологии сексуального подчинения.

- Всегда рада помочь. Это наш священник сейчас говорит по телефону?

Микаэль кивнул.

- На каком языке?

- Сейчас на французском. - Микаэль наклонился ближе к двери. - А теперь на датском.

- Да уж... у меня для тебя одна хорошая и одна плохая новость.

- А именно?

Нора вернулась на скамейку и закинула ногу на ногу, привлекая этим движением внимание Микаэля.

- Плохая – это французский. Где французский, там и Кингсли.

- Кто такой Кингсли?

Нора усмехнулась. Кто такой Кингсли? Кингсли Эдж, Король Порока в Нью-Йорке. Наполовину француз и полный извращенец. Ее любовник от случая к случаю и лучший друг Сорена. Ну, «лучший» в те моменты, когда Сорен не угрожал его убить.

- Французский плох тем, что Кингсли всегда звонят, если нужно сделать что-то

неправомерное. Но вот датский - это хорошо. Сорен всегда звонит племяннице в Копенгаген по воскресеньям после обедни, поэтому все не настолько плохо, чтобы он изменил своим привычкам.

- У Отца С есть племянница?

Микаэль казался удивленным такой возможностью. Нора улыбнулась ему. У Сорена была аура человека, который, казалось, уже родился взрослым. Вряд ли кто-то представлял его маленьким ребенком, с родителями, школой и домашними заданиями. Но она знала все о его семье - хорошее и плохое.

- Две племянницы и один племянник. И..., - она подняла три пальца, - три сестры. Две в Америке и одна в Дании.

Микаэль посмотрел вверх.

- Вау.

- Можешь представить его своим, - она указала на закрытую дверь, за которой находился один из наиболее пугающих людей в ее жизни, - братом? Страшно, правда?

- Не завидую бой-френдам его сестер.

Они вместе рассмеялись, хотя Нора знала, что у Сорена не было ни единого шанса нормально общаться со своими сестрами. Фрея росла в другой стране, а Клэр была на пятнадцать лет его моложе. И Элизабет... ну, Элизабет это отдельная история.

- Подойди поближе, дай-ка на тебя взглянуть, - сказала Нора, отрываясь от мыслей, которые угрожали забрести в темные дебри сознания. - Какой у тебя сейчас рост?

Тринадцать месяцев назад он был всего на пять-десять сантиметров выше ее.

- Метр семьдесят семь, - Микаэль послушно подошел и встал рядом с ней.

- Так и знала, что ты все еще растешь, - сказала девушка, вспомнив, как изучала его, пока он спал в ту ночь. - Растешь прямо на глазах. Хотя стоит отметить, что в весе ты прибавил незначительно.

Он поморщился.

- Не напоминай мне об этом.

- Не стоит загоняться, Ангел. Ты высокий, худой, с идеальной фарфоровой кожей и скулами как у супермодели. И в отличие от моих, твои длинные черные волосы выглядят гораздо послушнее. Вы, молодой человек, самый красивый парень из тех, которых мне когда-либо доводилось видеть.

Нора изучала его. Бедный мальчик, наверное, в школе ему проходу не давали из-за его внешности. Он вовсе не был изнеженным, но из категории милашек

перепрыгнул в высшую лигу настоящих красавцев. Девушки, несомненно, завидовали ему, потому что он только проснувшись был куда красивее их после пары часов прихорашивания перед зеркалом, а парни, вероятно, ненавидели за вдохновляющие гомоэротические мысли в их воспаленном подростковом разуме.

- Как скажешь.

- Серьезно. А я всегда права насчет такого. Ты уже совершеннолетний, а, милашка? - поддразнила девушка.

- Исполнилось семнадцать в прошлом месяце, - ответил Микаэль, покраснев.

- В этом штате уже считаешься взрослым, - подмигнула Нора, и щеки парня еще сильнее залились румянцем.

Микаэль открыл было рот, чтобы сказать что-то, но прежде чем он это сделал, дверь в кабинет Сорена открылась. Не говоря ни слова, священник указал пальцем на них обоих, прежде чем снова исчезнуть внутри. Нора сделала глубокий вдох.

- Настал наш судный час.

Встав, она протянула руку, и парень помедлил всего секунду, прежде чем вложить в нее свою дрожащую ладонь.

Рука об руку они вошли в кабинет. Даже зная Сорена около двадцати лет, Сатерлин провела в этом кабинете очень мало времени. Каждый член церкви Пресвятого Сердца знал "Правило Отца Стернса" – никаких детей до шестнадцати лет без присутствия родителей, никому не разрешается находиться в кабинете за закрытыми дверями, частные разговоры – только в исповедальне, и никто, абсолютно никто, не имеет права входить в дом священника. Никогда. Кроме Норы, конечно.

Правила были строгими, но необходимыми для весьма настороженно настроенной католической церкви. За время работы при Пресвятом Сердце имя Сорена не вызвало даже мысли о скандалах.

Нора и Микаэль сели за стол напротив священника. Оглядевшись, Нора отметила, что за двадцать лет, со времени назначения Сорена, практически ничего не изменилось. Аккуратный и элегантный офис изобиловал наличием книг и Библий на почти двадцати языках. На огромном дубовом столе в рамке стояла фотография его красивой племянницы, Лайлы. Лайла была примерно одного с Микаэлем возраста. Нора не видела ее с момента их последней поездки в Данию. Нора любила эти редкие поездки в другие страны вместе, только на другом континенте она и Сорен могли ходить по улице, держась за руки. Но он был священником, когда она отдалась ему, и прежде чем ей предстояло принять решение, он предупредил, что у них никогда не будет нормальных отношений. В восемнадцать лет она ничего ему не обещала, и готова была пойти на любые жертвоприношения. В тридцать четыре она бы вновь приняла то же самое решение, правда теперь оно далось бы ей с большим трудом.

Нора перевела взгляд на Сорена, все еще держась за руку Микаэля для комфорта. Но она не могла точно сказать, она ли поддерживала его, или он ее.

- Элеонор, Микаэль, - начал Сорен, - у нас проблема.

- Черт, я так и знала, - выругалась Нора и даже не получила ни малейшего нагоняя от священника.

Вот теперь она точно знала, что все плохо, очень плохо, если Сорен не вспомнил о правиле "никакой ругани по воскресеньям".

- Кто-то нас заложил? Клянусь Богом, я убью их...

- Элеонор, успокойся. Я сказал, что у нас проблема, а не конец света. Священник, посетивший нас сегодня...

- Тот, что пялился на нас с Микаэлем все время?

- Именно он, - сказал Сорен с едва скрываемым весельем.

Что ж, хоть кому-то было весело во всей этой ситуации.

- Это был отец Карл Вернер.

- Боже, я ненавижу немецких католиков, - Нора, урожденная Элеонор Шрайбер, имеющая не двоих, а целых четырех бабушки и дедушки католиков немецкого происхождения, произнесла с ядом в голосе.

- Отец Карл, - Сорен продолжил, делая вид, что не слышит ее, - достаточно консервативен, и если он мрачно на тебя посмотрел, Элеонор, так это только потому, что твоя репутация всегда впереди тебя.

- А Микаэль? - спросила Сатерлин.

Микаэлю было всего семнадцать лет, и, кроме скандала при выборе государственной школы, а не католической, он был примерным подростком Пресвятого Сердца: спокойный, трудолюбивый и отличник в школе.

Вздыхнув, Микаэль поднял ладони вверх, специально дотрагиваясь до своих запястий. Даже не нужно видеть шрамы, чтобы понять, что он имел в виду.

- Да, - произнес Сорен с сочувствием. - Отец Карл не доволен тем, что мы стали домом для...

- Ходячего смертного греха? - закончил за Сорена парень.

Пальцы Норы сомкнулись вокруг запястья Микаэля, ее указательный палец скользнул под браслет, легонько глядя светлый шрам, который скрывался под ним. Чуть более двух лет назад, когда мальчику было всего четырнадцать, его консервативный отец узнал о повышенном интересе Микаэля к БДСМ. Так же, как и

Нора в свои подростковые годы, Микаэль часто причинял себе боль просто из-за сексуального возбуждения. Но в отличие от случая девушки, его поймал за этим делом не всепонимающий священник, а собственный отец. И в один из дней, слушая очередную тираду с обвинениями в том, что он опозорил всю семью, Микаэль перерезал себе вены и чуть не умер. Некоторые католики, особенно старшего поколения, считали самоубийство самым страшным из грехов, поэтому несомненно Отец Карл считал, что Микаэль должен посещать другую церковь. Желательно такую, где не заметили бы порезов на руках.

- Мнение Отца Карла о вас обоих не имеет ничего общего с его визитом сегодня, - продолжил Сорен, давая понять, что мнение отца Карла заботило его меньше всего на свете. - Причина его визита касалась только меня. Как вы оба знаете, епископ Лео болен раком толстой кишки и скоро уходит на пенсию.

- И отец Лэндон заменяет его, не так ли? - спросила Нора.

- Отец Лэндон заменял его. Пока три дня тому назад не всплыли кое-какие пикантные подробности из его жизни.

- Пресвятой Боженька, - простонала Нора. - Почему священники никак не могут удержать свои святые члены в чертовых штанах – совершенно вне моего понимания.

Микаэль резко вдохнул, и Нора поморщилась. Посмотрев на Сорена, Сатерлин виновато улыбнулась. Сорен поднял бровь.

- Само собой это не относится к присутствующим здесь, - сказала она. - Естественно.

Сорен встал и вышел из-за стола. Подняв глаза, Нора уставилась на него. Все в Отце С было таким аристократичным и суровым. Даже в Дании, где светлые волосы и голубые глаза были скорее правилом, нежели исключением, как здесь, в Америке, Сорен все же выделялся из толпы из-за роста и неоспоримой мужской красоты.

- С переводом Отца Лэндона остается вопрос о том, кто заменит епископа Лео.

Сорен остановился. Смысл его слов ударил Нору сильнее, чем ротанговая трость поперек бедер.

- Вот дерьмо. Сорен.

Нора прикрыла рот рукой.

- Метко сказано, - сказал он, кивая.

- Что это значит? - спросил Микаэль. - Это плохо, да?

- Очень плохо. - Нора повернулась к парню. - Наш Отец Стернс может быть следующим епископом этой епархии.

Микаэль резко перевел взгляд на Сорена.

- Вот дерьмо, - эти слова были единственным, что пришло парню на ум.

- Боюсь, что не могу не согласиться. То, что Отец Карл приехал сюда лично значит, что я, ближайший в списке кандидатов.

Нора закрыла глаза. Епископ... если Сорен станет епископом, то будет священником над всеми священниками в епархии. Ему придется покинуть дом приходского священника Пресвятого Сердца, где несколько сотен деревьев давали почти полную конфиденциальность и переехать туда, где он будет жить с другими священниками. Его и без того напряженный график превратится в ад, и она будет редко видеть его, да и то не факт. И это если он получит это место, и они до сих пор не узнали о ней и внерабочей деятельности Сорена.

- А ты не можешь просто отказать им?

- Не получится, иначе могут возникнуть подозрения. Предполагается, что это большая честь.

- Эта честь может поцеловать меня в задницу, - рассердилась Нора, глядя как Микаэль пытается подавить смех. - Не в буквальном смысле, - добавила она, еще раз отметив про себя, в какого великолепного мужчину превращается парень. - Ладно, и в буквальном тоже.

- Элеонор, пять минут приличия – это все о чем я прошу, - сказал Сорен.

- Мне очень жаль, - вполне искренне ответила девушка. - Просто я немного напугана. И какой будет план?

Она знала Сорена. Он бы не стал ее так пугать, если бы у него не было четко сформированного плана.

- Обычно процесс проверки кандидата на пост епископа длится от одного до двух лет. Но так как епископ слабеет с каждым днем, скорее всего нового назначат не позднее августа.

Сегодня было шестнадцатое мая.

- И что же нам делать в течение следующих двух с половиной месяцев? - поинтересовалась Сатерлин.

- Вы двое не будете делать ничего. – Сорен внимательно посмотрел на нее и Микаэля. - Я как-нибудь сам разберусь с этим. Само собой, епархия будет тщательно копаться в моей жизни. Но меня это мало беспокоит. Даже если они узнают что-то о нашей личной жизни, Элеонор, церковь будет делать то, что всегда делает, когда сталкивается с неминуемым скандалом.

- Постарается все скрыть, - ответила Нора, и Сорен не возразил на это. – Но есть

какое-то «но»?

- Но завтра утром в Таймс выйдет статья об отце Лэндоне. Пресса, скорее всего, объявится в приходе и будет всячески пытаться сунуть нос в ход расследования.

- Пресса, да? Это объясняет, почему ты говорил по телефону с Кингсли уже сегодня.

У Кингсли были довольно увлекательные отношения с прессой – захватывающие прямо как варварские орды, которые вторглись в Рим и спалили его дотла. Однажды один репортер угрожал обнародовать историю разоблачения одного из клиентов Кингсли - всемирно известного адвоката по борьбе за права человека – а по совместительству трансвестита с различными сексуальными фетишами. За два дня до того, как история должна была всплыть в прессе, домашнее порно с участием репортерши и ее мужа появилось на каждом компьютере для первоклассников в элитной частной школе. Видео проигрывалось по кругу без остановки, и его нельзя было удалить. Пришлось выбросить и заменить около двухсот компьютеров. Стоит ли говорить о том, что история про адвоката в прессе так и не появилась.

- Я бы не хотел прибегать к методам Кингсли, чтобы сохранить нашу личную жизнь неприкосновенной, - сказал Сорен.

Сорен мог быть садистом, но он причинял боль только при обоюдном согласии.

- Но его знания часто бесценны. Будь уверена, Элеонор, я найду способ, чтобы не стать следующим епископом. Но я не поэтому позвал вас сюда.

- Тогда я просто умираю от желания узнать, зачем нас сюда вызвали, - сказала Нора.

Что-то в серых глазах Сорена предупредило ее, что все, что он хотел сказать, ей точно не понравится.

- Ты и Микаэль - два единственных человека в Пресвятом Сердце, которые знают, кто я и что я. Появится пресса и станет задавать вопросы. Я не могу просить вас лгать ради меня. А так как никто из вас не скажет правду, если его спросят...

- Чертовски верно, - пробурчал Микаэль себе под нос, и Нора еще раз вознесла в мыслях благодарственную молитву за лояльность парня. Она знала, что Микаэль был по гроб жизни обязан Сорену за спасение, и хотя никогда не слышала всю историю, была уверена, что Сорен рисковал своей карьерой, рассказав правду о себе и своих отношениях с Норой. Ночь, которую она и Микаэль провели вместе больше года назад, была наградой Сорена за то, что, парень смог провести целый год без угрозы для своей жизни. Несмотря на то, каким не по-детски мудрым и серьёзным подростком он был, Микаэлю было всего пятнадцать той ночью, когда она лишила его девственности. Шестнадцать, а не пятнадцать, считался совершеннолетним возраст в Коннектикуте и Нью-Йорке, и поэтому их ночь была преступлением. Она сделала это,

не зная его возраста, но Сорен проинструктировал мальчика.

- Хорошо. Итак, Микаэль и я не можем лгать? Придется дать обет молчания?

Сорен улыбнулся.

- Ты и обет молчания, Элеонор, такие же несовместимые вещи, как ты и обет воздержания. Нет, думаю, вам лучше покинуть город на время всей этой шумихи. Вместе.

Тишина повисла камнем в воздухе.

- Могу я поговорить с вами наедине в течение одной минуты, Сэр? - спросила Нора, и Сорен издал недовольный стон.

- Микаэль, ты не возражаешь?

Парень встал и вышел из кабинета.

- Ты сошел с ума?

- Маленькая, кто твой Хозяин?

Нора упала обратно в кресло.

- Вы, Сэр. Но вы действительно хотите...

- Элеонор, если репортер спросит тебя, были ли мы любовниками, что ты ответишь?

- Я скажу ему не совать свой чертов нос не в свое собачье дело. А затем заставлю Кингсли заморозить его кредитные карты и банковские счета на неделю просто для удовольствия.

Сорен поднял бровь.

- Хорошо. Намек поняла, - сказала девушка.

- Я хочу справиться с этой ситуацией, не беспокоясь о тебе. Но самая главная причина – это Микаэль. Он нуждается в тебе.

- Нуждается в чем?

- В том, в чем ты лучше всех, - ответил с простотой в голосе мужчина.

- Ты хочешь, чтобы я тренировала Микаэля? - спросила Нора в ужасе. - Я была Госпожой-на-одну-ночь, помнишь? Обучение – это совершенно не моя область. Наверняка есть кто-то еще...

- Нет никого, кому я доверяю больше, чем тебе. И кому доверяет Микаэль. Осенью он пойдет в колледж. Это лето наш последний шанс ему помочь.

Что-то было в словах Сорена, отчего Сатерлин переполнило беспокойство за парня. После той ночи с Микаэлем они так толком и не поговорили, но она по-прежнему заботилась об этом мальчике.

- Помочь ему? Последний раз я помогла ему потому, что ты боялся, что он собирается снова совершить суицид. Что не так с Микаэлем?

- Боюсь, я больше ничего не могу тебе рассказать.

Вздохнув, Нора встала и подошла к окну из цветного стекла, которое украшало заднюю стену офиса Сорена. В отличие от витражей в храме, на этом окне не было святых или сцен из Библии, только кроваво-красная пышная роза. Кончиком пальца Нора провела по одной из холодных металлических спиц изображения.

- Сорен, мы снова вместе всего лишь один год, - напомнила она ему, не желая оставлять его даже на день, не то, что на несколько месяцев.

- Я знаю, Элеонор. - Сорен подошел сзади и обнял девушку за талию. - Но ты должна довериться мне, верить в то, что я знаю, что делаю. Мне нужно, чтобы ты помогла Микаэлю. Ты нужна мне.

Ты нужна мне... для всего порочного сообщества, к которому они принадлежали, Сорен считался лидером среди Доминантов. Он даже получил прозвище Альфа и Омега. Но эти слова - ты нужна мне – сходили с его губ гораздо чаще, чем кто-либо мог поверить. За время пяти лет жизни порознь иногда Нору будил телефонный звонок и эти три слова от Сорена. И хотя она оставила его, во все эти редкие случаи, когда он звонил, девушка не могла сказать «нет». Иногда даже он не мог обуздать свои темные желания. Ты нужна мне, говорил он, и Нора в то же мгновение срывалась с места, просто ответив, «Хорошо. Скажи мне, где и когда».

- Хорошо, - ответила она. - Где и когда?

- Боюсь, как можно скорее. Вопрос где – я оставляю на тебя. Могу только предположить, что ты будешь достаточно далеко, чтобы никто не попытался за тобой проследить.

- Англия? - спросила она. - Зак и Грейс планируют беременность. По крайней мере, в этом я точно могу помочь. Ну, или хотя бы присмотреть за ними, ты понимаешь.

- Исключено, - сказал Сорен. - Я знаю, как ты ведешь себя в других странах. То, что тебе выдали паспорт – все еще одна из величайших загадок Вселенной для меня.

- Это была не моя вина, - напомнила девушка. - Консул разрешил мне.

- Элеонор...

- Ладно, так и быть. Мы отправимся к Гриффину, - сказала она. - Он унаследовал

старую лошадиную ферму от своего дедушки, и вот уже целый месяц не дает мне покоя, зовет, чтобы я приехала. Этот вариант сойдет?

Сорен тяжело вздохнул.

- Гриффин...

Нора сдержала смешок.

- Да ладно, Гриффин – отличный вариант. Он один из моих лучших друзей.

- Он испорченный мальчишка, любящий несовершеннолетних, и трус.

А также он был богат, великолепен и хорош в постели, но Сатерлин решила не напоминать Сорену все эти факты.

- Ты всегда называешь его трусом. Расскажешь почему?

Она повернулась в его объятиях.

- Нет. Но, полагаю, даже Гриффин заслуживает второй шанс.

Хотя было интересно, что Сорен имел в виду под вторым шансом, Нора знала, что лучше не спрашивать. Мгновение Сорен стоял молча, затем постучал пальцами по подбородку, как делал всегда, когда что-то замышлял.

- Я позволю вам провести лето с Гриффином, - сказал Сорен наконец. - Но он даже не дотронется до Микаэля, или я отменю его доступ к Восьмому Кругу и к тебе на всю его жизнь целиком и полностью. Это понятно?

Нора побледнела. Это была действительно серьезная угроза.

- Да, Сэр.

- Где находится поместье его дедушки?

- На севере штата, - сказала она. - Возле Гилфорда.

Сорен внимательно посмотрел на нее, линия его рта дернулась от подавляемой ухмылки.

- Это довольно близко к тому месту, где сейчас твоя мать, не так ли? - спросил он. – Может, зайдешь к ней разок?

- Даже не думай об этом, - сказала Нора, в ужасе от предложения Сорена навестить свою мать. - Да я бы предпочла отправиться на пробежку в ад. На шпильках, в самую жару авгу...

- Элеонор.

- Да, Сэр?

- Твое декольте вибрирует.

Нора сглотнула и вытащила сотовый телефон из бюстгальтера, куда засунула его перед мессой.

- Прости. Забыла выключить.

Нора отклонила звонок. Сорен уставился на нее. Нора пристально посмотрела на него в ответ. Как обычно, соревнование по гляделкам выиграл Сорен.

- Это Уес, - призналась девушка, даже не посмотрев на номер.

Уесли всегда звонил по воскресеньям. Сорен изучал ее. На этот раз она не могла встретиться с его глазами.

- Уесли часто тебе звонит?

Нора кивнула.

- Раз в неделю, - призналась она. - Каждое воскресенье после службы.

- И почему я впервые об этом слышу?

- Не важно. Я никогда не отвечаю.

- Почему ты не отвечаешь на звонки Уесли? - спросил ее Сорен, используя тон для исповедей - слегка любопытный, совершенно не осуждающий, но целиком и полностью приводящий в бешенство.

- Потому что ты не давал мне разрешение.

- Ты никогда не спрашивала разрешения. Боялась, что я скажу тебе нет?

Нора закусила нижнюю губу, нервная привычка, от которой Сорен пытался ее отучить с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. Сорен протянул руку и провел большим пальцем по ее губам. Нора посмотрела на него.

- Я боялась, что ты скажешь мне да.

Сорен медленно кивнул.

- Я люблю тебя, - сказала она, выпрямившись. - И я оставлю тебя на это лето, но только потому, что ты заставляешь меня. Но если тебя выберут епископом, то я перееду в Лос-Анджелес и вступлю в секту саентологов. Я тебя предупреждаю.

На Сатерлин снизошло спокойствие, когда она увидела улыбку Сорена. Но она знала, что о Уесли им еще предстоит поговорить.

- Микаэль ждет на улице. Думаю, он захочет услышать объяснения и уехать домой.

- Я сделаю и то и другое, - сказала Нора, направляясь к двери. Остановившись у порога, она обернулась. - Не могу поверить, что мне придется провести целое лето без тебя только из-за этого тупого продвижения по карьерной лестнице.

Сорен ничего не сказал, но в его глазах промелькнуло что-то еще.

- Это ведь просто продвижение по службе и все? - спросила девушка. - Больше же нет никаких причин?

Внезапный страх охватил Нору, страх, что Сорен не хотел ее видеть рядом с собой по какой-то другой причине.

- Звонил Кингсли. Вчера ночью кто-то вломился в его городской дом.

Глаза Норы расширились.

- С ним все в порядке? Там была Джульетта? Что случилось?

Сердце стучало как бешеное; и разум рисовал самые страшные из вариантов, вдруг пострадали Кингсли и его красивая гаитянка секретарша.

- Они с Джульеттой в порядке. Они были... слегка заняты вчера ночью. Кто-то подсыпал снотворное собакам и украл файл из личного кабинета Кингсли.

Нора рухнула в кресло. Кем бы ни был этот вор, у него определенно были стальные яйца. Одно имя Кингсли могло довести до обморока любого, кто осмелился бы наложить лапы на компрометирующие материалы в том кабинете, файлы почти на всех копов, судей, политиков и юристов в ближайших трех штатах. А если имя не пугало вора, тогда за дело бралась свора хорошо обученных ротвейлеров.

- Всего один файл? Ну, по крайней мере, хорошо, что один.

- Элеонор - это был твой файл.

- Мой? Почему мой? Я уже даже не Доминатрикс.

Осознание этого факта ранило даже сильнее, чем хотелось. Пока Нора была Госпожой на службе у Кингсли, то постоянно жаловалась на это. А теперь, когда бросила, поняла, что даже немного скучает по былым денькам. Еще один пункт в ее списке «Вещи, по которым скучаю каждый день», грозившемся разрастись до непомерных размеров.

- Если бы я только знал, малышка. Кингсли полагает, что какой-то старый клиент попытался избавиться от любых доказательств о нем самом.

- Ну, в этом есть смысл.

Когда-то во времена ее доминирования, список клиентов Норы был похож на список из журнала «Самые-самые» - самые богатые, знаменитые и с извращенными запросами; владельцы главных компаний Америки, политики высшего уровня и рок-

звезды отдавали все, только чтобы поцеловать носок ее сапога.

- В любом случае, это неважно. Кем бы он ни был, он все равно не сможет прочесть то, что находится в этом файле.

Кингсли и Джульетта были отличной командой. Файлы Кингсли были печально известны по двум причинам: во-первых, они содержат секреты всего города, а во-вторых, были совершенно непонятны никому, кроме самого Кинга и Джульетты. Только те могли прочесть страницы, написанные на закодированном Гаитянском креольском наречии.

- Меня волнует не само преступление, а его причины, - сказал Сорен. - Однако, это еще один повод, почему ты должна провести некоторое время вдали от города, а Кингсли и я этим займемся.

- Я могла бы помочь, если бы ты разрешил. Мне уже не пятнадцать, помнишь?

Подойдя к девушке, Сорен протянул ей руку, и она взяла ее. Мужчина нежно поставил Нору на ноги и посмотрел ей прямо в глаза.

- Ты мое сердце, - сказал он.

Он сказал те самые слова, что и тогда утром. Но в тот раз они звучали ласково и игриво. Теперь же, он произнес их таким тоном, словно констатировал факт из анатомии.

- Я не потеряю тебя. Я отсылаю тебя только ради твоей безопасности. Ты это понимаешь? Скажи «Да, Сэр».

Нора кивнула и проглотила внезапно возникший ком в горле.

- Да, Сэр.

Сорен наклонил голову и поцеловал Нору долгим и медленным поцелуем, прежде чем отстраниться. Успокоившись, Сатерлин приложила ухо к его груди. Она любила слушать размеренный стук его сердца. Она считала Сорена опасным, особенно для тех, кто осмеливался перейти ему дорогу. И кто бы ни украл тот файл... она ему не завидовала. Но Сорен не был злым. Из всех людей, которых она знала, он был самым лучшим. С сильным и добрым сердцем.

- Мое сердце, - прошептала она и посмотрела на Сорена.

- Можешь не сомневаться, малышка, - сказал Сорен, и его руки властно прошлись от шеи вниз по ее спине, - Возможно, мне и придется отослать тебя, но наше прощание ты запомнишь на все лето.

***

Ожидая снаружи офиса Отца С, Микаэль размышлял над тем, что именно ему

придется делать. Он сидел на скамейке, со скейтбордом под ногами, и бездумно катал доску вперед и назад, вспоминая каждое слово Норы и Отца С. Священника, который должен был стать следующим епископом, отстранили. Отец С был в списке кандидатов на место епископа. Отец С хотел, чтобы он с Норой провели лето подальше отсюда. Он должен был провести все лето с Норой Сатерлин.

Все лето... с Норой Сатерлин... Микаэль мечтал об этом. Накануне ночью ему как раз снился такой сон.

Нора вышла из офиса и улыбнулась парню.

- Хорошо, что ты дождался меня. Хочешь, подброшу домой?

Микаэль пожал плечами и встал. Он не мог поверить во все это – за целый год они не сказали друг другу и слова, а теперь она предлагает отвезти его домой?

- Конечно. Спасибо.

На стоянке было пустынно и безлюдно; на ней была припаркована только одна сияющая серебристая двухместная машина с откидным верхом.

- Нравится?

Нора нажала кнопку на брелке, чтобы разблокировать автомобиль.

- Да. Офигенная, - сказал Майкл, обходя машину кругом.

Парень закусил губу, сдерживая смех, увидев номерной знак Норы: тот гласил NC-17.

Нора стояла рядом с машиной, внимательно изучая Микаэля.

- Решила побаловать себя в прошлом месяце. Не так хороша, как мой Астон Мартин, но БМВ Z4 Roadster стоит своих денег. Я большая поклонница немецкой техники.

Микаэль сверху вниз оглядел ее невысокую, но очень красивую фигурку с плавными изгибами. Этот разговор о качестве немецкой техники пробудил в нем желание сделать комплимент, зная, что Нора посмеется над явной отсылкой на ее немецкое происхождение. Но, как обычно, парень не смог вымолвить ни слова.

- Держи, ты поведешь.

Она бросила ему ключи. Микаэль протянул руку, поймав связку кончиками пальцев.

- Хочешь, чтобы я вел твой прекрасный новенький БМВ?

- Ну, ты же уже достаточно взрослый для этого, ведь так?

Девушка открыла пассажирскую дверцу и посмотрела на него поверх автомобиля.

- А учитывая, что я позволила тебе быть внутри моего тела, могу я растянуть удовольствие и разрешить тебе вести мою машину?

Плюхнувшись на сидение, Нора захлопнула за собой дверь.

От ее слов у Микаэля подкосились колени. Сделав глубокий вдох, он открыл дверцу со стороны водителя, забросил скейтборд за сиденье и медленно сел за руль.

- Давай поговорим, - начала Нора, как только он повернул ключ зажигания и завел двигатель. - Ну, так как ты не говоришь, можешь просто слушать, пока буду говорить я.

- Только, пожалуйста, не надо...

- Не надо что?

- Не надо говорить всех этих откровенностей, а то мы разобьемся, въехав в какой-нибудь столб.

Нора рассмеялась и сжала его колено.

- Ладно, Ангел. Я обещаю, что больше не произнесу ни слова о той ночи, когда я привязала тебя к кровати и забрала твою девственность. Если ты так настаиваешь.

- Нора, пожалуйста, - взмолился он.

Микаэлю нравилось, что она по-прежнему звала его Ангелом. Никто и никогда не называл его так, за исключением Норы.

- Ладно, обещаю вести себя прилично. На данный момент, во всяком случае. Вот в чем дело. Сорен хочет, чтобы мы исчезли на это лето, чтобы он уладил дела по-своему. Я думаю, он знает, что если кто-то станет за мной шпионить, то я, скорее всего, надеру парочку задниц, что, стоит признать, наверняка никак не поможет в этой ситуации.

- Наверное, нет.

- А учитывая, что я вроде как изнасиловала тебя той ночью, думаю, Сорен хочет держать меня как можно дальше от всей этой шумихи. И тебя тоже.

Микаэль включил поворотник на перекрестке, хотя машин вообще не было видно. Всю дорогу домой он безумно нервничал, молясь о том, чтобы они не столкнулись со встречным автомобилем.

- Ты не насиловала меня, Нора. Я хотел этого. Мне было пятнадцать, почти шестнадцать лет, а не пять.

Он не мог поверить, что наконец-то решился поговорить о той ночи. Микаэль понимал, что Нора и Отец С были расстроены всем происходящим, но сегодня возможно был лучший день в его жизни.

- У судей есть забавная привычка не спрашивать о юридическом возрасте, когда разговор заходит о несовершеннолетних мальчиках и знаменитых писательницах. Но, эй, ты же больше не малолетка.

- И что мы должны делать?

Микаэль вознес короткую молитву, радуясь, что приказ Отца С выбраться из города вместе был не какой-нибудь галлюцинацией или сном.

- У меня есть друг по имени Гриффин Фиске. Он получил в наследство ферму в северной части Нью-Йорка. Думаю, нужно переждать эту катастрофу у него этим летом.

- Гриффин Фиске?

- Да. Сын Джона Фиске, председателя фондовой биржи. Типичный богач с Уолл-Стрит. Гриффин – настоящий биржевой наследник. Но он милашка. Сорен его терпеть не может, но у Сорена совершенно ужасный вкус, - сказала Сатерлин, указывая на себя.

- А он..., - Микаэль сделал паузу и попытался заставить себя произнести следующие слова. - Ну, ты понимаешь, один из нас?

Нора усмехнулась.

- Я просто скажу, что в Преисподней его прозвище Гриффин Кулак.

Желудок Микаэля сжался. «О, Боже».

- Расскажи мне об этом.

Нора снова не удержалась и погладила его по колену. Нужно было перестать хватать парня за коленки.

- Наш план такой – спрячемся у Гриффина на все лето.

- Спрячемся, а дальше что?

Микаэль съехал на подъездную дорожку в сторону небольшого домика, где он жил вместе с матерью. Слава Богу, мамы, кажется, не было дома.

- Так вот где ты живешь? - протянула Нора с любопытством в голосе.

- Да, знаю, тут не круто. Но у нас хорошие соседи.

- По сравнению с домом, где я выросла, это просто дворец. Тебе здесь нравится?

Микаэль пожал плечами.

- Мы не сильно ладим с мамой, - сказал он. - Наверняка она будет счастлива, когда я отправлюсь в колледж.

- И куда ты собираешься поступать?

- В Йорк. Получил там полную стипендию. Сегодня утром по факсу прислали допуск к занятиям.

- Йорк? Хороший колледж. Мой давний сосед по комнате учился там. В любом случае, - сказала девушка так, будто пыталась отделаться от нахлынувших печальных воспоминаний, - Сорен упомянул, что это лето возможно последний шанс, чтобы тебе помочь. Что он имел в виду под «тебе помочь»?

Сначала Микаэль не хотел отвечать, но все в нем твердило, что Норе можно доверять. И не только можно, но и нужно. Парень откинулся на водительском сидении и заглушил двигатель.

- Две недели назад... Я почти решился на свидание с человеком, с которым познакомился в Интернете.

- С Госпожой? - спросила Нора.

Микаэль молча кивнул.

- Микаэль, ты хоть представляешь, насколько это опасно?

- Я знаю, знаю. Отец С тоже устроил мне взбучку за это. Я просто...

- Что такое, Ангел?

- Одинок. Ты тоже так считаешь.

Нора протянула руку, касаясь лица парня. Его сердце трепетало в груди от нежности, с которой ее пальцы прочертили линию по губам и линии подбородка.

- Теперь ты больше не одинок. Я буду с тобой все лето. Сорен думает, что ты готов к обучению, и я с ним согласна.

- К обучению?

- Чтобы стать сабмиссивом.

Ее чуткие пальцы соскользнули с его лица. Сатерлин вышла из машины, и Микаэль последовал за ней.

- Я думал, что уже был им...

Микаэль огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто из его соседей не подслушивает. Он бы умер, если бы кто-нибудь из них узнал, кем он был.

- Я думал, что уже сабмиссив.

Нора прислонилась к капоту машины, скрестив стройные ноги в лодыжках.

- Сорен тренировал меня в течение двух лет, прежде чем ударил и взял впервые, малыш. Сабов следует обучать так же хорошо, как и Доминантов, если собираешься делать все правильно, а не нанося вред.

- Я хочу, чтобы мне было больно.

- Существуют различные виды боли.

Парень рискнул улыбнуться.

- Микаэль, - Нора начала, и все веселье пропало из ее голоса, - быть сабмиссивом сложно. Быть мужчиной сабмиссивом еще труднее. Когда женщина говорит, что ей хочется, чтобы ее связали, все находят это возбуждающим. Если мужчина говорит это, все считают, что он...

- Он педик, - Микаэль закончил за нее. - По крайней мере, так думает мой отец. Говорит, что меня нужно лечить от подобных желаний.

- Забудь о том, что думает твой отец. Я научу тебя, как стать самым лучшим сабом во всей Преисподней, черт побери. И цитируя всезнающего умника Кингсли на предмет фетишей, - начала Нора, переходя на слегка преувеличенный, но очень сексуальный французский акцент, - Фетиши... это животное, которое нужно приручить, иначе они станут зверем, который тебя сожрет. Мы накормим твоего зверя, пока он не станет ручным. Oui?

Микаэль рассмеялся. Приручить зверя внутри него казалось замечательной идеей.

- Oui.

- Хорошо. Так ты в игре?

- Я мечтал об этом... всегда. Если вы с Отцом С считаете, что я готов...

- Не важно, что на этот счет думаю я или Отец С. Как ты сам считаешь, ты готов?

Был ли он готов? Боже, для Норы Сатерлин он был готовым с самого рождения. Микаэль кивнул.

- Я в игре.

- Отлично. Теперь нам нужно подумать, как вытащить тебя из дома, чтобы твоя мать не бросилась звонить в полицию.

Микаэль усмехнулся.

- Ты не знаешь мою маму. Она будет счастлива, если я исчезну на несколько

месяцев. Или навсегда.

Нора убрала солнечные очки на макушку. В ее зеленых глазах светилось сочувствие.

- Я уверена, она любит тебя, Ангел. И если она не придет тебе на помощь, у тебя всегда есть мы. Я попала в беду, когда мне было пятнадцать – в очень большую беду. Тогда, моя мать полностью отказалась от меня. Наш священник практически вырастил меня после этого. А как ты думал, я стала такой?

- Удивительно, - сказал он, и Нора сделала реверанс.

- Твоя мама смирится с этим, наверное. Черт возьми, может быть, и моя мать в итоге примет мой образ жизни.

Микаэль надеялся, что это было правдой. Он скучал по своей маме. Они жили под одной крышей, но словно существовали в двух разных мирах.

- Я просто скажу ей, что на лето нашел работу в пригороде. Почти все прошлое лето я проработал воспитателем в детском лагере.

Нора задумалась.

- Когда выпускной? Ты должен выступить там с прощальной речью, не так ли?

- В среду вечером, хотя я могу пропустить. Я больше не самый лучший ученик, завалил экзамены по физике.

- Оу, прости, Микаэль.

- Не страшно. Я завалил их специально.

- Почему?

- Не хотел произносить речь с трибуны.

Он ожидал, что Нора отчитает его за очевидную глупость, но вместо этого она просто рассмеялась.

- Мне нравится твой стиль. Смотри, не пропусти церемонию выпуска. Даже я была на своей. Пришлю машину в четверг утром. Сатерлин вытащила блокнот и ручку из сумочки.

- Вот. Мой адрес электронной почты. Оставайся на связи, хорошо? Можешь спрашивать все, что угодно.

Дрожащими пальцами Микаэль ухватился за листок бумаги, обменивая его на ключи от машины.

- Нора? - сказал Микаэль, когда она открыла дверь машины.

- Что, Ангел?

Парень посмотрел на клочок бумаги в его руках.

- Спасибо.

Сатерлин улыбнулась ему.

- Всегда пожалуйста.

- Отец С... с ним все будет хорошо? Он все исправит, да?

- У него свои способы заставить других подчиняться его желаниям, и если он не хочет быть епископом, то всегда найдет выход.

Микаэль кивнул, желая верить ее словам. Сама мысль, что Нора и Отец С попадут в беду только за то, что любят друг друга, была ему ненавистна.

- Ты действительно думаешь, что ему придется иметь дело с прессой?

- СМИ сейчас в курсе всех скандальных дел церкви, так что, вероятно, да.

- Что он собирается делать?

Желудок Микаэля скрутило в тугой узел, но Нора только улыбнулась в ответ.

- Наверное, то, что обычно делаю я, когда говорю с репортерами - заставляю их буквально выпрыгивать из штанов от любви и восхищения.

* * *

- Есть что-нибудь? - спросила Сюзанна, вытягивая ноющие руки вперед.

- Не так много. Каждый раз, когда я натыкаюсь на ссылку на Маркуса Стернса, все что получаю - это эссе о высылке французских гугенотов.

- Я тоже, - сказала Сюзанна и закрыла ноутбук.

Она посмотрела на свои заметки. За четыре часа поиска в Интернете она и Патрик не узнали ровным счетом ничего об отце Стернсе. Ничего полезного, по крайней мере. В анонимном факсе, который пришел утром, были не только имена. Звездочка в нижней части страницы обозначала всего три зловещих слова - "возможный конфликт интересов". Перечень имен дал ей два жизненно-важных факта - во-первых, Отец Маркус Стернс был в списке кандидатов на пост следующего епископа, и, во-вторых, Отцу Маркусу Стернсу было что скрывать.

- Порылся на Фейсбуке и еще кое-где. Несколько прихожан упоминали его, - сказал Патрик, листая свои записи. - Отец Стернс прочел прекрасную свадебную проповедь из Премудрости Сираха, - процитировал Патрик. - Даже не верится, что Мэтью не заорал, когда Отец Стернс вылил воду на его голову. Хотя ничего

необычного. Судя по всему, мы смотрим на самого лучшего священника в этой церкви.

- Я не куплюсь на это. Никто не идеален. И звездочка рядом с его именем говорит мне об этом, - сказала Сюзанна, еще раз взглянув на факс.

Весь день она бралась за листок и вглядывалась в эту звездочку напротив имени Отца Стернса.

- Сюзанна, - сказал Патрик, глядя сурово, - фраза «конфликт интересов» может означать все, что угодно. Ты же понимаешь это, он вполне мог пожертвовать деньги на какого-то политического кандидата, которого церковь не одобрила. Это не означает, что он автоматически становится растлителем малолетних.

Сюзанна покачала головой.

- Если бы это было так безобидно, никто не стал бы так рисковать ради факса. Нужно копать дальше.

- Отлично, и что будем делать? - спросил Патрик, перетянув Сюзанну себе на колени.

Она знала, что он надеется на ответ «Сдайся и забудь», но она только-только начала свою битву.

- Ты репортер. Что бы ты сделал? - спросила девушка.

- Начал делать телефонные звонки. Поспрашивал бы местных жителей.

Сюзанна встала с его колен и нашла сотовый телефон.

- Ты профессионал, - сказала девушка, передавая телефон Патрику. – Я всего лишь военный корреспондент. Покажи мне, как это делается.

Тяжело вздохнув, Патрик снова открыл ноутбук. Заглядывая через плечо, Сюзанна смотрела, как он ищет номер главного редактора газеты Уэйкфилд. Патрик набрал номер и после нескольких гудков, произнес, - Патрик Томпсон от Ивнинг Сан, - произнес он, Сюзанна была впечатлена тем, что он использовал свое настоящее имя и газету. - Я хотел бы спросить об инциденте, который произошел в церкви Пресвятого Сердца несколько лет назад. Уверен, вы понимаете, что я имею в виду.

Сюзанна прикрыла рот рукой, чтобы заглушить смех. Ну и трепло же он. Она и Патрик не знали абсолютно ничего о том, что могло случиться в этой церкви за все время ее существования. Патрик улыбался, но затем улыбка стала исчезать с его лица, когда он слушал голос на другом конце.

- Два года назад, - повторил Патрик и написал что-то на блокноте рядом с коленом.

Девушка прочла эти слова, и кровь отхлынула от ее лица. Патрик повесил трубку и посмотрел на Сюзанну, та оторвала взгляд от страницы и перевела его на Патрика.

- Теперь ты знаешь, почему я это делаю, - сказала она, и Патрик кивнул. - Дело не только в Адаме. Больше нет.

Сюзанна снова посмотрела вниз на нацарапанные строчки.

«Микаэль Димир, четырнадцать лет, пытался покончить жизнь самоубийством в церкви Пресвятого Сердца. Единственный свидетель – Отец Маркус Стернс»

Глава 3

Дождавшись наступления темноты, Нора отправилась в Пресвятое Сердце. Припарковав машину в тени густой рощи, что защищала дом священника со всех сторон, она прогуливающейся походкой, выбрав самый короткий путь, направилась напрямик к входной двери Сорена. Взглянув на деревья, Сатерлин улыбнулась. Она вспомнила, как однажды в пятницу тайком пробралась в дом священника, тогда ей было шестнадцать лет, она еще была Элеонор Шрайбер, а Нору Сатерлин не существовало и в помине. В тот день она пропустила школу по самой что ни на есть прекрасной причине: ей хотелось побыть на солнце. Тогда, у нее было предчувствие, что, если бы ей пришлось сидеть на уроке химии, то в конечном итоге она бы наглоталась ацетона в подсобке только ради того, чтобы сбежать. Прогуливаясь по тропинке между деревьями за церковью, девочка увидела Сорена во дворе дома. Никогда раньше она не видела его в другой одежде, кроме обычных церковных облачений, но в тот день на нем были джинсы и белая футболка. Даже в сутане было видно, что мужчина хорошо сложен, теперь же Нора могла рассмотреть его мускулистые руки, упругие бицепсы и сильную шею без белого воротничка. Руки Сорена были в грязи, когда он с впечатляющей силой выкапывал ямы и сажал трех-четырёхфутовые саженцы в землю. В своей обычной одежде и солнцезащитных очках, в лучах апрельского солнца отражающихся от светлых волос, ее священник казался существом не божественной, а дьявольски порочной красоты. Внутренние мышцы бедра заныли только при виде него.

- Элеонор, ты должна быть в школе.

Он даже не оторвал взгляда от своей работы, присаживаясь на колени и укрывая корни саженца черной землей.

- Это был вопрос жизни и смерти. Если бы я осталась в школе, то пришлось бы убить себя.

- Так как самоубийство - это смертный грех, я прощаю тебе прогул. Но тебя не должно быть в доме священника.

Мужчина не казался сердитым или разочарованным, только удивленным ее поступком, впрочем, как обычно.

- Я за забором. Я даже не в доме, а просто рядом. А что вы делаете?
- Сажаю деревья.
- Это понятно, но зачем? Двух миллионов деревьев вокруг недостаточно?
- Не совсем. Из церкви все еще можно увидеть мой дом.
- Это что, плохо?

Сорен встал и подошел к забору. Нора вспомнила, как в тот момент забилося ее сердце. Он наверняка мог слышать стук через ее грудную клетку. Стоя лицом к лицу с девочкой, отделенный от нее только забором и четырнадцатилетней разницей в возрасте, Сорен снял очки и посмотрел ей в глаза.

- Я люблю уединение, - сказав это, мужчина заговорщицки улыбнулся.
- Пройдут годы, прежде чем вы его получите.

Сорен приподнял бровь, и Нора покраснела.

- Уединение, я имею в виду. Эти деревья будут расти вечно.
- Не эти. Адамово дерево, и вот эти виды ивы являются одними из самых быстрорастущих.
- Так гонитесь за своей личной жизнью?
- Я могу подождать.

Что-то в его глазах и голосе говорило, что теперь они говорили не о деревьях. Я могу подождать, сказал он и смерил Элеонор взглядом, настолько интимным, как будто по ее лицу прошла его рука, а не только взгляд.

Призвав все свое мужество, Нора не отвернулась.

- Я тоже.

Отбросив мысли о прошлом, Сатерлин вошла в дом священника через заднюю дверь. В ночной тишине единственным звуком был тихий скрип дерева под ногами. Ей будет не хватать этого звука летом, этого дома и священника, который жил здесь. Сегодня будет их последняя ночь вместе до конца лета и пока не утихнет вся суeta насчет замены епископа Лео. Тогда она и Сорен смогут вернуться к своей необычной версии нормальной жизни.

Но только если его не выберут на замену епископу. Пожалуйста, Боже, она молилась, пожалуйста, пусть его не выберут.

Пройдя через кухню, Нора увидела одну зажжённую свечу в центре стола. Рядом со свечой лежала маленькая белая карточка, и на ней элегантным почерком Сорена были написаны инструкции: Сначала ванная. Затем приходи ко мне.

Держа карточку за уголок, Сатерлин поднесла ее к свече и позволила огню поглотить слова Сорена. Она задула пламя, когда то коснулось ее пальцев, и сбросила пепел в раковину. Как практически у всех приходских священников, у Сорена была экономка, занимающаяся хлопотами по дому. Нора была благодарна миссис Скалера – женщина была настолько упорной, что могла заставить даже Сорена сесть и поесть, когда он забывал о трапезе – но также Сатерлин знала, что любая записка от него, один единственный черный волос или шпилька или любой другой признак, что в доме побывала женщина, найденный экономкой, поставят под угрозу всю карьеру Сорена.

Нора начала раздеваться, поднимаясь по узкой лестнице на второй этаж. Она любила дом священника. За семнадцать лет он стал ее тайным вторым домом. Небольшой готический двухэтажный коттедж был очень далек от просторного особняка, где Сорен родился и жил, пока ему не исполнилось одиннадцать лет. Но тот дом никогда не был ему родным. При всей своей внешней красоте то был дом ужасов. А это место похитило его сердце так же, как и Элеонор годы тому назад.

Вдыхая пар, поднимающийся от горячей воды, Нора позволила теплу просочиться через кожу. Сорен часто купал ее до своих сессий. Это было актом доминирования, актом заботы родителя о маленьком ребенке, и что еще более важно, это расслабляло мышцы так, что избиение причиняло боль, но не травмировало.

Нора не стала задерживаться в ванне или тратить время на то, чтобы вымыть волосы. Она хотела его, нуждалась в нем. Сегодня был их последний вечер вместе на следующие два или три месяца. Пять лет, напомнила она себе, и на ее глаза навернулись слезы. Пять лет они жили порознь. Два месяца должны казаться ничем.

Но что, если она оставит его и на этот раз не сможет вернуться?

Нора вышла из воды и вытерлась. Завернутая лишь в белое полотенце, она шла по коридору в его спальню. На первый взгляд спальня Сорена казалось идеальным отражением того, каким он был на людях. Темное дерево каркаса двухсотлетней кровати королевского размера с балдахином идеально сочеталось с древесиной пола. Потолок арочного типа, словно церковный неф. Сквозь распахнутое эркерное окно в комнату лился лунный свет. Все было чистым, аккуратным, скромным, элегантным и благочестивым. Незапятнанная современной технологией и без избытка украшений, это была спальня человека, которому ничего не нужно было доказывать.

И все же... наметанный глаз, который знал, что искать, мог зацепиться за отметины на спинке кровати, которые не были естественными знаками старения. Замок на большом старинном сундуке под окном казался излишне громоздким для охраны обычного постельного белья. А в коробочке из палисандрового дерева на

прикроватной тумбочке лежал не только его белый воротничок – там был и ее ошейник.

Взгляд Норы пробежался по освещенной свечами комнате, пытаясь найти Сорена. Она не видела его. Вместо этого Сатерлин увидела кровать... Он поменял простыни. Белые простыни исчезли, а их место заняли насыщенные черные. Черные простыни означали только одно. Нора резко вдохнула и, кажется, забыла выдохнуть.

- Дыши, малышка, - произнес Сорен, подходя к ней сзади и обнимая.

- Да, Сэр.

Нора вдохнула, чувствуя, как в легкие поступает воздух, и выдохнула через нос. Она закрыла глаза, чувствуя, как ошейник обхватывает ее шею, и задрожала, когда мужчина собрал волосы и поднял вверх, застегивая замочек.

- Ложись, - приказал он.

Нора отступила от него; ноги дрожали. Пока она шла к кровати, Сорен снял с нее полотенце. Обнаженная, Нора лежала поперек черных простыней, заставляя себя продолжать дышать.

Сорен стоял рядом с постелью, глядя на нее сверху вниз. Протянув руку к шее, он снял с себя белый воротник, расстегнул рубашку и медленно спустил ее. Нора никогда не видела человека с более красивым телом, чем у Сорена. Его утренние пробежки и пятьсот отжиманий и приседаний, которые он делал каждый день, держали его в безупречной форме. Подтянутые тугие мышцы покрывали каждый дюйм его высокого тела. Иногда Нора просто не могла держать руки подальше от него. Но сегодня она боялась его прикосновения также сильно, как и жаждала его.

Сорен позволил рубашке упасть на пол. Босиком и в одних только черных брюках, он забрался на кровать, и лег поверх Норы.

Наклонив голову, он поцеловал ее. Сатерлин любила то, как он ее целовал, будто обладал, владел ею. Иногда Нора удивлялась той мысли, что, в то время как у нее было любовников больше, чем можно было сосчитать, Сорен делил себя только с тремя людьми за всю свою жизнь. Его преданность ей покоряла, и Нора обняла мужчину, чтобы притянуть еще ближе. Редко, если вообще удавалось, она могла прикоснуться к нему, когда они занимались любовью. Сорен был садистом и доминантом. Когда он брал ее, почти всегда Нора была связана, прикована к кровати, полу или Андреевскому кресту. Только по ночам как эта он оставлял ее руки и ноги свободными. То, что он собирался сделать, было достаточно садистским и не требовало связывания, чтобы удовлетворить его натуру.

Сорен отодвинулся от Норы и потянулся к тумбочке. Пальцы Норы впились в черную ткань простыни.

Сатерлин посмотрела в его глаза - серые глаза цвета наступающей бури.

Когда Сорен поднял руку, в ней сверкало маленькое изогнутое лезвие.

* * *

Микаэль ходил по комнате, пытаясь решить, как именно рассказать маме, что он планировал уехать из города на лето. Он ненавидел ей лгать. Но он не мог просто выйти и сказать, что сбегает с Норой Сатерлин. Он знал, что его мама видела, какой он. Или, по крайней мере, знала, что он не был похож на других детей. Парни в его школе попадали в неприятности из-за журналов Плейбой, спрятанных под матрасами, или из-за беременности своих подружек. У Микаэля же случались проблемы из-за найденных в телефоне фотографий связанных мужчин, избитых женщинами, и даже другими мужчинами. И за это его не просто журили; именно после этого он наносил себе порезы и ожоги. Как-то отец надавал ему пощечин и бросил о стену с такой силой, что остались синяки – ужасно большие – по всему телу.

Больной... извращенец... урод... тогда отец высказал ему все. Когда мама попыталась защитить сына, говоря, что Микаэль еще слишком молод и запутался, отец ударил и ее. Побой стали ежедневными, пока отец, наконец, не съехал. Мать Микаэля замкнулась в себе от шока и до сих пор не полностью от него оправилась. В ночь, когда Микаэль перерезал себе вены, в голове была лишь одна мысль: может быть, если он умрет, родителям больше не придется ссориться.

Сделав глубокий вдох, Микаэль вышел из спальни. Он нашел маму на кухне, раскладывающую продукты.

- Привет, - сказал он, потирая руки, как будто ему было холодно.

И хотя это было не так, кожа парня все равно покрылась мурашками.

- Привет, - отозвалась она, комкая полиэтиленовый мешок и бросая его в урну под раковиной.

Его мама по-прежнему была очень красивой, даже после рождения двух детей и брака, который развалил ее жизнь. Именно от нее Микаэль унаследовал эти прямые темные волосы, тонкокостное телосложение и бледный цвет лица. Зато, насколько он мог видеть, от своего отца он не получил вообще ничего. Иногда он задавался вопросом, а был ли он его настоящим отцом. Ни у кого из членов их семьи не было такого цвета глаз. Однако Микаэль знал, что всего лишь хотел принимать желаемое за действительное. Он был очень похож на младшую сестру отца, и поэтому в реальности не существовало никакого другого любящего и всепрощающего отца, которого так ему бы хотелось найти.

- Помочь?

Микаэль научился всегда спрашивать, прежде чем помогать в чем-то, связанным с кухней. Не важно, куда бы он не складывал вещи, мама всегда приходила и перекладывала их на мифическое «правильное» место.

- Почти закончила. Как прошел твой день?

Мама открыла шкаф над плитой и переставила кувшины и банки на полке, чтобы освободить больше места.

- Отлично. Хорошо, что школа закончилась. Я отнес твои книги в библиотеку. Ты же дочитала их, да?

- Да. Спасибо.

Микаэль переминался с ноги на ногу. Скованные движения матери и ее отказ встречаться с ним взглядом не предвещали ничего хорошего. Он не был уверен, что он натворил на этот раз, но решил, что сейчас не лучшее время, чтобы рассказать о том, что он уезжает на лето.

- Ладно, думаю, я пойду почитаю.

- Микаэль, что-то случилось? - спросила мама прежде, чем он смог покинуть кухню.

- Что? Нет, не думаю.

Она посмотрела на него долгим изучающим взглядом, такой привычный взгляд он получал от нее в течение последних трех лет. Он бы даже назвал этот взгляд – «Кто ты и что ты сделал с моим сыном?» Длинные волосы, инцидент с фотографиями и ожогами, ночь, когда он пытался покончить с собой... Микаэль знал, что его мать была убеждена, что он сошел с ума несколько лет назад, и потеряла всякую надежду вернуть его обратно.

Покачав головой, женщина подошла к задней двери, достав из-за нее скейтборд, она протянула тот парню.

- Спасибо. Я оставил его...где-то.

- Ты оставил его на заднем сиденье автомобиля Норы Сатерлин.

Дерьмо. Микаэль вздохнул, решив попробовать отвлечение, этой стратегии выживания Отец С научил его во время своих консультаций.

- Это БМВ Z4 Родстер. У него нет заднего сидения.

Ее глаза вспыхнули гневом.

- Что ты делал в БМВ Z4 Родстере без заднего сидения, принадлежащего Норе Сатерлин, Микаэль?

- Ничего. Она подвезла меня домой от церкви.

Мать Микаэля продолжала прожигать его взглядом.

- Ты знаешь, что она годится тебе в матери? Я знаю, что она не выглядит на свой возраст, и один Бог знает, насколько несоответственно ему себя ведет, но так оно и есть.

- Это была просто поездка домой, мама. Она хорошая. Она не такая, как ты думаешь.

- Я думаю, что она очень опасная женщина. И я думаю, что тебе могли бы причинить вред, если бы ты провел с ней больше времени.

Микаэль задумался, как могла Нора жить настолько невозмутимо. Будет ли он когда-нибудь таким же бесстрашным как она? Микаэль вспомнил, как несколько месяцев назад слоняясь по коридорам церкви после службы, подглядел за разговорами Норы. Одна из этих дряхлых летучих мышей, посещающая службу, разошлась насчет мерзости содомии. Нора похлопала женщину по спине и сказала: «Если это мерзость, то потому, что вы к ней неправильно относитесь. Расслабьтесь и получайте удовольствие. И вам даже понравится» С этими словами Сатерлин упорхнула, оставляя старых дам краснеть и пыхтеть от злобы. Микаэль вынужден был скрыться в одном из туалетов, и смеялся до колик в животе.

Бесстрашный. Он мог стать таким.

- Мне нравится боль, - сказал он.

Его мать покачала головой.

- Не напоминай мне.

Микаэль повернулся, собираясь уйти. Он чувствовал, что провел большую часть последних двух лет, отворачиваясь и сбегая от матери. Гораздо больше он хотел бы подбежать к ней и обнять, чем сбежать еще раз. Но теперь это больше не казалось возможным вариантом.

- Меня не будет все лето. Я уезжаю в четверг. Ничего страшного?

- Хорошо, - ответила мама.

Казалось, он услышал в ее голосе нотку облегчения.

- Если это так необходимо. Снова будешь вожатым в лагере?

- Что-то вроде того, - ответил он. – Мне не нужны деньги и вещи. Тебе не нужно обо мне беспокоиться.

- Я беспокоюсь о тебе со дня твоего рождения. И не перестану этого делать сейчас.

Микаэль хотел рассмеяться, но голос, казалось, пропал, он повернулся, собираясь уходить.

- Микаэль?

Медленно парень обернулся и посмотрел на маму.

- Ты же не собираешься в лагерь этим летом, ведь так?

- Мама, я..., - протянул Микаэль, и остановился.

- Не думаю, что хочу знать, чем ты собираешься заниматься...ведь нет?

Микаэль тяжело вздохнул.

- Нет, наверное, нет.

* * *

Первый порез Сорен сделал на ее бедре.

Это был неглубокий надрез, длиной в дюйм. Кровь текла медленно, собравшись в каплю, она скользнула тонкой линией по ноге, высохнув на коже раньше, чем успела упасть на черную простыню.

Второй порез Сорен сделал на животе по кромке грудной клетки.

- Поговори со мной, Элеонор, - приказал Сорен, делая третий надрез, длиной в полдюйма, на ее груди.

- Ауч.

Нора слегка рассмеялась. Сорен посмотрел на нее сверху вниз, в его глазах тлели любовь и желание.

- Будет не так больно, если ты будешь разговаривать. О чем ты думаешь?

- Я думаю, что мы давно этого не делали, Сэр.

Последний раз они играли в игру с кровопусканием более года назад, как раз через две недели после того, как она вернулась к нему. Той ночью они заново подтвердили свою связь друг с другом - Нора поклялась принадлежать ему, а он - что сделает все, что в его силах, чтобы сделать ее счастливой и защитить. Той ночью, как и четырнадцать лет назад, в их первую ночь любви, пролилась кровь, ее кровь. В их первую ночь вместе, кровь от разорванной девственной плевы запятнала простыни; год назад потекла кровь из восемнадцати порезов по всему ее телу. Восемнадцать... один порез за каждый год, что он знал ее, один порез за каждый год, что он любил ее.

- И хорошо, что мы делаем это нечасто, - произнес мужчина, с нежностью лаская ее щеку тыльной стороной ладони.

Сорен казался совершенно спокойным в этот момент, его лицо было маской безмятежности. Но Нора знала его как никто другой. Под поверхностью спокойствия бурлили темные, опасные и едва сдерживаемые желания.

Нора посмотрела вниз, когда Сорен занес лезвие прямо под ее правой грудью и сделал аккуратный надрез.

- Вам нравится это, - сказала она и Сорен торжественно кивнул. - Мы могли бы делать это чаще, если вы хотите, Сэр.

- Конечно, могли бы, - непринужденно отозвался он, и Нора улыбнулась, даже когда от жалящей острой боли глаза наполнили слезы.

Они могли бы играть в эту кровавую игру каждый день, если бы таким был его приказ.

- Но у нас обоих есть работа.

Сорен улыбнулся ей, и она ответила улыбкой сквозь слезы.

- Работа? Что это такое?

Бросив свою вторую работу в качестве Госпожи, Нора теперь была только писательницей. Работа, которая требовала чуть больше, чем пить кофе и чай и носить пижаму до четырех пополудни, на самом деле совершенно не казалась работой. Сорен, с другой стороны, посвятил свою жизнь церкви. Поднимаясь практически каждое утро к пяти, чтобы успеть на пробежку, самое позднее он был в своем кабинете в Пресвятом Сердце к семи. Он исповедовал, посещал больных и умирающих, наставлял женатые пары, проводил свадьбы, крестины, похороны и служил мессу от четырех и до семи раз в неделю... Нора знала, что если выяснится, что она и Сорен были любовниками, не секс вызовет самый большой резонанс. Сорен был практически объектом поклонения в Пресвятом Сердце и в епархии. Если Церковь обнаружит, что он садист, избивающий женщин, даже с их согласия, то он будет лишен сана. Сорен не бросит ее, не покается и никогда не согласится с тем, что их отношения были грехом. И церкви придется отлучить его. Мало кто за пределами католической церкви понимал, что означало отлучение, это было не просто увольнение или изгнание. Сорену будет отказано в таинствах, его станут избегать и осуждать.

- Я боюсь, Сэр, - наконец, призналась она.

- Ты хочешь, чтобы я остановился?

Она покачала головой.

- Не этого. Я боюсь того, что может произойти. А Микаэль? Что, если выяснится какой он на самом деле? Что если они узнают о Восьмом круге?

Нора даже не хотела думать о том, насколько плохо все обернется, если пресса разносит о них. Кингсли Эдж охранял членов их сообщества с ужасающим упорством. Но даже он не сможет остановить акул, как только они почуют в воде кровь. Католический священник и эротическая писательница, принадлежавшая ему полностью с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать... мальчик-подросток, который пытался покончить жизнь самоубийством из-за сексуальной ориентации, потерявший девственность во время ритуальной садо-мазо сцены с Норой... и Восьмой круг, названный, как Ад Данте, где каждый - от высокопоставленного агента ФБР до падчерицы губернатора - имели именной пропуск. Если мир узнает о ней и Сорене, не будет этому ни конца, ни края. Восьмой Круг, носящий имя Ада Данте, где обитали те, кто злоупотреблял своей властью, станет настоящим адом для тех, кто думал, что нашел хоть одно безопасное место, где может быть самим собой.

- Элеонор, что я обещал тебе в последний раз, когда мы делали это?

Нора вдохнула и прикусила нижнюю губу.

- Вы обещали обеспечить мне безопасность.

- И я был серьезен в своем намерении. Я справлюсь с этим, с тобой или Микаэлем не случится ничего плохого.

Пятый порез был коротким и резким, расчертившим край ее ключицы.

Сорен отложил лезвие в сторону и раздвинул ее ноги. Он целовал внутреннюю часть ее бедер; поцелуй скользнул выше, касаясь ее клитора губами и открыв языком. Игры с кровопусканием делали Сорена еще более чувственным, чем обычно. Когда кровь хлынула из раны и засохла на коже, Нора почувствовала, как в глубине зарождается сильный оргазм. Сорен знал ее тело лучше, чем любой любовник, который у нее когда-либо был или будет.

- Мне разрешено кончить? - спросила она, зная, что Сорен не станет ограничивать ее, не сегодня.

Оргазм, как горячая ванна, имел практическое назначение. Чем больше эндорфинов наполнят ее нервную систему, тем больше боли она сможет вынести.

- Кончай, - приказал Сорен, пальцем проскальзывая внутрь нее и нажимая на переднюю стенку влагалища.

Когда оргазм Норы наводнил ее, Сорен снова взял лезвие и сделал быстрый косой надрез на ее бедре. Нора вздрогнула, но только немного. Удовольствие и боль танцевали вместе, не касаясь друг друга. Нора задыхалась, и Сорен откинул волосы с ее лба.

- Можешь вынести больше? - спросил он.

Сатерлин хотела сказать нет и положить этому конец. Боли было почти слишком много даже для такой, как она. Ее интенсивность была чрезмерной, опьяняющей. Интимность этой боли была сильнее, чем секс. Только с Сореном она могла подчиниться такому действию. Сорен не требовал от нее сексуальной верности. Она продолжала видеться с Шеридан, своей любимицей среди старых клиентов, и Сорен по-прежнему делил ее с Кингсли от случая к случаю. Но когда дело доходило до боли, только ему было позволено причинять ее Норе.

- Да, Сэр.

Сорен перевернул ее на живот. Шестой порез заклеил плечо.

Нора уткнулась в простыни, стараясь заглушить крик боли. Повернув голову в сторону, она с трудом сглотнула и приготовилась. Седьмого пореза не последовало.

- Посмотри на меня, малышка.

Нора перевернулась снова, морщась, когда ее влажное и кровоточащее плечо соприкоснулось с простынями.

- Ты вернешься ко мне. Ты веришь в это, не так ли?

- Да, Сэр, - сказала она, кивая.

Сорен никогда не подводил ее раньше. Когда ее арестовали в пятнадцать лет, Сорен спас ее от тюрьмы. Когда ее отец-ублюдок пытался ее увезти, Сорен остановил и его. Когда она попала в беду из-за сочинения, которое написала, именно он пришел и спас ее задницу снова. Он помог ей поступить в колледж, помог закончить его, охранял ее, был рядом с ней, делал счастливой и показал ей мир, о котором мало кто догадывался, а затем сделал ее королевой этого мира... и все, что он когда-либо просил взамен, чтобы она отдала себя ему, отдала сердце, душу и тело. Это казалось такой мизерной платой.

- Сколько порезов сегодня? - спросила она, глядя, как с благоговением во взгляде Сорен изучал ее истекающее кровью тело.

Она видела, как вздымается его грудь, как глаза потемнели от желания. Игра с кровопусканием заводила его как ничто другое. И ничто другое не заводило ее больше, чем видеть его в таком состоянии... таким отчаянно нуждающимся в ней, что он казался почти...слабым.

- Семь, - ответил он, его голос был низким и хриплым.

Она уже пережила первые шесть.

- Хорошее библейское число, - отметила Нора.

- Пять за те годы, которые мы провели врозь. Один за год, который ты провела со мной. И один до конца наших жизней.

Последний всегда был самым болезненным. И ей не нужно было спрашивать, где тот будет. Сорен ждал, пока Нора морально приготовилась. Это был Сорен, напонила она себе. Мужчина, которого она любила в течение почти двадцати лет. За все время так сильно она любила еще только одного человека, и отказалась от него ради Сорена. Если она смогла отказаться от Уесли ради Сорена, она сможет сделать и это.

Нора широко раздвинула ноги. С шокирующим спокойствием Сорен расположился между ее бедер. Нора закрыла глаза и задышала через нос, когда Сорен провел плоской стороной лезвия вдоль влагалища, оставляя небольшой порез на половых губах. Она старалась не вздрагивать, зная, что ее храбрость будет вознаграждена.

Боль практически утихла, когда Сорен взял ее руку и вложил лезвие в ладонь. Пытаясь вернуть себе самообладание, Нора подняла руку и одним быстрым и уверенным движением сделала надрез на его груди над сердцем. Опустив руку, Нора отложила лезвие в сторону, и, приподнявшись, прикоснулась губами к его коже и лизнула кровоточащую рану. Это действие было последней каплей для спокойствия Сорена. Опрокинув Нору обратно на спину, он одним быстрым движением стянул с себя брюки. Когда он вошел в ее истекающее кровью тело, Сатерлин почувствовала настолько острую боль, что та угрожала сокрушить ее самообладание. Ее стоп-слово, казалось, балансировало на кончике языка. Однако Нора вдохнула и проглотила его, когда Сорен начал двигаться.

Обвиваясь вокруг него руками и ногами, она вцепилась ногтями в его спину и царапала ее. Он укусил Нору за шею и грудь, впиваясь пальцами в кожу. Ее тело ожило от боли, боли, которая превращалась в удовольствие, когда он продолжил свое неумолимое вторжение. Прижав ступни к постели, Нора выгнулась, приподнимаясь к его бедрам. Оргазм был настолько сильным, что, казалось, ломает ее. Наслаждение проходило сквозь нее разрядами, разрезая как самый острый из ножей.

Сорен продолжал вколачиваться в нее, и Нора вжалась в него от любви и отчаяния. В такие моменты он был потерян для себя, потерян в тени, что хранил под сердцем. Он редко позволял себе отпустить контроль, и делал это только с ней. Нора лежала под ним, позволяя использовать свое тело в качестве сосуда для его желания. Когда он, наконец, кончил, то толкнулся в нее с такой силой, что Нора знала, что внутри наверняка останутся синяки. Мужчина выдохнул ее имя, по его телу прошла судорога.

Нора держалась за Сорена, пока они лежали, их тела переплелись, он все еще был в ней. В течение долгого времени они не сказали ни слова, преисполненные торжественным моментом их близости друг к другу.

- Ты дрожишь, Элеонор, - сказал, наконец, Сорен, касаясь ее щеки губами.

- Немного. Я просто замерзла, - призналась она.

Нора провела руками по волосам Сорена и поцеловала его в лоб.

- Ты тоже дрожишь.

Его руки, его спина дрожали под ее пальцами.

- Не от холода, - признался он.

Она знала, почему, и ему больше не нужно было объяснять.

- Ты принадлежишь мне... навсегда.

- Навсегда, - повторила она.

- Я сделаю все, что должен, и тогда ты сможешь вернуться ко мне.

- Я знаю, вы сделаете это, Сэр.

- И мы сдержим свои обещания друг другу.

Нора подняла руку и коснулась его лица.

- Я умру в своем ошейнике.

Она повторила свою часть клятвы. Сорен повернул голову и поцеловал внутреннюю сторону ее ладони.

- А я умру в своем.

* * *

Сюзанна сидела на диване, скрестив ноги, с открытым ноутбуком на коленях. Она открыла на компьютере файл под названием «Астериск», куда складывала всю информацию, которую только смогла накопить на Пресвятое Сердце и отца Маркуса Стернса. Пока что это был очень маленький файл. Патрик не нашел почти никакой дополнительной информации о мальчике, который пытался покончить с собой в святилище. Никаких обвинений вынесено не было, и мальчик, по-видимому, по-прежнему посещал ту церковь. Что за ребенок хотел продолжать ходить в церковь, которая вдохновила его себя убить? подумала она. Что это был за священник, который продолжал позволять это? Ей стало дурно даже от подобного допущения.

Ее мысли роились в опасной близости от обстоятельств смерти Адама, когда зазвонил сотовый телефон. Девушка глянула на номер. Ну, конечно. Кто бы это мог быть. Патрик.

- Ну и как успехи? - спросил он, как только она ответила.

- Не так хороши. Этот парень призрак. А что у тебя?

Она услышала смех на другом конце линии.

- Что? - спросила Сюзанна.

- Я собираюсь идти на совещание, поэтому не могу говорить. Но ты никогда не догадаешься, кто посещает Пресвятое Сердце. Не только посещает, но, по-видимому, никогда не пропускает Воскресную мессу.

Сюзанна шумно выдохнула. У нее не было времени на игры.

- Я не знаю. Далай-Лама?

- Еще лучше - Нора Сатерлин.

Глаза Сюзанны расширились, а желудок сделал небольшое сальто.

- Ты, должно быть, шутишь.

- Мне пора бежать. Перезвоню тебе завтра. И нет, я не шучу.

Повесив трубку, в течение длительного времени Сюзанна всматривалась в окно своей гостиной. Закрыв ноутбук, девушка направилась к книжному шкафу. Пробежавшись взглядом по обложкам, она, наконец, нашла то, что искала, книгу под названием «Красный». На обложке было изображение красивых белых женских рук, связанных кроваво-красной шелковой лентой. Автор? Нора Сатерлин. Это была история о женщине, владевшей разоряющейся художественной галереей под названием «Красный», и о таинственном человеке, который появляется и предлагает спасти ее в обмен на подчинение во всех смыслах сроком на один год. Шокирующий и графичный, с несколькими самыми откровенными сексуальными сценами, которые она когда-либо читала, «Красный», возможно, был одним из самых любимых романов Сюзанны. Но она никогда никому не говорила об этом.

Четырнадцатилетний парень попытался покончить жизнь самоубийством в центре святилища... Всемирная скандально известная эротическая писательница, посещающая мессы с постоянством монахини... и эта загадочная звездочка напротив имени священника.

- Господи, - выдохнула она. - Что это за церковь?

Глава 4

В ту ночь Сорен занимался с Норой любовью еще дважды. Он прижал ее к краю кровати и брал лежащую на животе, стоя позади. А после когда они лежали рядом,

Нора прижималась спиной к его груди, пока он медленно и осторожно двигался в ней. С каждым сильным толчком он шептал, как сильно он любит ее, как сильно ему будет не хватать ее, и что он сделает с ней, когда она снова вернется к нему. Когда Нора в очередной раз кончила, по ее лицу текли слезы.

- Тише, малышка... это всего на пару месяцев, - пообещал он, сцеловывая слезы с ее лица.

Она прижалась к нему и зарыдала еще сильнее.

- Но я уже по тебе скучаю.

Когда слезы высохли, Нора устроилась перед камином в гостиной – Сорен развел небольшой огонь, чтобы согреть ее – и улыбнулась виду перед ней. Как будто и не было пыток Сорена этой ночью...

Изучая шахматную доску на полу, вглядываясь сначала левым глазом, а затем правым, Нора потянулась и передвинула пешку на две клетки вперед.

- Малышка, - сказал Сорен с тонко замаскированным отвращением. - Это было бессмысленно.

- Ну, раз это не было шагом назад, будем считать это шагом вперед. Кроме того, я всего лишь играю с тобой в шахматы, чтобы ты подольше не заснул, - призналась она. - Я ужасна в этой игре, и ты это знаешь.

- Да уж, как никто другой.

Сорен передвинул свою королеву. Шах и мат.

- Прекрасно. Ты выиграл, - призналась Нора. - Но я бы надрала тебе задницу, если бы мы играли в морской бой. В этом я профи.

- Морской бой?

Нора улыбнулась. У Сорена было настолько необычное детство, что простые вещи, которые она принимала как должное - глупые настольные игры, утренние мультфильмы по субботам – были для него в новинку. В возрасте пяти лет его отправили в Англию в частную школу. Неприятный инцидент с однокурсником заставили его вернуться в Америку в возрасте десяти лет. Еще один гораздо более неприятный инцидент дома послужил причиной перевода в иезуитскую школу-интернат иезуитов в графстве Мэн, когда мальчику было всего одиннадцать лет. Но именно там, среди священников и монахов, Сорен нашел не только свое спасение, но и призвание. И там он встретил одного юного француза-полукровку, который изменил ход его жизни навсегда.

- Морской бой. В эту дурацкую игру мы играли с Уесом, когда отлынивали от работы.

- Ты так редко говоришь о Уесли, Элеонор. Но воспоминания о нем заставляют тебя улыбаться. Так почему бы тебе не рассказывать о нем почаще?

Почему она не рассказывала о нем почаще? Нора отрицательно покачала головой и устала на шахматную доску. Оглядываясь назад на произошедшее, она до сих

пор не была уверена, почему предложила Уесли переехать к ней, хотя он настаивал, что, возможно, придется вернуться домой в Кентукки, поскольку Йорк был довольно дорогим колледжем искусств. Но как только Уесли поселился в ее доме, Нора начала задаваться вопросом, как вообще она жила без него. До Уесли она практически постоянно жила в особняке Кингсли на Манхэттене. В городе приходилось работать так часто, могло пройти несколько дней, прежде чем Сатерлин могла добраться до дома в Коннектикуте. Но когда появился Уесли, она гнала домой как бешеная после работы, чтобы натянуть обычную одежду и поваляться с парнем на диване в обнимку.

Нора никогда не забудет тот день, когда она устала писать в своем кабинете и взяла ноутбук на кухню просто ради смены обстановки. Уесли присоединился к ней и сел напротив за столом. Он открыл свой ноутбук и начал работать над заданием по Истории Европы. Нора вспомнила украдкой брошенные взгляды поверх своего компьютера на него. У парня были карие глаза с маленькими золотистыми крапинками и русые волосы, падающие на лоб. В свои восемнадцать он был совершенно очаровательным, и иногда ей приходилось практически прятать руки за спиной, чтобы не схватить его и не притянуть, когда он проходил мимо. Нужно было постоянно напоминать себе, что они просто соседи по комнатам, только друзья. А еще Уесли был примерным христианином и девственником. Ночь, проведенная с ней забрала бы не только его девственность, но и невинность тоже. Однако в тот день она испытывала к нему только привязанность. Восхищение и желание повеселиться.

- Уес, я собираюсь сказать это вслух, - сказала она, глядя на их ноутбуки, расположенные крышками друг к другу.

- Не говори этого, Нора, - сказал Уесли, продолжая печатать.

- Я должна это сказать.

- Не. Надо. Говорить. Это, - приказал Уесли, стараясь звучать устрашающе, хоть это ему и не особо удавалось.

От его сексуального кентуккско-джорджианского акцента поджимались пальцы на ногах, но сам его голос не вызывал никакого страха.

- Если скажешь это, я уйду.

- Уесли...

- Нора...

Нора сделала глубокий вдох, притворяясь, что печатает что-то, и прошептала:
- Уес?

- Что?

- Ты потопил мой корабль!

Уесли тут же встал и покинул кухню. Нора все еще хихикала, когда Уесли накинув пальто, схватил ключи от машины и вышел из дома. Она все еще смеялась полчаса спустя, когда парень вернулся, держа в руках только что купленную игру Морской Бой. Нора закрыла их ноутбуки, и вдвоем они разложили игру на кухонном столе. Она выиграла вчистую, два к одному. После этого каждый раз, когда кому-то

из них нужно было отдохнуть от работы, они подкрадывались сзади друг к другу и громко кричали: - Ты потопил мой корабль, - и начиналась игра.

- Элеонор?

Голос Сорена выдернул ее из воспоминаний, возвращая в настоящее. Нора дотронулась до лица и вытянула руку. В свете камина, на кончиках пальцев мерцали слезы.

- Вот почему я не рассказываю о Уесе, - сказала она, и Сорен притянул ее в свои объятия.

Он наклонил голову и поцеловал ее, в то время как его рука скользнула под рубашку, которую носила Сатерлин - его рубашку - и вошел в нее двумя пальцами. Нора хотела, чтобы он снова занялся с ней любовью, но момент был упущен. Будучи настоящим садистом, Сорен получал удовольствие только от причинения боли и унижения. Поэтому вместо его плоти сейчас в ней были его пальцы. Сорен развел пальцы шире внутри ее лона, добавив третий, и с силой толкнулся, задевая лобковую кость. Бедра Норы поднялись вверх, а мышцы внутри плотно обхватили его пальцы. От одного его прикосновения она стала влажной, хотя порез на половых губах все еще горел огнем и болел.

- Кончи для меня, - приказал Сорен, - а затем мы ляжем спать.

- Я могу сдерживать оргазм в течение длительного времени, - поддразнила она. - Все, чтобы не дать тебе заснуть.

Сатерлин знала, что Сорен воспримет это как вызов. Он большим пальцем нашел ее клитор, начиная описывать вокруг него маленькие круги и заставляя Нору тяжело дышать.

Свободной рукой Сорен расстегнул на ней рубашку и обнажил грудь. Он целовал ее соски, и под его теплым ртом они затвердели. В то время как его губы и язык описывали медленные круги на ее груди, его пальцы продолжали нежный натиск внутри нее. Нора вздрогнула и схватилась за ковер под собой, пытаясь сдерживаться и не дать мужчине довести себя до оргазма.

Сорен схватил ее за шею, заставляя встретиться с ним глазами.

- В день, когда мы встретились, на тебе была черная плиссированная юбка и военные ботинки, - сказал он, и Нора знала, не важно, как бы сильно она ни боролась с ним, он все равно победит. - На твоих коленях были царапины, а на глазах слишком много макияжа. И будь у меня хоть на каплю меньше самоконтроля, я бы положил тебя на алтарь, избил, и забрал твою девственность перед Богом, Иисусом, всеми его святыми и ангелами, и перед всей церковью в тот самый день. Я бы слизал кровь с твоих бедер, перевернул на живот и взял тебя снова, трахая, пока ты не начала бы умолять меня остановиться. И знаешь, что бы я сделал, если бы ты попросила меня остановиться?

- Нет, Сэр, - выдохнула она, ее сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

- Я бы не остановился, - сказал он и с силой толкнулся в нее, упираясь ладонью.

Нора вскрикнула; от оргазма свело бедра и живот, а ее внутренние мышцы конвульсивно сжались вокруг пальцев Сорена. Она лежала под ним, задыхаясь от экстаза, который был настолько сильным, что у нее дрожали ноги. Через несколько минут бешеное сердцебиение замедлилось, а глаза смогли снова сфокусироваться на мужчине.

- Ты действовал нечестно.

- Понятия не имею, о чем это ты, - сказал Сорен, осторожно вытягивая пальцы из ее саднящего лона.

- Ты вспомнил день, когда мы встретились. Это нечестно.

Сорен перевернулся на спину, и Нора подползла к нему, рухнув на грудь.

- Этим летом ты собираешься спать с двумя молодыми мужчинами, а не со мной, и еще обвиняешь меня в том, что я действовал нечестно?

Нора улыбнулась ему.

- Ревнуешь?

- Ни капельки, - сказал он, и она знала, что это правда.

Уверенность Сорена в ее любви к нему исключала даже малейший намек на ревность. С тех пор, как он владел ею, его совершенно не волновало, с кем она занимается сексом. Более того, Сорена возбуждали мысли о ней с другими мужчинами. Он даже не возражал, если она занималась чем-то извращенным с другими, до тех пор, пока ей не причиняли боль - это было только его право.

- Говоря о ревности, Симона и Робин сказали, что с удовольствием займут мое место на все лето, когда я уйду.

- Милые девушки, обе, - сказал Сорен, улыбаясь.

Если Нора собиралась провести лето в постели с двумя другими парнями, по крайней мере, она могла организовать для Сорена парочку самых красивых, прекрасно обученных нижних во всей Преисподней. Она знала, что он не станет заниматься с ними сексом. Садизм был его сексом. Поэтому сама мысль о Сорене, оставшемся на пару месяцев без возможности избить кого-то, была сродни той, как если бы она осталась на пару месяцев без секса – ужасающая мысль.

- Так, боюсь, этому не будет конца. У меня назначено несколько исповедей через..., - Сорен сделал паузу и посмотрел на часы на каминной полке, - четыре часа.

Нора поморщилась.

- Черт, так я и знала, что нужно будет сделать это до ухода. У тебя будет время для меня завтра утром, прежде чем я уеду? - спросила она.

Нора собиралась сходить на исповедь на прошлой неделе, но совершенно забыла. И не по ее вине. Виноват был ее редактор Зак – еще один садист в ее жизни – за отсылку обратно 50 страниц на переработку в течение двух дней.

- Я могу выслушать тебя прямо сейчас, если хочешь.

Усаживаясь, Нора застегнула рубашку Сорена на груди. Принимая серьезное выражение лица, Ссорен повернулся к ней. И хотя на нем были только черные брюки и ничего больше, Сатерлин знала, что любовник исчез, и теперь она сидела перед своим священником.

Нора сделала глубокий вдох и начала.

- Боже, смилуйся надо мной, грешницей.

- Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? И ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже многих малых птиц.

Нора улыбнулась. Послание от Луки двенадцать, стихи шесть и семь – были одними из ее любимых отрывков.

- Благослови меня, отче, ибо я согрешила. Я не исповедовалась...

- Восемь дней, - вставил Сорен.

- Восемь дней с прошлой исповеди. Итак... с чего же начать?

- Не спеши, Элеонор. Если забудешь что-то, я напомню.

- О, большое спасибо, Отец. Ваша доброта не знает границ. Я так согрешила на этой неделе.

- Как обычно.

- Я солгала, давая интервью по телефону. Не в первый раз, кстати. Они хотели знать мои планы на лето, и я сказала, что вероятно буду за границей, работая над новой книгой. Так... что еще? О, мне заплатили здоровенный жирный куш, а я ни капельки не пожертвовала на благотворительность.

- Кому много дано, с того много и спросится, - Сорен напомнил ей. Господи, и чья бы корова мычала.

- Я знаю, - ответила Нора и вздохнула.

Она знала, просто кому-то нужно было напомнить об этом.

- Нужно сделать какое-нибудь пожертвование для церкви?

- Родители Оуэна финансово пострадали в этом году. Не сильно, но скорее всего придется отдать мальчика в государственную школу.

- Государственную школу? Этот маленький мальчик будет съеден заживо в такой школе. Он любит школу Св. Ксавье.

- Но она не такая дешевая.

- Пять тысяч будет достаточно?

- Да, и еще немного чуточку попозже.

Нора кивнула. Совсем недавно она могла заработать пять тысяч только за то, чтобы поставить кого-то на колени. И Оуэн заслуживал столько же доброты, сколько ее клиенты заслуживали хорошей порки.

- Я оставляю чек на кухонном столе завтра утром. Не говори им, что это от меня.

- Конечно, нет. Что-нибудь еще?

- Ну, я играла в свою любимую игру с кровопусканием со священником этой ночью, а затем чертовски много трахалась.

- Это были благие дела.

- Это точно.

- Элеонор, что еще?

В голосе Сорена слышалось ожидание, он знал, что было нечто большее, в чем она хотела признаться.

- Я солгала о кое-чем еще, - наконец, смогла прошептать Сатерлин.

- Тебе не нужно бояться признаваться в чем-то мне, - сказал Сорен, наставительный тон его голоса мог вытянуть признания из самых потаенных уголков сердца.

- Ты спросил меня сегодня, почему я не отвечаю на звонки Уесли. Я сказала, что это потому, что ты не даешь мне разрешение. Это неправда.

Нора, уставилась в пол, не желая встречаться взглядом с Сореном.

- А в чем правда?

Сглотнув, Нора заставила себя посмотреть в его глаза.

- Я думаю, что, - начала Нора, делая глубокий вдох, - если бы я так сделала, это бы плохо закончилось для нас.

Казалось, Сорен пристально изучает ее в тусклом умирающем свете камина. Сердце Норы разрывалось от мысли, что она может причинить боль Сорену. Но он хотел правды от нее не смотря ни на что.

- Твое покаяние, - начал он, и она успокоилась.

- Да, Отче?

- Смирись с мыслью о Уесли, пока будешь вдали от меня этим летом. Смирись, и не возвращайся, пока не сделаешь этого.

Желудок Норы скрутило. Смириться с мыслями о Уесе? Что это вообще значит? Отпустить его? Или она должна поговорить с ним? Она не знала. Она не хотела знать.

- Да, Отче, - было все, что Нора смогла ответить.

Она опустила голову.

- Властью мне данною прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Нора перекрестилась.

- Аминь.

Нора встала с тяжелым сердцем. Она ненавидела тот факт, что в их последнюю ночь вместе пришлось признаться в чем-то настолько причиняющем боль. Но внезапно ее ноги оторвались от пола, и она очутилась на руках у Сорена. Не говоря ни слова, он отнес ее наверх, в свою спальню.

- Ты не сердишься? - спросила она, пока он снимал с нее рубашку и укладывал в постель.

Мужчина сбросил штаны и прижался к ней всем обнаженным телом.

- Элеонор, когда ты уже, наконец, поймешь, что если я говорю "Я тебя люблю" я действительно так считаю?

- Наверное, однажды, - сказала Сатерлин и улыбнулась в темноте. - Я буду так сильно скучать по тебе этим летом. Уверен, что мне нужно исчезнуть? Сбегать совершенно на меня не похоже. По крайней мере, теперь.

- Боюсь, в данном случае, исчезновение – требует даже больше храбрости. Элеонор, дело не в том, что церковь или кто-то узнает о нас. Нужно бояться не того, что узнают, что мы вместе.

- Ты не согласен с Кингсли, да? Ты не думаешь, что это был всего лишь один из моих старых клиентов, кто украл досье, не так ли?

- Я действительно в неведении по этому вопросу.

Сорен смотрел на тени, пляшущие вокруг лампы.

- Но кто бы это ни был, и по какой бы то ни было причине... Я не позволю им причинить тебе вред. Сначала им придется вырезать мое сердце.

Нора протянула руку, касаясь раны возле его сердца. Поверхностный порез можно было бы исцелить всего за несколько дней. Однако внутренние шрамы были старыми и их вряд ли можно излечить. Рубцовая ткань, как когда-то читала Нора, самая плотная из всех видов ткани в теле человека. Возможно, именно по этой причине сердце Сорена и было таким сильным, потому что было сплошь покрыто шрамами.

- Элеонор? Помнишь похороны моего отца?

Нора закрыла глаза, и унеслась на семнадцать лет назад во времени. Она вспомнила, как ей пришлось солгать матери, чтобы поехать с Сореном на похороны его отца. Сказать, что ей стоит быть там, чтобы поддержать Клэр, его шестнадцатилетнюю сестру. По крайней мере, таково было прикрытие.

В ночь после посещения кладбища она нашла Сорена сидящим в большом кресле его детской спальни – спальня, которая хранила для него лишь воспоминания кошмаров. Она вспомнила, как зашла и увидела его, сидящим и молящимся в океане

лунного света. Бледный свет освещал его лицо и блондинистые волосы. Беззвучно девушка подошла к нему, и Сорен взял ее на руки и обнял. Тогда он впервые признался, что любил ее, любил ее с того самого момента, как увидел, когда ей исполнилось всего пятнадцать. Печаль и скорбь по отцу, пытавшемуся убить сына, проступила на его лице, когда он рассказывал ужасающую историю своего детства. Она сделала то, что могла – утешила его. Она сделала это, и на следующее утро все еще оставалась девственницей, но не совсем.

Нора хихикнула.

- О, нет. Пока я жива, я никогда не забуду ту ночь.

Сорен ласкал ее губы кончиками пальцев.

- Я знаю, что ты подслушивала, малышка.

На ум пришло другое воспоминание. На этот раз не такое приятное. Покинув Сорена, Элеонор направилась в спальню, которую делила с Клэр. В доме было больше десятка спален, но Сорен настоял, чтобы она и Клэр не оставались в одиночестве ни на минуту. Как только они прибыли в поместье, Сорен изменился. Он всегда защищал ее, но сейчас превратился почти в параноика насчет охраны девочек и действовал так, как будто в доме до сих пор обитал опасный призрак. Той ночью, находясь в руках Сорена, Нора поняла, что это было недалеко от правды. На своем пути в комнату для гостей она увидела очертания женщины, стоящей рядом с открытым окном. Та стояла со скрещенными на груди руками и склоненной головой. Рядом с ней стоял Сорен, и они о чем-то перешептывались друг с другом. Нора скользнула в тень, прячась там. Когда она смогла подкрасться поближе, то услышала, как женщина говорит Сорену три слова - я не жалею. И услышала его ответ - я тоже.

В этот момент Нора поняла, что услышала что-то, не предназначавшееся для ее ушей. Она вернулась в комнату, которую делила с Клэр, и до рассвета лежала, уставившись широко открытыми глазами в потолок - все тело горело там, где Сорен касался ее, разум лихорадило от слов, которые она подслушала.

На похоронах Сатерлин лицом к лицу встретилась с той женщиной, с которой Сорен говорил накануне. Высокая и элегантная, с темно-рыжими волосами и фиалковым цветом глаз, женщина ужаснула ее своей неповторимой красотой и, казалось, почти материальным отчаянием, которое окутывало ее темным светом. Сорен представил ее как Элизабет, его старшую сестру, а Нору как подругу Клэр. Нора вспомнила, что Элизабет была похожа не на человека, а на привидение. Она была живым, дышащим, но все же призраком. Даже в темноте сейчас Сатерлин видела призрачное отражение в серых глазах Сорена.

- Я пообещал защитить тебя малышка. И это единственная причина, почему я отсылаю тебя, - сказал Сорен, притягивая Нору в тиски своих объятий.

- Твоя сестра... Ты боишься, что они узнают о том, что натворила Элизабет, да?

Сорен заправил прядь волос за ее ухо.

- Мой страх насчет Элизабет навсегда останется прежним. Я боюсь, что она узнает о тебе.

Глава 5

В понедельник утром Сюзанна проснулась на рассвете, и даже не потрудилась включить свой компьютер. Никогда еще она не была в таком тупике, как сейчас. Как будто кто-то на другом конце интернета намеренно делал все, чтобы не дать ей найти хоть что-то об отце Маркусе Стернсе. Но сегодня она собиралась вытрясти все, что могла. Отчаянные времена требовали отчаянных решений.

Она собиралась проводить расследование не в интернете.

Обычно библиотека открывалась рано, но она приехала еще до открытия. Как только ее пустили внутрь, Сюзанна с блокнотом и карандашами бросилась к исследовательским стендам. Она не проводила таких исследований уже несколько лет. Наверное, еще со средней школы, когда ее вместе с классом отправили на экскурсию в библиотеку, тогда она и узнала, как правильно искать нужную информацию в толстенных зеленых томах, как правильно записывать имя, дату и номера необходимых изданий. Пока что у Сюзанны было не так много данных. Все, что ей удалось почерпнуть из онлайн исследований так это то, что отец Маркус Стернс работал в Пресвятом Сердце почти двадцать лет, исключительно в одном приходе. Также, по всей видимости, Отец Стернс выступал в качестве духовника для соседнего прихода сестер-бенедиктинцев. Одна из них вела свой блог и там отметила, что очевидно отец Стернс родился в Нью-Хэмпшире, как и она сама. Предположение, что он окончил семинарию в возрасте двадцати восьми лет, означало, что ему примерно сорок семь или сорок восемь лет. Таким образом, Сюзанна знала его имя, приблизительный возраст и место рождения. Хоть что-то для начала.

К полудню, Сюзанна снова сдалась. В библиотеке не было практически ничего на Маркуса Стернса. После еще одного забега к полкам с периодикой девушка узнала, что существовал такой Маркус Стернс, ему было около сорока лет в 1963 году и жил он в Нью-Хэмпшире. По крайней мере, это было то же самое имя, но не возраст. Возможно, родственник, решила она, и продолжала копать.

К часу Сюзанна осознала, что напала на какой-то след.

Маркус Август Стернс, рожденный в Англии в 1920 году, был наследником барона. Он приплыл в Новую Англию, тогда ему было около тридцати лет, и использовал свой титул, чтобы жениться на необычайно богатой наследнице. Невеста, Дейзи, как и полагалось девушке, зачитывающейся любовными романами Эдит Уортон, вышла за барона, несмотря на то, что его титул был единственным, что он мог предложить. Спустя год в браке Дейзи родила дочь, Элизабет Беннетт Стернс. Как оказалось, она была не только поклонницей Эдит Уортон, но и Джейн Остин, отметила Сюзанна. И еще меньше чем через год, с восторгом обнаружила девушка, родился сын, Маркус Леннокс Стернс. Далее след исчезал. Казалось, Маркуса-младшего вообще не существовало. Ни школьных отметок, ни записей в колледже, вообще никаких упоминаний.

Сюзанна откинулась на спинку стула, в тесной библиотечной кабинке, и закрыла глаза.

Католические священники практически ничего не зарабатывали. Никто не стал бы работать католическим священником, ради того чтобы разбогатеть. И все же, если

это был тот же Маркус Стернс, то для того, чтобы стать священником, он должен был отказаться от огромного наследства и титула, хоть и незначительного, в среде британской знати. Верилось в такое с трудом. Тем не менее, существовала и такая возможность.

- Отец Стернс, - прошептала Сюзанна, - кто же ты, черт возьми, такой?

* * *

Когда Нора проснулась на следующее утро, на ее шее больше не было ошейника, а постель была пуста. Выбравшись из-под одеяла, она уничтожила все доказательства своего присутствия - сменила простыни на кровати на прежние белые, спрятала свечи и удостоверилась, что в доме нет и малейшего запаха женщины – от ванной и до кухни. После, достав кошелек, Нора выписала чек для Оуэна Перри на фонд школы. Она знала, что Сорен найдет способ передать деньги для семьи Перри, утаив тот факт, что они были от нее. Никто не возражал против того, что Оуэн постоянно был рядом с ней на воскресных мессах, приклеившийся как банный лист, милый и невинный ребенок. Но все же... у нее была слишком нехорошая репутация.

Положив чек на стол Сорена, Нора застонала, увидев, что он оставил ей еще одну записку. В этот раз та была в запечатанном конверте, а на внешней стороне конверта были слова «Не открывать до получения дальнейших инструкций».

- Садист, - заворчала Нора и сунула конверт в сумочку.

Достав ключи, Сатерлин заодно проверила время на мобильном телефоне. На экране высветилось одно новое текстовое сообщение.

«Поспеши, - говорилось в нем. - Мой член ждет не дожидается, чтобы тебя увидеть. С любовью, Гриффин».

Нора написала в ответ: *Тогда, я, пожалуй, выберу живописный маршрут.*

С тяжестью на сердце Нора покинула дом Сорена и направилась к своей машине. Забравшись внутрь и бросив рядом свои вещи, она завела двигатель.

Гриффин... Прошло уже больше полутора лет с тех пор, как они были вместе. Последний раз, наверное, был в Майами в пляжном домике его родителей. Тогда, она солгала Уесли, сказав, что должна быть на презентации книги в другом книжном магазинчике, хотя все, чего ей хотелось в тот момент, так это сбежать от неодобрительных взглядов ее соседа на парочку дней, чтобы заняться нескончаемым извращенным и грязным сексом. Ее желание исполнилось. Она, скорее всего, продолжала бы видеться с Гриффином и после возвращения к Сорену, но даже терпение Сорена не было бесконечным, когда дело касалось молодого и частенько нахального Гриффина Фиске. Для Сорена садо-мазохизм был таким же нужным, как вода или воздух – чтобы продолжать существовать. Для Гриффина же садо-мазохизм был игрой, в которую он игрался так часто, насколько это вообще было возможно для человека.

Нора вспомнила свою последнюю ночь с Гриффином в пляжном домике. Они отправились в клуб и привели домой какого-то безумно горячего португальского парня по имени Матео или Матеус... как-то так. Его интересовали би-отношения, и к своему двадцать первому году он все еще никогда не был с другим парнем и не

занимался извращенным сексом. Сначала Нора поимела его, следующим был Гриффин. А затем они трахали его вместе. На следующее утро парень упал на колени, умоляя взять его с ними в Нью-Йорк.

Внезапно, Нора поймала себя на том, что ухмыляется, как идиотка. Они с Гриффином были замечательной командой.

Заведя двигатель, Нора поставила песни BeastieBoys, вырулила с парковки и нажала на газ.

К черту живописный маршрут.

* * *

Не важно, где бы он ни засыпал накануне – на диване в гостиной, на маленькой кровати в бабушкином доме, или на своей кровати в доме мамы – ему всегда казалось, что он снова лежит на больничной койке, стоило только открыть глаза.

Микаэль помнил сухость во рту, когда он, наконец, проснулся, помнил, что его губы ощущались, словно листы наждачной бумаги. В носу была трубка, и провода обвивали его руки. Он боялся пошевелить руками, боялся, что они откажутся двигаться.

Парень открыл глаза и мучительно заморгал. Возле окна больничной палаты стоял человек в черном и смотрел вниз на вертолетную площадку. Была глубокая ночь, и единственный свет в комнате исходил от системы жизнеобеспечения, пищавшей и жужжащей в темноте.

- Отец С?

Чтобы прохрипеть это, Микаэлю пришлось собрать все свои силы.

Его священник отвернулся от окна и подошел к кровати. Глядя на Микаэля сверху вниз, он улыбался, и в его улыбке парень мог видеть только прощение.

- Твоя мать здесь, Микаэль, - голос священника был таким же тихим, как и окружившая их ночь. – Сейчас она с твоим отцом и доктором. Мне ее позвать?

Микаэль покачал головой. Он не был готов увидеть свою семью, не был уверен, что вообще когда-нибудь сможет посмотреть на них.

- Я..., - начал он и немного закашлялся. - Я попаду в ад?

Отец С протянул руку и положил ее на лоб Микаэля.

- Нет, - сказал он так просто и с такой убежденностью в голосе, что парень сразу же ему поверил.

Микаэль смотрел на лицо священника. Он восхищался Отцом С с того самого момента, как его семья начала посещать Пресвятое Сердце. Он все бы отдал, чтобы обладать его уверенностью и спокойствием.

- Я буду жить?

Микаэль едва мог слышать собственный голос.

- Да, будешь. Слава Богу.

Микаэль услышал тень страха, притаившуюся за облегчением в голосе священника. Он никогда не мог и подумать, что Отец С чего-то боится. Даже в кромешной темноте парень мог видеть пятно красного на белом воротничке священника. Это была кровь Микаэля.

- Некоторое время ты будешь чувствовать онемение в руках, но все ощущения со временем вернутся. Ты потерял много крови, и будешь чувствовать усталость несколько недель после поправки. Боюсь, некоторое время ты будешь под присмотром врачей. Я попросил твою семью, чтобы они разрешили мне лечить тебя вместо того, чтобы отправить к обычному психиатру. И прямо сейчас они обсуждают это с твоим доктором.

- Не думаю, что вы сможете мне помочь.

Отец С посмотрел на него сверху вниз и медленно вздохнул.

- Твоя мать рассказала мне о фотографиях, которые нашел твой отец несколько месяцев тому, а также о порезах и ожогах.

Микаэль не покраснел от стыда лишь только потому, что и так потерял много крови.

- Мой отец думает, что я болен. Он бросил маму, потому что они продолжали ссориться из-за меня. Я тоже думаю, что я болен. Мне нравятся плохие вещи. Я не знаю, почему. - Он замолчал и снова закашлялся. - Я не знаю, что я такое.

Отец С смотрел на него с минуту и парень чувствовал, как тот взвешивает все за и против в своей голове. Наверное, он прошел этот тест, потому что Отец С присел на край кровати и начал говорить о том, что Микаэль никогда и не надеялся услышать от Отца Маркуса Стернса.

- Микаэль, будучи священником, каждую неделю я выслушиваю сотни исповедей от прихожан. Но сейчас, если ты позволишь, я позволю тебе услышать мою собственную исповедь. И имей в виду, она будет долгой и наверняка тебя шокирует.

- Ваша исповедь?

Микаэлю казалось, словно в горле застрял комок сухой ваты.

Отец С скрестил руки на груди и встретился с парнем взглядом. Микаэль изучал профиль своего священника. Даже сейчас он казался воплощением благочестия и спокойствия, его красивое лицо было безмятежным и открытым, а глаза светились стальным серым цветом.

- Микаэль, - голос Отца С был тихим, но твердым, - Я знаю, что ты такое.

- Знаете?

- Да. Ты не такой, как остальные - некоторые люди считают это странным и пугающим - но то, что ты есть - так же естественно как то, что люди должны бодрствовать, а затем спать. Вещи, к которым ты тянешься и так желаешь, я их

понимаю. Ты принадлежишь к миру совершенно отличному от того, в котором живешь.

- Какому миру? Кто я? - спросил Микаэль, пытаясь сесть, но его тело все еще отказывалось повиноваться.

Отец С встретился с ним взглядом, и в них Микаэль увидел искорку улыбки, загадочной улыбки и мелькнувшую тень зеленоглазой девушки, ради которой любой мужчина предаст свою религию.

- Моя исповедь начнется, - произнес Отец С, - как и признания большинства мужчин – с трех слов.

- Простите меня, Отец? - рискнул предположить парень.

Отец С вздохнул.

- Я встретил Элеонор.

Микаэль открыл глаза и увидел, что лежит в своей небольшой, но аккуратной комнате в мамином доме. Скатившись с кровати, он заправил ее, после чего оделся и включил свой компьютер. Руки дрожали от волнения, когда парень увидел, что на его почту пришло письмо от Норы.

- Микаэль – машина заберет тебя в четверг утром в десять. Бери все, что хочешь, а я прослежу, чтобы у тебя было все, что нужно. Поездка будет долгой, так что возьми что-нибудь почитать и поесть. Не хватало еще, чтобы ты умер от скуки. Одному Богу известно, сколько сил тебе понадобится этим летом. О, и можешь не паковать свой нимб с собой, Ангел. Тебе он не понадобится. Это сообщение, как и твои штаны, самоуничтожится через пять минут.

Прикрывая рот от смеха, Микаэль откинулся на спинку рабочего кресла.

Микаэль знал о доминантах и сабмиссивах достаточно, чтобы понимать, что их отношения не всегда строятся на сексе. Сам Микаэль был бы счастлив стать личным рабом Норы, не важно, трахала бы она его или нет. Доминантов возбуждал сам факт доминирования, а сабмиссивов - подчинения, поэтому если бы Нора заставила его вытереть пол своими волосами, он сделал бы это с блаженством. Хотя бы тут его длинные волосы могли бы пригодиться. Но что-то в словах – Можешь не паковать свой нимб - заставило его задуматься над тем, что Нора собирается использовать его отнюдь не для уборки помещений. Прекрасно.

- Ты сломала мой нимб больше года назад, - написал он и с улыбкой нажал отправить.

Делая быстрые вычисления в уме, парень понял, что у него всего сорок девять часов до того, как за ним приедет машина. Сорок девять часов... вещи он упакует завтра, уезжает через день, а сегодня он будет лениться и читать.

За спинкой кровати он нашел припрятанную копию нового романа Норы. Его он еще не читал. Парень заставлял себя ждать, пока не закончится школа, чтобы насладиться чтением полностью. Подперев под спину подушки, Микаэль открыл книгу и перелистнул на первую страницу. Он остановился на посвящении, ожидая обычное секретное послание Норы к Отцу С.

У Микаэля округлились глаза, когда он увидел посвящение на первой странице.

Для У.Р. Большие воды...

Микаэль нахмурился, глядя на слова.

Кто, черт возьми, был У.Р.?

* * *

Чтобы произвести впечатление на Нору Сатерлин, требовалось много денег. У нее самой их было предостаточно, чтобы не зависеть от них. У нее было очень много богатых клиентов, очень богатых клиентов и просто заоблачно богатых клиентов и знакомых, она видела их дома, по крайней мере, их спальни точно, и знала, что в домике Сорена было больше элегантности и красоты чем во всех их особняках, вместе взятых.

Но при первом взгляде на особняк Гриффина, поместье, его земли... целое княжество, она не могла сдержать ошарашенное, "Твою мать, Грифф..."

Нора дважды перепроверила GPS, чтобы убедиться, что не заехала по ошибке в Шотландию. Круглые покатые холмы были покрыты ковром нежно-зеленой листвы. Белый забор тянулся вдоль поместья, куда падал взгляд. И дом - Греческое Возрождение, с примесью средневекового замка - гордо возвышался перед ней. Неудивительно, что Гриффин в последнее время не так часто появлялся в Восьмом Круге. Теперь, когда он построил тут целую Страну Чудес, у него появилась своя личная игровая площадка.

Сатерлин подъехала к массивным воротам из кованого железа, которые охраняли два каменных грифона по бокам. Судя по всему, Гриффина называли в честь семейного символа.

Нора нажал кнопку вызова на домофоне. Она ожидала услышать голос прислуги или охранника.

- Эй, плохая девочка, - послышался глубокий, сексуальный голос самого Гриффина. - Не могу поверить, неужели Папа выпустил тебя из своего Ватикана?

- Можешь назвать это индульгенцией. Так ты вступишь меня, Гриффин?

- Скажи «пожалуйста», и назови меня «сэр».

- Ты забыл, с кем имеешь дело?

Нора подняла бровь и направила суровый взгляд в камеру слежения.

- Никогда, детка. Заходи. Давай уже начнем эту вакханалию.

Железные ворота с визгом открылись, и Нора подъехала к дому – вблизи он был еще более впечатляющим - и заглушила двигатель. Дверь открылась, когда она подошла к ней. Войдя в холл, напоминавший собор, она с невозмутимостью оглядела внутреннее убранство особняка; может это и называлось фермой, но перед ее глазами был замок. По главной винтовой лестнице, переступая через две ступеньки за раз, спускался одетый только в черный килт и сапоги DocMarten безумный владелец поместья собственной персоной.

Гриффин Фиске... Он был одним из находок Кингсли семь лет назад. Гриффину было всего двадцать два, и тогда он был сломлен, опасен и смертельно-сексуален – обожаемая комбинация Кингсли. Очевидно, однажды вечером Гриффин был на вечеринке в Мобиусе, печально-известном стрип-клубе Кингсли, и Эдж смотрел, как Гриффин избивает одного из парней, который посмел коснуться одной из стриптизерш. Рост в метр восемьдесят пять, бронзовая кожа, широкая грудная клетка и плечи боксера-тяжеловеса - на свете не было ничего более увлекательного, чем Гриффин Фиске. Вокруг его бицепсов ветвились татуировки в виде изогнутых полос, темные волосы пребывали в идеальном художественном беспорядке, а еще у него была самая порочная улыбка из всех, которые она когда-либо видела в своей жизни. Возможно, дом и был построен в стиле Греческого Возрождения, но хозяин его был настоящим греческим воином.

- Фиске это не шотландская фамилия, Грифф, - напомнила ему Нора, когда он переступил через последние четыре ступеньки, остановившись напротив нее.

- Дом перешел по наследству от мамы. А ее звали Рэйберн. В любом случае, слышал, это твоя слабость.

Он улыбнулся ей, заключая в медвежьи объятия.

- Два слова – легкая добыча, - сказала она, шлепнув по бедру под килтом.

- Уже готовишься быть сверху? Не могу этого допустить.

Нора завизжала, когда Гриффин взял ее на руки, и, перекинув через плечо, понес вверх по лестнице.

- Сэр?- раздался низкий голос с хорошо поставленным английским акцентом внизу под лестницей.

Гриффин обернулся еще прежде, чем Нора смогла установить местоположение этого голоса.

- Альфред, ты заглядываешь мне под юбку? - требовательно спросил Гриффин, устраивая Нору на плече поудобнее.

- Мастер Гриффин, я бы охотнее женился на моей собственной матери ради того, чтобы выколоть свои глаза с помощью ее броши, чем смотреть на что-либо под вашим килтом, - отозвался мужской голос с элегантною самоуверенностью. - Куда положить вещи вашей гостьи, сэр?

- Это же отсылка к Царю Эдипу, - подала голос Нора.

Голос явно исходил от дворецкого Гриффина, и звучал он совершенно невозмутимо, особенно при взгляде на его работодателя, прогуливающегося в одном только килте и сапогах, да еще с женщиной на плече. Как поняла Сатерлин, это было обычным явлением.

- Отправь их в голубую Комнату. И не мешай нам еще пару часов, пожалуйста. Моя гостья и я будем трахаться. Два часа, Нора?

- Как минимум, - согласилась она.

- А еще лучше три, Альфред.

Гриффин подтянул Нору выше на плечо и продолжил подниматься по лестнице.

- Это будет длинное лето, не так ли? - спросила она.

- В двадцать один с половиной сантиметров в длину, если помнишь.

Гриффин ногой распахнул дверь в спальню, и бесцеремонно бросил Сатерлин на громадную кровать, скрывавшуюся под горами черных подушек и роскошных черно-белых полосатых простыней. Сердце Норы забилося, когда Гриффин залез на нее сверху. Она продолжала игриво бороться с ним, но только ради удовольствия, когда Гриффин схватил ее за запястья и поднял их над головой. Если бы она могла выбрать всего одного человека, чтобы жить с ним до конца жизни, то это был бы Сорен, без сожалений и навсегда. Но сейчас, когда Гриффин прижал ее к постели одной рукой, другую засунув под ее юбку, она не могла отрицать, что в нем была своя определенная прелесть.

- Левый или правый? - спросил он, поглаживая ее клитор через кружевные трусики.

- Правый.

Он потянулся к правому сапогу и вытащил презерватив.

- Гриффин, прежде чем ты соберешься меня оттрахать, я должна тебе кое-что сказать.

Гриффин остановился, вскрыв обертку презерватива зубами. Он прижался ближе и приложил губы к ее уху.

- Скажи мне что-нибудь...

Он целовал ее от уха до шеи.

- Мне всего лишь, - она начала хватать ртом воздух, когда он скользнул пальцем под ее нижнее белье, - Мне нужно в туалет.

Гриффин застонал и скатился с нее.

- Там, - сказал он и указал на дверь.

- Спасибо, дорогой. Это была чертовски-долгая поездка, знаешь ли. Ты устал от города?

Нора встала и пошла в ванную.

- Родители приехали в город. Родители, которые хотят внуков. Я здесь, поэтому меня не заставят их делать.

- Теперь понятно, - сказала громко Нора. - Моя мать перестала спрашивать о внуках десять лет назад. Нужно просто начать трахаться со священником, и они отвалят.

- Твой священник не станет со мной трахаться.

- Твоя правда. Но если ты его хорошо попросишь, может избить до полусмерти. Господи, Гриффин, твоя ванная комната больше, чем мой подвал. Тебя так избаловали?

- Не совсем. Ты закончила?

- Да и нет.

- Я не хочу знать, что это значит, да?

Нора вымыла и вытерла руки. Остановившись в дверях ванной, Сатерлин посмотрела на Гриффина, который сидел на кровати с широко-расставленными ногами, так что она могла видеть, что килт он носил подобно настоящим горцам. Это она одобряла.

- Знаешь, я, наверное, приму душ до того, как мы будем трахаться. Сорен очень интенсивно со мной попрощался прошлой ночью, и я еще не успела помыться.

- А я не возражаю против грязного секса. И, зная Папу Мистера Чертов Засранец, он, вероятно, благословляет свою сперму, прежде чем кончить.

- Даю слово, он так не делает, - сказала Нора, неторопливо возвращаясь к кровати. - Почему вы с Сореном так ненавидите друг друга?

- Спроси его, - сказал Гриффин, начиная расстегивать ее рубашку.

- Я спросила. Он не отвечает мне.

- Давай просто скажем, что у нас постоянное расхождение во мнениях. Я считаю, что он претенциозная высокомерная заноза в заднице, а он не согласен с этим.

Нора посмотрела на Гриффина. Он не хотел встречаться с ней взглядом.

- Я знаю, что это не так. Я постоянно говорю ему, что он претенциозная высокомерная заноза в заднице, и он полностью соглашается. Я могу вытрясти из тебя правду.

- Ни единого шанса. Больше ты не будешь мною командовать. Этим летом ты моя сучка, свитч.

- Ты не раз позволял мне руководить.

Нора вспомнила десятки раз, когда она привязывала Гриффина и унижала его жаждущее этого достоинство.

- Только потому, что это был единственный шанс тебя трахнуть. И даже тогда ты никогда не могла меня бить.

- А жаль. Думаю, хорошая порка пошла бы на пользу твоей душе. Хорошо, можешь быть сверху. Но никаких побоев. Только доминирование и бондаж, уву. Правила Сорена.

- Я знаю. Вчера он позвонил мне и прочитал целую лекцию, - сказал Гриффин, расстегивая верхнюю пуговицу ловким движением пальцев.

- Он очень оберегает свое имущество.

- Не могу сказать, что виню его за это.

Гриффин откинулся на кровати и окинул ее взглядом сверху донизу.

- Разденься для меня, красотка.

В свои тридцать четыре, Нора брала все внимание и обожание, которое могла, от мужчин. Сатерлин позволила рубашке упасть на пол и выскользнула из бюстгалтера.

- Господи, - сказал Гриффин и взял ее за руку, осторожно привлекая к себе. Улыбка исчезла, когда он посмотрел на ее живот и грудь. - Он устроил тебе чертовски-зверское прощание, не так ли?

- Упс. Извини. Мне следовало тебя предупредить.

- Вы двое играли в игру с кровопусканием?

Гриффин спросил с ужасом и благоговением в голосе. Нора пожала плечами.

- Немного. Всего семь порезов. Кстати говоря, возможно парочку дней нам придется заниматься анальным сексом. Последний порез был в довольно чувствительном месте.

Она ждала, что Гриффин засмеется – если они не трахались, то смеялись. Но Гриффин просто смотрел на нее, изучая ее кожу. Он нежно провел пальцем вокруг раны - пореза на ключице, по грудной клетке, под грудью.

- Мы можем не играть, если ты не готова, - сказал он.

- Грифф, у меня были порезы от бумаги и похуже. Даже на промежности. Вот что случается, когда засыпаешь во время работы голой. Я привыкла. Серьезно.

- Хорошо. Мы будем трахаться, если ты меня попросишь, - сказал он, улыбнувшись ей еще раз. - А пока не исцелишься, займемся ванильным сексом.

Нора решительно покачала головой.

- Ни за что. Никакой ванили. Единственный раз, когда я попробовала заняться ванильным сексом, я чуть не упала в обморок.

- Нора Сатерлин пробовала заняться ванильным сексом? Я точно должен об этом услышать.

Гриффин растянулся на боку и игриво похлопал по кровати рядом с ним. Закатив глаза, Сатерлин поползла по простыни к нему.

- Ничего особенного. Попробовала. Не понравилась. Прекратила.

- Почему ты прекратила? Ванильный секс скучный, но не такой сложный. Ты струсил. Нужно было просто лежать и притворяться, что тебе это нравится.

Притворяться, что это нравится... это было проблемой. Ей не нужно было притворяться... Нора закрыла глаза. На секунду она больше не была в постели Гриффина... она лежала на своей кровати с Уесли поверх нее. Они целовались, их

голые тела прижимались друг к другу. Руки Уесли гладили ее волосы и плечи. Она целовала его в шею и мускулистые плечи. Он был таким молодым, всего девятнадцать тогда, и до сих пор девственником. Он был настолько храбрым, насколько красивым, и хотел отдать ей свою девственность. И она хотела этого, хотела его... и не только за красивое тело, или за удовольствие и не для секса. Для чего-то другого, оно было гораздо глубже и страшнее, поэтому вместо того, чтобы позволить ему заняться с ней любовью, она позволила ему уйти.

- Это трудно объяснить, - сказала она, открывая глаза. - Ванильный секс мне не подходит.

- Не так уж и трудно – ванильный секс - отстой, - сказал Гриффин. - И что теперь будем делать? Воздерживаться?

- Не смей даже шутить об этом. Просто свяжи меня, оттрахай в задницу, назови меня шлюхой, только поосторожнее с порезами.

Гриффин улыбнулся ей.

- Как скажете, мэм.

- Ха, - сказала она. - Я до сих пор командую.

Гриффин удивленно посмотрел на нее, и теперь Нора знала, что была в беде – в хорошем смысле.

Через секунду она обнаружила себя лежащей на животе, а Гриффин срывал с нее одежду. Из-под кровати Фиске вытащил кожаный ремешок и взял два набора наручников с прикроватного столика. С завидной опытностью Гриффин застегнул наручники вокруг ее запястий и лодыжек, привязал руки к спинке кровати, а широко-раскрытые ноги к распорке.

Нора застонала от удовольствия, пока он готовил ее тело к проникновению - она собиралась спросить, какую смазку он использовал, потому что она ощущалась просто прекрасно, - а затем мужчина мягко вошел в нее. Она почувствовала прикосновение шерсти к обнаженной коже, когда его килт потерся о ее тело. Нора тут же решила, что следующий свой отпуск проведет в Шотландии.

Вот она настоящая, - напомнила она себе. Она была свитчем. Все лето Гриффин будет ее Хозяином. А она будет Госпожой Микаэля. У нее будет самое лучшее из обоих миров, и никакого ванильного секса. Она не будет смотреть в большие карие глаза с золотыми вкраплениями и говорить "Уесли" вместо "сэр". Никаких нежных объятий во время занятий любовью без крови. Секс был сексом. Боль была болью. А Уесли и та часть ее были в прошлом.

Гриффин продолжал двигаться внутри нее. Нора уткнулась лицом в руку и прошептала имя Уесли в простыни.

Глава 6

Микаэль сидел на крыльце возле дома в ожидании обещанной Норой поездки. Он все еще не мог поверить, что через несколько минут его увезут в поместье на севере штата Нью-Йорк, чтобы провести все лето с Норой Сатерлин и ее извращенным другом Гриффином. Та часть обучения, которая касалась Гриффина, не давала ему покоя. Он знал Нору уже больше года, познав ее даже в библейском смысле. О той ночи, проведенной вместе, они больше как-то не говорили, но рядом с Сатерлин он по-прежнему чувствовал себя комфортно. Настолько комфортно, насколько это вообще было для него возможно. А вот этот Гриффин вполне мог его возненавидеть. Ведь Нора должна была заниматься его обучением этим летом. Гриффину мог не понравиться тот факт, что придется делить Сатерлин с кем-то еще, тем более с нищим подростком из трущоб. Микаэль до сих пор не мог поверить, что Отец С мог делиться Норой с любым другим мужчиной. Но опять же, Отец С был необычным человеком. И у него было практически буквальное понятие о собственности, когда дело касалось Норы. Поскольку она принадлежала ему, он мог одолжить её на время, но при этом она все равно оставалась его. Микаэлю было интересно, считала ли Нора себя чем-то вроде библиотечной книги. Сама идея ему жутко нравилась. От мысли о том, что может принадлежать кому-то, в кого был бы влюблен, он возбуждался так, что едва мог дышать. Последнее время он чувствовал себя отверженным. Его мать больше не хотела его видеть. И Боже, его отец... отец?

- Микаэль? Что ты тут делаешь?

Микаэль замер. Он медленно повернул голову и увидел подходящего к нему отца в своем привычном голубом деловом костюме. Он был настолько поглощен мыслями о Норе, что даже не заметил, как напротив дома припарковался отец.

- Ничего, - сказал Микаэль, скрестив руки на груди. - Собираюсь в поездку.

Отец остановился и посмотрел на сына сверху вниз. Даже если бы Микаэль не сидел, а стоял, родитель всегда смотрел на него сверху вниз.

- В поездку куда? - требовательно спросил отец.

Микаэль снова попробовал увильнуть от ответа.

- Вроде сейчас же утро четверга.

- Я взял отгул на утро. Твоя мать сказала, что ты собираешься уехать на все лето. Поэтому я подумал, что мне следует увидеть, что происходит с моим сыном.

- О, теперь я снова твой сын?

- Микаэль, я думал, мы с этим покончили, - сказал мужчина вкрадчивым голосом.

Микаэлю больше нравились крики отца, чем притворное смирение. По крайней мере, гнев хотя бы казался подлинным. А дружелюбный голос означал только то, что ему что-то было нужно. Очевидно, ответы. И Микаэль не собирался их давать.

«Да, я же совсем забыл, как ты орал на меня и на маму. И мы снова лучшие друзья», - подумал Микаэль, но ничего не сказал. Его отец мог использовать любое слово против него, так что лучше было прикрываться молчанием как щитом.

Взгляд отца похолодел, становясь угрожающим.

- Молодой человек, вы расскажете мне, что собираетесь делать этим летом, или я сделаю все, чтобы ты никуда не поехал.

- Я просто буду у друзей этим летом. Вот и все.

Отец Микаэля молча уставился на него. Плохой знак. Его отец говорил. Постоянно говорил. Он разглагольствовал о спортивных командах, о придурках на работе, о президенте, рынке труда, мировых проблемах, которых можно было бы избежать, если все были бы похожими на него.

- Не знал, что у тебя вообще есть друзья, Микаэль, - сказал его отец с холодной подозрительностью.

Парень сжал челюсти и промолчал.

- И что это за друзья? - спросил родитель нейтрально, но его тону Микаэль не поверил ни на секунду.

Еще сильнее подтянув колени к груди, парень сосредоточился на холодном бетоне под ним. Он всегда играл в эту игру, когда отец злился. Микаэль словно исчезал, уходил в себя, позволяя телу стать твердым панцирем, который защитит ту часть внутри, которую поймут только Нора и Отец С.

- Отвечай, Микаэль.

В такие моменты Микаэль жалел, что не может говорить так свободно, как Нора, все, что захочет. Все, что он хотел сказать сейчас, было «Ты мудака».

- Ты му..., - начал Микаэль, но остановился, когда из-за угла вырвался сияющий серебристый Роллс-Ройс.

- Какого черта? - спросил отец, его злые темные глаза сузились, сверля машину взглядом.

Микаэль встал, схватил сумку и направился к автомобилю.

- Микаэль, немедленно вернись, - кричал отец ему вслед.

Кто бы ни был за рулем Роллс-Ройса, он остановился прямо перед домом парня и открыл дверцу. Микаэль вместе с сумкой плюхнулся на заднее сиденье, и автомобиль

снова тронулся с места. Выглянув в окно, Микаэль видел, как его отец смотрит на него с неприкрытой злобой. Когда он вернется, его будет ждать настоящий ад. Но, по крайней мере, теперь он был свободен.

Вдруг парень понял, что на заднем сидении роскошного автомобиля он был не один. Сначала он увидел сапоги, черные сапоги для верховой езды, затем темно-серые брюки. Брюки прилагались к довольно старомодному, но эффектному костюму, который носил чертовски-привлекательный темноволосый мужчина, изучавший его с легкой улыбкой на четко-очерченных губах. Микаэль понятия не имел, кто был этот мужчина, но у него не было сомнений, что сейчас он находился в присутствии одного из друзей доминантов Норы, и наверняка очень важного.

Микаэль выдавил робкое: - Здравствуйте, сэр.

- Bonjour, Микаэль, - у мужчины был французский акцент, и имя прозвучало как Мишель.

Французский? Значит, это был Кингсли, то самое необходимое зло, о котором говорил Отец С. Мужчина оглядел парня сверху донизу еще раз, затем откинулся назад и закинул ноги в сапогах на сидение напротив, скрестив их в лодыжках.

- MonDieu, у chérie действительно отличный вкус на домашних питомцев, не правда ли?

- Питомцев? - повторил Микаэль, нервничая.

Мужчина наклонился вперед, парень тревожно разглядывал его великолепное лицо, темные глаза, точёный европейский нос, чувственную улыбку на губах.

- Скажи мне, Мишель, ты когда-нибудь занимался сексом на заднем сидении Роллс-Ройса?

* * *

Нора выгнулась и подняла бедра выше. Наконец она нашла правильный угол проникновения. Вообще, это была ее идея, чтобы Гриффин оттрахал ее на капоте Астон Мартина, но как только он вошел в нее, Сатерлин поняла, почему капоты и секс не всегда подходят друг другу. Хотя, казалось, Гриффина все устраивало. Она лежала, животом прижавшись к капоту, руки подняты и связаны за шеей, Гриффин беспечно вбивался в нее. Сатерлин подняла бедра выше, он просунул руку под нее и нашел клитор. Вот теперь, получив свою дозу блаженства, Нора повернула голову в сторону и улыбнулась.

- Когда это у тебя появился Дукатти? - спросила она, впервые заметив мотоцикл в углу гаража, забитого разными Феррари, Порше и даже одним старомодным Шелби Мустангом.

- Я тебя трахаю, а ты спрашиваешь меня о мотоцикле? - выдохнул Гриффин сквозь стиснутые зубы.

- Простите, сэр, - сказала она без тени раскаяния в голосе.

- Дукатти – это причина, по которой Сорен и я вместе.

- Черт возьми, ненавижу, что у него тоже есть такой.

- Я не...

Нора закрыла глаза, и из тумана прошлого всплыло одно воспоминание.

- Элеонор Луиза Шрайбер! Немедленно вставай с кровати, - кричала на нее мать.

Нора вспомнила, как натянула одеяло на голову, надеясь, что сегодня будет тот самый день, когда она сломит сопротивление матери. Сегодня будет день, когда она победит тиранию религии. Она пропустит мессу сегодня, и никогда, вообще, не вернется туда.

- Я буддистка, - крикнула она снова из-под простыни.

- Элеонор, быстро вставай с кровати и собирайся на мессу.

Нора вспомнила, что в голосе ее матери сквозила ничем не прикрытая злость. Хорошо. Гнев делал ее нестабильной. Она либо убьет ее, либо сбежит. В любом случае, это означало никакой церкви сегодня. Если бы Элеонор могла самостоятельно покинуть мессу, она была бы свободной... раскованной, освобожденной и больше не привязанной к католической церкви.

- Я атеистка. - Она перевернулась на живот. - И загорюсь, как только войду в церковь. Будет лучше для всех, если я буду подальше от этого места.

Ее мать заворчала себе под нос. Так вот откуда эта привычка у Норы?

- Элеонор, - сказала мать, вздыхая.

Черт. Вздохи были нехорошим знаком. Вздыхание означало, что ее мать постарается найти еще какие-нибудь причины убедить или подкупить дочь.

- Ну что?

- Отец Грег уходит в отставку в ближайшее время. Сегодня в Пресвятое Сердце приходит новый священник. Если он наймет кого-то другого, чтобы ухаживать за церковными книгами, у тебя больше не будет бесплатной стипендии в Св. Хавьере.

- Мне все равно. Отправь меня в обычную школу. Больше никакой школьной формы.

Нора вспомнила резкое дыхание ее матери. То, что она до сих пор не выбила из дочери всю дурь, было одной из величайших тайн мира.

- Элеонор, - начала ее мать самым сладким голосом. - Мэри Роуз сказала мне, что новый священник очень красивый.

Закатив глаза, Нора перевернулась обратно и уставилась на мать.

- Мама, он священник. Это отвратительно.

Но мать продолжала.

- И он ездит на мотоцикле.

Это привлекло внимание девочки.

- Каком? На каком-нибудь куске дерьма, собранном в Японии, да?

Ее отец не научил свою дочь многому, но зато научил разбираться в автомобилях и мотоциклах. Качая головой, ее мать постучала по подбородку.

- Не могу вспомнить название. Что-то итальянское. Ду... что-то.

- Дукатти?

- Да, точно.

Нора вспомнила, как тогда заколотилось её сердце. Красивый католический священник, который водит самый лучший, самый быстрый, самый клёвый мотоцикл на свете? Она должна была увидеть это своими глазами, чтобы удостовериться самой.

- Хорошо, - сказала она, скидывая одеяло. - Я иду.

Оргазм был сильным, и Нора расслабилась на капоте Астон Мартин, пока Гриффин сделал несколько спиралевидных толчков прежде, чем выйти из нее и развязать руки.

- Хорошая была идея, - сказал он, притягивая Сатерлин обратно к себе.

Сейчас, когда руки были отвязаны, Нора поправила юбку и прислонилась спиной к Гриффину.

- Никогда не трахался на Астон Мартине раньше. Это нужно записать, - сказал он.

- Я тоже. И в нем тоже. Хотя Зак почти уломал меня на это. У него был конкретный стояк на эту машину.

- Зак? - спросил Гриффин, снимая презерватив и застегивая штаны.

- Голубоглазик, помнишь? Мой чертовски горячий еврейский редактор, оставивший меня ради своей жены?

- Точно. Помню этого парня. Думаю, что стояк у него был все-таки на тебя. А автомобиль шел как бонус.

- Это очень хорошая машина, - сказала Нора, проводя рукой по капоту.

Астон Мартин был подарком от любовника три года назад - наследника династии Ближнего Востока, который прилетал в Штаты каждые несколько месяцев, чтобы удовлетворять свою очень сверхсекретную одержимость женщинами-Доминатрикс. Великолепный мужчина. Он любил писать арабские стихи на ее обнаженном теле после секса. После первой недели вместе она нашла Астон Мартин в гараже в качестве благодарности за все.

- Моя любимая детка.

- Почему ты заставила меня привезти ее сюда и поставить в гараж? - спросил Гриффин, делая круг вокруг автомобиля.

Нора поцеловала свои пальцы и прикоснулась ими к капоту, будто благословляя. Увидев жирные пятна на краске, она взяла замшевую тряпочку и с осторожностью стерла отпечатки тел Норы/Гриффина с пламенеюще-красной поверхности.

- Я собираюсь отдать ее Уесу, моему старому соседу по комнате.

- У тебя был сосед по комнате?

- Студент. Я никогда не рассказывала тебе о нем. Великолепный малый. Ты бы попытался его трахнуть.

- Скорее всего, да. И что случилось с этим великолепным студентом?

Нора тяжело вздохнула.

- Он влюбился в меня. Нехорошо вышло. Пришлось его отпустить. Она старалась, чтобы голос звучал безразличным, но поняла, что Гриффин на это не купился.

- Звучит так, будто не только он один влюбился.

Гриффин многозначительно посмотрел на Сатерлин.

- Грифф, ты слишком красивый, чтобы быть еще и умным.

Нора заслужила сердитый взгляд от него.

- Ты все еще разговариваешь с ним?

- Он звонит, но я не отвечаю. Все, что я знаю, что он уехал из Йорка и вернулся в Кентукки.

- Искала его в Гугле? Смотрела, есть ли у него страничка в Фейсбуке или Твиттере?

Нора отрицательно покачала головой.

- Было такое искушение, но я не смогла. Что, если он все еще одинок и в печали? Это разбило бы мне сердце.

Гриффин обошел машину и встал перед Сатерлин. Обхватив ее подбородок ладонями, он заставил её посмотреть ему в глаза.

- А что, если он счастлив? Может, даже встречается с кем-то?

Нора тяжело выдохнула.

- Это все равно разобьет мне сердце.

- Нора, - сказал Гриффин. - Ты действительно должна...

- Мастер Гриффин? Госпожа?

Послышался голос с английским акцентом из-за двери гаража.

- Боже, меня так заводит, когда он называет меня Мастер Гриффин, - Гриффин застонал, а Нора рассмеялась и поправила свою одежду. Сегодня он в самом деле надел брюки - хаки и белую футболку, обтягивающую его мощные татуированные бицепсы. Брюки и футболку, но, по-видимому, забыл про обувь или носки. Все же, это был хоть какой-то прогресс.

- Прибыл ваш другой гость, - сказал величественный седовласый дворецкий Гриффина.

Лицо Норы расплылось в улыбке.

- Младший извращенец здесь. Пойдем.

Нора схватила Гриффина за руку и пронеслась мимо дворецкого.

- Так, расскажи мне об этом пацане, - сказал Гриффин. - Ты сказала, что он семнадцатилетний сабмиссив и посещает твою церковь. Что-то еще, что я должен знать о нем?

- Например, что? Есть ли у него какая-нибудь пищевая аллергия?

- Давай я просто скажу, что совсем не помню себя семнадцатилетним. По-моему, я провел первые полгода пьяным, а вторые – под наркотой.

- Не стоит волноваться о Микаэле. Он придерживается других правил. Сорен сказал, что он даже не пьет алкоголь. Но есть три вещи, которые тебе следует о нем знать.

- Я готов, - сказал Гриффин, открывая парадную дверь, в то время, как серебряный Роллс-Ройс Кингсли подкатил к дому. - Удиви меня.

Нора шлепнула его по руке.

- Во-первых, Микаэль не разговаривает.

- Он что, немой?

Гриффин выглядел немного напуганным. Сам Гриффин молчал только тогда, когда его рот затыкали чем-нибудь - и предпочтительно кем-нибудь.

- Нет, просто он действительно тихий. Очень нервничает. Молчит.

- Сабмиссив?

- Вот он, - сказала Нора; дверь Роллса открылась, и из машины вышел Микаэль.

Он поднял солнечные очки на макушку и улыбнулся Сатерлин. По телу Норы прошла волна возбуждения.

- Срань Господня, - выдохнул Гриффин, его темные глаза расширились при виде парня.

- Ага, - сказала Нора, улыбаясь Микаэлю в ответ. - Номер два - Микаэль абсолютно, полностью, до невозможного красив.

- Нора..., - отозвался Гриффин печальным голосом. - Кажется, я влюбился.

- Ты его хочешь, Грифф. А это далеко не одно и то же. О, и номер три... Сорен сказал, тебе нельзя его трахать.

Спускаясь вниз по ступенькам, Нора оставила потерявшего дар речи Гриффина позади. Притянув к себе Микаэля, Сатерлин обняла его.

- Эй, Ангел, - сказала она, целуя его в губы. - Как прошла поездка?

- Странно, - прошептал Микаэль. - Там был мужчина на заднем сидении. В сапогах для верховой езды. Мы высадили его у Отца С.

- О, это был всего лишь Кингсли. Он любит осматривать новобранцев. Он с тобой флиртовал? Спрашивал, занимался ли ты когда-нибудь сексом на заднем сидении Роллс-Ройса?

- Эм, да, - признался Микаэль, краснея. - Но я не...

- Хорошо, - сказала Нора. - Ты прошел проверку. Иди, поздоровайся с Гриффином, пока я договорюсь с водителем.

Нора развернула Микаэля, и, направив его к лестнице, шлепнула парня по заднице. Робин, одна из ее с Сореном любимых саб в Восьмом Круге, в шикарной серой униформе шофера, подходящей кепи и кожаных перчатках поднялась с водительского сиденья.

- Обожаю женщин в униформе, - сказала Нора, впиваясь в губы Робин долгим, основательным поцелуем.

С верхней ступеньки Нора услышала аплодисменты. Она отстранилась от миленькой сабы и увидела хлопающего Гриффина и удивленного Микаэля. Микаэль посмотрел на Гриффина, который смотрел на Ангела, затем парень посмотрел на Сатерлин. А вот Гриффин продолжал смотреть на Микаэля.

Нора застонала.

- Робин, заberi меня с собой обратно в город.

- Мне очень жаль, Госпожа. Мистер Кинг сказал, это не разрешено. А, и вам послание от Мистера С.

- И что, скажи на милость, за послание оставил мне Мистер С? - спросила Нора с опаской, не зная, что еще решил передать ей Сорен через другого человека.

- Он велел спросить, есть ли у вас то письмо, которое он оставил вам? То, на котором было «Не открывать до получения дальнейших инструкций»?

- Да. С собой. И что с ним?

- Он сказал, что вам все еще нельзя его открывать.

Нора кивнула.

- Отлично. Прекрасно. Просто замечательно. Можешь передать Мистеру С, что он может взять свое письмо, и засунуть его...

- Нора? - крикнул ей Гриффин. - Поцелуй Робин еще раз. Хочу сделать фотку.

Нора потерла лоб. Впереди было долгое лето. Слишком долгое.

Нора пожала руку Робин на прощание, что вызвало разочарованный свист с галёрки на лестнице. Робин села в Роллс и укатила, оставляя Нору наедине с робким подростком и развратным Гриффином.

Глядя в голубое небо над нею, Нора вознесла короткую молитву Святой Марии Магдалине, покровительнице бывших проституток, и Святому Иуде, покровителю безнадежных. Ее молитва состояла из одного слова.

- Помогите.

* * *

Сюзанна сделала глубокий вдох и прошептала только одно слово - "Афганистан".

Это было странной мантрой, но работало. Последние три месяца она была в Афганистане, и в этой брошенной и разоренной стране она сражалась со страхами. Лейтенант Хаттон, красивый техасец, называл ее Рыжая - взрывом ему оторвало правую руку. Штаб-сержант Циммерман, еврей из Нью-Йорка, который никак не мог не флиртовать с ней – умер от проникающего ранения в грудь. И рядовой первого класса Горан, застенчивый мужчина из Северной Дакоты с годовалой дочкой дома - получил пулю в лоб. Навылет.

Она видела все это. Будучи свидетельницей этих ужасов, девушка едва ли могла вспомнить все, потому что разум запрятал эти кошмары так глубоко, что даже она не могла найти их. Никто толком не понимал, почему она делала то, что делала. Даже она сама не могла понять. Когда Сюзанна решила выбрать основным предметом журналистику в университете, консультирующий ее преподаватель сказал, что она выглядит как первоклассная девочка с прогноза погоды на экране.

«С вашим умом вы можете далеко пойти», - сказал он. - «С таким личиком и телом, как у вас, вы можете получить абсолютно все, что хотите».

Схватив ее за задницу он сказал, чего бы хотел получить он, в обмен на его помощь. В ответ она донесла все это до декана и заставила профессора с наградами в своих областях уволиться. Когда он собирал свои вещи, она постучала в дверь его кабинета, и, улыбнувшись произнесла: «Сегодня облачно, возможно увольнение», перед тем, как уйти. Пускай засунут свою погоду себе в задницу. Человек, который не смог держать руки при себе, стал причиной смерти ее брата Адама. Преподаватель в университете был первым оскорбившим ее мужчиной со слишком большими запросами, которого она разоблачила. Отец Стернс мог быть следующим.

- Афганистан, - повторила она.

Она была в зонах боевых действий. Она могла это сделать. Сюзанна переделалась в достаточно невзрачное черное платье и завязала длинные рыжие волосы в узел. Еще утром этого дня, когда она почти в буквальном смысле билась лбом о стенку, за которой хотела найти хоть что-то на Отца Стернса, девушка решила, что у нее больше нет выбора, кроме как встретиться с ним лично. Просмотрев веб-сайт Пресвятого Сердца, она обнаружила, что Отец Стернс будет проводить вечернюю мессу в четверг. Сюзанна намеренно не говорила Патрику о своей поездке в Уэйкфилд. Он беспокоился о ней, боялся, что она пострадает. "Афганистан", - говорила она ему каждый раз, когда он начинал относиться к ней покровительственно. Он преследовал

лживых политиков в Верхнем Ист-Сайде. Она была в зонах военных действий. Достаточный для него повод, чтобы заткнуться.

Перед выходом Сюзанна надела обычные черные балетки. При росте в метр семьдесят пять без каблуков, Сюзанна была такой же высокой, как и большинство мужчин, которые ее окружали. Священники из ее детства были невысокими, старыми и хилыми. Она хотела, чтобы этот священник мог чувствовать себя комфортно рядом с ней. Достаточно комфортно, чтобы он разговорился. Ее преимущество в росте над ним не поможет ситуации.

Будучи городской девушкой до мозга костей, Сюзанна не водила автомобиль. К счастью, водил Патрик и доверял ей достаточно, чтобы разрешить взять его машину. Либо он просто хотел возобновить их отношения любой ценой. По карте GoogleMaps она нашла церковь Пресвятого Сердца; до вечерней мессы оставалось всего пять минут. Девушка вылетела из машины и вошла в церковь через черный ход, чтобы остаться незамеченной. Войдя внутрь и усевшись, Сюзанна воспользовалась возможностью, чтобы осмотреться и достать свои вещи. Покопавшись в сумке, она вытащила свой маленький стенографический блокнот и открыла его.

Красивое святилище, написала она. Витражи с изображением чудес Христа, традиционная архитектура - Ричардсонский неороманский, наверное? Хоралы находятся выше меня, вмещают около 300 человек. Действительно великолепный храм. Ненавижу его.

Она не была в католической церкви несколько лет, еще раньше, чем умер Адам. Еще до этого девушка отказалась от церкви, от детской веры, от молитвы. Она отказывалась верить в того Бога, который позволил править тому злу, что она видела за свою жизнь. А так как, похоже, Богов получше не предвиделось, Сюзанна просто отказалась от концепции Бога в целом. Она совершенно не скучала по Нему, или что там было вместо Него.

Сюзанна напряглась от волнения, когда гимн, который она не слышала уже сотню лет, заполнил святилище. Даже для вечерней мессы в полшестого в церкви присутствовало громадное количество людей, около сотни по ее оценке. Ну, если Отец Стернс попал в краткий послужной список на кандидатуру следующего епископа в сравнительно молодом возрасте, он явно должен был быть каким-то особенным. Может быть, он был одним из тех либеральных теологов с их общественно-направленными работами. А возможно, при церкви была довольно крупная группа молодых активистов или музыкальный кружок. Или, может быть...

Непроизвольно тело Сюзанны поднялось со скамьи, а сердце ухнуло вниз. От шока она сначала не хотела верить. На мгновение в ее сердце закралось недоверие, а затем его сменило подозрение.

Никогда прежде в жизни Сюзанна не видела мужчину, обладающего такой совершенной красотой. Блондин, настоящий блондин, и такой высокий, она могла бы

надеть пятнадцати-сантиметровые шпильки на ноги, и все равно не достигла бы уровня его глаз.

Белый воротничок... это стопроцентно он. Но как мог католический священник быть таким... Она не могла даже найти подходящего слова. Привлекательным? Красивым? Чувственным?

Все еще не в силах оторваться от него, Сюзанна почти забыла присесть вместе с остальной частью общины. Она тщательно выбирала свое место, надеясь остаться незамеченной в переполненной толпой церкви. Но, когда Отец Стернс подошел к алтарю, его взгляд прошел через группу прихожан и остановился на ней на долгий, преднамеренный момент.

Когда его взгляд коснулся девушки, Сюзанна почувствовала, как внутри все перевернулось, сжалось в тугий узел, и поразило в самое сердце. Руки онемели. Кожа запылала. Даже ее пальцы в простых черных балетках подогнулись. Впервые, более чем за десять лет, с тех пор как умер Адам, с ее губ сорвалась маленькая отчаянная молитва.

- О... мой... Бог.

Глава 7

Если бы Микаэль не боготворил землю, по которой ступала Нора, то наверняка убил бы ее. Судя по тому, что парень видел, в особняке-ранчо-ферме-доме Гриффина было около миллиарда комнат. И даже при наличии целого миллиарда комнат она заставила его спать здесь. Оставив Гриффина в большом фойе, Сатерлин вызвалась проводить Микаэля в его комнату. Его комната была в...

- Детская? - спросил парень в ужасе.

- Разве это не мило? Гриффин сказал, что провел здесь половину своего детства. Это его старая комната. Колыбельки там больше нет. Плюс ко всему сделали ремонт.

- Но это же детская, - Микаэль почувствовал себя так, будто ему снова пять лет.

Нора захлопала ресницами и поцеловала его в щеку.

- Устраивайся. Я зайду позже, и мы начнем обучение.

С этими словами она выпорхнула из комнаты – с легкостью, что было невероятным, учитывая ее обтягивающую юбку и рубашку с низким вырезом, которые отнюдь не придавали легкости – Сатерлин оставила его в одиночестве.

Микаэль остановился посередине детской и решил, что она не так уж и плоха, как подразумевало название. В самом деле, комната, размером с номер в отеле, была

довольно впечатляющей. В арочном алькове располагалась роскошная кровать королевского размера. Большое окно эркером выходило на громадный бассейн внутри дома. Бассейн... идеально, подумал Микаэль, мысленно осушив его. Глубокий, с идеально скошенными стенками. Он мечтал покататься на скейтборде в плавательном бассейне, таком, как этот.

- Она дурит тебе голову.

Повернувшись на голос, Микаэль увидел стоящего в дверях Гриффина, друга Норы. Никогда в своей жизни он не видел никого похожего на Гриффа. Мужчина был высоким, красивым и мускулистым, у него были довольно длинные волосы, пребывающие в художественном беспорядке, словно у модели, у которой был личный стилист. На носу была небольшая горбинка, как будто его сломали, но так и не вправили. Хотя вместо того, чтобы испортить его внешность, горбинка шла ему и делала лицо более интересным и живым. Гриффин казался молодым. Слишком молодым для того, чтобы владеть таким большим и старинным поместьем. Микаэлю показалось, что ему должно быть около тридцати, не больше.

- Нора, - продолжил Гриффин, не дождавшись ответа от парня. - О детской.

Микаэль кивнул и сунул руки в карманы.

- Значит, она не шутила, когда говорила, что ты не из болтливых, - сказал Гриффин, входя в комнату с большим походным армейским мешком парня, перекинутым через плечо.

Микаэль почти падал под его весом, а Гриффин нес его как невесомый рюкзачок.

- Извини, - сказал Микаэль.

Чуть раньше он смог выдавить из себя сдавленное привет Гриффину перед тем, как Нора отвлекла их своим поцелуем с водителем.

- Уже лучше. - Гриффин одобрительно кивнул. - Одно слово лучше, чем ничего.

Микаэль пытался придумать, что вообще можно сказать такому богатому красавцу как Гриффин. Но в голове поселилась пустота.

- Куда ты хочешь, чтобы я положил твои вещи? - спросил Гриффин.

- Неважно, - сказал Микаэль.

Гриффин окинул его строгим взглядом.

- Ты должен сказать больше, чем одно слово, или я так и буду стоять с ним в руках, - предупредил Гриффин.

- На кровать? - предложил парень.

Гриффин поднял руку и принялся считать по пальцам.

- Всего пять слов. Великолепно.

Микаэль рассмеялся и немного покраснел, затем сложил пальцы в букву V.

- Спасибо.

- Всегда пожалуйста, - сказал Гриффин.

Снова замолчав, Микаэль пересчитал слова по пальцам, затем поднял обе руки.

- Десять слов? - догадался Гриффин и парень кивнул.

- Спасибо, что разрешил мне остаться здесь. Твой дом просто потрясающий.

- Не за что. Госпоже и ее друзьям, за исключением Сорена, здесь всегда рады.

Микаэль улыбнулся.

- Тебе нравится комната? - спросил Грифф.

- Она очень милая. Для детской.

- Это английская детская, не американская. Прямо номер-люкс в большом чертовом доме, чтобы спрятать детей подальше. Никакого Винни-Пуха, обещаю. Честно говоря, - сказал Гриффин, оглядывая свою старую комнату, - думаю, когда я был ребенком, то представлял себе, что это Ноев ковчег. Никогда не понимал почему.

- Не понимал почему что? - спросил Микаэль, не переставая следить за расхаживающим туда-сюда Гриффином.

Грифф был раза в два больше его самого. Обычно большие мускулистые ребята пугали Микаэля. Его отец всегда использовал свой высокий рост, чтобы заставить стоящего перед ним сына чувствовать себя маленьким и испуганным. Но для Доминанта-извращенца Гриффин казался вполне дружелюбным и излучающим безопасность.

- Все из-за обстановки в детской, как в ковчеге. Я не такой религиозный, как ты и Госпожа, но если не ошибаюсь, Ноев ковчег это же об уничтожении целого мира, да?

- Да, - согласился Микаэль.

- Нужно было украсить стены Четырьмя всадниками Апокалипсиса.

Пожимая плечами, Микаэль посмотрел на стены, окрашенные в элегантный светло-голубой цвет.

- Дети любят лошадок.

Гриффин повернулся и уставился на него, прежде взорваться от смеха.

- Она не сказала мне, что ты смешной, - улыбнулся ему Гриффин.

Микаэль заморгал. У Гриффина была такая улыбка, которая слепила подобно ярким лучам солнца.

- Я и сам не знал, что смешной.

- Очень, - Гриффин все еще продолжал рассматривать парня, и Микаэль немного покраснел от такого пристального внимания.

Нора тоже смотрела на него пристально; точно также как и Отец С. Должно быть, это являлось одной из отличительных черт Доминантов. По-видимому, это была единственная причина, почему такой парень как Гриффин вообще на него посмотрел, подумал Микаэль.

- Неважно, - Гриффин продолжал, будто что-то вспоминая. - Госпожа послала меня сделать список твоих ограничений. Подумала, что тебе будет комфортнее делать это с другим парнем. Записывать, я имею в виду.

- Список ограничений?

- Большинство Доминантов заполняют такие списки со своими партнерами до того как заняться сексом. Так Верх заранее будет знать, чего тебе хочется, а чего нет. Помогает предотвратить приступ паники сабмиссива посреди сессии. Видишь ли, не всем хочется внезапно оказаться вовлеченным в игру «свяжи меня» с бывшим военнопленным, к примеру.

- Упс, - согласился Микаэль.

- Вот именно. Так что устраивайся поудобнее. Это все на десять долбанных страниц как минимум, - сказал Гриффин, усевшись на подоконник эркера, и скрестив ноги.

В своих свободно облегающих брюках хаки и белой рубашке, он был похож на ухоженного богача-бездельника на отдыхе. Микаэль обернулся в поисках стула, и не найдя ничего, решил вести себя как саб, кем собственно он и был, и просто уселся на пол.

Гриффин вновь замолчал и внимательно посмотрел на мальчика. Парень подтянул колени к груди и заправил длинные волосы за уши. То, как смотрел на него Гриффин, заставляло его чувствовать дискомфорт. Именно такой дискомфорт, которой ему нравился.

- Так, ладно, - сказал Гриффин, беря стопку бумаги и доставая ручку из заднего кармана. - Это достаточно просто. Все идет по шкале от одного до пяти: один - значит, это заводит тебя так, как если бы ты целовал свою бабушку, и пять - ты бы кончил прямо в шорты, просто размышляя об этом. Не имеет значения, был у тебя такой опыт или нет, главное – твое желание претворить это в жизнь. Первая категория - секс.

- Пять, - ответил Микаэль.

Гриффин улыбнулся ему.

- Это была просто категория. Но мне уже нравится твой энтузиазм, Мик.

- Мик?

- Могу я называть тебя Мик? Микаэль - слишком формально. А я не любитель формальностей. Тебе повезло, что я хотя бы напялил штаны сегодня.

Парень задумался. Все звали его только Микаэль, кроме отца, который назвал его Мики, как ребенка – и это прозвище он ненавидел. Нора звала его Ангелом. Но то была Нора. Она могла называть его как угодно.

- Мне нравится, - решил парень и улыбнулся.

Проглядывая страницы этого списка, Гриффин бормотал себе под нос, что-то, что прозвучало как, - пристрелить бы Папу за такое.

Микаэль решил, что он, должно быть, ослышался.

- Категория один, - продолжил Гриффин, - по шкале от одного до пяти... вагинальный секс?

- Пять.

- Согласен. Оральный секс?

- Пять.

Гриффин посмотрел на него, прежде чем снова опустить глаза в записи.

- Даже лучше. Анальный секс?

Майкл закашлялся.

- Пять.

- Несколько партнеров?

Микаэль посмотрел на свои запястья, проверяя, прикрывают ли часы и браслет его шрамы полностью.

- Пять.

- Втроем?

- Пять.

Микаэль не видел, но чувствовал на себе любопытный взгляд Гриффина.

- Две женщины и один мужчина?

- Пять.

- Двое мужчин и одна женщина?

Микаэль поерзал на месте и уставился в пол, не встречаясь глазами с Гриффом. Прошло много времени прежде, чем он ответил.

* * *

Через пять минут после того, как закончилась вечерняя месса, Сюзанна стояла снаружи Пресвятого Сердца в тени ивы и наблюдала за Отцом Стернсом.

Великолепен. Священник, ее цель, был абсолютно великолепен. Члены общины вышли из передних дверей и приветствовали своего священника. Он обменивался рукопожатиями с мужчинами. От большинства женщин он удостоился легких, целомудренных объятий. Каждый ребенок получил прикосновение к макушке, как крошечное благословение. Каждый ребенок, кроме одного.

Мальчик лет шести или семи с непослушными черными кудрями подбежал к Отцу Стернсу и сердито посмотрел на священника.

- Оуэн, я уже сказал тебе...

Отец Стернс начал говорить, но маленький мальчик не дал ему закончить.

- Это не справедливо, - сказал он, притопывая маленькими ножками. - Я хочу сказать спасибо. Вы должны были сказать мне...

- Оуэн, - Отец Стернс нагнулся, чтобы видеть мальчика с глазу на глаз. - Ты знаешь, что священникам не разрешается рассказывать секреты. Человек, который заплатил за твое обучение, попросил меня молчать.

Сюзанна напряглась при виде маленького мальчика, Оуэна и священника, который стоял так близко ему. По крайней мере, было видно, что мальчика Отец Стернс не испугал. В то время как сама она была напугана. Оуэн поднял маленький кулачок, и, прищулив глаза, зарычал.

- Молодой человек, вы только что зарычали на меня?

Мальчик тут же посмотрел на него кротким взглядом.

- Может быть, - признался он, сморщив лицо.

- Очевидно, вы проводите слишком много времени со своей мисс Элли. Она тоже любит на меня рычать.

При упоминании таинственной мисс Элли гнев Оуэна сошел с лица.

- Когда она вернется? - спросил мальчик. - Я нарисовал новую картину для нее.

- Я не могу сказать. - Отец Стернс встал, выпрямляясь во весь рост. - Ее может не быть в течение некоторого времени.

Оуэн кивнул и уставился на свои ноги.

- Я скучаю по ней, - сказал мальчик, носками кроссовок пиная траву.

Отец Стернс вздохнул и погладил его по макушке.

- Как и я.

Оуэн убежал, и Сюзанна поняла, что пришло время действовать. Нервная, девушка подошла к Отцу Стернсу, надевая свою лучшую улыбку «девочка-из-канала-прогноза-погоды».

- Отец Маркус Стернс?

Он повернулся к ней с легкой улыбкой на губах.

- Очень приятно видеть новое лицо в Пресвятом Сердце. Как поживаете, мисс...? - начал он и протянул руку.

Сюзанна застыла на мгновение, прежде чем вспомнила, что она была под прикрытием. Девушка протянула руку и позволила ему взять ее. У него были идеальные руки, скульптурные, как у статуи. Гладкая, теплая кожа, но сильное рукопожатие, очень сильное, хотя он совсем слегка сжал ее пальцы. Священник пожал ее руку, как человек, который знал свою силу, умел командовать и контролировать.

- Кантер, - представилась она. - Сюзанна Кантер. Очень хорошо, спасибо, - сказала она, отвечая на любезность любезностью, и отдернула руку. - Мне понравилась месса.

- Рад это слышать. Что привело вас в Пресвятое Сердце? - спросил он, в его голосе было любопытство, но не подозрение, и Сюзанна решила положиться на удачу и посмотреть на его дальнейшую реакцию.

- Не по религиозной части. Видите ли, я слышала, что эту церковь посещает Нора Сатерлин. Я ее большая поклонница, поэтому думала заскочить посмотреть, но не увидела никого, кто мог быть похож на знаменитую писательницу.

- Ее трудно не заметить, - сказал он, и его улыбка стала чуть шире. - Обычно она благословляет нас своим присутствием довольно часто, но сейчас, кажется, взяла что-то вроде академического отпуска на лето.

- Очень жаль. Должна сказать, я впечатлена тем, что ваша церковь ее принимает. Я читала несколько ее книг. Греховные вещи.

Сюзанна увидела, как что-то промелькнуло в его глазах. Удивление, может быть? Или это веселье?

- Мы следуем пути Христа и приветствуем грешников, сборщиков податей и других гнусных личностей в Его Обитель и Царство. Благодаря Его особенному состраданию и щедрости он говорит даже с журналистами.

Улыбка священника вновь изменилась. Теперь в ней проглядывала чистая ирония.

- Как вы..., - начала она, потрясенная до немоты.

- Вы делали заметки во время мессы. Только Евангелистский Протестант или репортер будет заботиться о заметках во время проповеди, особенно моей. А после двадцати лет службы в церкви я могу определить бывшую католичку за километр.

- Ах вот как?

- Вы встаете и садитесь в нужное время и не выглядите потерянной. Вы легко называли меня Отец, не Пастор или Преподобный. И у вас очень ясный католический взгляд.

- Что значит «католический взгляд»?

- Чувство вины.

Сюзанна выпрямилась, не позволяя ему увидеть, что он задел ее. В конце концов, она не видела ни капельки вины в его глазах.

- Хорошо, да. Вина. Репортер и бывшая католичка, - сказала она, расплываясь в еще более широкой фальшивой улыбке.

- Иногда мы видим здесь бывших католиков, но вот репортеров нечасто, - сказал Сорен доверительным тоном. - Уверяю вас, ничего примечательного не произошло за последнее время. Я не проводил обрядов экзорцизма уже много, ммм, недель.

Сюзанна долго смотрела на него, растерявшись.

- Вы не такой, каким я вас представляла, - сказала она, освобождаясь от притворства.

- Учитывая то, какое общепринятое мнение о духовенстве существует в наши дни, я приму это как комплимент. Простите меня, Мисс Кантер. Я должен быть со своими прихожанами. Но мой офис всегда открыт. Что-то подсказывает мне, что у вас найдутся некоторые вопросы.

- Да. Гораздо больше, чем я первоначально планировала.

- Тогда буду рад видеть вас снова. Желаю хорошего дня.

С вежливым кивком он оставил ее, чтобы присоединиться к группе прихожан, которые, по-видимому, долго ждали, чтобы тоже пообщаться с ним. Сюзанна проводила его глазами. Все прошло не так, как планировалось. Даже и близко нет.

Следуя за шумной семьей с пятью или шестью детьми, спорившими, где лучше поужинать, Сюзанна добралась до парковки. Оказавшись внутри машины Патрика, она снова вытащила блокнот.

«Очень умный», - написала она. «И до безобразия красивый. Он ожидал меня.»

Внизу страницы она нацарапала *«Я не доверяю ему»* и подчеркнула это три раза.

* * *

Нора перебирала свой багаж, отделяя одежду от игрушек. В такие моменты она скучала по собственному подземелью. Во время работы Госпожой у нее были свои собственные комнаты, если так можно было сказать, в VIP-крыле Восьмого Круга. У Сорена там до сих пор остались личные апартаменты. Как и у Кингсли и Гриффина. Но как только Сатерлин вернулась к Сорену в качестве сабы, ей пришлось отказаться от своего подземелья и передать своей замене – Госпоже В. Тем не менее, она придерживала большинство своих игрушек для тех случаев, когда Сорен разрешал ей побыть Госпожой для кого-то. Некоторые из любителей БДСМ в их сообществе только хмурились, глядя на ее свитч игры, да еще при наличии альфа Доминанта. Но Сорен любил ее и понимал. И он знал ее лучше всего и не запрещал такие игры. Она любила доминировать над женщинами и при случае даже над одним известным французом-свитчем. Завистливые ненавистники могли бы отобрать ее распорку и знаменитый красный хлыст, только вырвав их из ее холодных, мертвых рук.

Нора купила ошейник для Микаэля, черный, в тон к его волосам. У нее не было ни малейшего желания надеть этот ошейник навсегда, но он должен был привыкнуть к такому, если собирался присоединиться к Преисподней вместе с ней и Сореном. Она порылась в самом низу сумки. Кнуты и цепи, колесо Вартенберга, два набора наручников – одни из металла, другие из веревки, крюки... все свалилось во внушительную кучу на полу. Нора нырнула еще раз в чемодан и засмеялась от увиденного. Как ее пижама в утятах могла попасть в сумку с игрушками? Она вспомнила, что спорила с Заком по телефону, пока упаковывала вещи. Очевидно, Зак ее слегка отвлек.

Нора устала на пижаму, в маленьких утятах, напечатанных на голубой фланели. Пижамы были причиной ее первой стычки с Уесли, когда тот переехал. Никто не посмел бы назвать ее эксгибиционисткой – но у нее было прекрасное тело, и ее не заботило, увидит ли кто-то его. Поэтому в первое утро после переезда Уесли она вошла в кухню в своем обычном белье – почти прозрачной черной комбинации и трусиках. Полусонная, она вошла в кухню, погладила Уесли по белокурой макушке,

схватила круассан и чашку кофе и направилась в свой кабинет. Через несколько минут заметно обеспокоенный Уесли вошел в ее кабинет и встал к ней спиной.

- Да, Уесли, в этих джинсах твоя задница выглядит просто потрясающе, - сказала она, скользя взглядом по его высокому, худому и слишком-сексуальному-для-девственника телу.

- Я не поэтому стою к тебе спиной. На тебе совсем нет одежды, Нора, - сказал он в праведном возмущении.

- На мне есть одежда. Моя пижама.

- Ты надела целлофановый пакет и больше ничего.

- Не правда. Я носила целлофановый пакет, и выглядит он совершенно по-другому. Это LaPerla.

- Это Ла Прозрачное. Пижама должна состоять из ткани. Она сделана из хлопка или другого настолько же непрозрачного материала. Если я собираюсь жить с тобой, не потеряв голову...

- Или девственность, - поддразнила она.

- Ты должна носить нормальную пижаму, когда я тут. И точка.

Он ушел в школу в гневе в тот день. Когда Уес вернулся домой, она удивила его небольшим пижамным показом мод. Сначала маленькие обезьянки, потом пингвины, и напоследок утята в галошах на маленьких лапках.

- Лучше? - спросила Нора.

Уесли улыбнулся ей и, протянув руку, застегнул верхнюю пуговицу на ее пижаме с утятами. Сатерлин сделала вид, что задыхается, хотя чувствовала себя вполне комфортно даже с тугим ошейником на горле. Тогда Уесли снова расстегнул пуговицу, и на мгновение их глаза встретились, и больше всего на свете она хотела, чтобы он продолжил дальше. Его пальцы дрожали так сильно, что она поняла, что ему действительно хочется это сделать.

Уесли улыбнулся ей и прошептал:

- Идеально.

- Он совершенен, Нора.

Неожиданно громкие слова вытащили ее из прошлого. Обернувшись, она увидела вошедшего в гостевую спальню Гриффина, естественно, ее комната располагалась рядом с его, он был в равной степени раздражен и возбужден.

- Никто не совершенен, Гриффин, - сказала Нора, бросив пижаму в ящик. - Кроме Сорена.

- Сорен не совершенен.

Нора уставилась на Гриффина.

- Дьявол, этот святой ублюдок солгал мне.

Гриффин закатил глаза.

- Микаэль идеален. Он мой идеал мужчины... парня. Неважно. Срань Господня, Нора.

Гриффин бросился на ее кровать, взял пару наручников и положил их на глаза, как гигантские очки.

- Очень соблазнительно.

Нора сняла наручники с лица Гриффина и положила в свою кучу игрушек.

- Вы закончили его список ограничений?

- Да. Пацан настоящий извращенец. Я влюблен.

Нора поставила высокие сапоги ботфорты в шкаф.

- Ты не влюблен.

- Ты бы поверила в «любовь с благородными намерениями»?

- Не-а.

Гриффин уставился на нее.

- Гриффин Фиске, ты знаешь не хуже меня, что у тебя никогда не было отношений, которые длились больше трех недель. И то, тогда ты изменял своей подруге с ее сводным братом. Ты только познакомился с Микаэлем.

- Да, и что? За сколько ты влюбилась в нашего Папу?

Нора улыбнулась про себя.

- За две или три секунды. Но прошло около недели, и я решила, что ненавижу его.

- Впечатляет, что вы так долго продержались вместе.

В голосе Гриффина слышалось сдержанное уважение. У Гриффа было множество любовников и практически нулевой опыт серьезных отношений за плечами.

- В чем твой секрет?

- Ну, Сорен имеет надо мной неослабевающую власть. И действительно помогает то, что я все еще в него влюблена. А еще больше помогает то, что я до сих пор его ненавижу, - сказала она, внезапно больше не желая говорить о Сорене.

Было слишком больно от осознания того, что придется прожить два месяца до следующей встречи с ним.

- Так и что со списком Микаэля? Есть что-то, что мне следует знать?

Гриффин перевернулся и вытащил листок бумаги из заднего кармана. Решение Норы присоединиться к нему на кровати было неудачным. Прошло всего пару секунд, прежде чем она оказалась на спине, и Гриффин застегивал наручники из ее же сваленных в кучу игрушек на запястьях.

- Это кое-что мне напоминает, - сказала Нора, расслабляясь в наручниках, - нужно позвонить моему редактору.

- Ты можешь позвонить ему после того, как я тебя оттрахаю.

- Можно ты оттрахаешь меня после того, как мы поговорим о списке Микаэля?

Гриффин рухнул рядом с ней, оставив ее лежащую на животе и все еще в наручниках. Со стоном разочарования, Нора, опираясь на плечо, повернулась на бок.

- Сначала список, затем секс. Что там с мелким?

- Секс? Пятерки по всем направлениям. Похотливый мерзавец.

- Ему семнадцать.

- Намек понял.

- Что еще? - спросила Нора.

- Каких-то глобальных фетишей нет. Никаких «водных видов спорта» или чего то подобного.

- Хорошо, - сказала Сатерлин, - у меня очень застенчивый мочевого пузыря.

- Ему нравятся типичные извращения, - продолжал Гриффин. - Бондаж - отлично, в любом виде. Боль подходит, в любом виде. Хотя вот это было странно, - сказал Гриффин, перевернув на последнюю страницу.

- Что?

- Ему нравится боль и доминирование. Все четверки и пятерки в этой области. Но когда я спросил о порезах, он сразу же выдал мне большую единицу. Странно, да?

Нора тут же вспомнила о шрамах на запястьях Микаэля. Ей это не казалось странным ни чуточку – порезов в его жизни было более чем достаточно.

- Я ненавижу порку ног, - сказала Нора, пытаясь отвлечь внимание Гриффина.

Если Микаэль захочет, чтобы Гриффин узнал о его попытке самоубийства, то пусть сам рассказывает.

- Делай, что хочешь со мной, но не бей по ногам. Я боюсь щекотки.

Гриффин поднял бровь, глядя на нее.

- Принял к сведению. О, кстати, он не любит, когда на него кричат.

Нора вздохнула. Это, скорее всего из-за мудака отца.

- Я никогда не была любительницей кричать на клиентов. Плохо для горла. Плюс действительно хороший доминант может внушить праведный страх в саба одним только шепотом. Сорен действительно так умеет.

- Сорен может внушить праведный страх в саба, просто появившись в своем облачении, - сказал Гриффин с едва скрываемой завистью.

- Знаю. Я обожаю этого мужчину, - сказала Нора, улыбаясь с гордостью.

В их огромном развратном сообществе, никто не внушал больше уважения или страха, чем Сорен. Иногда она благодарила Бога, что Сорен ушел в священники, а не в военные. Он стопроцентно был бы диктатором.

- И последнее о Мике, - сказал Гриффин, складывая список обратно в карман.

- Мик?

- Я зову его так. В Микаэле слишком много слогов.

- Ладно, и что там последнее о Мике?

Гриффин повернулся на бок и встретился глазами с Норой. Он протянул руку и освободил ее волосы от черной заколки и нежно прошелся пальцами по лицу и шее. «Плохо», подумала Нора. Наверняка, это должны были быть плохие новости, раз Гриффин ее подбадривал.

- Все просто, и ты только не волнуйся, - сказал Гриффин, расстегивая ее рубашку, стягивая бретельку бюстгалтера вниз и взяв ее сосок в свой теплый рот.

- Волнение – не то, что я сейчас чувствую, - сказала она, отклоняясь назад и давая ему лучший доступ к груди. - Можешь сказать мне самое страшное, пока я возбуждена.

Гриффин скользнул рукой под юбку между ее бедер, и, пробравшись пальцем под ее трусики, протолкнул его внутрь.

- Все дело в том, что Мик, - сказал Гриффин, добавляя второй палец в ее влажное лоно, - он би.

Глава 8

Оставшись в одиночестве в комнате, которую выбрали для него Нора и Гриффин, Микаэль распаковал походную сумку. Его скейтборд, колесами кверху, лежал поверх вещей, и был первым на очереди. Теперь, когда парень взял его в руки, то почти пожалел, что взял с собой. Нора знала, что он скейтбордист, а вот Гриффин нет. Естественно, такой как Гриффин сочтет скейтборд детской забавой. Микаэль поставил доску на пол и закатил под кровать.

Он распаковал одежду - джинсы и футболки, шорты по колено, носки, все как обычно, и отправил их в пустой шкаф. То, что его дешевая одежда будет лежать в дорогом шкафу, который стоит дороже маминой машины, казалось несколько неправильным. Порывшись еще раз в своей сумке, Микаэль нашел самое драгоценное сокровище и вытащил его.

Сразу после того, как он с родителями переехал в Уэйкфилд и начал посещать Пресвятое Сердце, Микаэль услышал сплетни, что писательница Нора Сатерлин посещала ту же церковь за долгие годы до того, как превратиться в ТУ САМУЮ Нору Сатерлин. Поэтому однажды в торговом центре он пробрался в книжный магазинчик «Границы» и нашел копию ее книги «Красный». На обложке были изображены женские запястья, связанные кроваво-красной шелковой лентой. Он вспомнил, как смотрел на обложку так долго, не моргая, что заслезилось в глазах. Но никто никогда не позволил бы тринадцатилетнему мальчику купить такую книгу. Он думал о краже, но даже от одной идеи умыкнуть что-то из магазина его выворачивало. Мальчик нашел какой-то фэнтези-роман о королях и единорогах по такой же цене, что и «Красный», и заменил обложки. Ему не нужна была обложка. Образ связанных запястий был выжжен в его зрачках. Когда он смотрел на них, на эти связанные запястья тонких бледных рук, то не мог не представлять свои собственные руки. Этот образ словно говорил с ним. Он шептал ему. «Это любовь», - подумал Микаэль, когда впервые увидел подобное изображение.

Он купил книгу и принес домой. После того, как его родители легли спать, Микаэль провел всю ночь за чтением. И перечитывал ее всю следующую ночь. Когда Отец Стернс начал работать с ним после той попытки самоубийства, Микаэль, наконец набрался мужества, чтобы спросить его о Норе, которую Отец С звал Элеонор. Почему-то первым вопросом, который он задал, был, "Она красивая?"

Отец Стернс ответил: - Микаэль, Элеонор, без сомнений, самая красивая женщина, которая когда-либо жила на свете. Если бы ты мог взять ночную грозу и превратить ее в женщину, тогда ты примерно поймешь, какая она. И кстати, ведет она себя так же, - сказал он и улыбнулся.

Микаэль надолго замолчал после ответа. Он любил ночные грозы, то, как весь дом дрожал под порывами ветра и дождя, и то, как слепяще-белые молнии разрывали

небо в клочья. После продолжительного молчания священник остановился и повернулся к нему. Его взгляд задержался на Микаэле на один долгий момент.

- Хотел бы ты ее увидеть?

Отец С предложил ему сделку: если Микаэль сможет прожить целый год без попыток увечить себя любым способом – никаких синяков, ожогов, порезов или попыток самоубийств, то тот устроит ему свидание с Норой Сатерлин. Через одиннадцать месяцев после их договора Микаэль был в Пресвятом Сердце и сидел над домашними заданиями. После завершения развода его мать получила работу. Она оплачивалась лучше, чем ее прежняя должность, но в некоторые дни ей приходилось работать до 23:30 по вечерам. Она не хотела оставлять Микаэля в одиночестве дома. Поэтому Отец С предложил в такие дни приходить в церковь, чтобы парень не оставался один.

Это был вечер понедельника, рабочий вечер, вспомнил он. Наутро ему нужно было представлять Менделеевскую таблицу на уроке биологии. Он слышал разговор Отца С с кем-то по телефону, но не мог разобрать ни слова.

Разговор шел будто бы на французском языке. Иногда Отец С разговаривал по-французски по телефону.

А иногда это был другой язык, как казалось Микаэлю шведский, но потом оказалось, что это был датский. Микаэль слышал, как Отец С повесил трубку. Когда священник вышел из офиса, на его лице была та же грустная улыбка.

- Она тоже делала свою домашнюю работу здесь, - сказал он без всяких предисловий.

Микаэлю не нужно было спрашивать, кто такая «она».

- Всегда можно было понять, когда она занималась домашними заданиями по математике.

- И как это можно было понять? - спросил Микаэль.

- Я, и кто бы ни находился в это время в церкви, могли слышать длинный перечень ругательств.

Микаэль рассмеялся.

- Я не могу дождаться встречи с ней.

- Тебе больше не нужно ждать. Ты готов?

Его руки занемели в первый раз с тех пор, как его выписали с больницы. Встретиться с ней - Норой Сатерлин – женщиной, укравшей его самые сокровенные мечты и выразившей их на бумаге. Микаэль сделал неглубокий испуганный вдох и принялся складывать свою домашнюю работу.

Парень кивнул.

- Я готов.

Он проследовал за Отцом С из церкви и сел в серый Роллс-Ройс, ожидавший их на улице. Автомобиль отъехал от тротуара и Отец Стернс уставился в окно.

- Что мне делать, когда я ее увижу? - спросил Микаэль.

- Будешь называть ее мэм или Госпожа. И будешь делать все, что она тебе прикажет.

Микаэля тогда трясло, как дом в грозу.

- Будем ли мы... Я имею в виду, что будет...

- Она лишит тебя девственности, Микаэль. Если это то, чего ты хочешь.

Микаэль кивнул и уставился в окно. Казалось, будто машина застыла на месте, и только улицы бешено мчались навстречу.

- Да, это то, чего я хочу.

И вот теперь он был в чертовом особняке в штате Нью-Йорк с самой Норой Сатерлин. Боже, это нереально. «Какого хрена я здесь делаю?» Микаэль задал себе этот вопрос, укладывая книгу в ящик прикроватной тумбочки. От этого дома просто разило богатством и роскошью. А он был семнадцатилетней тенью без гроша за душой.

- Если бы я приказала тебе улыбнуться, ты бы улыбнулся? - раздался голос в дверях.

Микаэль оглянулся и увидел Нору, разглядывающую его со скрещенными на груди руками и ее обычной коварной ухмылкой на лице.

- Да, мэм, - сказал он, пытаясь улыбнуться ей.

Она вошла в комнату и подошла ближе. Взяв его руки в свои, Сатерлин подняла его запястья к губам и нежно поцеловала шрамы.

Наконец он по-настоящему улыбнулся.

- Он спас мне жизнь, ты знала? - сказал Микаэль. - Отец С спас меня.

Нора отошла назад и села на скамейку в углублении окна.

- Да?

Микаэль кивнул.

- Не только потому что нашел меня той ночью. То, что он рассказал мне о себе, о тебе, это помогло больше всего на свете.

- А он никогда не рассказывал, как однажды спас мою задницу? - спросила Нора, скрещивая изящные ноги.

- Нет.

- Ну, он действительно всеми способами пытается сохранить мою репутацию. Это не проще чем все подвиги Геракла. Сразу после того, как я встретила Сорена, я попала в беду. Дело почти дошло до тюрьмы для несовершеннолетних.

Микаэля поразила эта новость.

- За что?

- Моя мама думала, что она вышла замуж за механика.

Нора прислонилась спиной к стене.

- Милый богатенький муж для девушки из большой и бедной немецко-католической семьи. Как выяснилось, он был не механиком. Скорее это было похоже на то, что он участвовал в запрещенных гонках и знался с бандитами.

- Проклятье. Твой отец был бандитом?

Нора пожала плечами.

- Не то чтобы бандитом. Он несколько раз попадал в тюрьму. Всегда был должен денег кому-то подозрительному. Мама пыталась держать меня подальше от него, но папиной дочке всегда сложно сказать нет, если он звонит и говорит, что нуждается в ее помощи. Давай просто скажем, что я была очень хороша в семейном бизнесе.

- Тебя арестовали за угон автомобиля?

Нора подняла руку и пошевелила пальцами.

- Пять автомобилей? - ошеломленно спросил Микаэль.

- Меня поймали на пятой. Мне везло той ночью. Никто не мог заподозрить пятнадцатилетнюю девочку в форме католической школы, отирающуюся рядом с их Порше. Я выглядела такой невинной. Это была идеальная маскировка.

- Невинная? Ты?

Нора посмотрела на него на мгновение, прежде чем на ее лице появилось смущенное выражение. Она широко открыла глаза, захлопала ресницами и прикусила нижнюю губу, как маленький ребенок. Внезапно она стала выглядеть на пятнадцать, милой и испуганной.

- Черт, - выдохнул Микаэль.

- О, да, - сказала она, и лицо ее вновь стало нормальным. - Я могу выглядеть невинной. Этот взгляд срабатывал со всеми – мамой, папой, копами... всеми, кроме Сорена. Он видит меня насквозь. Он всех и вся видит насквозь.

- Я заметил.

- Я сидела в полицейском участке в комнате для допросов. Мне всего пятнадцать лет, и священник, которого я до этого встречала раза два, входит и открывает мои наручники... своим личным ключом от наручников, как я потом узнала. Он сел напротив меня и ждал, не говоря ни слова, пока я не встретила с ним глазами. Он сказал, что может вытащить меня из этого, но я должна буду делать все, что он мне прикажет.

- Как надолго?

- Я так и спросила его. Он сказал: "Навсегда".

- Что, правда? - спросил Микаэль, очарованный видением пятнадцатилетней Норы, пытающейся спасти себя от тюрьмы и заключающей отчаянную сделку с таинственным священником.

- Ты видел его. Как думаешь, что я ответила? - спросила она и подмигнула ему. - Но хватит обо мне и прошлом. Как ты?

- Я в порядке. Гриффин милый, - сказал он и тут же пожалел об этом. И зачем, черт возьми, он это сказал?

- О да. Очень, - сказала Нора, глядя на него долгим и настойчивым взглядом.

Микаэль уставился в пол и изучал потертости на белых кончиках своих конверсов.

- Рада, что он тебе нравится. Они с Сореном не ладят.

- Почему?

- Ни один из них не рассказывает причины. Если выяснишь это у любого из них, то я дам тебе все, что захочешь.

Микаэль улыбнулся и покачал головой.

- Нора, я здесь с тобой. О чем мне еще просить?

Нора встала и подошла к нему. Стоя перед ним она осмотрела его с головы до ног.

- Как насчет этого? - спросила Нора, расстегивая его штаны.

- Ладно, - согласился Микаэль. - Может быть, об этом.

* * *

Вернувшись в квартиру, на рабочем столе Сюзанна обнаружила папку, которую Патрик назвал Нора Сатерлин, Наилучшая Романистка. Девушка подумала, какое странное имя для папки, пока не заметила заглавные буквы: НСНР, эротика, интернет-сленг Не Смотреть На Работе. Вот в это она верила больше.

Все еще в состоянии потрясения после встречи с безбожно-прекрасным священником Сюзанна налила себе бокал вина, чтобы успокоить нервы. Она села за компьютер и открыла файл.

Привет, Красотка, появилась заметка от Патрика, когда девушка кликнула на папку. Я полазил в сети и нарыл все, что смог, на некую мисс Нору Сатерлин. Ты будешь шокирована тем, что я не нашел ничего из того, что ожидал. Вокруг нее, как и вокруг твоего священника, будто какой-то безгласный инет барьер. Всякая фигня о книгах? Тонны. Личная жизнь? Не так уж много. Но я сделал несколько звонков и кое-что нашел. Прочти файл # 1 в первую очередь. Затем читай файл # 69. Потом позвони мне, и позволь свозить куда-нибудь на ужин, о, прекрасная одержимая женщина. Я же сексуальнее какого-то священника, да?

Сюзанна печально рассмеялась. Какого-то священника - да, но не Отца Стернса. Она все еще не могла поверить, что он был таким... Нет, Сюзанна сказала сама себе. Ее не ослепить всего лишь внешностью мужчины. Что-то не то было с этим священником, раз кто-то даже прислал ей анонимный факс о нем. Из-за его прекрасной внешности нетрудно было представить его использующего свое рабочее положение в сексуальном плане. Даже если он не охотился за детьми, то вполне мог приставать к женщинам в своем приходе.

Она открыла файл, помеченный # 1, и нашла список цитат из различных интервью Норы Сатерлин.

От журнала «Писатели Сегодня».

Интервьюер: Где вы черпаете идеи?

Н.С.: самые лучшие сюжеты я беру там же, где и свои лучшие оргазмы.

Интервьюер: В постели?

Н.С.: в церкви.

Сюзанна хихикнула вслух.

Из Литературной Фрикции, крупнейшего эротического блога в Интернете.

Интервьюер: Вы полагаетесь на личный опыт при написании сексуальных сцен?

Н.С.: Нет.

Интервьюер: Так вы тайная поклонница ванили?

Н.С.: По совету адвоката. Не хочу рассказывать то, что может быть использовано против меня в суде.

Сюзанна прочла еще несколько цитат, которые Патрик добыл для нее. Нора Сатерлин вела очень хорошую игру. Но Сюзанна знала слишком много писателей, чтобы верить, что они вели такой же разнузданный образ жизни, как и их персонажи. Дни сумасшедших авторов наподобие Керуака и Хемингуэя давно закончились. Нора Сатерлин вполне могла быть толстой пятидесятилетней домохозяйкой, занимающейся сексом только в миссионерской позе и то, только с мужем. Таковой была теория девушки насчет знаменитых писательниц любовных романов.

Она закрыла файл # 1 и увидела папку с пометкой фото. Девушка щелкнула по ней, и у нее расширились глаза.

- Ничего себе, - сказала Сюзанна на всю комнату.

Патрик, по-видимому, приложил очень много сил и времени на поиск фотографий Норы Сатерлин. Бедняга. Такой труд. Нора Сатерлин вполне могла бы сойти за сестру Рэйчел Вайс - волнистые черные волосы, большие зеленые глаза, пухлые губы, бледная кожа и сногшибательная фигура. На одной из фотографий Нора Сатерлин сидела за столом, подписывая фотографии красным маркером. В вырезе корсета виднелась красивая ложбинка груди. На другой фотографии она стояла на вершине спирально-закручивающейся лестницы в короткой красной юбке под руку с безумно-красивым мужчиной с коротко-стриженными волосами. Писательница Нора Сатерлин и Редактор Главного Издательского Дома Закари Истон, гласила подпись к фотографии. Что-то в том, как они смотрели друг на друга, заставляло гадать, не был ли мистер Истон кем-то больше, чем просто редактором ее книг. Не то, чтобы она его обвиняла. С этой ее теорией о писателях любовных романов. Последняя фотография была сделана на каком-то вечере по сбору средств. Сатерлин была в шикарном кроваво-красном атласном платье. Рядом с ней стоял мужчина, нет, все же парень. Будучи намного выше ее, он все же выглядел значительно моложе. Ему было лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. В смокинге он выглядел как подросток, надевший отцовский костюм. Он, как и Закари Истон на другой фотографии, смотрел на Нору Сатерлин с одинаково тоской и обожанием. Она казалась настоящим коллекционером. Сюзанне стало интересно, не был ли и Отец Стернс частью коллекции Норы Сатерлин.

Ладно, подумала Сюзанна, итак, Нора Сатерлин была красоткой. Интересно. И она писала эотику. А в интервью говорила так, будто ее книги были слабым

отражением ее реальной жизни. Сюзанна прочла несколько книг. Трудно было верить, что Нора Сатерлин жила разнузданней своих персонажей. Это потребовало бы много усилий. Сюзанна вспомнила инструкции Патрика - прочесть файл # 1, а затем посмотреть # 69. Высший пилотаж, Патрик, подумала она. Просто высший пилотаж.

Она дважды кликнула по файлу # 69. В документе внутри было лишь два предложения.

«Если хочешь узнать больше, то должна пообедать со мной», - гласило предложение номер один. Но именно предложение два привлекло внимание Сюзанны.

Нора Сатерлин была всемирно-известной Госпожой.

* * *

Микаэль застонал в экстазе, когда Нора растерла мышцы на его ногах своими невероятно талантливыми пальцами. Он был немного разочарован, когда Нора сказала, что они не будут заниматься сексом или устраивать сессию...пока что. Но полный массаж тела от одной во всем мире Норы Сатерлин? У него не нашлось причин жаловаться.

- Я саб, - сказал Микаэль, когда руки Норы поднялись к его спине. - Разве не я должен делать тебе массаж?

- Ты самый зажатый и напряженный саб на земле, - сказала Нора, ее пальцы сильнее надавили на скрученный узел, который и был его спиной. - Я не могу бить тебя, пока ты не расслабишься хоть немного, или ты потянешь абсолютно все мышцы тела во время нашей первой сессии. Расслабься. Это приказ.

- Есть, мэм, - сказал Микаэль, напрягаясь, когда ее руки скользнули в его боксеры.

- Микаэль, - сказала Нора с явным раздражением, - твоя задница сжалась сильнее, чем вторая пара утягивающих трусов на трансвестите. Я забыла сказать, что расслабиться было приказом?

- Прости, прости, - сказал Микаэль, смеясь.

- Из-за чего ты так напрягся, Ангел?

Нора вытащила руки и растянулась на боку рядом с ним. Микаэль повернулся к ней лицом.

- Ты девушка моего священника. Я нахожусь в чужом доме. Оба моих родителя рехнутся, если узнают, что я был здесь.

Нора протянула руку и погладила его по щеке.

- Скажи мне правду. Почему ты на самом деле так напряжен?

С трудом сглотнув, он перевернулся и снова надел футболку, затем отвернулся и посмотрел в окно.

- Там огромный бассейн прямо за окном, - сказал Микаэль.

Нора улыбнулась.

- Я знаю. Хочешь слить из него воду и покататься на скейте, да?

- Как ты догадалась? - спросил он, улыбаясь смущенно.

- Я уже старая. Я смотрела «Достигая Невозможного» примерно миллион раз. Кристиан Слэйтер в роли блондина панка скейтбордиста? Из-за этого фильма я, наверное, и стала влюбляться в блондинов.

- Никогда его не видел.

- Возьмем напрокат. Теперь отвечай на вопрос. Почему ты так напряжен?

Вздыхнув, Микаэль подтянул ноги к груди и положил подбородок на колени.

- Мне здесь не место, Нора. С тобой, с Гриффином, в этом доме... это безумие.

Сначала Нора ничего не сказала. Она встала и включила небольшой ночник. Когда Микаэль был маленьким, у него была уродливая пластиковая лампа с Пауэр Рэйнджерс. У юного Гриффина была лампа от Тиффани.

- Забирайся в постель, - приказала Нора.

- Но сейчас всего 10:30 вечера, - запротестовал Микаэль.

- Я полежу с тобой.

Казалось, Микаэль не мог залезть под покрывала еще быстрее. В полумраке он видел Нору, выступившую из туфелек, юбки и блузки. В одном только черном лифчике и крохотных трусиках она скользнула в постель рядом с ним.

- Снимай одежду, - сказала она, и Микаэль неловко снял рубашку и боксеры. - Хороший мальчик. А теперь прижмись ко мне – спиной к моей груди.

Микаэль нервно вжался в Нору, практически застонав вслух при прикосновении его кожи к ее. Он громко простонал, когда она потянулась вниз и сжала руку вокруг его члена.

- Ты не просто немного вырос, - сказала она ему на ухо. - У тебя добавилось сантиметров и в другой части тела, как я погляжу.

Микаэль покраснел, но ничего не сказал.

- Теперь я собираюсь сделать две вещи, - сказала Нора. - Я собираюсь заставить тебя кончить и рассказать тебе сказку на ночь. Что ты хочешь сначала?

- Эм... оргазм?

Микаэль ответил не задумываясь. Если он сначала не кончит, то, вероятно, не будет в состоянии сконцентрироваться ни на едином слове.

- Вполне понятно.

Нора усилила хватку на его члене, прикусила его плечо и нежно погладила вверх-вниз. Его тело напряглось под прикосновением Норы, и он кончил, мелко дрожа.

- Чувствуешь себя лучше?

Микаэль кивнул.

- И мокро.

- Оставь это, - сказала Нора. - Это старая кровать Гриффина. Поверь. Ты не первый, кто кончил на этих простынях. А теперь сказка на ночь. Готов? Скажи «Да, мэм».

Его личная особенная сказка на ночь от самой Норы Сатерлин?

- Да, мэм, - сказал Микаэль с чувством, максимально приближенным к удовольствию.

- Давным-давно, - сказала Нора, оставляя на его плечах серию поцелуев, от которых все тело покрывалось мурашками, - очень бедная девочка из чокнутой семейки стала знаменитой писательницей со острым пером и еще более острым языком, с помощью которого зарабатывала семизначные суммы в чековой книжке. И она гуляла там, где хотела, и делала все, что хотела. И никто никогда не пытался ее остановить. А еще у нее был личный питомец Ангел, которого нужно было научить говорить. Угадай, что она сделала?

- Что? - спросил Микаэль.

Он рассмеялся от неожиданности, когда Нора шлепнула его по заднице и перекатилась поверх него.

Она приблизила к нему свой рот и разомкнула его губы.

- Она отдала ему свой язык.

Глава 9

Нора проснулась от нежного прикосновения к плечу. Повернувшись, она увидела Гриффина, стоящего рядом с кроватью Микаэля и протягивающего мобильный телефон.

- Папа, - сказал он одними губами.

Кивнув и взяв трубку, Нора обернулась и увидела Микаэля, свернувшегося в позе эмбриона, его длинные пушистые ресницы покоились на щеках. В течение почти часа после того, как она, шутя, засовывала язык в его горло, чтобы заставить рассмеяться, они лежали в постели и разговаривали. Ну, большую часть времени говорила она. Но он слушал, и даже, немного нервничая, задал несколько вопросов о том, что случится с ними этим летом, чего она ожидает от него, и что ему нужно. Наконец он расслабился достаточно, чтобы заснуть.

Нора аккуратно выскользнула из-под одеяла. Гриффин молча стоял и пялился на изгиб бледного обнаженного плеча Микаэля, выглядывающего из-под простыни и светящегося в лунном свете. Нора схватила Гриффина за рубашку и потащила в коридор. Закрыв за собой дверь, она бросила на мужчину суровый взгляд.

- Да, сэр? - сказала она, когда Микаэль оказался вне пределов слышимости.

- Как ты, малышка? - раздался голос Сорена в трубке.

- Страдаю по одному высоченному скандинавскому блондину, которого я знаю.

Гриффин уже направился было обратно в комнату Микаэля, однако Нора преградила закрытую дверь своим телом, не давая пройти.

- Я его знаю? - спросил Сорен.

- Александр Скарсгард.

Гриффин сделал ложное движение вправо, прежде чем нырнуть под ее руку. Сатерлин подняла ногу и поставила ступню на дверную раму, блокируя вход.

- Боюсь, я не знаком с этим джентльменом.

- Это шведский вампир. Да пофиг, как поживаете, Сэр?

Она услышала тихий смех Сорена на другом конце линии.

- Заинтригован.

Кровь Норы моментально превратилась в лед от произнесенных им слов. Заинтригован. Сорен заинтригован? Не самое подходящее начало для хороших новостей.

- Заинтригован чем? Или кем, позволю узнать?

- Одной репортершей, заявившейся на мессу сегодня вечером. Сюзанной Кантер.

Нора застонала, но не только от беспокойства, а еще и чувствуя подступающее удовольствие. Гриффин предпринял иную тактику и теперь целовал чувствительное местечко, где шея переходила в плечо. Во время поцелуев он расстегивал свою рубашку, открывая мускулистую грудь и живот.

- О, Боже, она хорошенькая, да? - спросила Сатерлин, не испытывая ни малейшего признака ревности, только страх.

Заинтригованный Сорен - это отвлекающийся Сорен. Ей он нужен был холодным, расчетливым и собранным, чтобы справиться с беспорядком в Уэйкфилде. А не заинтригованным.

- Да, она прекрасна. Темно-рыжие волосы, темные глаза, довольно высокая, - сказал он, и в его голосе послышался оттенок очарования. Гриффин расстегнул бюстгальтер Норы и опустил бретели вниз по рукам.

- Она будет отлично смотреться на моем Андреевском кресте.

Внезапно в ее голове затанцевали образы газетных заголовков.

Уважаемый католический священник разоблачен как Садо-Мазо Господин.

Найдено Тайное эротическое убежище католического священника.

Обвиняемый Садо-Мазо священник лишен сана и отлучен от церкви.

Найдена связь знаменитой эротической писательницы с отлученным священником.

Знаменитая эротическая писательница признана виновной в растлении несовершеннолетних.

- Нас всех посадят, - выдохнула она.

- Элеонор, успокойся, - сказала Сорен, тон его голоса был суровым и командирским, как раз как ей нравилось. - Все будет хорошо. Я справлюсь с Кантер. Она приехала с подозрениями, а не простым любопытством, а это то, что интригует меня больше всего. Несмотря на ее улыбки и вежливые жесты, она была в самом что ни на есть ужасе от меня.

- В ужасе?

Повторила Нора, в то время как Гриффин прошелся зубами по ее бедрам, пытаясь снять с нее нижнее белье. Сорен, в отличие от нее, никогда не преувеличивал. Она знала, что большинство людей считают Сорена пугающим сначала, с его высоким ростом, необычайной привлекательностью, воротничком священника и отстраненным поведением. И он, безусловно, может напугать человека до смерти при правильном настроении. Зак Истон мог это подтвердить. Но ужас казался неуместным, если только у этой репортерши не было фобии на священников. Сатерлин знала несколько травмированных выпускников католических школ, которые могли обмочиться только при виде монахинь и сестер.

- Она точно католичка, - пришла к выводу Нора.

- Была когда-то, - сказал Сорен. - Кроме того, она твоя фанатка. Или выдает себя за таковую. Каким-то образом она узнала, что ты посещаешь Пресвятое Сердце.

- Если она фанатка, то тогда должна мне понравиться, - сказала Нора, ненавидя эту репортершу за шпионаж за Сореном.

Плохо, что та уже связала Нору со священником. Они уже вляпались.

Нора посмотрела вниз и обнаружила Гриффина, которому удалось раздеть ее полностью, и раздеться наполовину самому. Просунув руку между ее ног, он легонько играл с крошечным серебряным колечком, украшавшим ее клитор. Она попыталась шлепнуть его по руке, но тот продолжал, не обращая внимания на ее попытки защититься.

- Что ты собираешься делать? - спросила Сатерлин, в то время как Гриффин ввёл в нее палец, другой рукой умело дразня её сосок.

Раз его не допустили к Микаэлю, Гриффин явно решил выместить всю нереализованную похоть на ней. Против ее воли тело Норы начало реагировать на это нежное воздействие. По крайней мере, парочка часов извращенного секса могли бы отвлечь ее от тревог за Сорена.

- Все, что придется, - в словах Сорена была угроза. - Позаботься о Микаэле. Держи Гриффина подальше от него. И скоро ты будешь дома, со мной, где будешь принадлежать только мне.

- Да, сэр, - сказала она, и низ ее живота сжался от нервозности и возбуждения. - Я люблю тебя.

Слезы защипали в глазах, как только она произнесла это. Нехорошо. Всего несколько дней вдали друг от друга, и она уже скучала по нему достаточно, чтобы стать сентиментальной.

- Я тоже люблю тебя, малышка. Ничто и никто не сможет нас разлучить. Знай и верь в это.

- Стараюсь, - сказала она, сдерживая прерывистое дыхание.

Гриффин подхватил ее лифчик, трусики и свою рубашку и направился по коридору к восточному крылу. Обернувшись, он поманил ее - между его указательным и средним пальцами была зажата упаковка с презервативом. Это напомнило ей...

- Сорен? - сладко спросила Нора. - Возлюбленный священник моего сердца? Могу ли я попросить об одной маленькой услуге?

* * *

Ужин с Патриком всегда начинался с еды, но ею никогда не заканчивался. Сюзанна лежала под мужчиной, в то время как он стаскивал трусики с ее бедер. Плохая идея спать с экс-бойфрендом, даже если он помогал с ее расследованием. Но она не могла отрицать, что хотела этого, хотела его теплый рот на ее груди и его пальцы на клиторе и...

- Я хочу почувствовать твой член внутри, Патрик, - выдохнула она, когда он накрыл ее обнаженное тело своим.

Патрик тихо рассмеялся, и температура тела Сюзанны подскочила еще на пару градусов, его сильная голая грудь вибрировала от звука, прижавшись к ее напрягшимся соскам.

- Я с радостью засуну в тебя свой член. Откуда это взялось? - спросил он, натягивая презерватив.

Двигаясь между ее бедер, он ласкал мокрые складки пальцами, точно зная, что и как ей нравилось.

- Это твоя вина, - сказала она, глядя, как он описывает неторопливые круги внутри нее одним, а затем двумя пальцами. - Ты сказал мне, что Нора Сатерлин посещает Пресвятое Сердце. Я читала ее книги... для исследования.

- Исследования, которым можно помочь своей рукой?

Патрик проложил дорожку из поцелуев по ее плечам, шее и к ее рту.

- О, тебе бы хотелось об этом узнать, - поддразнила девушка.

- О, мне бы хотелось на это посмотреть, - сказал он, нежно толкнувшись в нее.

Она раздвинула ноги и приняла его глубже. В глубине ее горла зародился стон, и Патрик начал медленно, но с силой двигаться в ней. Вдавливаясь бедрами в бедра Патрика, Сюзанна пыталась не думать о причинах, по которым она не должна заниматься сексом с бывшим бойфрендом. Они больше не вместе. С ее работой и путешествиями она не могла позволить себе заводить постоянные отношения. Ему так многого хотелось от нее - обязательств, обещаний, любви – всего того, что она не могла дать. Но за ужином они говорили о Норе Сатерлин, появившейся практически из ниоткуда шесть лет назад и ставшей самой знаменитой Госпожой Преисподней. Патрик не знал некоторых подробностей. Там, где была замешана Нора Сатерлин, было трудно найти конкретику. Тем не менее, это не удержало Сюзанну и Патрика от разнообразных теорий о ее личной жизни – с кем она спала, кем были ее клиенты, что делали любители извращений за закрытыми дверями. К тому времени, как они ворвались в квартиру Сюзанны после ужина, они оба горели и задыхались и были готовы рухнуть вместе в кровать.

Закрыв глаза, Сюзанна почувствовала напряжение в бедрах, сигнализировавшее о скором оргазме. Руки Патрика прижались к ее попке, а его рот снова и снова искал ее губы. Девушка вжалась в матрас, чувствуя знакомое давление. На один краткий момент видение кого-то другого пронеслось перед ее глазами – другого мужчины, выше Патрика, более красивого, старше, гораздо более пугающего и с волосами значительно светлее. Вдруг она кончила, низ ее живота пронзили вагинальные спазмы. Еще несколько секунд Патрик продолжал толчки. Толкнувшись последний раз, он прижался к ней и мощно кончил. Какой-то частью разума Сюзанна слышала, что тот что-то шепчет ей на ухо. Но шокированная своим видением, она не могла понять ни слова.

- Ты ничего не хочешь сказать? - сказал Патрик, целуя ее в щеку, шею.

- Прости, - запаниковала она на секунду.

Неужели она что-то сказала в то время как кончила, другое имя?

- Я просто...

- Я сказал, что люблю тебя, Сюзанна. - Медленно Патрик вышел из нее и лег на бок. - Никаких комментариев?

- О, Боже, - сказала она, подтягивая простыни к груди. - Прости. Хороший оргазм – подозреваю, он убивает клетки мозга.

Патрик перевернулся на спину.

- Я убил клетки твоего мозга. Мило. Ну, не совсем то, на что я надеялся, но гораздо лучше, чем «я тебя ненавижу. Пошел вон».

Сюзанна слышала боль в голосе, боль, которую, она знала, он так отчаянно хотел скрыть от нее. Нехотя она повернулась к нему лицом.

- Патрик, мы уже говорили об этом. Ничего не изменилось с момента последнего нашего разговора.

- Да, - сказал он, через силу вытаскивая свое худощавое подтянутое тело из постели. Почему он всегда занимался сексом, думая о чем-то большем, чем просто секс?

Он поднял свои джинсы с пола и натянул их.

- Работа - твоя жизнь. В Иране ты проводишь один месяц. В Камбодже следующий. Не могу осесть. Нечестно по отношению к тебе. Просто ничего не получится. Все это я уже слышал. То, что я не слышал, это как ты смотришь в мои глаза и говоришь: "Патрик, я не люблю тебя".

Он накинул на себя рубашку и резко застегнул.

- Я жду, - сказал он. - Ты можешь сказать это?

Сюзанна закатила глаза.

- Да, я всегда признаюсь в любви во время ссор после секса. Может, поговорим об этом в следующий раз? Когда на мне будет одежда.

- Да, это все меняет. Я просто уйду сейчас, чтобы ты могла вернуться к своему исследованию. Позвони мне, когда тебе будет нужна помощь в раскапывании дерьма на твоего священника. Или, если ты захочешь, чтобы мой член оказался в тебе, как ты деликатно выразилась.

Он сунул ноги в ботинки, схватил куртку и выбежал из спальни. Со стоном Сюзанна сдернула с постели простынь и обернула ее вокруг тела.

- Патрик, пожалуйста, не уходи. Мы так хорошо провели вечер. Почему всегда нужно портить его ссорой?

Патрик остановился перед входной дверью и обернулся.

- Ты красивая, - сказал он. - И умная. И ты сводишь меня с ума. Я был влюблен в тебя в течение года. Я не спал ни с кем после того, как ты меня бросила и сбежала в Афганистан...

- Я не сбежала, - она возразила сердито. - Я военный корреспондент. Это была моя работа.

- И я не ссорюсь. Я сказал, что люблю тебя. Только ты можешь услышать: "Я тебя люблю" и подумать, что я затеваю ссору. Я ухожу сейчас, прежде чем скажу что-то действительно ужасное, например "Я тебя люблю" снова.

Сюзанна выдохнула и провела пальцами по волосам.

- Патрик..., - начала она и не могла заставить себя говорить.

Он долго смотрел на нее и покачал головой.

- Она ушла, - Патрик сказал, поворачивая дверную ручку.

- Что?

- Нора Сатерлин. Ее настоящее имя Элеонор Шрайбер, ты знаешь.

- Да, я знаю. Нора Сатерлин - это просто псевдоним.

- Во всяком случае, Пресвятое Сердце тщательно записывает все о своих прихожанах. Она ушла из церкви семь лет назад, вернулась в прошлом году. Сомневаюсь, что это что-то значит. Хотел сказать тебе за ужином.

Сюзанна кивнула. Патрик ждал.

- Спасибо, - отозвалась она, плотнее закутываясь в простынь.

Патрик бросил взгляд на девушку, открыл дверь и вышел, оставив ее одну в квартире.

Разочарованная и уязвленная, Сюзанна направилась обратно в спальню. По дороге она остановилась у книжного шкафа и посмотрела на копию книги Норы Сатерлин «Красный» на полке.

- Во всем виновата ты, шлюха, - сказала Сюзанна, пытаясь заставить себя чувствовать себя лучше.

Это не сработало. Она взяла книгу с полки и перелистала, надеясь отвлечься от того факта, что занимаясь сексом с Патриком, она воображала на его месте Отца Стернса, главного подозреваемого и ее врага. Девушка распрямила спину и отбросила чувство стыда. Отец Стернс шокировал своей потрясающей красотой. Это была единственная причина, по которой она представляла его лицо на месте Патрика. Вот и все.

Сюзанна уже почти закрыла книгу и положила ее обратно на полку. Последняя вещь, о которой ей хотелось думать сегодня, был секс или мужчины. Но когда перед ее глазами мелькнули страницы, она прочла посвящение.

Как всегда, любимая вами, Элеонор.

Она снова прочла это. Странная фраза, странно сформулированная. Казалось, она значила намного больше, чем была на самом деле. Нора – это сокращение от Элеонор. Эту часть она поняла.

Но кто был ее любимый?

* * *

Микаэль проснулся в одиночестве. Луна сияла высоко в углу его окна. Все еще ночь. Он перевернулся на спину и уставился в потолок. Часть его все еще не могла поверить, что он должен был провести лето в особняке и обучаться БДСМ у Норы Сатерлин. Прежде, чем он заснул, она спрашивала о его фантазиях, чего бы он хотел попробовать, узнать. Красивая Госпожа, мягко царапающая его обнаженную кожу ногтями, рассказывающая истории из своей жизни в качестве сабы, возможно, была одним из самых эротичных моментов его жизни. К сожалению, когда она пыталась задавать ему конкретные вопросы о том, что бы ему хотелось попробовать с ней, он замолчал, слишком смущенный, чтобы ответить. Микаэль извинился за неумение сформулировать свои сексуальные желания. Но Сатерлин только нежно поцеловала его и прошептала: - Мы еще дойдем до этого.

Об одной вещи они все же смогли поговорить, и это была безопасность. Завтра он должен был начать принимать саб-коктейль, как его называла Нора. Витамин К и цинк, чтобы синяки заживали быстрее. Во время сессий парень должен был использовать стоп-слова соответствующие цветовой гамме зеленый/желтый/красный, чтобы она знала, в каком он находится состоянии. И, конечно, его основное стоп-слово осталось прежним с той ночи, которую они провели вместе: крылья.

Микаэль вспомнил ту ночь, тот момент, когда он назвал ей свое имя. Нора улыбнулась и напомнила, что Микаэлем звали главного Архангела Божьего, свирепейшего воина Господа. Свирепый воин? Какая разница. Его отец назвал его этим именем, очевидно ожидая сына другого рода. Ему было бы гораздо лучше с мускулистым атлетичным сыном. А не бледным, худым, почти женственным юношей. Парень как Гриффин, вот таким хотел бы видеть Микаэля его отец. С мощными мышцами и могучим сложением, прямым носом и сильной челюстью Гриффин был таким человеком, которого захотели бы все – мужчины, женщины, да кто угодно. Он так и сказал Норе, когда она спросила его о родителях.

- Твой отец нашел бы столько же недостатков в Гриффине, как и в тебе, - сказала она, проводя по его лбу с нежностью матери, проверяющей температуру у ребенка.

Боже, когда его мать дотрагивалась до сына в последний раз?

- Гриффин был адским раздолбаем высшего уровня в твоем возрасте, и даже не думал успокаиваться до тридцатилетия. Кроме того, он сумасшедший любитель извращений и бисексуал.

- Гриффин бисексуал? – спросил Микаэль, чувствуя странную дрожь во всем теле.

- Ага. Поэтому следи за тылом, красавчик, - сказала она, подмигивая, смотря на него сверху вниз.

Микаэль застонал.

- Парням не полагается быть красавчиками, - запротестовал он, когда Нора погладила высокий изгиб его скулы.

- А вот ангелам полагается, - сказала она и еще раз нежно поцеловала. Затем наклонилась к его уху и прошептала: - в субботу вечером.

- Что в субботу вечером? - спросил он.

- Я собираюсь избить тебя и снова трахнуть. Если ты готов. Готов?

- Очень готов, мэм.

Микаэль громко выдохнул, разозлившись на самого себя. Его член снова затвердел, стоило только подумать о субботней ночи, до которой оставалось целых два безумно долгих дня. И Нора уже предупредила, что он не должен кончать без ее разрешения. Видимо Отец С ввел такое же правило для нее в течение двух лет, когда подготавливал ее, прежде чем они стали любовниками. Она сказала, что быть безумно влюбленной восемнадцатилетней девственницей с бушующими гормонами, которая должна была спрашивать разрешение у своего священника даже для того, чтобы мастурбировать, было возможно самой худшей пыткой, которую Сорен когда-либо придумывал для нее. Порка тростью была ничтожной щекоткой по сравнению с этим.

Медленно Микаэль выполз из постели, натянул боксеры и футболку и направился в свою ванную комнату. Нет, поправил он себя. Ванную Гриффина. Все принадлежало Гриффину, и Микаэль был просто гостем в этом доме. Он не мог, не стал бы привыкать к этой роскоши. В конце лета он переедет из маленького домика матери в еще более крохотную комнату в общежитии, где сможет находиться в одиночестве. Если бы он привык к этому дому и людям, было бы еще больнее оставлять его в августе.

Склонившись над раковиной, Микаэль плеснул холодной воды на покрасневшее лицо. Он почистил зубы и расчесал волосы пальцами - рутинные действия, которые помогли хоть немного снять возбуждение. Желудок заурчал. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз ел? Со вчера, скорее всего. Гриффин сказал ему, как найти кухню, и что он может брать все, что там найдет. Еда. Еда - это хорошо. Еда его отвлечет.

Парень прокрался из комнаты в детском крыле и направился к главной лестнице. Микаэль вспомнил довольно яркие и красочные инструкции, которые дал ему Гриффин – спуститься вниз по охрененно большой лестнице в центре дома, налево от этого гребаного мраморного памятника, который я бы давно выкинул, но мать свернет мне шею, если я так сделаю, мимо столовой с анальным столом, кухня будет справа.

- Анальный стол? - спросил Микаэль.

- Идеальная высота для анального секса, - пояснил Гриффин.

Так Микаэль спустился по охрененно большой лестнице в середине зала и повернул налево у мраморной статуи, которая изображала какую-то лошадь, как он догадался. Дверь на левой стороне зала была чуть приоткрыта. Изнутри доносились приглушенные звуки удовольствия.

Он тихо подкрался к двери. Внутри обширной, богатой столовой Микаэль увидел Нору и Гриффина. Сатерлин лежала обнаженной в центре огромного стола. Длинные ленты красного шелка привязывали ее запястья к ножкам стола, а ее собственные ноги лежали разведенными на краю. На Гриффине не было ничего, кроме кожаных штанов с низкой посадкой, он стоял между коленями Нору, засовывая в нее ладонь. Аккуратно он вставил сначала три, потом четыре и, наконец, все пять пальцев в ее напряженное тело. Микаэль вздрогнул, однако Нора, казалось, наслаждалась этим. Ее спина изогнулась, и бедра оторвались от стола, когда вся рука Гриффина исчезла внутри нее.

Даже если бы за спиной Микаэля взорвалась бомба, он все равно не смог бы отвести взгляда. У Нору была такая красивая грудь, которая поднималась и опускалась с каждым рваным вздохом. Один вид мускулистой, татуированной руки Гриффина по самое запястья глубоко в Норе довели Микаэля почти до оргазма от подглядывания. Он никогда не думал, что у него фетиш на кожаную одежду, но по какой-то причине глядя на Гриффина в кожаных штанах, выглядящего, как какая-то рок-звезда, покрытый потом в свете свечей, Микаэль почувствовал, как тот завладевает всем его вниманием.

Он слышал, как Гриффин шепчет грязные словечки Норе, которая буквально скакала на его руке, жадно двигаясь и натягивая красные ленты. Ее дыхание становилось все резче и затрудненнее. Пальцы Гриффина массажировали ее опухший клитор, пока тело Сатерлин не застыло, казалось, на целую вечность, прежде чем она кончила с усиливающимся криком.

После того, как оргазм стих, Нора лежала неподвижно в течение одной минуты, тяжело дыша и смеясь, когда Гриффин осторожно вытаскивал из нее свою ладонь. Он отвязал ее запястья от стола и использовал ленты, чтобы вытереть пальцы. Сделав это, он подхватил расprostертое тело Нору и поднял ее со стола не прикладывая особых усилий. Небольшая лужица жидкости мерцала на полированной поверхности стола, прямо там, где были бедра Нору.

Подтянув Нору к себе, Гриффин отдал жесткую команду ей на ухо, затем взял шелковую ленту и связал ей руки за спиной. Нора протестовала, стонала, и даже умоляла. Но Грифф схватил ее за шею и толкнул на пол. Он прислонился к столу, а Нора опустилась на колени перед ним. Микаэль почти застонал вслух, когда Гриффин достал свой член из кожаных штанов. Боже, Гриффин был впечатляюще одарен. Микаэль не мог оторвать глаз от Гриффа, схватившего Нору за затылок и заставившего ее взять весь его впечатляющий член в рот. Тот схватился за стол с обеих сторон и медленно начал двигаться.

Микаэль знал, что не должен смотреть на это. Гриффин и Нора занимались сексом. Ни в коем случае они не хотели бы, чтобы он пялился на них в такое время. Но он не мог уйти, не мог отвести взгляд, не мог остановиться, глядя на линию в центре грудной клетки Гриффина, линию, которая начиналась у его сильной шеи, ложилась на широкую грудь, разделяла его живот и вела вниз ко рту Нору. Пресс Гриффина напрягся, когда с его губ сорвался стон удовольствия.

По волосам Нору прошла рука Гриффина, затем он погладил ее по лицу, по щеке, и уставился на Сатерлин сверху вниз прищуренными глазами, наполненными похотью. Мужчина игриво похлопал ее по подбородку и подмигнул. Подмигнул? От этого уголок довольно занятого рта Нору дернулся в улыбке. До сих пор Микаэль

считал фетиши чем-то темным и опасным, чем-то для таких извращенцев как он. Теперь его вдруг осенило. БДСМ был игрой - игрой, в которой оба игрока выигрывали.

Гриффин вернул улыбку Норе перед тем, как еще один отчаянный вздох сорвался с его губ. Сердце Микаэля сжалось от очевидной привязанности, которую Гриффин чувствовал к Сатерлин. Будет ли у него кто-то, кто сделает так же с ним – улыбнется такой же улыбкой, прикоснется с таким же восхищением, любовью во время секса? Он все время боялся, что никогда не найдет того, кто полюбит его. Найти кого-то, кто поймет его желания и не станет осуждать, казалось практически неосуществимой мечтой. У Норы был Отец С, и, наверняка у Гриффина были сотни любовников, удовлетворявших все его желания и капризы. Могло ли быть это и у Микаэля? Большинство девушек точно сбежали бы от него в ту же секунду, как он попросил бы их доминировать в спальне. А Нора казалась единственной в своем роде.

С тяжелым сердцем Микаэль, наконец, оторвался от приоткрытой двери и направился обратно к себе в комнату. Демон зависти снова танцевал в его груди. Парень остановился и прислонился лбом к стене, чтобы отдышаться на нескольких секунд.

Сцена, свидетелем которой он стал, снова промелькнула перед его мысленным взором, но на этот раз это он был в столовой. Он мог чувствовать мягкий персидский ковер, шершавый под коленями, и ленту, стягивающую его запястья. В шоке Микаэль открыл глаза, понимая, что в течение одной секунды он завидовал не Гриффину, потому что тот был с Норой.

Он завидовал Норе.

Глава 10

Нора посмотрела на часы в ее спальне и быстро посчитала в уме. Темнело около девяти вечера, и значит, что сейчас было около шести. Нужно было убить еще три часа перед первой сессией с Микаэлем. Не хотелось тратить это время на секс с Гриффиним, тот вымотал бы ее до смерти, и сил на Микаэля не осталось. Слишком уставшая, чтобы писать книгу, она решила сделать кое-что получше.

Порывшись в сумочке, Сатерлин нашла свой сотовый телефон и нажала цифру три на быстром наборе. Немного уставший голос ответил после третьего звонка.

- Нора, мне стоит напоминать тебе, что в Англии уже за полночь? - слышался сексуальный британский акцент Зака Истона.

- А ты спал и снова видел сны обо мне?

Она поддразнила его, усевшись на полу и вытянув ноги в виде буквы V.

- Боже, я никогда не узнаю окончание этой истории, да?

- Это твоя вина, что ты рассказываешь мне об эротических снах с моим участием,
- сказала она, наклоняясь назад и потягиваясь.

Несколько недель назад голос Зака звучал немного странно по телефону, когда она позвонила ему утром. Он признался, что только что проснулся от невероятно сексуального сна о ней. Они снова были в их садо-мазо клубе, в Восьмом круге, и забавлялись в старом подzemелье. Сатерлин так и не смогла вытянуть из Истона подробности сна, но, должно быть, он был очень возбужден, если ему потребовалось целых пять минут, чтобы закончить разговор.

- Я никогда не буду делать это, уверяю тебя, - проворчал Зак, Нора услышала улыбку в его голосе.

Сатерлин перевернулась на живот.

- Однажды ночью мне приснилось, что я ем устрицы в Пресвятом Сердце, а Сорен ездит верхом на единороге. Я думала, что это что-то должно означать, но когда рассказала Сорену, тот запретил мне наедаться острой каджунской еды на ночь. У этого человека совершенно нет никакого уважения к юнговским архетипам.

Зак вздохнул.

- Да уж, у меня и Грейси та же проблема.

- Кстати, говоря о жене, где она? Хочу спросить, как правильно произнести «грубо сзади» на уэльском.

- Грейси в ванной, меряет температуру.

- Она должна делать это в ванной?

Зак закашлялся. Нора поняла.

- Ох... Понятно. Так, вот теперь мне интересно, продаются ли анальные пробки со встроенными термометрами. Знаешь, когда у тебя небольшой жар и желание анального проникновения.

- Ты как всегда умудряешься звучать одновременно завораживающе и отталкивающе, - сказал Зак.

- Спасибо. Я стараюсь. Предполагаю, что вы все еще пытаетесь зачать ребенка?

- Отсюда и постоянная возня с термометрами.

- Попробуй доминировать над Грейс в постели.

Нора уселась на задницу и скрестила ноги, положив их на одну сторону.

- Извращение – ответ на все проблемы для тебя, Элеонор?

Нора вздрогнула при использовании ее полного имени. Естественно, возмездие не заставило себя долго ждать.

- Нет, Закария. Это просто ответ на все связанное с сексом. У мужчин доминирование просто вызывает всплеск тестостерона и увеличивает количество сперматозоидов. А для женщин сабмиссивов занятие этим заставляет тело вырабатывать гормоны, подобные опиуму. Она может полностью расслабиться. А

зачать куда проще, когда ты будешь меньше подвержен стрессу. Подсказываю самый лучший приемчик. Свяжи ее. Отшлепай ее. Советую как доктор.

- Возможно, ты становишься моим новым любимым доктором.

- Всегда пожалуйста. Можешь даже взять мое гинекологическое зеркальце. Только на время. Ты обязательно должен его вернуть.

Нора положила ноги на другую сторону, и тихо застонала, когда в ее спине что-то громко хрустнуло.

- Ты занимаешься сексом сейчас? - спросил Зак в ответ на звук.

- Неа. Просто растягиваюсь перед ним, - сказала она, становясь в позу перевернутой собаки в йоге. - Я трахаюсь с подростком сегодня вечером. Нужно хорошо подготовиться.

- Трахаешься с подростком? - спросил Зак, смеясь. - Рад слышать, что ты и Уесли наконец перешли к более тесным отношениям.

При упоминании имени Уесли Нора уронила телефон и рухнула на бок. Она слышала, как Зак произносит ее имя, и схватила телефон с пола.

- Нора? Все в порядке? - спросил Зак.

- Что ты сказал насчет Уесли? - спросила она, у нее дрожали руки. - Ты с ним общаешься?

Она услышала, как Зак тяжело вздохнул.

- Извини, я все еще не проснулся. Не нужно было ничего говорить. Да, Уесли и я иногда обмениваемся электронными письмами. Он сказал, что ты не отвечаешь на его звонки, и поэтому он пишет мне, чтобы справляться о тебе.

Нора поднялась с пола и села на край кровати.

- Ты общаешься с Уесли, - повторила она, ошеломленная известием.

Ей ни разу не пришло в голову, что Зак и Уесли будут поддерживать связь.

- Просто пишет по электронной почте каждые несколько недель, - сказал Зак. - Он беспокоится о тебе.

- Почему? - спросила она, ее сердце бешено колотилось в груди.

- Почему? О, ну я даже не знаю. Потому что ты спишь с садистом?

- Сорен - лучший мужчина на земле, - резко сказала Нора.

- Ты говоришь это так, что мне хочется тебе верить, - сказал Зак. - И если хоть какая-то женщина на этой земле и вынесет такого мужчину, так это ты. Но Уесли подросток и довольно романтически настроен. Он просто видит в Сорене опасного и жестокого человека.

Закрыв глаза, Нора вспомнила лицо Уесли, когда они виделись в последний раз. Его прекрасные золотисто-карие глаза были покрасневшими от непролитых слез. Его

губы, что она целовала, стали бледными и бескровными. Красивый, милый парень исчез, его заменил сломленный мужчина.

- Он больше не подросток, - сказала Нора мягким и тихим голосом. - Ему стукнуло двадцать лет девятого сентября. Знаешь, что я собиралась подарить ему на день рождение?

- Нет, не знаю, - сказал Зак, в его голосе слышалось сочувствие.

- Я собиралась удивить его поездкой на Виргинские острова. Только я и он. Я планировала дразнить его до тех пор, пока бы мы не смогли назвать эти острова как-нибудь по-другому.

Зак рассмеялся.

- И почему я не удивлен?

- Ты сказал, что он переехал, - сказала Нора, вспомнив слова Зака.

- Нора, давай не будем об этом.

- Что ты имел в виду насчет «Рад слышать, как ты и Уесли перешли к более тесным отношениям»? - спросила Сатерлин, напрягая ее замечательную память.

- Ты собираешься спать с подростком сегодня. Да? Или это была шутка? По тебе никогда не поймешь, - неловко поддразнил ее Зак.

- Да. Обучаю нового сабмиссива. Сессия будет довольно обстоятельной, - сказала она самым фальшивым легкомысленным тоном.

- Ну, - Зак начал и остановился.

От этой паузы желудок Норы стянуло в настолько тугий узел, что боль стала нестерпимой.

- У Уесли есть подруга. Она немного старше его.

Нора сглотнула.

- Кто она? - спросила Нора, стараясь не позволить боли и гневу просочиться в ее голос.

- Вроде сказал, что ее зовут Бриджит. Она секретарша отца, по-видимому.

- Бриджит? - повторила за ним Нора, фыркнув с возмущением. - Звучит, как недоразвитая идиотка. Я еще не встречала женщину по имени Бриджит, которая умела бы читать.

- Это же не скрытая ревность в твоем голосе, нет? - спросил Зак.

Где-то на заднем плане послышался женский голос. Сатерлин услышала тихий скрип матраса и поняла, что жена Зака, Грейс, вернулась обратно в постель.

- Нет, - сказала Нора. - Конечно, нет. Они спят вместе?

- Боюсь, тебе придется самой спросить его об этом. Думала о том, чтобы ответить на его звонок в следующий раз, когда он позвонит?

Нора кивнула и вспомнила, что она и Зак болтают по телефону.

- Я подумаю об этом. Сорен хочет, чтобы я сделала это. Он думает, что мне нужно примириться с моим прошлым.

- Тогда я скажу то, что никогда бы не произнес в своей жизни - я полностью согласен с Сореном.

Нора грустно рассмеялась.

- Так, Грейс хочет с тобой поговорить, - сказал Зак, и она услышала, как он шепчет что-то и передает трубку.

- Нора? Ты в порядке? - послышался четкий голос с уэльским акцентом на линии.

- В полном. Я всего лишь флиртовала с твоим мужем, пока тебя не было.

- Не могу винить тебя в этом. Он выглядит довольно мило сегодня ночью. Даже не могу рассказать, во что он одет, потому что на нем нет ничего, - поддразнила Грейс, и Нора, наконец, улыбнулась, настоящей искренней улыбкой.

- Ты издеваешься надо мной, Грейс, - ответила Нора, впечатленная.

Она все еще не могла поверить, как хорошо относилась Грейс к ее продолжающейся дружбе с Заком. Наверное, помогал в этом разделяющий их океан.

- Мне кажется, ты могла бы стать отличным садистом. Я одобряю.

- Я действительно хочу встретиться с твоим таинственным священником.

- Тогда устроим вечеринку на четверых в следующий раз, когда вы с Заком будете в Штатах.

- Отличная идея, - сказала Грейс, перед тем как пожелать спокойной ночи.

Нора отключилась и бросила телефон обратно в сумку. В течение долгого времени ее невидящий взгляд бесцельно бродил по комнате.

Уесли... подруга? Старше его? Секретарша отца?

Стоп, подумала Нора. Из того, что сказал ей Уесли, его отец работал в качестве тренера на конной ферме. Тренеры лошадей имели личных секретарей? А прекрасные молодые мужчины, которые могли заполучить любую девушку, встречались с женщинами постарше только ради одной цели - секса.

Нора услышала стук в дверь. Повернув голову, она увидела Гриффина, стоящего в дверном проеме, практически обнаженного, только в темно-серых боксерах.

- Я собираюсь пойти проверить Мика, окей? - сказал Гриффин.

Нора смутно вспомнила о приказе Микаэлю оставаться в своей комнате в течение всего дня в качестве наказания за то, что он не сделал абсолютно ничего плохого с

момента прибытия к Гриффину. Нужно было, чтобы он делал хоть какие-то ошибки, или у нее не будет повода, чтобы его наказывать.

- Ага, - сказала Нора, встав с кровати.

- А потом я собираюсь связать его и оттрахать, - сказал Гриффин, видимо решив испытать свою удачу.

- Ага, - снова сказала Нора, кружа по комнате.

- Охренеть.

Гриффин уже собирался уходить, но Сатерлин остановила его, вспомнив кое-что.

- Да, Госпожа? - спросил мужчина, улыбаясь.

- Этот дом. Это место когда-то было конной фермой, да?

- Да, - сказал Гриффин. - Когда мой дед был моложе, они разводили здесь чистокровные породы. Я продал всех лошадей, когда получил наследство. Скачки – это просто отвратительно.

- У тренеров по езде есть свои секретари?

Гриффин нахмурил прекрасную бровь.

- Нет. Не знаю ничего об этом. Только у моего деда был, но он же был хозяином всего этого.

Нора кивнула, и Гриффин исчез в проеме. Она видела, как он шел по направлению к детскому крылу. Качая головой, Сатерлин пыталась избавиться от темных мыслей, кружащих вокруг ее разума как разъяренные летучие мыши. Она не могла думать о Уесли сейчас, нужно было сосредоточиться на Микаэле. Конечно, у Уеса должна быть девушка сейчас. Высокий и красивый, умный и милый, он был приманкой для любой женщины. А что она собственно ожидала? Она выгнала его из своего дома и отдала всю себя – сердце, душу и тело - Сорену. Неужели она думала, что Уесли останется просто сидеть и ждать, когда она вернется к нему до конца всей его жизни?

Нет, она не думала об этом. Но тайно надеялась.

Нора сделала глубокий вдох. Тоска, сказала она себе, называя то ощущение, которое захватило ее в этот момент. Сорен научил ее этому трюку много лет назад. Если Сатерлин могла назвать свои чувства, посчитать их и проанализировать, то сможет и дистанцироваться от них, отделяя их от своего разума. Сжигающие. Жалящие. Ноющие. Когда даешь страданиям имя, то овладеваешь ими. Старый садово-мазо трюк для контроля над болью, и сейчас она использовала его. Это всего лишь печаль. Иррациональная, глупая, женская печаль.

В ее сознании вспыхнула картина, образ ее милого, девственного Уесли, обнаженного и входящего в другую женщину, толкающегося в нее.

Ревность, Нора назвала новое чувство. Бешеная ревность.

Сатерлин сделала еще один глубокий вдох. Она втянула в себя боль, страдания, задержала их в животе и вытолкнула вместе с дыханием из носа. Микаэль. Она повторила это имя в голове. Сегодня вечером стоило сосредоточиться на нем. Когда Сатерлин открыла глаза, то взгляд зацепился за белые страницы, лежащие на прикроватном столике. Список Микаэля. Подняв их, она бегло просмотрела ответы парня. Под разделом Садо-мазо, Гриффин оставил приписку.

«Мик не просто саб. Он еще и мазохист. Могу я забрать его себе, когда ты с ним закончишь?»

Тонкая грань лежала между сабмиссивами и мазохистами. Сабмиссивы обожали принуждение, даже если ненавидели боль во время процесса. Но мазохисты не только любили принуждение к боли, они тащились по ней.

Хорошо, подумала Нора, отложив перечень в сторону. Сегодня, по некоторым причинам, она чувствовала, что могла бы забить до смерти кого угодно.

* * *

Микаэль Димир - Сюзанна ввела имя в строке поиска Google и сделала паузу, прежде чем нажать на Enter.

Уже несколько дней она избегала исследования о мальчике, который пытался покончить жизнь самоубийством в Пресвятом Сердце. Это причиняло слишком много боли, но нельзя было бесконечно избегать этого. После единственной встречи с Отцом Стернсом она обнаружила, что он был таким мужчиной, с которым необходимо считаться. Даже сейчас, сидя в одиночестве в своей квартире, ее тело все еще помнило тот шок, который она испытала, впервые увидев священника. И во время их разговора у нее создалось четкое ощущение, что он играл с ней, подначивая. Он ждал репортершу – это было очевидно. И не выказал ни малейшего проблеска страха или нервозности. Даже самая чистая невинная душа занервничала бы при встрече с репортерами. Кем, черт возьми, был этот священник?

Сюзанна нажала Enter и начала перебирать все ссылки. Она ненавидела себя за копание в грязном белье этого мальчика. Но искать что-то на Отца Стернса было похоже на попытку копать лопаткой в бетонном полу. Может быть, повезет больше с кем-то из его прихожан.

Естественно, о попытке самоубийства не было ни единого слова. Он был несовершеннолетним в тот момент, и пресса пожалела его. Его имя - Димир... юный Микаэль должно быть происходил из восточно-европейской семьи, решила она. Она знала пару Димиров во время своего двухмесячного пребывания в Румынии и Сербии. «Вот и все», - сказала Сюзанна. «Будь профессионалом, будь спокойной и отрешенной. Не думай о нем, как о человеке, о ребенке, который любил церковь, доверял своему священнику и...»

Гневным взмахом руки Сюзанна стерла слезы с лица. Она захлопнула ноутбук до того, как смогла прочесть еще что-то о Микаэле Димире, и сразу же почувствовала себя лучше. Если Микаэль Димир пытался покончить жизнь самоубийством по той самой причине, о которой она подумала, то последнее, что хотелось делать, так это снова унижать его. Она должна была сосредоточить все внимание на цели, и имя ее цели было отец Маркус Стернс.

Девушка уставилась на закрытый ноутбук и понимала, что открывать его снова – было бесполезно. Кто-то однажды определил безумие как попытку делать что-то снова и снова, ожидая других результатов. Никакие поиски в интернете не приведут ее к истине об Отце Стернсе.

Хотя она больше не верила в Бога, Сюзанна знала, что делает работу за Него. Кто-то где-то что-то знал об Отце Стернсе, что-то достаточно плохое, чтобы послать анонимный донос. Она не имела ни малейшего представления, почему именно ей. Тысячи журналистов жили в районе Нью-Йорка. Она же всегда была военным корреспондентом. Возможно тот, кто послал факс, знал, что потребуется кто-то храбрый и бесстрашный, чтобы докопаться до истины. А она была бесстрашной. Она была в десятке военных зон - Судан, Пакистан, Афганистан, Ирак... Бомбы взрывались вокруг нее, перед ее глазами солдат разрывало на куски. Но никогда до сих пор она не испытывала такого страха, как стоя перед Отцом Стернсом. Нельзя было позволить запугать себя. Никому. Особенно после того, как она побывала в зоне боевых действий в одной только камуфляжной одежде и с камерой в руках. Она вернется в церковь. Она должна.

Зазвонил телефон и вырвал Сюзанну из глубин ее темных мыслей.

- Патрик, - выдохнула она. - Мне очень жаль...

- Не надо, - робко сказал он, и она расслабилась.

По какой-то причине, после ссоры с Патриком, она чувствовала себя плохо. Теперь, когда они расстались, ей было даже хуже, чем если бы они официально были парой.

- Это моя вина. Ты в Штатах каких-то пять минут, а я уже признаюсь в любви. Это было нехорошо с моей стороны, и мне ужасно жаль.

- Все в порядке. Правда. Ты очень много значишь для меня, - сказала она, зная, что эти слова были не так хороши, как "Я люблю тебя", но сейчас она могла сказать только это.

- Давай забудем об этом.

- Нет, я не хочу забывать об этом. Позволь все исправить. Ужин? Никакого секса не требуется, я обещаю. Если ты только сама согласишься, - сказал он и нервно рассмеялся.

Сюзанна улыбнулась, благодарная за звонок, извинение и присутствие в ее жизни, которые спасали ее от печали, угрожающей сокрушить ее время от времени.

- Ужин звучит прекрасно. Но на самом деле, ты можешь сделать кое-что еще, - сказала она, глядя на закрытый и бесполезный ноутбук.

- Все, что угодно, - пообещал он.

Она провела последние восемь лет в странах с бомбами и оружием и смертью кругом. Если бы она смогла встретиться лицом к лицу с вражескими армиями, то сможет встретиться и с одним католическим священником.

- Мне нужно снова одолжить у тебя машину.

* * *

Микаэль чуть изменил позу, чтобы лучше передать угасающее вечернее солнце. Его карандаш летал по бумаге, прослеживая за рядом изогнутых линий. Парень сделал паузу, посмотрел на свою работу, стер одну линию и перерисовал ее. Когда он ближе подошел к окну, то уловил в воздухе дуновение чего-то нового. Парень вдохнул запах снова – что-то пряное, но еле ощутимое, и мужское. Это не был одеколон или какие-то сильные духи. Просто... Микаэль вдохнул снова и закрыл глаза ... просто возбуждающее. Боже, что бы это ни было, он хотел чувствовать этот запах до конца своей жизни.

- Черт, - слышался голос за плечом, заставляя Микаэля подпрыгнуть от удивления.

Он повернул голову и встретился лицом к лицу с Гриффином, который стоял рядом в одних только коротких боксерах. По крайней мере, теперь он знал источник этого невероятного запаха. Микаэль смотрел на него молча, замечая отсутствие одежды и мокрые волосы. Очевидно, Гриффин только что вышел из душа, и этот невероятный запах исходил от его кожи.

- Ты нарисовал это?

Гриффин взял этюдник Микаэля и сел напротив на скамейку в эркере.

- Оно не закончено.

Парень протянул руку, чтобы вернуть книгу обратно, но Гриффин указал на него пальцем, а Микаэль опустил руки.

- Подчинение, Саб, - сказал Гриффин, вытянув ноги рядом с Микаэлем. - Я не твой Доминант, но я Дом, так что веди себя правильно.

Микаэль подавил желание сделать так, как обычно делала Нора - зарычать на Гриффина.

- Это не закончено, - повторил Микаэль, потянув ноги к груди и обнимая колени руками.

Гриффин посмотрел на него, отложил этюдник в сторону и схватил Микаэля за лодыжки.

- Что...?

Начал Микаэль, Гриффин рывком вытянул ноги Микаэля прямо перед ним.

- Ты свернулся в позе зародыша, как будто собрался умирать, - сказал Гриффин с явным раздражением. - Ты можешь сидеть, занимая пространство, Мик. Каждый раз, когда ты хоть капельку расстроен, то сворачиваешься в крошечный клубок и практически исчезаешь. Довольно впечатляюще, особенно учитывая твой рост.

- Прости, - сказал Микаэль, пытаюсь расслабиться. - Я нервничаю, и я...

Он попытался объяснить дальше, но слова пропали.

- Ты становишься как еж, - сказал Гриффин. - Абсолютная самозащита. Но ты со мной прямо сейчас. Спрячь свои иголки и расслабься. Тебе не надо защищаться от меня. Я не собираюсь делать тебе больно. Даже в увлекательной игровой форме, ладно?

От слов Гриффина сердце Микаэля сжалось, а затем успокоилось. Он не мог поверить, что кто-то с привлекательностью Гриффина, не говоря уже о его деньгах, будет относиться к Микаэлю с такой... Микаэль пытался найти подходящее слово. С такой заботой.

Медленно Микаэль улыбнулся.

- Ладно.

- Хорошо. Теперь просто сиди там и помалкивай, пока я буду копаться в твоём этюднике.

Раздраженный и смущенный, Микаэль уже начал скрещивать руки на груди, но Гриффин пристально посмотрел на него, и парень покорно расслабился.

Гриффин медленно листал страницы изрисованного молескина Микаэля.

- Ты делаешь наброски только карандашом? - спросил Гриффин.

- По большей части. Ручкой и тушью, или карандашом и ручкой.

- А углем?

- Люблю уголь, но дело грязное.

- Ну и что?

- Мама сердится, когда он попадает на одежду, - сказал Микаэль, проклиная себя за то, что сказал что-то настолько по-идиотски глупое.

- Что это за крылья?

В этом молескине не было ничего, кроме различных вариаций на тему - крылья ангелов, крылья птиц, насекомых. Возможно, нужно будет попытаться нарисовать крылья грифонов.

- Нора дала мне это стоп-слово. С тех пор я рисую крылья.

Повернув этюдник, Гриффин переключился на рисунок, над которым Микаэль работал весь день.

- Это невероятно, - сказал Гриффин, держа в руках открытую книгу. - Ты, как Джон Колтхарт, но мягче, более эмоционально.

Румянец на щеках Микаэля стал сильнее.

- Ты знаешь о Колхарте? - спросил Микаэль, слегка ошеломленный этим фактом.

- Знаю, я не похож на такого человека, - сказал Гриффин, - но во мне живет бездна увлечений. Кроме того, я получил степень по Истории искусства в Университете Брауна.

- Ты учился в Брауне?

- Да, но не закончил. Долгая история, - сказал Гриффин с ноткой, которую Микаэль никогда не слышал в его голосе прежде, ноткой дискомфорта. - Но я разбираюсь в искусстве. У меня есть два Пикассо в моей спальне, в комнате Норы висит Кандинский и еще несколько Делоне по всему дому. Обожаю орфический кубизм. А так как я разбираюсь в искусстве, то разбираюсь в таланте. И у тебя он есть, Мик. Мне это нравится.

Гриффин посмотрел на рисунок, над которым работал Микаэль. Ничего особенного, просто изображение широких ангельских крыльев, в готическом стиле, на весь разворот. Огромные неповоротливые крылья росли из спины хрупкого мальчика, сидящего на земле с плотно поджатыми к груди ногами. Очень личный рисунок. Микаэль не собирался показывать его никому.

- Спасибо. Нора приказала мне заняться чем-нибудь, чтобы расслабиться до вечера. Рисование, как правило, работает.

Гриффин закрыл этюдник с явной неохотой. Микаэль взял книгу обратно и подошел к кровати, где спрятал книгу под подушку.

- Как правило? Нервничаешь насчет вечера?

Гриффин встал, и начал прогуливающейся походкой расхаживать по своей старой комнате.

- Немного.

Микаэль сел на край кровати и попытался не смотреть на Гриффина. Гриффин будоражил его. Он просто ходил вокруг в нижнем белье, как будто ему было все равно, что люди подумают о нем. Конечно, у Гриффина было невероятно хорошее тело, так почему бы не ходить почти голым?

- Когда в последний раз вы трахались?

Гриффин спросил, сядя на край кровати Микаэля, и улёгся на спину. Микаэль нервно вздрогнул. Почти голый парень лежал на его кровати. Ему должно было это не нравиться, он не хотел любить это... но никак не мог заставить себя.

- Хм, - начал Микаэль, поворачиваясь и усаживаясь, скрестив ноги, спиной к спинке кровати.

Личные вопросы - он ненавидел их. Отец всегда доставал его с личными вопросами.

- Нора вчера спросила то же самое.

Гриффин поднял бровь.

- Ты знаешь, что это значит, да?

Микаэль покачал головой.

- Она просматривала твою сексуальную жизнь. Я про обмен жидкостями.

- Обмен жидкостями?

- Секс без презерватива.

- Ничего себе, - сказал Микаэль, и в желудке все сжалось. - Это безопасно?

- Она чистая. Постоянно проверяется. Все большие шишки Восьмого Круга так делают, я в их числе. И у нее внутриматочная спираль, так что я бы не переживал насчет беременностей.

- Так вы с Норой, ну, тоже обмениваетесь жидкостями?

Гриффин откинулся назад, прижимаясь к верхней части кровати, рядом с Микаэлем. Еще раз парень вдохнул запах Гриффина. Микаэль решил выяснить, каким мылом пользуется тот, чтобы он мог купить такое же мыло и нюхать, когда захочется.

- Не-а. Я не обмениваюсь ни с кем.

- Как так? - спросил Микаэль с искренним любопытством.

Ребята в школе всегда ныли о том, что их подружки заставляют их надевать презервативы.

- Мик, - сказал Гриффин, повернув голову и уставившись ему в глаза. - Нет ничего, и я повторяю, ничего, чего бы я не пробовал. И я говорю не только о сексе. Каждый плохой поступок, минус убийство и изнасилование, я делал это. Так что это часть меня, которая хочет сделать это только в том случае, если я на самом деле окажусь в настоящих отношениях с кем-то. Звучит глупо и романтично? Если так, никому не говори. Я вообще-то ужасный наследник Преисподней. Хотелось бы сохранить свой титул и впредь.

Микаэль улыбнулся, не совсем уверенный, какой должен быть ужасный наследник, но решил, что ему нравится это название.

- Немного глупо. Но не в плохом смысле, - сказал Микаэль, удивленный тем, что у Гриффина есть и такая нежная сторона. Искусство? Сохранить частичку себя для настоящих отношений? - Таким образом, ты никогда не, ну ты понимаешь...

- Кончал в кого-то? - Гриффин закончил за него. - Нет. Никогда. У меня был разговор о сексе с отцом, когда мне стукнуло тринадцать. «Сын, у нас больше денег, чем у Бога. Если девушка забеременеет от тебя, то отхватит половину от них. Так что презервативы каждый раз». А потом он подарил мне целую коробку.

Микаэль рассмеялся над Гриффином, изображающим суровый голос отца. Внезапно вспомнив что-то, Микаэль перестал смеяться.

- Подожди. Нора, она не...

- Нора кончила. Если бы ты остался и досмотрел до конца, то увидел бы, что я надел презерватив, прежде чем кончил.

Мысленно Микаэль провалился сквозь пол и до самого подвала. Гриффин видел его подглядывающим два дня назад?

- Гриффин. - Он почти подавился словами. - Мне очень жаль. Я не хотел... Я просто шел на кухню и услышал...

- Мик, успокойся, - сказал Гриффин, улыбаясь ему. - Я не злюсь. Я такой. Я трахаюсь перед людьми все время. Меня раздражало только то, что ты не зашел и не присоединился к нам.

Гриффин зловеще улыбнулся. Микаэль почувствовал, как онемели его пальцы.

- Я думаю, Норе бы это не понравилось, - сказал Микаэль, не совсем уверенный, что это правда.

Он мечтал о тройничке раньше. На самом деле вчера вечером его мысли забрели слишком далеко, и он представил себе Нору, господствующую над ним, в то время как Гриффин наблюдал.

- Твоя госпожа обожает зрителей. На самом деле, я смотрел, как ее имеет твой священник, после того, как мы с Кингом оттрахали ее вдвоем.

Микаэль почувствовал, что его глаза вываливаются из орбит.

- Ты видел Отца С...

- Трахающимся? Да. Когда твоя Госпожа была всего лишь сабой, как ты, он делал все, чтобы унизить ее в нашем клубе. Что ее до чертиков заводило. Ты знаешь, почему я и Кинг, и твой священник все трахали ее в одну и ту же ночь?

Микаэль покачал головой. Он не мог себе представить.

Гриффин наклонился, как будто собирался поделиться секретом. Каждый мускул в теле Микаэля напрягся, когда татуированные, мускулистые плечи прижались к его бедру. Микаэль старался не замечать каплю воды, стекающую с волос Гриффина вниз по шее и остановившуюся наконец в ямке ключицы.

- Это был ее день рождения. Она попросила это в подарок, - прошептал Гриффин.

- О, мой Бог, - Микаэль выдохнул, опять подтягивая ноги к груди.

Не из самозащиты, а чтобы скрыть свою внезапную эрекцию.

- Я знаю. Офигенная ночь. - Гриффин задумчиво вздохнул. - А затем все завертелось. Нора бросила своего священника, а потом просто исчезла. Когда она вернулась, все было по-другому.

- Она вернулась и начала работать в качестве Госпожи, не так ли?

Микаэль немного знал историю Норы. Отец С рассказал самые главные факты. Он встретился с Норой, когда ей было пятнадцать лет и ее звали Элеонор. Любовь с первого взгляда. Обучение в восемнадцать лет. Консумация, когда ей исполнилось двадцать лет. Семь благословенных лет вместе, прежде чем она оставила его по неизвестным причинам. Тогда она вернулась и объединилась с Кингсли, который превратил ее не просто в Домину, а в Госпожу – женщину, за услуги которой платят. Дорого.

Гриффин понизил голос, как будто он рассказывал историю о привидениях детям вокруг костра.

- Когда она была сабой, твой священник держал ее на довольно коротком поводке. Она могла носить только белое в клубе. И он разрешал ей распускать волосы только в личной обстановке. И почти никакого макияжа. Ей даже не разрешалось говорить, если он не давал ей специальное разрешение.

Микаэль попытался и не смог представить Нору в качестве Элеонор, всю в белом, без макияжа, ее длинные, красивые волнистые черные волосы заколоты и спрятаны. И не разговаривающую? Нора и молчит? Это было странно.

- В ту первую ночь, когда она пришла в Восьмой Круг как Госпожа, я был там, - сказал Гриффин. - Ты даже не можешь себе представить шок на лице каждого, когда они поняли, что горячая новая Госпожа, в красной коже и под ручку с Кингсли – это бывшая саба Сорена. Когда они поняли, все стало еще хуже.

- Почему? - спросил Микаэль, стараясь представить себе эту сцену.

- Они все знали ее как сабу, и вот она появилась, изображая из себя Верхнюю и стараясь быть жестокой. Даже сабмиссивы смеялись над ней.

- Бедная Нора, - сказал Микаэль. - Что она сделала?

Улыбка появилась на лице Гриффина, улыбка, от которой по спине Микаэля пронеслись острые иголки.

- Знаешь, как говорят, если парень отправляется в тюрьму, и не хочет стать объектом издевательств, то должен найти самого большого парня и избить его ко всем чертям?

- Верно.

Он видел фильмы с такой сюжетной линией.

- В Восьмом Круге был такой мазохист, по имени Трент. Он был таким мазохистом, каким садистом был Сорен. Его прозвище было Несгибаемый. Твой священник наверняка сломал бы его, но Трент позволял унижать себя только женщинам. В любом случае, Нора идет прямо к нему и спрашивает его, не хочет ли он поиграть. Он сказал да, а потом попытался плюнуть ей в лицо.

- Твою мать. И что случилось потом?

Гриффин рассмеялся, низко и хрипло, и Микаэль вдруг почувствовал необходимость уединиться на несколько минут. Вместо этого он схватил подушку и накрыл ею колени.

- Нора увернулась. У этой женщины рефлекс как у киллера. Она подошла и ударила его так сильно, что у него закровоточил нос. Тогда все стало действительно интересно. Она сломала его. За одну ночь. После окончания сессии, он начал плакать. Она отправила того большого ублюдка мазохиста в больницу. После этого, она стала править Восьмым Кругом. Никто никогда больше не ставил под сомнение ее доминирующие качества.

Микаэль посмотрел на потолок. Во что, черт подери, он ввязался? Он не знал, но вдруг понял, что ждет не дождется, когда сможет упасть к ногам Норы и сделать все, что угодно, все, что она прикажет ему. Носить синяки, которые оставит она, будет честью для него.

Гриффин вытянул свои длинные загорелые ноги и скрестил их в лодыжках.

- Трент боготворил землю, по которой она ходила, после этого. Мы все боготворили, - сказал Гриффин, и в его глазах промелькнула тень чего-то. - Кроме Сорена, конечно. Эти двое были в состоянии войны после всего. Но только потому, что он хотел ее назад больше чем когда-либо.

- Ты можешь винить его за это?

Гриффин ничего не ответил, и Микаэль увидел, как с лица мужчины схлынули краски.

- Нет. Я не могу. - Искра вернулась в глазах Гриффина. - В любом случае, твоим обучением занимается настоящая живая легенда. Круто, да?

- Очень круто, - сказал Микаэль. - Не могу дождаться вечера.

- Она не появится до заката. Вся ушла в себя и занимается самоедством. Так что у тебя есть парочка часов. Что хочешь делать?

Микаэль точно знал, что хотел бы сделать. Он передвинулся на середину кровати лицом к лицу с Гриффином.

- Расскажи мне больше о Норе.

С благоговением Микаэль слушал Гриффина, рассказывающего ему историю за историей о легендарных подвигах Норы в качестве Госпожи. Он не мог поверить, что некоторые из ее клиентов были настолько известны, настолько влиятельны. Знание о том, что так много мужчин во всем мире были такими же сабмиссивами как и он, успокаивало. Время в обществе Гриффина пролетело так быстро, что Микаэль не заметил, как стало темнеть. Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо ему было так весело просто болтать с кем-то. Он ненавидел говорить. Или думал, что ненавидит. С Гриффином все получалось не так, как он представлял – отвечать на личные вопросы, показывать свои рисунки, просто болтать – ему это нравилось. Гриффин был на добрых пять-шесть сантиметров выше его и как минимум на 20 кг тяжелее, а еще он был Доминантом. Так почему же Микаэль чувствовал себя так спокойно и безопасно рядом с ним?

- Так что, если ее когда-нибудь снова арестуют, - подытожил Гриффин, - придется вызывать целый бронебойный фургон и подкрепление, потому что все уже знают, что она с легкостью может избавиться от наручников.

- Это офигенно. А Отец С..., - начал Микаэль, но его вопрос прервал стук в дверь. Он обернулся и увидел дворецкого в дверном проеме.

- Господин Димир, - сказал англичанин с высокомерным акцентом в голосе. - Хозяйка требует вашего присутствия.

Сердце Микаэля подпрыгнуло в груди. Тринадцать месяцев с тех пор, как он был с Норой. Тринадцать месяцев, когда он был вообще с кем-то. И сейчас, прямо сейчас, одна и единственная во всем мире Нора Сатерлин звала его.

Он повернулся к Гриффину, который сверкнул настолько дьявольской усмешкой, что Микаэль, даже не успев подняться, уже почувствовал, как трясутся коленки.

- Давай, Мик. Твой звездный час настал.

Глава 11

По прибытию в Пресвятое Сердце Сюзанна пыталась понять, какого черта она здесь забыла. Короткая встреча с Отцом Стернсом только усилила очарованность этим человеком. Для репортера она была слишком чувствительной. Отец Стернс сказал, что может почуять бывшего католика за тысячу шагов. Может и так. А вот она могла отличить правду от лжи, всего лишь посмотрев человеку в глаза.

«Мы не проводили обрядов экзорцизма уже несколько недель». - Чушь.

«Мой офис всегда открыт», - это Отец Стернс сказал с большей искренностью в голосе. Вот это правда.

Сюзанна сомневалась, что кто-то, включая Отца Стернса, будет в Пресвятом Сердце в субботу после наступления темноты. Может, ей удастся заглянуть в его кабинет и посмотреть, нет ли там чего-то, касающегося цели ее расследования. Девушка припарковалась за пятьдесят шагов от церкви, и по дороге к боковому входу рассматривала все кругом. Очень много работающих в Нью-Йорке имели свои дома тут, в Коннектикуте – здесь было безопаснее, чище и школы были лучше. Уэйкфилд казался очаровательным крохотным пригородом, идеальное место для семьи и детей. Небольшие, но хорошо оборудованные дома, аккуратные улицы, старинные магазины и совершенно никаких преступлений любого рода... такой идеальный маленький городок. Слишком идеальный, решила Сюзанна.

Она не верила в идеальность. Адам был совершенным - совершенно счастлив, совершенно доволен, идеальная жизнь - до тех пор, пока он не покончил жизнь самоубийством.

Закрыв глаза, Сюзанна представила лицо Адама, то чего так старалась избегать. Они на самом деле были похожи друг на друга. Все так всегда говорили. Но, кроме одинаково темно-карих глаз, светло-рыжих волос и овала лица, у них не было почти ничего общего. Она была скептиком, циником, постоянным вспыхивающим факелом в семье. Адам же был ангелом, прекрасным старшим сыном родителей. Милый, добрый, уравновешенный и настолько набожный, что Сюзанна так не решилась сказать ему, что перестала верить в Бога, чтобы не разбить его сердце. И все это время внутри него жило что-то, принесенное кем-то... тьма, заражение, как та записка, которую он оставил. Боже, его записка.

«Я нечист, я грязен. Я не могу войти в душ, зная, что независимо от того, сколько времени я проведу под струями горячей воды, я не сотру с себя всю грязь».

Сюзанна отогнала воспоминания прочь. Ради Адама она пойдет на это... ради Адама и Микаэля Димира и любого другого ребенка, который пострадал от Церкви.

Девушка скользнула через боковую дверь в Пресвятое Сердце и пошла мимо небольших классных комнат. Даже в слабом свете она могла прочесть записки на доске объявлений:

Хоровая практика - 7: 00 по вторникам - не забудь ноты, Джина.

Сюзанна засмеялась сквозь обжигающие слезы. Бедняжка Джина.

Рыцари Колумба ищут вас! E-mail adonovan@sacredheartct.org для получения дополнительной информации.

Ее отец был Рыцарем Колумба. Такое громкое название для группы толстяков отцов, которые не делают ничего полезного, кроме благотворительных барбекю-вечеров.

Все пары, планирующие вступить в брак, должны встретиться с отцом Стернсом по крайней мере за шесть месяцев до их свадьбы. Согласуйте встречу с Дианой.

Священник с обетом безбрачия консультирует молодоженов? Сюзанна покачала головой. Что вообще мог католический священник знать о сексе или о браке или романтических отношениях любого рода?

В конце коридора Сюзанна обнаружила закрытую дверь с выгравированным именем на табличке. *Отец Марк Стернс СДЖ*, гласила она. СДЖ? Она видела эти инициалы и раньше, но не могла вспомнить, что они обозначали. Вытащив из сумки ноутбук, она записала их. Трясущимися пальцами Сюзанна потянулась к дверной ручке. Открыто. Так он говорил правду. Его офис действительно всегда был открыт.

Ради безопасности она не включила свет, но достала фонарик из сумки и посветила по офису. Практически сразу стало понятно, что Отец Стернс был помешан на чистоте. Все на своих местах. Ни одной книги или листка бумаги не на своем месте. Это был действительно красивый офис, решила Сюзанна. Большое окно-розеткой должно было наполнять комнату морем красно-розового в солнечные дни. Декоративный резной стол казался сделанным из древнего дуба - наверняка, весил как и Сааб Патрика. Книги на полках выстроились как на параде. Она пробежалась по названиям и поняла, что сможет прочесть лишь пару из них. Сколько языков знал Отец Стернс? Оказалось, что в дополнение к обычным библейским языкам - иврит, греческий и латинский – у Отца Стернса были книги на французском, испанском, итальянском... и много книг на каком-то из скандинавских языков. Она не смогла бы произнести и пары слов на шведском, датском или голландском, но узнала некоторые буквы – А с маленькой черточкой наверху или О с косой перечеркивающей черточкой. Сюзанна открыла самую старую из книг на полке. По форме и размеру изношенной кожаной обложки Сюзанна догадалась, что это была Библия. Она открыла ее и увидела подпись на первых страницах, оставленную элегантным женским почерком.

Min Søren, min søn er nu en far. Jeg er så stolt. Jeg elsker dig altid. Din mor.

Единственное, что Сюзанна могла узнать, было имя Сорена. У нее было несколько занятий по философии в колледже, на которых изучали жизнь Сорена Кьеркегора, датского философа и богослова. Но если она правильно помнила, Кьеркегор не был католиком. Девушка снова открыла свой блокнот и аккуратно перенесла туда подпись с Библии. Кроме того, сделала пометку поискать Сорена Кьеркегора. Зачем Отцу Стернсу нужна была Библия, уже подписанная для кого-то по имени Сорен? Возможно родственник? Подумалось ей. Да, в его жилах наверняка текла скандинавская кровь. Но ее исследования указывали на то, что его отец был англичанином, а мать из Новой Англии. Еще одна загадка.

Она положила Библию обратно на полку и повернулась к столу. Что-то казалось непривычным, но Сюзанна никак не могла понять, что именно. Но потом до нее дошло – никакого компьютера. Ну, может быть, у него был ноутбук. Хотя в комнате отсутствовали любые компьютерные девайсы – ни принтера, ни шнуров питания или модема. На столе лежали только ручки Монблан и дорогая писчая бумага. Возможно,

Отец Стернс был кем-то наподобие луддитов. Это могло бы объяснить отсутствие информации о нем в интернете.

Медленно она открыла ящик стола и почувствовала разочарование, не обнаружив внутри ничего, кроме ручек и бумаги. Внутри папок с файлами не было ничего интересного – только расписание и выписки из Библии аккуратным мужским почерком. В других ящиках стола также не нашлось никаких шокирующих откровений. В нижнем ящике обнаружилось еще пару десятков ручек Монблан в коробках. На какое-то мгновение Сюзанне показалось, что у Отца Стернса фетиш на эти чернильные ручки, но затем она заметила открытки на коробках – это были открытки от прихожан с благодарностью и любовью. Это напомнило ей о подруге Эмили, учительнице младших классов в частной школе. Каждое Рождество родители ее учеников заваливали ее всевозможными подарками от фирмы Apple. По-видимому, прихожане Пресвятого Сердца узнали о приверженности их священника к высококачественным пишущим принадлежностям и осыпали его ими каждый год.

«Вы благословляете нас год за годом, Отец. С любовью к Христу, Харперс,» - гласил один ярлычок.

«Спасибо вам за спасение нашего брака, Отец. Благословляем вас, Алекс и Рэйчел,» - было на другой.

«Будет ли грехом объединить подарки на день рождения и на Рождество? Можем поговорить об этом на исповеди, если она будет. С днем рождения, от доктора и миссис Кейли,» - гласили метки на коробке с ручкой Монблан и набором карандашей.

Объединенное Рождество и день рождения? После этого Сюзанна поняла, что все время была права. Отец Маркус Леннокс Стернс, рожденный 21 декабря 1965, в самом деле был сыном Маркуса Августа Стернса, английского барона, который переехал в Нью-Гемпшир и женился на деньгах. Удивительно. Получается, ее цель на самом деле отказалась от титула британского пэра ради католической церкви? Невероятно. Не только отказаться от богатства своей матери и титула отца, он отказался от женщин ради Церкви. Большинство священников, которых она встречала, были из этой категории «умрет девственником». Никакого чувства юмора, непривлекательные, неловкие на публике... полная противоположность Отцу Стернсу во всех отношениях.

Качая головой, Сюзанна вытащила последнюю коробку, эта была красной, и перевернула открытку.

Meine andere Geschenk wird nicht in einer Box passen. AABYE

Боже, со сколькими языками ей придется иметь дело сегодня ночью? Закатив глаза от отчаяния, Сюзанна вытащила блокнот и скопировала слова. По крайней мере, этот язык она распознала как немецкий. И по какой-то причине последнее слово, AABYE, зазвенело колокольчиком, привлекая внимание. Девушка порылась в памяти, пытаясь понять, что же казалось таким знакомым, но ничего не нашла. Засунув блокнот в сумочку, она еще раз посветила фонариком на стол перед нею.

На столе Сюзанна нашла еще одну вещь, привлекающую внимание – фотографию. Она смотрела на фотокарточку на несколько минут. Молодая девушка всего семнадцати или восемнадцати лет – безумно напоминающая Отца Стернса – светлые волосы, серые глаза, необычайно красивая. Сюзанна вытащила фотографию из рамки и перевернула. Jeg elsker dig, Onkel Søren. Kom og besøg snart, Laila, гласила надпись. Опять скандинавские слова. Сюзанна вытащила блокнот и тщательно переписала каждое слово. Девушка спросила себя, не смотрела ли она сейчас на дочь Отца Сорена. Стал ли он отцом девочки во время служения в церкви? Может быть, это было причиной анонимного факса и загадочной сноски «возможный конфликт интересов»?

Это казалось маловероятным. В конце концов, если у него и была любящая дочка, вряд ли бы кто-то настолько умный и сообразительный как Отец Стернс выставил бы фотографию со своим ребенком на стол. Сюзанна покачала головой в разочаровании. Она надеялась на ответы. Но все, что она получила, это еще больше вопросов.

Так тихо, как только могла, Сюзанна выбралась из офиса Отца Стернса и вернулась в коридор. По какой-то причине ноги несли ее обратно в святилище, а не к автомобилю. Информация Патрика от шерифа Уэйкфилда указывала, что Микаэль Димир совершил попытку самоубийства в святилище Пресвятого Сердца. Попытка убить себя была последним криком о помощи. Неважно, что повлияло на мальчика, что-то в Сюзанне хотело, чтобы он знал, она услышала этот крик.

Сюзанна нашла двери, ведущие из притвора в святилище. Приоткрыв тяжелую деревянную дверь, она проскользнула внутрь. На входе девушка увидела, что кто-то оставил зажженные свечи у алтаря. Она замерла, когда ее взгляд остановился на ближней свече. Обугленный фитиль только начинал чернеть. За спиной она услышала звук приближающихся шагов.

Она была не одна.

* * *

Микаэль бросил последний взгляд на Гриффина, прежде чем покинуть спальню. Гриффин подмигнул парню, и крошечная часть его хотела остаться и продолжить разговор. Но он знал, что хотел провести ночь с Норой, более того он в этом нуждался. Просто, наверное, хотел, чтобы Гриффин был там, вместе с ним.

По какой-то причине, Микаэль предположил, что проведет ночь с Норой в ее комнате. Но дворецкий Гриффина повел его в комнату в конце коридора вместо того, чтобы отправиться по лестнице наверх на третий этаж.

Дворецкий остановился у двери, вежливо кивнул Микаэлю и пошел прочь. Парень сделал глубокий вдох, повернул ручку двери и вошел в комнату.

Твою мать, подумал он, пока его глаза пытались охватить окружающую обстановку. Он видел много комнат в доме Гриффина в последнее время. Каждая из них подходила Гриффину - лощеная и современная, минималистичная, наполненная искусством и сексом. Но эта комната, казалось, существовала в средневековом европейском замке. Мягкие восточные ковры покрывали каменный пол. Свечи горели на каждой горизонтальной поверхности и несколько поленьев тлели в большом камине. В середине комнаты стояла большая кровать, из кованого железа, очень похожая на ту, на которой он потерял свою девственность.

Но где Нора?

- Довольно неплохо для подполья, верно? - раздался голос Норы у него за спиной.

Микаэль напрягся, не зная, что ему делать. Можно ли ему говорить? Двигаться? Он решил, лучше застыть на месте и не разговаривать, пока Нора не позволит ему.

- Подполье Гриффина в Восьмом Круге более стильное. Думаю, ему хотелось что-то совершенно отличное от того для своего дома. Нравится? Я разрешаю тебе отвечать.

- Да, мэм. Очень красиво, - сказал Микаэль, услышав дрожь в своем голосе.

Чувствуя присутствие Норы прямо у него за спиной, Микаэль быстро вдохнул.

- Так же как и ты, - сказала она, дунув в его ухо.

Нора встала перед ним, и зрачки Микаэля расширились. Нора стала выше... намного. Их глаза были практически на одном уровне, Сатерлин отступила и вышла в центр комнаты. Парень посмотрел вниз и увидел на ней высоченные сапоги до бедер с убийственно-высокими шпильками. Глаза стремительно скользили от ног к лицу -

красные кожаные сапоги, зашнурованные сзади, голые бедра, красная кожаная юбка, черно-красный корсет... Нора пальцем поманила парня к себе.

Он едва мог чувствовать ноги, подходя к ней. Вдруг комната и ее красота отошли на второй план, и все, что он мог видеть... Нора и вздымающаяся грудь над полосатым корсетом... Нора и сильно подведенные черной подводкой глаза, делающие ее похожей на Клеопатру... Нора и ее волосы, вьющиеся буйными локонами вниз по спине... Нора и черные перчатки без пальцев, как те, которые были на ней в ночь, когда он потерял девственность. Микаэль не мог дожидаться, когда, наконец, снова почувствует ее мягкую податливую кожу.

Когда он подошел к Норе, она подняла руку к его шее и мягко распустила волосы, связанные в хвост, медленно и осторожно проводя по ним пальцами.

- Я прочитала твой список ограничений, Ангел, - сказала она, когда он закрыл глаза. Если бы он был котом, то наверняка бы замурлыкал. - Я нахожу его интересным. Тебе нравится боль, не так ли?

- Да, мэм, - выдохнул Микаэль.

- Боль заставляет тебя чувствовать себя лучше, не так ли? - спросил Нора, ее голос был негромким и гипнотизирующим. - Это как белый шум... успокаивающий, усыпляющий, он блокирует настоящую боль, плохие мысли, то, чего ты не хочешь. Верно?

Глаза Микаэля открылись.

- Да. Именно, мэм. Как...

- Ты не первый мой мазохист, Ангел.

Микаэль тихо рассмеялся. Гриффин рассказывал ему о сотнях клиентов в те времена, когда она была Госпожой, они платили ей тысячи долларов за это. Естественно, он не был ее первым мазохистом. Просто глядя на нее, чувствуя, что попал под ее чары, он мог бы легко понять людей, продавших души за одну только возможность поцеловать носок ее сапога.

Пальцы Норы нашли тугий узелок нервов на его шее, там, где он был напряжен больше всего. Микаэль наклонил голову, давая лучший доступ к месту стресса.

- Я думаю, что, - полушепотом произнесла Нора, - что избыю тебя ночью. Но не думаю, что я стану наказывать тебя или быть плохой как с большинством моих клиентов. Мне кажется, в твоей жизни уже достаточно было таких людей.

Микаэль крепко зажмурился, эти слова пробили его сердце насквозь. С той ночи, когда родители поняли, что он такое, Микаэль постоянно страдал от оскорблений - урод, ненормальный, пидор - от отца, мать же отстранилась от него. Никто больше не дотрагивался до него, не обнимал, даже не хотел говорить, кроме Отца С, и даже тот должен был держать дистанцию из-за того, что был священником. Но теперь самая сексуальная женщина в мире касалась его, говорила с ним, заставляя чувствовать себя центром мироздания.

- Спасибо, мэм, - сказал он еле слышным голосом.

Нора погладила его по лицу тыльной стороной ладони. Наклонившись, она оставила легкий поцелуй на его губах, прежде чем ее рот приблизился к его уху.

- Раздевайся, - приказала она.

Микаэль закинул руку за голову и сдернул футболку одним быстрым движением. Он расстегнул черные спортивные шорты и стянул боксеры, ногой отправляя те в угол комнаты. В ту ночь, когда он впервые увидел Нору, от нервозности парень не смог даже расстегнуть браслет на запястье, поэтому это пришлось сделать ей. Теперь же он не чувствовал такого волнения. Часы и браслеты, которые он всегда носил на людях, были сняты и брошены на пол за секунду.

- Твое стремление к покорности так прекрасно, - сказала Нора, улыбаясь ему. - Но ты должен успокоиться и позволить мне наслаждаться твоей обнаженностью. Чтобы ты знал, твой священник тоже заставляет меня раздеваться перед ним медленно.

Микаэль почувствовал, как все внизу живота скрутилось в тугой узел.

- Я не знал, мэм, - сказал он, глаза Норы изучали его тело сверху вниз.

- Представь прекрасный вечер в его домике. Он читает в кресле, я сижу у его ног и пишу, и внезапно он щелкает пальцами и приказывает мне снять одежду.

Микаэль ничего не ответил.

- Иногда, - сказала Нора, прижимаясь к телу парня, - он даже не смотрит на меня. Продолжает читать. Он приказывает мне это чтобы унижить. Завидуешь?

Микаэль снова закрыл глаза. Он попытался представить себе, каково это – принадлежать кому-то, как принадлежала Нора. Каково это отдать свое тело целиком и полностью, чтобы раздеваться по первому приказу. Боже, это было бы так стыдно, так унижительно, как сказала Нора. Практически убийственно.

- Очень завидую, - признал он, и Нора рассмеялась.

- Ты когда-нибудь фантазировал о том, что я и твой священник делаем, когда мы наедине? - спросила она, обходя вокруг парня.

Шпильки ее сапог цокали по каменному полу. На щеках Микаэля вспыхнул румянец.

- Да, мэм, - сказал он, с трудом сглатывая.

- Скажи мне, о чем была твоя фантазия, - сказала Нора, и в ее голосе послышался жесткий приказ.

Его фантазии о Норе и Отце С за гранью унижения. Иногда он представлял их в церкви и Нору, раздражающую Отца С. Нора делала невинное выражение лица и говорила что-то вроде, "Отец Стернс, кстати об огнях Святого Эльма..." На что Отец С, бросая случайный взгляд отвечал, "Он был покровителем моряков. А что с ним не так, Элеонор?" И Нора отвечала, "А он случайно не боялся щекотки?" И Микаэль прячась в тени, наблюдал за тем, как его прекрасный священник перегибает Нору через спинку скамейки и жестко трахает ее. Это были просто неприличные мысли. Мастурбируя, он представлял разное - секс вдвоем, вчетвером, оргии, сильную порку... иногда это даже пугало его.

- Я..., - начал он и сглотнул.

Его пальцы сжались в кулаки от нервозности.

- Ты можешь рассказать мне, - сказала Сатерлин позади него. - Поверь, я выслушивала вещи и похуже. И даже если и нет, то думала о чем-то еще более порочном. Просто расскажи.

Микаэль сделал глубокий вдох. Он ненавидел разочаровывать Нору и хотел рассказать все. Но слова превратились в невнятный клубок, застрявший глубоко в горле.

- Я не могу, - сказал он, в его голосе звучала тоска.

Нора снова провела тыльной стороной ладони по щеке парня.

- Все нормально, Ангел. Мы еще доберемся до этого. Если собираешься стать сабом, нужно научиться рассказывать о том, чего хочешь. Это, - сказала она, указывая на комнату, а затем на себя, - стандартная фантазия. Доминирующая женщина, великолепное подземелье, забитое садо-мазо игрушками, большая кровать. Совсем обычная. Расскажи мне, о чем мечтаешь наедине, и мы сможем изменить это. Может, хочешь меня в черном вместо красного? В кружевах, а не в коже? Может, тебе хочется заниматься этим на свежем воздухе в ночное время? Или ты фантазировал о нас на кухне? Или в душе?

Микаэль нервно переминался с ноги на ногу.

- Может быть, - признался он.

- Ты понимаешь, что все, что тебе нравится, важно, да?

Микаэль потер руки.

- Да, мэм. Я стараюсь.

- Этим летом я обучу тебя этому. Тебе многому предстоит научиться. Давай начнем.

Прогуливающейся походкой Нора проследовала к столу, накрытому черной тканью. Подойдя к нему, она снова поманила Микаэля пальцем к себе.

Обнаженный и краснеющий, Микаэль подошел и встал рядом с Норой. Одним движением та убрала ткань со стола.

- Ничего себе, - сказал Микаэль, глядя на вещи перед ним.

- Спасибо. Я упаковала парочку моих любимых. А еще несколько позаимствовала у Гриффина. Гриффин обожает тебя. Ты произвел на него неизгладимое впечатление.

От вкрадчивого голоса Норы румянец на щеках парня усилился. Знала ли она, что он подсматривал за их сексом в столовой? Чувствовала ли она, что с тех пор, как Микаэль увидел ее на коленях перед Гриффином, он постоянно представлял себя на ее месте?

- Он действительно клёвый, - все, что смог выдать из себя Микаэль прежде, чем замолкнуть.

Нора мельком посмотрела на него, возвращаясь взглядом к столу.

- Ты знаешь, что это, Ангел?

- Некоторые из них... но не все, мэм.

- Позволь мне рассказать тебе. Это, - сказала она, поднимая первый девайс, - стандартный флоггер. Шестидюймовая рукоять, восемнадцатидюймовые замшевые полоски. Чувствуешь?

Микаэль протянул руку и пробежался пальцами по флоггеру. Замша казалась такой мягкой на ощупь.

- Если бить слегка, - объяснила Нора, - то будет чувствоваться как щекотка. А если использовать со всей силой, то удар может даже сбить с ног. Коварная вещь. Я могла бы избить тебя до слез, а через час тебе бы казалось, будто тебя и вовсе никто не касался.

Она положила флоггер на стол.

- А это... Знаешь, что это такое, не так ли?

Она подняла другую игрушку, похожую на плетъ, но более устрашающую на вид.

- Девятихвостая плетъ, мэм, - ответил Микаэль.

- Очень хорошо. Это легкая вариация той, которую используют для воспитания дисциплины у моряков в британском флоте. Но даже этот облегченный вариант с легкостью рассечет твою кожу, если я захочу. Но если использовать ее правильно, то завтра у тебя будут милейшие синячки-веснушки от узлов на концах шнуров. Вот, - сказала она, протягивая ее ему.

Микаэль взял ее дрожащими руками, коснулся узлов, взвесил обманчиво легкий вес.

- Знаешь, что существует еще более маленькая версия такой, используемая на корабельных юнгах, - сказала Нора со смехом в голосе. - Угадай ее название?

- Не знаю, - сказал Микаэль, пожимая плечами.

- *Киска мальчика*, - сказала она, порочно улыбаясь.

Сатерлин забрала плетъ обратно.

- Не думал, что получишь урок истории сегодня, да?

- Нет, мэм.

- Я верю в ценность всестороннего образования. Школьный ремень, - сказала она, указав на тяжелый кожаный ремень рядом с плетью. - Использовали для дисциплины школьников в девятнадцатом веке. Он не повреждает кожу, но печет как огонь. А это, - сказала она скользя пальцами к еще одной вещи на столе, - это именно то, чем кажется.

- Трость, мэм.

- Именно так. Трость из ротанга, толщиной десять миллиметров, длиной семьдесят шесть сантиметров. Причиняет такую боль, что использование ее на пленниках было осуждено ООН. Может оставить не только постоянный шрам на коже, но и увечье. Даже легкий удар по бедрам или заднице вызовет такую боль, что ты будешь задыхаться. Традиционно делаются шесть ударов, пять горизонтальных и один по диагонали. Называется «Запереть ворота». Достаточно садистский способ, чтобы даже твой священник редко использовал его на мне. Хотя, надо признать, иногда я действительно этого заслуживаю.

Нора сделала шаг назад и с поразительной ловкостью взмахнула тростью, как дирижер палочкой. Парень мог слышать шипение дерева, разрезающего воздух.

- Теперь..., - Нора положила трость обратно на стол. - Выбирай.

- Выбирать? - спросил он, не в силах оторвать взгляд от дюжины различных видов флоггеров, кнутов и тростей на столе.

- Да. Выбери одну. Что бы ты ни выбрал, я использую это на тебе сегодня. Так что подойди к выбору очень внимательно.

Нора отошла в сторону, оставляя его в одиночестве. Парень слышал, как она открывает сундук рядом с кроватью, чтобы взять что-то, но он не рискнул обернуться, чтобы посмотреть, что это было.

Микаэль поднял руку и провел ею по предметам, лежащим на столе.

Я могла бы избить тебя до слез.

Самые милые синячки-веснушки.

Будет печь как огонь.

Ты будешь задыхаться от удара.

- Вот это, мэм, - сказал он, поднимая девятихвостую плеть.

Парень повернулся и Нора жестом попросила принести ее ей. Стоя у подножия кровати, Сатерлин забрала плеть из его рук. Когда ее пальцы запутались в замшевых шнурах, пульс Микаэля участился.

- Ангел, - сказала она, натягивая шнуры. - Тебе будет больно. Очень.

- Да, мэм.

Нора подняла бровь.

- *Один для тебя. И один для меня.*

Она бросила девятихвостку на кровать и снова подняла трость. Микаэль с трудом сглотнул, но промолчал.

- Давай, - сказала Нора. - Становись ровно. Лицом к кровати. Спиной ко мне. Делай сильные, глубокие вдохи. Сосредоточься на тепле от камина. Позволь ему согреть твои мышцы.

Микаэль старался, как мог. Он знал, что нужно было расслабиться, поэтому стоял и дышал, как было приказано. Нора застегнула кожаные манжеты вокруг его лодыжек. Напряженность в ногах отступила. Сатерлин схватила его зажившие запястья и, заведя их за спину, также надела на них манжеты; нервозность покинула его тело, скользя по венам к кончикам пальцев. Микаэль резко вдохнул, когда Нора обернула черный кожаный ошейник вокруг его горла и застегнула у основания шеи.

- Теперь, Ангел, - прошептала Нора на ухо, проводя рукой по той самой части тела, которая оставалась напряженной, - раскрой свои крылья.

Она подняла его левую руку и привязала ее кожаным шнуром к верхней части кровати. С его правой рукой она проделала то же самое. И теперь его руки были широко раскинуты по сторонам словно крылья.

- Почувствуй жар в ладонях, - сказала Нора, цепляя распорку к его лодыжкам. - Чувствуй, как он становится сильнее с каждым вдохом.

Микаэль натянул веревки, понимая, что не может двигаться. У него не было ни единой возможности. Он не мог убежать, не мог закрыться. Связанный, заключенный, беспомощный...

Нора взяла с кровати плетъ.

Больше всего на свете он хотел быть здесь.

- Какое твое стоп-слово? - спросила Нора.

- Крылья, - ответил Микаэль.

- Скажешь его, когда захочешь, чтобы я остановилась, да?

- Да, мэм.

- Хороший мальчик. Теперь сделай еще один вдох. Будет больно совсем чуть-чуть. Ой, подожди-ка, - сказала она, смеясь. - Нет, не будет. Будет очень-очень больно.

Последний раз поддразнив его, Нора сделала шаг назад и нанесла первый сильный удар прямо посередине спины парня. Он задохнулся от болевого шока. У него хватило времени только вдохнуть и выдохнуть перед тем как на его спину приземлился второй удар. Третий ударил слева, четвертый справа. Нора оставляла следы от плети крест-накрест на его спине, и каждый отзывался болью и сопровождался криком.

Огонь... его спина будет гореть от боли. Когда удары, наконец, закончились, Микаэлю ничего не оставалось, кроме как уронить голову к груди, задыхаясь. Сердце билось как сумасшедшее, кровь кипела. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким умиротворенным.

- Вот, - сказала Нора, поднося небольшой стакан воды к его губам. - пей.

Она приподняла стакан, и парень выпил воду с благодарным кивком.

- Ты очень хорошо показал себя, - сказала Нора. - Ты принял очень много боли для новичка и даже не попросил остановиться. Думаешь, сможешь взять еще больше?

Мог ли он вынести еще? Хотел ли он вынести еще? Вся спина от шеи и до бедер горела.

- Да, мэм.

- Боже, обожаю мазохистов, - сказала Нора, отставляя стакан в сторону. - Так жаждут наказания.

Нора взяла трость с кровати, и тело Микаэля застыло от страха.

- Шесть ударов, - сказала она. - Последний ляжет поперек бедер. И мы закончим на этом. Готов?

Он не мог заставить себя сказать да, лишь снова вдохнул и кивнул. Позади него послышалось шипение трости.

- Знаешь, Ангел, некоторые люди говорят, что звук трости – это самая ужасная часть. Но лично я думаю, что это чушь собачья. Как тебе кажется?

При этом он испытал боль настолько мучительную, что рухнул бы на колени, не будь он связан.

Второй удар пришел прежде, чем он успел оправиться от первого.

- Понимаешь, почему эта штука используется для допросов?

- Да, - закричал Микаэль, когда третий удар опустился на тело.

Боль словно нож прошла по ногам и поднялась к животу. Агония была настолько острой, что он мог почувствовать где именно Нора наносила каждый удар. Идеальное расстояние, в дюйме друг от друга.

Третий чувствовался, словно порез ножа на коже.

Четвертый и пятый он даже не ощутил.

Но шестой опустился диагонально на предыдущие пять, и звук, который сорвался с его губ звучал чужеродным, странным, будто крик раненого животного, а не человека.

Микаэль обмяк в оковах, едва понимая, что происходит. Когда Нора развязала его руки, они упали мертвым грузом по сторонам. Она расстегнула кандалы на ногах, но парень и не заметил.

Нора вжалась своим телом в его раненую спину.

- Хороший мальчик, - прошептала она. - Я очень горжусь тобой.

Гордится им? Когда в последний раз кто-то говорил, что гордится им? Если бы Нора захотела выпороть его тростью снова, он ответил бы "Да, мэм".

Отступив, Сатерлин села в большое кожаное кресле, и щелкнув пальцами, указала на пол у ее ног. Микаэль скорее подплыл к ней, чем подошел. Его наполнило приятное ощущение пустоты. Острая боль в спине и бедрах сменилась слабо пульсирующей. Когда он склонился на коленях у ног Норы, то почти надеялся, что она позволит ему свернуться калачиком и уснуть.

- Ты проделал хорошую работу, Ангел, поэтому я дам тебе награду. Ну, на самом деле мы оба будем награждены.

Немного сместившись в кресле, Нора закинула обе ноги на подлокотники, открывая себя. Под короткой, обтягивающей юбкой на ней абсолютно ничего не было.

- Мне нужно говорить тебе, что делать? - спросила Нора.

Микаэль облизал внезапно пересохшие губы.

- Отличное начало, - сказала она.

С бешено колотящимся сердцем Микаэль положил руки на внутреннюю поверхность ее бедер и поднес к ней свой рот. Он мечтал сделать это с Норой, прислуживать ей в сексе. И теперь чувствовал ее набухший клитор своим языком. Он зажал между губами серебряное колечко-пирсинг, поднял пальцы и скользнул двумя внутрь нее. Он понятия не имел, что делал. За исключением нескольких дурацких неловких поцелуев и объятий, он никогда не занимался сексом ни с кем, кроме Норы. У него был нулевой опыт орального секса и один лишь энтузиазм. Слушая ее рваное дыхание, он понимал, что энтузиазм сработал.

Нора была такой влажной и теплой на пальцах, сладкой на вкус. Как Отец С мог устоять против такой женщины, ожидающей его в приходе?

Микаэль толкнулся языком глубоко в нее, и ее бедра поднялись с кресла.

- Стоп, - приказала Нора, и Микаэль оторвался, вытирая губы тыльной стороной ладони. - На кровать. Сейчас же.

Он помнил указания Норы и двигался медленно, не торопясь. Встав на колени на кровати, Микаэль подождал, пока Нора подойдет и толкнет его на спину. Она схватила его за руки и подняла над головой. Соединив друг с другом манжеты на его запястьях, она, используя карабин с фиксатором, подцепила скованные запястья, и прицепила их к решетке кровати.

- Колени вверх, - сказала она. - Раздвинь ноги.

Именно тогда Микаэль заметил тюбик смазки в ее руке.

- Прости, - сказала Нора. - Мне просто немного любопытно. Некоторые мужчины любят это. Некоторые ненавидят. Некоторые равнодушны. Это не важно. Главное, ты должен быть честным и сказать мне нравится тебе это или нет. Скажи «да, мэм», если понимаешь меня.

- Да, мэм, - сказал Микаэль, его руки онемели от волнения.

Он не знал, что она собиралась сделать с ним, но если в этом участвовала смазка, наверное, это было замечательной идеей.

Она растерла жидкость между двумя пальцами правой руки, и левой рукой широко раздвинула его колени.

- Дыши мелкими вдохами, закрой глаза, - сказала Нора. - Это будет не больно, но покажется странным на первый взгляд.

Микаэль кивнул и послушно закрыл глаза. Он чувствовал пальцы Норы на себе. Если бы у него остались хоть остатки стыда или гордости, он бы умер от того, насколько возбужден был в это момент. Парень резко вдохнул, чувствуя, как холодный, мокрый палец Норы осторожно и так нежно скользнул внутрь него.

- Хорошо? - спросила она.

- Да, мэм.

Она толкнулась сильнее и глубже. Микаэль боролся с желанием сжаться и вытолкнуть ее.

- Теперь ты знаешь, что чувствуют женщины каждый раз, когда в них входят, - сказала Нора. - Нравится?

- Это... сильно.

- Отличное слово. Будет еще сильнее. Готов?

Микаэль кивнул.

Нора скользнула глубже, и Микаэль почувствовал, как ее палец дотрагивается до тугого узелка внутри него. Она осторожно потерла его, и спина Микаэля выгнулась на кровати, будто его пронзила молния наслаждения.

- О, Боже, - подумал он, но не был уверен, действительно ли сказал что-то вслух.

- Приму это как да, тебе нравится это. Да?

Микаэль сглотнул и выдохнул.

- Да, мэм.

Ощущение ее пальца внутри заставляло каждую мышцу в теле завязаться в узел. Пятки вдавились в кровать, и парень задышался, как будто только что пробежал милью.

Смутно издалека он услышал, как Нора смеется, продолжая гладить его.

- Рожден быть нижним, - вздохнула она. - Не могу дождаться, чтобы помучить Гриффина этой новостью.

При упоминании имени Гриффина Микаэль сильнее зажмурился. Нора сказала, что Гриффин был бисексуалом. Он был с мужчинами... занимался сексом. Даже, может быть, делал это с другими парнями. Или еще больше. Без предупреждения в его уме появился образ Гриффина над ним с глазами, полузакрытыми от желания, сильное мускулистое тело прижимается к тонкому телу Микаэля... нога Микаэля на спине Гриффина, рука Гриффина в его волосах, губы Гриффина на его горле, и Гриффин... Гриффин внутри него. И не только его пальцы.

- Кончи, Ангел, - он услышал приказ Норы, и ее рот опустился на его член. Микаэль выгнулся еще раз, упираясь ногами в кровать, и кончил с отчаянными рваными вдохами, грудь вздымалась, мышцы рук напряглись.

Нора вытащила из него пальцы. Медленно Микаэль открыл глаза и увидел его связанные запястья, темные кожаные манжеты против его бледной кожи. Если бы только он мог остаться здесь навсегда, скованным и в безопасности, и ему никогда не придется видеть шрамы на запястьях снова.

Когда Микаэль пришел в себя, то почувствовал, что Нора снова начинает поглаживать его. После оргазма ее прикосновения казались почти болезненными, но это была хорошая боль, боль, которая заставила его напрячься.

Подняв голову, он встретился взглядом с Норой. Она наклонилась вперед и поцеловала его. Поцелуй превратился в укус, расцарапавший его нижнюю губу. В

одном поцелуе он попробовал медный вкус его крови, сладость ее тела, соль его спермы. Нависая над ним, Нора оседлала парня.

- Это действительно безопасно? - спросил он, нервничая, когда она взяла его пенис и начала направлять его внутрь себя.

- Не волнуйся, - сказала Нора, лаская губами его плечи и грудь. - У меня самая лучшая спираль на свете.

- Окей, - выдохнул он.

Более чем окей. Ее тело горело огнем и он стонал, от ее наполняющего его тепла. Она двигалась, и он двигался вместе с ней, внутри нее.

- Если вы уверены, мэм.

- Очень уверена, - сказала она, двигаясь на нем вверх-вниз. - Проверено на практике.

* * *

Сюзанна медленно повернулась и оказалась лицом к лицу с отцом Стернсом. Он стоял, глядя на нее с едва скрытым изумлением.

- Мисс Кантер, как приятно видеть вас снова.

Сюзанне потребовалось целых три секунды, чтобы восстановить дыхание хотя бы для того, чтобы заговорить.

- Отец Стернс... Простите. Я просто хотела посмотреть на святилище.

- В десять часов вечера в субботу?

Он поднял бровь, глядя на нее.

Сюзанна ломала мозг, пытаясь найти идеальную ложь. Но ничего не приходило на ум, и что-то подсказывало ей, что что бы она ни сказала ему, он все равно видел ее насквозь. Поэтому девушка решила рискнуть, действительно рискнуть и сказать ему правду.

- Я провожу о вас расследование, - призналась она.

- Да, я знаю.

- И это вас не беспокоит? Не удивляет?

- Ни капельки.

Она подняла подбородок и уставилась в его стальные серые глаза. Сталь, идеальный цвет для их описания. Никогда в жизни она не видела более жесткого взгляда.

- Говорят, можно отличить невинного человека от виновного, арестовав его. Невинный человек паникует и ходит по своей тюремной камере. Виновный же расслабляется. Он пойман. Его нашли.

Она увидела, как в его глазах промелькнули искорки веселья.

Он шагнул вперед. Проходя мимо нее, он опустил голову и прошептал ей на ухо: - Я не боюсь вас.

Сюзанна вздрогнула. По какой-то причине от близости его рта к ее уху и его бесстрашия внутри нее зародилось новое ощущение, весьма приятное. Развернувшись на пятках, девушка последовала за ним по центральному проходу храма.

- Я получила донос на вас. Факс с вашим именем и именами двух других священников, претендующих на место епископа. Рядом с вашим именем кто-то поставил звездочку.

- Абсолютно ужасный знак пунктуации, соглашусь с вами.

- Когда указывает на сноску в конце страницы. А она говорит: "Возможный конфликт интересов. Можете пояснить, что это за конфликт интересов?"

Отец Стернс остановился возле латунной доски с римской цифрой I на ней. Девушка стояла в нескольких шагах от него, и на этой дистанции да еще с его ростом было проще заглянуть в его глаза.

- Я хорошо осведомлен обо всех своих интересах и уверяю вас, между ними нет никаких конфликтов.

- Быть священником и проявлять интерес к детям – это конфликт интересов. Разве вы не согласны со мной?

- Я бы согласился, если бы это был нездоровый интерес к детям. Такого у меня нет. Если вы мне не верите, можете поговорить с каждым родителем в этом приходе.

Уверенность Сюзанны, что Отец Стернс был каким-то сексуальным хищником слегка пошатнулась при его спокойной убежденности. Но она продолжала, с решимостью найти какую-нибудь трещину в его броне.

- А что насчет Микаэля Димира? У вас нездоровый интерес к нему?

- Я не могу и не стану обсуждать с вами Микаэля. Я его духовник.

- Вы также духовник Норы Сатерлин? - спросила она, специально делая акцент на слове духовник.

Наконец-то казалось, она дождалась хоть какой-то реакции от него. Мужчина тяжело вздохнул и повернулся к ней снова. И снова ее ошеломила его невероятная привлекательность. Почему настолько привлекательный мужчина выбрал обет безбрачия, в то время как он мог получить любую женщину на земле?

- Да.

- Вы спите с ней?

- С прошлого понедельника больше нет.

Теперь настала очередь Сюзанны тяжело вздохнуть.

- Я не могу добиться от вас прямого ответа. И в вашем случае это только все осложняет.

Он скрестил руки на груди и пристально посмотрел на нее.

- Если бы вы задали мне нормальный вопрос, а не просто кидались обвинениями, то могли бы получить нормальный ответ. Вы никогда не встречались с Элеонор Шрайбер, женщиной, которую вы знаете под именем Норы Сатерлин, не так ли?

- Нет.

- Для вас это обычная практика, совать свой нос в личную жизнь женщин, которых вы никогда не встречали и которые ни причинили вам никакого вреда?

Сюзанна закатила глаза.

- Боже, вы католически священники просто мастерски давите на чувство вины.

- Я очень хорош в своем деле, - сказал он, и в его глазах сияло веселье.

Какой человек найдет этот разговор забавным? В придачу к его глазам у этого священника даже яйца были из стали.

- Я все еще жду вопрос, мисс Кантер. Если вы сможете задать его, не вмешивая оскорбления, то я, наверное, сочту возможным на него ответить.

- Хорошо. Вот один из них. Почему вы стали священником?

- Я рад, что вы начали с такого простого вопроса.

Сюзанна не могла удержаться от тихого смеха.

- Это был простой вопрос.

Она все же улыбнулась. Он сделал паузу, казалось, обдумывая свои слова.

- Я не был воспитан католиком, и встретил их впервые лишь после того, как меня не отправили в школу иезуитов в Северный Мэн в возрасте одиннадцати лет.

Сюзанна внутренне поморщилась. Она не могла себе представить, как маленького ребенка могли отправить в школу в самую задницу мира.

- Иезуиты-священники, мои учителя, были лучшими людьми, которых я когда-либо знал. Их эрудиция в сочетании с добротой и преданностью своей работе смирили меня. Я почувствовал это призвание, меня покрестили в возрасте четырнадцать лет, а в возрасте девятнадцати я отправился в Рим и начал свое обучение.

- И все?

- Ну, простите, что у меня не припасено истории о паломничестве пешком в Дамаск.

- Вам было всего девятнадцать, когда вы поступили в семинарию. Неужели никогда не хотелось жениться? Встречаться? Иметь детей? Заниматься...

Ее голос затих.

- Сексом? - он закончил за нее. - Я расскажу вам нечто шокирующее, если пообещаете не делиться ни с кем.

- Хорошо, - ответила нервно Сюзанна. - Думаю, я могу выслушать вас без протокола, если это конечно не признание в совершении преступления. Ну?

Он улыбнулся ей улыбкой, которую, если бы он не был священником, она назвала бы обольстительной.

- Я не девственник.

От его слов и блеска в глазах руки Сюзанны затряслись.

- Вы не?

Вот теперь они к чему-то пришли. Может, она сможет вытащить что-то из него.

- Я не родился священником, мисс Кантер. Точно так же, как вы не родились военным корреспондентом и атеистом с ненавистью к католической церкви.

Тело Сюзанны парализовало от страха.

- Вы копались в моем деле, как я посмотрю, - сказала она.

- Ваше мнение о церкви и вере являются достоянием широкой общественности, - сказал мужчина, медленно приближаясь к ней. - И мне кажется, вы сможете заинтриговать меня также сильно, как и я вас. И поскольку я ответил на один Ваш вопрос, могу я кое о чем поинтересоваться у вас?

- Спрашивайте.

Она не давала обещания отвечать на него.

- Вы атеистка. Бог есть истина. Без Бога, все превращается в хаос, все становится относительным, и истина становится бессмысленной. И все же вы стали журналисткой, посвятившей жизнь поиску истины среди хаоса, хотя не верите в ее существование. Почему?

- Диоген странствовал по миру днем с огнем в попытке отыскать честных людей. Я просто Диоген со своим фонарем, пытающийся пролить хоть немного света там, где смогу.

- А также Диоген спал в бочке и публично мастурбировал. Насколько сильно вы считаете себя Диогеном? - спросил он, подняв бровь.

Сюзанна открыла было рот, но тут же захлопнула его.

- Вы не нормальный священник, да?

При этих словах Отец Стернс рассмеялся. Его теплый и открытый смех был опьяняющим и мужественным. Она хотела слышать его еще, снова и снова. Это казалось таким нелепым.

- Что? - спросила она.

- Элеонор задала мне тот же самый вопрос в день, когда мы встретились почти двадцать лет назад.

- И что же вы ответили ей?

- Именно то, что я говорю теперь вам - Бог мой, я надеюсь, что нет.

Теперь Сюзанна засмеялась. Смеяться вместе с католическим священником... последняя вещь на земле, о которой она когда-либо мечтала. Сюзанна резко замолчала, вспомнив о своем деле, об Адаме. Отец Стернс казался достаточно умным, чтобы манипулировать людьми, когда хотел. Она не могла позволить себе провалить дело всего лишь из-за его внешности и чувства юмора.

- Вы с нежностью говорите о ней. Вы двое близки?

Его улыбка исчезла, и во взгляде снова появилась сталь.

- Я мог бы быть вором. Или внебрачным сыном Папы Римского. Все это вполне подходит под конфликт интересов. Почему вы так уверены, что причина звездочки у моего имени связана с сексом?

Сюзанна подумала о лжи, но снова появилось ощущение, что он видит ее насквозь.

- Полагаю, это потому, что вы так невероятно привлекательны.

Он рассмеялся снова, в этот раз более деликатно.

- Ваше нахождение меня привлекательным вряд ли можно засчитать как доказательство вины, мисс Кантер. Принятие желаемого за действительное - возможно, но не доказательство.

Сюзанна покраснела, как во время последнего секса, когда она на одно краткое мгновение представляла себе этого мужчину на ней и внутри нее, а не Патрика.

- Я также считаю вас привлекательной, - продолжил Отец Стернс. - Но я же не стану обвинять вас в педофилии и эфебофилии просто потому, что могу.

Сюзанна сглотнула.

- Вы находите меня привлекательной?

- Очень.

- Но вы же священник.

- Священники обязаны быть целомудренными. Но не слепыми. Я планировал произнести молебен о Крестном Пути сегодня вечером. Наверное, нужно произнести молитву Господу.

- Почему?

- «Да не введи нас в искушение».

У Сюзанны перехватило дыхание. Она не могла отрицать, как сильно он ввел ее в искушение. Уйти... Уйти было бы правильно. Прямо сейчас.

- Тогда я оставлю вас в одиночестве с вашими молитвами.

Она сделала шаг назад.

- Увижу ли я вас снова? - спросил мужчина совершенно спокойным голосом.

В нем не было ни флирта, ни искушения, одно только любопытство.

- Вы будете видеть меня каждую неделю, пока я не выясню, что скрывается за вашим белым воротничком священника.

Он удивленно посмотрел на нее.

- Я не скрываю ничего, кроме моего горла.

- Сейчас вечер субботы. Церковь пуста. Вы действительно носите воротничок все время?

- Не всегда. Я же должен спать и принимать душ.

Эти слова, будучи сказанными без всякого умысла, все же вызвали образы в ее разуме, образы, которые она не хотела представлять. Как он выглядит под строгими черными одеждами? Как выглядит его тело под струями воды? Какой кажется его кожа на белых простынях?

- Да... конечно. Единственное время, когда я тоже снимаю свой воротник. Спокойной ночи, Отец Стернс. Вы увидите меня снова.

Сюзанна повернулась, собираясь уйти.

- Я с нетерпением жду этого.

Ноги Сюзанны запнулись, но она продолжила идти.

- Мисс Кантер?

Остановившись, она медленно повернулась к нему лицом. Боже, видела ли она в своей жизни более красивого мужчину?

- Мой воротничок... хотели бы вы увидеть меня без него?

Глава 12

Перевернувшись на спину, Микаэль застонал от боли и сразу же перекатился обратно на живот. Где-то в этом здоровенном особняке должна была быть хоть какая-то таблетка обезболивающего или что-то вроде. Если бы он только мог подняться, было бы совершенно офигенно.

Рядом с дверью в его комнату он услышал хихиканье.

- Не смейся надо мной. - Микаэль зарылся лицом в подушку. - Грешно смеяться над умирающим человеком.

- Бедный маленький саб. - Гриффин вошел в спальню, и, взяв стул, сел возле кровати. - Она чуть не убила тебя прошлой ночью?

Микаэль поднял лицо от подушки и повернулся к Гриффину. Это была плохая идея. На вспотевшем Гриффине не было даже рубашки. Очевидно, он только что вернулся с пробежки, в одних шортах, хорошо загоревший и весь в чертовски сексуальных татуировках.

Подняв руку, Микаэль показал пять пальцев.

- Пять раз? - спросил Гриффин. - Я впечатлен. Боже, вот бы мне вернуться в свои семнадцать снова.

- Почему мне больно в тех местах, куда она не била?- спросил Микаэль, стараясь подняться, но рухнул обратно на подушки.

- Это от бондажа. Нужно расслабляться, когда связан, иначе потянешь мышцы.

- У тебя в доме есть хоть какие-то лекарства? Предпочтительно те, которые меня выручат?

Микаэль увидел, как по лицу Гриффина скользнула тень, но через секунду улыбка снова вернулась на лицо мужчины.

- Не-а. Никаких лекарств. Но у меня есть кое-что получше. Секундочку.

Гриффин подошел к стене и нажал кнопку на внутреннем домофоне.

- Альфред, мне нужен лед и ту витаминную К хренотень. В детскую. Немедленно.

Микаэль услышал потрескивание.

- Я ненавижу вас, мастер Гриффин, - послышался британский акцент в домофоне.

- Спасибо, Альфред, - ответил Гриффин и вернулся к кровати.

- Твоего дворецкого действительно зовут Альфред?

- Нет. По-моему, Джеемисон. Не могу вспомнить. Я поменял его на Альфреда несколько лет назад. Моей первой мужской любовью был Бэтмен. Во всяком случае, я знаю, как пережить боль без использования лекарств, я прошел через это, - сказал мужчина, указывая на небольшую горбинку на носу, - не принимая ни одного болеутоляющего.

- Потрясающе, - сказал Микаэль, изучая лицо Гриффина.

Горбинка на носу сделала его еще более красивым.

- Откуда это?

- Стыдно рассказывать. За свою жизнь я участвовал в пяти или шести драках в барах, а мой нос сломала пятидесятикилограммовая девушка по имени Солнышко. Нечаянно. Я думаю.

- Солнышко?

- Да, она в моей команде по роллер дерби, Бронкс Зум.

- У тебя есть своя команда по роллер дерби?

- Я их спонсирую. Иногда даже выступаю в качестве судьи для чужой лиги. Не могу же я судить свою команду, это очевидно.

- Ты катаешься?

- Не могу же я судить, если не умею кататься на скейте. А что?

Микаэль протянул руку и указал на пол.

- Под кроватью, - застенчиво сказал он.

Гриффин поднял бровь, наклонился и вытащил скейтборд Микаэля из-под кровати.

- Зуу Йорк. Отличный, - сказал Гриффин, проводя рукой по доске Микаэля. - Но задние тормоза ни к черту.

- Я знаю. Совсем хреново поворачиваются. Подшипники застревают. Я собирался разобрать их....

- Где твой скейт ключ?

- В ящике.

Гриффин открыл тумбочку в прикроватной полке и вытащил ключ. Микаэль смотрел, как мужчина использует впечатляющую силу рук, чтобы разобрать и подрегулировать подшипники. Он осторожно отрегулировал тормоза.

- Так пойдет? - спросил Гриффин.

Микаэль сел и покрутил колесико.

- Идеально. Спасибо.

Михаэль встретился глазами с Гриффином и улыбнулся. Гриффин промолчал.

- Мог бы сходить со мной, если хочешь. На игру. Моя команда просто офигенна. Роллер дерби это как БДСМ на колесах.

Микаэль нервно прикусил щеку. По какой-то причине ему показалось, будто его только что пригласили на свидание.

- Можно я приду и посмотрю как-нибудь на твоё судейство?

Микаэль представил Гриффина в громоздкой броне рефери, и этот образ ему очень понравился.

- Конечно. Но когда я сузу, меня нужно называть Патриарх. Это моя кличка в дерби.

- Слушаюсь.

- Я даже разрешу подуть в мой свисток, - сказал Гриффин, протягивая Микаэлю скейтборд.

Микаэль рассмеялся и покраснел, переворачивая и осматривая доску.

- Иисус Христос, - сказал Гриффин и схватил парня за руку. - Что, черт возьми, произошло?

Микаэль почувствовал, будто кровь свернулась и превратилась в лед. Он так расслабился за болтовней с Гриффином, что забыл закрыть свои шрамы. Парень попытался вытащить руку, но Гриффин не отпускал.

- Ничего страшного, - сказал Микаэль, прижимая другую руку к животу.

- Совсем не ничего страшного. Скажи, что с тобой произошло.

В горле Микаэля встал ком.

- Хм, у меня был плохой день несколько лет назад.

- Плохой день?

- Я перерезал себе вены в церкви. Отец С спас мне жизнь.

- Спас тебе жизнь? Ты чуть не умер?

Глаза Гриффина расширились от ужаса. Микаэль медленно кивнул.

- Черт побери. Я так любил ненавидеть этого священника. А теперь больше не могу, - сказал Гриффин наконец отпустив руку парня.

Микаэль рассмеялся, скрестив руки на груди.

- Извини.

Гриффин покачал головой. Когда он снова посмотрел на Микаэля, в его взгляде было что-то новое, что-то сияло в них, горело, такого прежде парень не видел. Чем бы оно ни было, Микаэлю это понравилось.

- Но сейчас ты в порядке, да? Больше никаких плохих дней?

Микаэль кивнул, счастливый, что Гриффин не задал ему кучу вопросов о том, почему или как он это сделал, как спрашивали другие люди.

- Да, я в порядке. Честное слово. Один раз в жизни, да? - Он поставил скейтборд обратно на пол. - Плюс Отец С сказал, что если я еще раз причиню вред себе, он сам меня убьет.

Гриффин легко улыбнулся и покачал головой.

- Серьезно. Я обожал ненавидеть его. Блять.

- Почему ты так сильно ненавидишь Отца С? - спросил парень, ложась на кровать обратно.

Гриффин начал отвечать, когда в дверях появился Джемисон с маленьким переносным холодильником.

- Спасибо, Альфред, - сказал Гриффин, принимая поднос. - В банке из-под печенья на левой полке на кухне лежит тысяча долларов. Сходи купи себе что-нибудь миленькое.

- Я куплю ружье и пристрелю вас из него, - сказал дворецкий Гриффина и изящно поклонился. - Мастер Гриффин.

Он вышел из комнаты и Гриффин открыл переносной холодильник.

- Рубашку снять. Ложись на живот. И покажи мне повреждения, - приказал Гриффин.

Микаэль снял рубашку и бросил ее на пол. Гриффин присвистнул при виде обнаженной спины, там, как знал Микаэль, было множество маленьких круглых красно-коричневых синячков по всей коже.

- Становится лучше, - сказал Микаэль. - Бедро.

Гриффин потянулся и спустил простыню ниже. Сзади по всей поверхности ног, начиная от края трусов и до нижней части бедер, шли параллельные ярко-красные рубцы.

- Эта садистская сучка выпорола тебя тростью?

Микаэль кивнул.

- Вот же задница. Ну, тогда мы знаем, для чего нам лед.

Гриффин открыл холодильник и осторожно приложил два пакета со льдом к бедрам парня. Микаэль вздохнул с облегчением, как только лед заставил утихнуть жгучий жар.

- А для синяков на спине будет жидкий витамин К. Сверхсекретная жижа по борьбе с синяками. Спроси любую женщину, которая делала пластическую операцию, да хоть мою мать.

Микаэль улыбнулся, и Гриффин налил белого лосьона себе на руки.

- Я собираюсь это втереть, - предупредил Гриффин, - и это будет больно, но зато исцеление пройдет намного быстрее, ладно?

- Хорошо, - сказал Микаэль, напрягаясь, когда Гриффин пересел со стула на кровать, устраиваясь рядом.

Микаэль больше не боялся боли. Боль он мог выдержать. А напрягался он по совсем другой причине - Гриффин, его тело было так близко к нему. На Микаэле были только клетчатые трусы-боксеры, а Гриффин не только был на кровати, он был в его кровати и собирался к нему прикоснуться.

Грифф акkuratно положил ладони на середину спины парня и стал медленно разминать. Микаэль только вздыхал от блаженства, когда от рук Гриффина по всему телу прокатились волны острого удовольствия. Ушибы ныли, но удовольствие затмевало боль. Медленно и даже с силой Гриффин втирал в кожу витамин К, вверх по позвоночнику вплоть до самой шеи и вниз, возвращаясь к пояснице.

- Чувствуешь себя лучше?

Гриффин провел пальцами по изгибу ребра.

- На самом деле просто отлично, - признался Микаэль, задумавшись, насколько хорошо бы он почувствовал себя, если бы это грудь Гриффина прижималась к его спине сейчас.

- Хорошо, - сказал Гриффин низким голосом. - Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

- Так ты расскажешь мне, почему так сильно ненавидишь моего священника? - спросил Микаэль, желая изменить направление разговора, куда угодно, лишь бы не дать разуму забрести туда, куда хотелось бы.

Гриффин тяжело вздохнул, налил еще лосьон на руки и начал растирать плечи и предплечья парня. О, Боги, существовало ли вообще что-то за всю историю мира такое прекрасное, как ощущение больших сильных рук Гриффина на его плечах?

- Ты не должен рассказывать Госпоже. Я люблю ее, и она очень важна для меня, поэтому не хочу каких-то непонятностей между нами.

- Я не скажу, - ответил Микаэль, хотя Нора обещала ему секс в обмен на эту информацию.

- Давным-давно... Я влюбился в Нору.

Микаэль с трудом сглотнул. По какой-то причине, ему не понравилось то, что Гриффин мог проявлять свою любовь к кому-то еще.

- Что, правда?

- Да, после того как она вернулась из подполья. Она была прекрасной маленькой сабой Сорена в течение многих лет. Потом исчезла, и вернулась совершенно другим человеком. Но для меня она была все та же Нора. Кстати, я всегда называл ее Норой. Даже когда она была еще Элеонор. Во всяком случае, я знал, что она была не полным доминантом, а свитчем. Я был точно уверен, что часть ее натуры все еще желает подчиняться мужчине. Мысль об этой удивительной, красивой, умной доминатрикс, ставшей моей тайной личной собственностью? Боже, мне казалось, я умру, если не получу ее. Но никто в Преисподней не мог сделать ни шагу без разрешения твоего священника. Я подошел к нему и попросил разрешения поговорить с ней об этом, сказать, что я ее любил и что я хотел попробовать быть вместе. Мы трахались до этого, естественно. Но когда она исчезла, ты не поверишь, как сильно я скучал по ней.

- Что сказал Отец С?

- Проведя добрых двадцать минут за разговорами о том, каким ужасным ребенком я был, не заслуживающим даже целовать обувь Норы, все же сказал, что позволит только при одном условии.

Микаэль снова напрягся, чувствуя пальцы Гриффина, скользящие по заднице у самой резинки боксеров.

- И какое было условие?

- Сорен считает, что ни один доминант не должен бить кого-то, не узнав, каково это - получать боль. Он сказал мне, - руки Гриффина снова вернулись к плечам Микаэля, - что, если я подчинюсь ему и позволю себя избить, то он подумает об этом.

- О, черт, - сказал Микаэль. - И что ты сделал?

- Это был не тот момент, которым я мог бы гордиться. Я струсил. Не смог. Даже ради Норы.

- Я не виню тебя. Я люблю Отца С и обязан ему всем. Но он пугает меня до смерти. Нора единственный человек, который, как я знаю, не боится его.

- Он ужасен. И знает это. И он обожает напоминать людям, как сильно его стоит бояться. Это часть его садистского мозготраха, который он применяет. Во всяком случае, это и к лучшему. Я больше не испытываю этих чувств. Из Норы и меня определенно бы не вышло пары.

- Почему?

Гриффин снял руки со спины Микаэля и убрал пакеты со льдом с бедер. Медленно парень перевернулся, но боль уже ушла. Он смотрел на Гриффина, снизу вверх, вдыхая его запах, острый мужской запах, смешивающийся с ярким запахом пота и дезодоранта.

- Нора самая сильная, умная и выносливая, кого я когда-либо знал, она перестроила свою жизнь, создала заново саму себя. Она как личное солнце, и мы все вращаемся вокруг него. Вот почему Папа так сильно ее любит. Его как доминанта заводит мысль о том, чтобы возвыситься над кем-то вроде нее. Ну а я? Если мне захочется быть с кем-то в отношениях, то я хочу, чтобы этот человек нуждался во мне.

Я хочу заботиться о ком-то, баловать и защищать. Нора сама заботится о себе. Я был бы бесполезен для нее.

Гриффин провел рукой по своим темным волосам и случайно положил ее на живот Микаэля.

- Я не думаю, что ты бесполезен, - сказал Микаэль, по некоторой причине его голос превратился в самый настоящий шепот.

Гриффин посмотрел на него, но ничего не сказал.

- Я думаю, ты потрясающий. Любой был бы рад быть рядом с тобой.

- Им бы больше повезло, если они были с тобой.

Гриффин опустил руку и позволил ей задержаться на бедре Микаэля. Парень покачал головой.

- Любой человек в здравом уме сбежит сразу же, как увидит это. - Он показал шрамы на своих запястьях. - Они отвратительны.

Другая рука Гриффина потянулась, чтобы смахнуть прядь со лба Микаэля.

- Мик, - Гриффин начал вполголоса, - в тебе нет ничего, абсолютно ничего отвратительного.

- Кто тут отвратительный? - спросила Нора, прокравшись в комнату и заставая обоих парней врасплох.

Гриффин подмигнул Микаэлю и вернулся с кровати обратно в кресло.

- Сорен отвратителен.

Гриффин схватил Нору и посадил себе на колени.

- Я знаю. Он ужасен, - сказала она. - Как ты себя чувствуешь, Ангел?

Нора слезла с колен Гриффина и скользнула в постель рядом с Микаэлем. Тот рассмеялся, когда она обняла его и укусила за шею.

- Больно. И счастливо, - сказал он, краснея от воспоминаний о прошлой ночи и невероятного наслаждения, боли и затем снова наслаждения.

- И это совершенно нормально. В отличие от нас троих.

Нора забросила голую ногу на его тело. Она тоже была одета только в шорты и футболку с надписью: Университет Кентукки. Странно. Он думал, что она училась в Нью-Йоркском университете.

- Нормальное никогда меня не заводило.

Гриффин откинулся в кресле, сбросил ботинки, и, скрестив ноги в лодыжках, закинул их на кровать. У Гриффина действительно были большие ступни, заметил Микаэль.

- Кстати о том, что заводит, - начала Сатерлин, разглядывая их обоих.

- Отличный способ начать любой разговор, - сказал Гриффин.
- Сорен звонил, - продолжила она.
- Ужасный способ начать любой разговор.

Нора протянул руку и шлепнула по лодыжкам Гриффина, тот вздрогнул и насупился на нее.

- Что случилось с Отцом С?

Микаэль поднялся и натянул на себя футболку. Краем глаза он поймал взгляд Гриффина, следящий за его каждым движением.

- Эта сучка-репортерша пришла в церковь вчера вечером, и начала его допрашивать, - начала Нора. - Она в лоб спросила, спали ли я и Сорен вместе.
- Дерьмо. - Микаэль нервно подтянул подушку к животу. - Это плохо.
- Она умная, и она идет по нашим следам. Нужно сбить ее с пути.
- И какие будут предложения? - спросил Гриффин.
- Нужна диверсия. Давайте подумаем. Сделаем так, чтобы она подумала, что мы вместе.

- Мне нравится это. Может сработать. - Гриффин пожал плечами. - Только не надо тащить меня на премьеру этого бродвейского шоу, - сказал он с таким отращением, что Микаэль рассмеялся.

Нора посмотрела на парня и улыбнулась. Затем посмотрела на Гриффина и снова улыбнулась. Гриффин уставился на Микаэля, а тот на него. Ни один из них не улыбался.

- Давайте сходим в SinTax.

Гриффин присвистнул, впечатленный, но с сомнением.

- Я не знаю, Нора. Мы же в круге Кингсли. Они впустят нас?

- Конечно, они нас впустят. Ну, они впустят меня, а я возьму вас с собой. - Нора подышала на ногти и принялась игриво полировать их краем футболки. - У меня там есть друг.

- Подождите, что за SinTax? - спросил Микаэль, совершенно потерявшись в быстром разговоре Нора и Гриффина.

- Это один БДСМ клуб в городе, куда Кингсли не запустил свои когти, - пояснил Нора. - Этот более открыт для публики, чем клубы Кингсли. В SinTax идут, когда хотят выглядеть порочными и крутыми. А клубы Кингсли посещают те, кто на самом деле порочные и крутые.

- Как мы. - Гриффин подмигнул ему. - Таким образом, мы придем, привлечем внимание, получим пару фоток в колонке знаменитостей, и репортерша подумает, что мы с тобой встречаемся. Таков план?

- Таков план.

- А что будем делать с этим раненым?

Гриффин посмотрел на Микаэля с улыбкой.

- О, не беспокойся о нем, - сказала Нора, встав с кровати и направляясь к двери. - Мы возьмем его с собой.

- А Сорен переживет, что мы появимся на публике вместе? - крикнул Гриффин ей вслед.

Нора ответила опасным голосом, наполненным притворной невинностью.

- О ком ты говоришь?

Глава 13

Он сказал - в среду вечером в пять. Высшая школа Королевы Марии, в двух кварталах от Пресвятого Сердца. Если Сюзанна появится там, то сможет увидеть Отца Стернса без воротничка. И хотя она знала, что это очень плохая идея, все равно не смогла удержаться.

Припарковавшись в центре, девушка прошлась вокруг школы. Он не дал ей какой-либо конкретной информации, несомненно желая, чтобы всю работу за нее сделало ее воображение. Когда девушка подошла к задней части двора – все один в один как и в ее католической школе в детстве и статуи Марии везде - Сюзанна услышала крики и хлопки.

Ладно. Она была права. Это была действительно плохая идея. На футбольном поле два десятка подростков около двадцати и один высокий блондин лет сорока играли в футбол. И будучи старше остальных игроков на пару десятков лет, Отец Стернс не только играл наравне с остальными, казалось, он мог запросто их всех уделать. На мужчине была обтягивающая черная футболка, показывающая идеальные накачанные бицепсы и широкую грудь, и черные спортивные штаны, под которыми скрывались без сомнения не менее подтянутые бедра и ноги.

Она стояла у кромки поля и наблюдала за игрой. Нет, не за игрой. Она смотрела только на Отца Стернса - его светлые волосы светились словно нимб в лучах вечернего солнца, глаза были скрыты за черными солнцезащитными очками, шея и поясница были слегка взмокшими от пота.

- Твою мать, - выдохнула она.

Она повидала многих обнаженных мужчин, но они и в подметки не годились одному играющему в футбол священнику.

- Ничего не выйдет, - раздался голос в нескольких футах от нее.

Молодой человек с выгоревшими на солнце волосами сидел на обочине с пакетом льда, прижатым к бедру.

- Даже не думайте об этом.

Покраснев, Сюзанна села рядом с молодым человеком и потянула на макушку солнцезащитные очки.

- Не думать о чем? - спросила она.

- О нем. Отец С. Мой священник. Я Харрисон, кстати. А ты...

- Сюзанна.

- Приятно познакомиться, Сюзанна. Ты та штучка-репортерша, да? Он предупреждал нас, что ты можешь заглянуть.

- Да, это я. Просто работала над историей.

- Для журнала Плэйгёрл?

Сюзанна слегка засмеялась, глядя, как Харрисон поправляет пакет со льдом.

- Ты в порядке? - спросила она.

- Растянул мышцу паха.

- Бедняга. Тяжелая игра?

- Это не во время игры.

Он многозначительно поиграл бровями.

- Ты флиртуешь. А я на десять лет старше тебя.

- Он на двадцать лет старше тебя, но это же не мешает тебе кидать жадные взгляды на него. Лучший священник на планете, и я должен сказать, даже моя чертова подруга пускает по нему слюнки.

Сюзанна поймала взгляд Отца Стернса, направленного в ее сторону во время паузы в игре. Она быстро махнула ему рукой, и он вернул ей привет, прежде чем вернуться на поле боя с замечательной грацией и скоростью. Мяч летел в сторону цели, и он перехватил его одним сильным ударом, отправив мяч обратно на середину поля.

- Лучший священник на планете? Это высокая похвала.

Сюзанна пожалела, что не принесла с собой ноутбук. Флиртующий подросток мог стать источником информации. Нехотя она отвела взгляд от Отца Стернса и бросила его на Харрисона. Она помнила, какими были такие парни как этот в старшей школе - дерзкие, общительные, всегда в центре внимания.

- Это правда. Он говорит на двадцати языках, имеет две или три степени доктора наук... и надирает нам задницы в команде нашей церковной лиги. Так что не бегай за ним, потому что ты достаточно красивая, чтобы соблазнить даже его.

Сюзанна покачала головой.

- Подросток, защищающий незапятнанную добродетель католического священника – это интересно, - отметила она. - Всем детям нравится Отец Стернс?

- Да, конечно. Он свободный в общении.

Глаза Сюзанны расширились. Отец Стернс, за те пару раз, когда она говорила с ним, казался пугающим и жестким.

- Свободный в общении?

- Не читает нам лекции, не ругает за сквернословие, относится к нам как к людям. Это мило. Блейк вон там..., - Харрисон указал на вратаря в команде Отца Стернса, - и посещает школу Св. Марка. Его папа диакон. Ненавидит это. У него сменилось три священника за три года. Один отправился в реабилитационную клинику за выпивку. Другой перевелся по "причинам," - сказал Харрисон, выделяя слово кавычками. - А новому чуваку под шестьдесят, я бы сказал под сто шестьдесят. Отец Стернс крут. Так что, если ты положишь на него глаз, нам с тобой придется поговорить.

- Поговорить? Как это мило.

- Я милый. И я не священник.

Сюзанна вернулась к игре на секунду. Отец Стернс и его вратарь о чем-то разговаривали. Вратарь держал бутылку воды в руке. Он сделал глоток, а затем налил воды в подставленные ладони Отца Стернса. Тот выплеснул воду на голову, зачесывая волосы назад. В этот момент Сюзанна поняла, что никто за всю ее жизнь не привлекал ее так, как этот мужчина. Желание бурлило в теле, как кипящий огонь. Священник или нет, враг или нет, со звездочкой у имени или нет... она хотела его.

«Адам», - она прошептала она себе под нос. «Думай об Адаме».

- И что, никаких реабилитационных клиник для Отца Стернса? Никаких странностей?

- Единственная странная вещь это то, что он делает здесь, с нами в пригороде. Он должен быть Папой.

Сюзанна откинулась на локтях и скрестила ноги в лодыжках. Она жалела, что не надела шорты или юбку, что-то, чем можно было бы привлечь внимание Харрисона.

- Может быть, у него есть причина оставаться здесь.

Девушка искоса посмотрела на Харрисона.

- Например?

Сюзанна пожала плечами.

- Ну не знаю, Нора Сатерлин?

Харрисон прижал руку к груди.

- Боже, Нора. Да успокоится мое сердце. Да успокоится мой пах.

- Горячая штучка, да?

Харрисон перевел расширившиеся глаза на нее и медленно кивнул.

- Ты фанат? - спросила Сюзанна.

Он снова кивнул.

- Отец Стернс тоже фанат?

Харрисон закатил глаза.

- Он мужчина и гетеросексуален. Я бы забеспокоился, если бы он не был ее фанатом.

Сюзанна сорвала одуванчик и провела цветком по нижней губе. Флиртовать с подростком, чтобы получить ответы? Как низко она могла пасть?

- Думаешь, они вместе?

Харрисон покачал головой.

- Ни в коем случае. Зачем ему быть священником, получая гроши и заботясь о таких лузерах, как мы, если бы она могла ждать его дома? Кроме того, - сказал Харрисон, понизив голос до шепота.

Тем временем на поле Отец Стернс остановил очередную попытку удара по воротам. Подростки в его команде уже выглядели уставшими и измученными от жажды. А у него едва проступил пот.

- Кроме того, что?

- Я думаю, Норе нравятся мужчины помоложе.

Сюзанна подняла бровь.

- Есть какие-нибудь доказательства? Или просто выдаешь желаемое за действительное?

Боже, теперь она говорила как отец Стернс.

- Ну я не один, кто рассказывает сплетни в школе, - начал Харрисон. - Но есть один парень в церкви – суицидник Майк.

Руки Сюзанны похолодели при упоминании о самоубийстве. Но она продолжала сохранять нейтральное выражение лица.

- Суицидник Майк?

- Ага. Это ужасно. Я никогда не называл его так, - сказал он, хотя только что назвал. - Микаэль Димир.

- Мальчик, который пытался покончить жизнь самоубийством в святилище?

- Тот самый, - сказал он, кивая. - Вот в чем все дело в Суицид... в Микаэле. Микаэль, он как стекло, хрупкий. Ребенок, который боится собственной тени. Почти не разговаривает. Ты с ним здороваешься, а ему нужна вечность, чтобы ответить хоть что-то.

Все внутри ухнуло вниз. Брошенный? Расстроенный? Постоянно начеку? Микаэль казался классической жертвой насилия. Но откуда началось это насилие? Дома? Или в церкви?

- Ну и что? - продолжила Сюзанна, словно нехотя, но нуждаясь в дальнейшей информации.

- А Нора немножко из тех, кто может запугать. Знаменитая, богатая, красивая... кажется, если бы она сказала ему привет, то он умер бы там на месте. Но нет. Я сидел рядом две недели назад, в воскресенье утром, подглядывая за Норой как обычно. И вот она смотрит на Микаэля и подмигивает ему. Я подумал: "Вот дерьмо, срочно звоните 911, Майк сейчас получит сердечный приступ. Но нет, угадай, что он сделал?"

- Что?

- Он показал ей язык, как будто они были старыми друзьями или чем-то в этом роде. Она высунула язык ему в ответ, и температура в святилище взлетела вверх на двадцать градусов от жары, с которой они трахали друг друга взглядами.

Сюзанна ничего не могла ответить сначала. Отец Стернс, казалось, защищал ее и Микаэля Димира. Если он выступал в качестве духовника их обоих, то, несомненно, знал, если бы у тридцать-с-чем-то-летней писательницы был роман с мальчиком-подростком. Они с Харрисом наблюдали за игрой в течение нескольких минут в тишине. Или почти в тишине. Несмотря на то, что тот был вне игры, Харрисон не удержался от того, чтобы выкрикивать советы или поощрения собственной команде.

Она немного знала о футболе, но могла сказать, что Отец Стернс дирижировал всем на поле. Его команда отвечала на каждый приказ, как хорошо обученные солдаты. Мужчина казался неумолимым, бегая туда-сюда по полю с ловкостью длинноногого ягуара.

- Боже, как он хорош, - сказала она, когда мужчина вклинился между двумя игроками и забил гол с центральной линии.

- Конечно, он хорош, - сказал Харрисон, снимая лед и растирая внутреннюю часть бедра. - Он сто пятидесятипроцентный чистый европеец. Получил ген футбола с обеих сторон.

- Как кто-то может быть сто пятидесятипроцентным европейцем? - спросила Сюзанна, вспоминая, как мало знает о прошлом священника.

- Его отец британец, вернее был британцем. Теперь мертв. Мать датчанка. И он ходил в семинарию в Италии.

Мать датчанка? Это могло бы объяснить цвет волос и глаз. И надписи на книгах и на фото – наверное, были на датском.

- Я думала, его мать была из Нью-Хэмпшира.

Харрисон усмехнулся.

- Вот это, - сказал он, указывая на Отца Стернса, - кажется вам американским?

- Нет, - призналась она.

Он казался ей захватывающим - мужественный и красивый и невероятно привлекательный. Но не американец.

- Европейские гены – полагаю, вот поэтому он ваш лучший игрок.

- Второй из лучших.

- Второй? Дай угадаю - ты лучший.

Харрисон покачал головой.

- Нет. К нам иногда приходит и играет родственник Отца С. Он даже лучше. Но не говори Отцу С об этом, они постоянно соперничают друг с другом.

Сюзанна нахмурила брови. Она знала, что у Отца Стернса была сестра, но старшая сестра, Элизабет, не жила в Коннектикуте.

- Шурин? Одна из его сестер была замужем...

Харрисон покачал головой.

- Отец С был женат.

Сердце встрепенулось в ее груди.

- Отец Стернс был женат?

- Да, когда ему было как и мне - восемнадцать. Совершеннолетний, - он напомнил ей. - По-видимому, брак не был долгим. Она умерла. Из-за какого-то несчастного случая. Если бы у меня умерла жена в восемнадцать лет, я, наверное, тоже присоединился бы к священству.

Сюзанна едва могла говорить.

- Женат...

Я не девственник... Я не был рожден священником...

- Восемнадцать... это было давным-давно. Он и брат все еще друзья?

- Они либо лучшие друзья или хотят убить друг друга. Иногда трудно сказать. Они постоянно ругаются друг на друга по-французски.

- По-французски?

- Да. Его родственник француз.

Харрисон говорил что-то еще, но Сюзанна уже не слышала. Она посмотрела на поле и увидела, что матч подходит к концу. Команда Отца Стернса выиграла 2:1. Встав, Сюзанна стряхнула траву с джинсов и направилась к мужчине.

Когда она оказалась рядом, он сдвинул очки на макушку.

- Хорошая игра, - сказала она. - Вы были женаты?

Отец Стернс посмотрел через плечо и окинул Харрисона убийственным взглядом. Харрисон послал девушке воздушный поцелуй.

- Каждый четверг я посвящаю молитве в церкви, - сказал Отец Стернс. - Я молюсь, чтобы Харрисон стал цистерцианцем.

- Цистерцианцем?

- Они принимают обет молчания. Моя молитва до сих пор не услышана.

Сюзанна засмеялась, стараясь идти в ногу с Отцом Стернсом, ей пришлось делать большие шаги, чтобы поспевать за мужчиной.

- Да, я был женат, - сказал он, наконец.

Она поняла, что он часто гулял тут, рядом с церковью, и решила идти рядом, пока он ее не прогонит.

- На очень короткое время. Она умерла вскоре после того, как мы поженились.

- Могу я спросить как или это слишком личное?

- Не личное, - сказал он, когда они ступили на тротуар. - Но не менее болезненное. Мари-Лаура умерла во время прогулки в лесу. Я был за несколько километров от того места, на случай, если вы решите, что моя звездочка относится к убийству.

- Красивое имя. Она была француженкой?

- Была. Балериной.

Сюзанна испытала странное ощущение. Что-то вроде ревности. Она представила красивую французскую балерину и ее шикарного молодого мужа. Наверняка молодожены страстно любили друг друга.

Они свернули на неосвещенную тропинку, сойдя с улицы, обрамленную нависающими кронами деревьев. Впереди девушка заметила небольшой двухэтажный коттедж в готическом стиле.

- А ваша мать была датчанкой? Я думала, она из Нью-Хэмпшира?

Они остановились у ворот. Сюзанна стояла, глядя на него, ожидая, что тот скажет или сделает хоть что-нибудь.

- Моя родословная... это довольно длинная история, - сказал он, его серые глаза стали такими же темными, как и путь, по которому они пришли.

Сюзанна сглотнула. Она не должна была этого делать, нельзя было оставаться с ним наедине. Не здесь. Не в его доме.

- У меня есть время.

* * *

Вертолет. Они отправились в город на долбаном вертолете.

Весь путь туда, Микаэль провел у окна, глядя на землю внизу, облака над ней и на горизонт... Он не мог поверить, что Гриффин мог запросто вызвать вертолет, как другие вызывают такси. Гриффин... Гриффин наверняка подумает, что он сошел с ума. Во время полета Микаэль приклеился к окну как первоклашка, а Гриффин наблюдал за ним с нескрываемой радостью. Микаэля не волновало, что все подумают, что у него поехала крыша - он не мог отвести взгляд от красоты вечернего города на высоте восьми тысяч футов.

- У меня с собой фотоаппарат.

Гриффин постучал Микаэля по колену, привлекая внимание. Парню чертовски нравился Гриффин в очках-авиаторах и со всей этой вертолетной гарнитурой на голове.

- Хочешь сделать пару снимков и отправить друзьям?

Микаэль покачал головой и опустил взгляд обратно на город. В конце концов, у него не было друзей, чтобы показывать им какие-либо фотографии.

Вертолет сел на посадочную площадку какого-то здания в Адской Кухне, и солнце, наконец, спряталось за горизонтом. Микаэль последовал за Норой и Гриффином, подошедших к двери на крыше. В своих простых хлопковых брюках, белой рубашке и черном пиджаке он чувствовал себя ужасно нестильным по сравнению с Гриффином в его черных кожаных штанах и черной шелковой рубашке. Нора тоже надела черный костюм - шляпа, подтяжки, красная рубашка, черный галстук...

Когда они спустились по лестнице, Нора посмотрела назад и улыбнулась ему.

- Я буду рядом, малыш. Не волнуйся. Я заказала для нас отдельную комнату. Пойдешь туда первым, пока Грифф и я наведем тут панику.

- Я обожаю хорошую качественную панику, - сказал Гриффин, ухмыляясь, и сняв очки, сунул их в карман.

Микаэль моргнул и заставил себя отвести взгляд. Нужно было подумать, как заставить себя прекратить пялиться все время на Гриффина.

Они дошли до конца лестницы, и Микаэль услышал первые звуки музыки. Нора подошла к двери и громко постучала - три легких удара, а затем два потяжелее.

- Секретный код? - спросил Микаэль шепотом.

- Азбука Морзе для садо-мазо.

Глаза Микаэля расширились.

- В самом деле?

Гриффин пожал плечами и подмигнул ему.

- Понятия не имею.

Дверь открылась, и в коридор вышел мужчина. Микаэль посмотрел на него и затем снова. И еще раз.

- Мальчики, скажите привет моему другу Серому Волку, - сказала Нора, делая элегантный и, очевидно, шутливый поклон мужчине который с легкостью мог бы по росту обогнать самого Отца С. - Также известному как...

- Большой Злой Серый Волк, - закончил за нее Гриффин, делая шаг вперед и протягивая руку. - Ты легенда.

Мужчина, в котором было, как подумал Микаэль, около метра девяносто, и мышцы его впечатляли не меньше, чем рост, взял руку Гриффина и пожал ее. На вид ему было около сорока лет, и красота его казалась какой-то, как сказала бы Нора,

"дьявольской". Он думал, что Гриффин был образцом мужского совершенства. Но женщинам, казалось, нравился внешний вид Брэда – щетина на подбородке и волосы на груди. Судя по тому, как улыбалась ему Нора, ей он точно нравился.

- Как поживает мой Большой Злой Серый Волк? - спросила она.

Он поднял темную бровь.

- Красная Шапочка Со Стеком, какого черта ты забрела в мой лес?

- Наживаю неприятности на свой зад. Поможешь?

- Я не знаю. Ты все еще с..., - голос Брэда затих, и он многозначительно посмотрел на Микаэля и Гриффина.

- С моим священником? - закончила она за него. - Да, до сих пор вместе. Не принимай это так близко к сердцу. Ты по-прежнему второй лучший садист в городе.

- Будь я проклят твоими похвалами, - сказал Брэд, глядя Нору по шее под подбородком. - Но я никогда не мог отказать тебе, зеленые глазки. Чего ты хочешь?

- Я зарезервировала место на шоу. Можешь провести нашего Младшего, чтобы никто не увидел?

Брэд посмотрел на Микаэля, переминающегося с ноги на ногу.

- Нора... сколько ему лет?

- Он совершеннолетний, - сказала она, не моргнув глазом.

- Совершеннолетний для чего?

Микаэль кашлянул.

- У меня есть водительские права.

- Боже, - сказал Брэд, смеясь и закатывая глаза. - Нор, да ты еще большая извращенка, чем Кингсли.

Нора захлопала ресницами.

- Ты мне льстишь. Пойдем.

Нора схватил Гриффина за рукав, и они оба порхнули на следующий пролет лестницы.

- Пойдем со мной, мальчик, - сказал Брэд голосом, который вдруг показался еще ниже, чем раньше.

Микаэль сглотнул.

- Да сэр.

Они вошли в клуб через заднюю дверь. Микаэль опустил голову и уставился на обувь Брэда. Но не мог не взглянуть на творящееся внутри клуба сумасшествие. Всюду, куда хватало его взгляда, были знаменитости, или, по крайней мере, те, кто хотели ими быть, одетые в костюмы. Ну, они были одеты, как люди с определенными извращенными вкусами – ну или так должны были одеваться самые обычные люди, которые хотели, чтобы их считали фетишистами. Множество обтягивающих костюмов из латекса на слишком худых женщинах, и парни в кожаных жилетах и сбруе как на лошадях. Это больше походило на супер-клевый Хэллоуин для слишком богатых подростков, чем на секс-клуб.

- Вы работаете здесь? - спросил Микаэль, когда Брэд подвел его к охраняемой двери за красным занавесом.

- Ну кто-то же должен вносить долю реализма в это все. - Брэд закрыл за ними занавес и зажег свечи. - У меня есть свое собственное подземелье внизу – вот это реальная вещь. Спроси свою госпожу как-нибудь. Я принимаю там тех нескольких настоящих мазохистов, которые забредают в мои владения.

Микаэль уже хотел задать вопрос, когда в их ложу ворвались хохочущие Нора и Гриффин.

- Как все прошло? - спросил парень, глядя на еле держащуюся на ногах от смеха парочку.

- Идеально. Я спрятала лицо под шляпой, - сказала Нора, крутанув шляпу в руках и надев ее обратно под лихим углом. - Это привлекло их внимание. Наверняка, они подумали, что я еще более знаменита, чем кажусь. А затем Гриффин угрожал избить фотографов.

- Ты угрожал? - обратился парень к Гриффину. - А тебя не арестуют за такое?

Гриффин пожал плечами.

- Они обожают, когда им угрожают. Чувствуют себя ближе к знаменитостям. Плюс я заплатил две сотни, чтобы убедиться, что завтра мы будем на Шестой Странице.

- Миссия выполнена. - Нора взяла стакан красного вина у одетой в кожаный наряд официантки. - Шоу начинается, - в ее глазах заплясали чертики.

Напротив их ложи располагалась сцена. Когда свет в клубе погас, огни рамп засияли. Четверо молодых мужчин с обнаженными торсами вынесли в паланкине красивую смуглую Амазонку. Клуб разразился аплодисментами.

- Ничего себе, - сказал Микаэль. - Она высокая.

- Она парень. - Гриффин подмигнул ему. - Госпожа Никс.

- Серьезно?

Помимо роста в этой Амазонке Микаэль не увидел никаких мужественных черт.

- Seriously, - сказала Нора. - Там есть несколько горячих Доминантов внизу. Мужчины могут бить сильнее. Кто-то должен был это сказать. Хотя Госпожа Никс не уступает им.

Микаэль кивнул. Никс сейчас держала одного из молодых парней за горло. Она с силой прижала его к кресту Х-образной формы, а другие мужчины привязывали его руки.

- Андреевский Крест. - Нора наклонился над столом, громко шепча Микаэлю. - Слышал о Св. Андрее?

- Эм... о мученике? - рискнул предположить парень.

Хотя он и был католиком, святых в этой религии было больше, чем звезд на небе.

- Точно, - сказала Нора, одобрительно улыбаясь. - Согласно легенде он просил, чтобы ему разрешили умереть на Х-образном кресте вместо Т-образного, так как чувствовал себя недостойным умереть так же, как его спаситель. Поэтому его привязали, а не прибили гвоздями.

- Бедный чувак. Его должно быть пытали перед смертью, - сказал Гриффин, и Нора хлопнула его по руке.

- Какая жуть, - сказал Микаэль, смеясь над рассказом. - Бедный Святой Андрей.

Они смотрели шоу в тишине следующие несколько минут. Никс держала девятихвостую плетку, используя для порки связанного молодого человека, который корчился и кричал на кресте.

- Она задерживает удары, - сказала Нора с понимающим взглядом. - Она вообще едва ли причиняет ему боль.

- Ты можешь это понять? - спросил Микаэль, весьма впечатленный.

Она кивнула.

- Прежде всего, она бьет его ради шоу. Бьет медленно и ударяет всеми шнурками, а не их кончиками.

- Но выглядит так, что она бьет его изо всех сил.

Микаэль пригляделся к происходящему на сцене.

- Порка в полную силу – это деловое соглашение, - сказала Нора, протягивая руку и дотрагиваясь до лица Гриффина. - Есть разница между этим... - Она шлёпнула плоской ладонью по щеке мужчины. Гриффин вздохнул. - И этим.

Она повернула руку и щелкнула Гриффина по уху кончиками пальцев. Гриффин вздрогнул и поморщился.

- Ауч, Нор. Я бы сказал свое стоп-слово, но опять его забыл.

- Это утконос. Так что, да, она делает хорошее шоу, но ему совсем не больно. - Нора указала на сцену, где на кресте продолжал издавать громкие драматические крики молодой мужчина. - Можем спуститься в подземелье Брэда, Темный Лес, для достойного садо-мазо попозже. Там действуют правила РПСИ.

- РПСИ? - спросил Микаэль. - Что это вообще такое?

- РПСИ означает «Риск. Предупреждение. Согласование. Извращение.» - объяснила Нора. - В отличие от правил БРД.

- Безопасно, Разумно и Добровольно, - сказал Гриффин, закатив глаза, а Нора зевнула.

- Точно. БРД это такая скука. Это для мамочек и папочек с меховыми наручниками под кроватью в маленьких городках.

- РПСИ это для людей вроде нас, - сказала Нора. - Люди, которые делают все грубо, игра на грани, никаких стоп-слов, и так далее.

- Вы и Сорен когда-либо играли без стоп-слов?

Гриффин откинулся назад и уперся локтями в стенку ложи. Температура Микаэля подскочила от вида черной шелковой рубашки Гриффина, натянувшейся на его широкой груди.

Нора отрицательно покачала головой.

- Я сказала, что люблю играть по-жесткому. Но я вовсе не горю желанием умереть.

Перед ними на сцене Никс позволила гарему мужчин освободить парня от креста. Тот подполз на четвереньках к Госпоже и поцеловал ее затянутые в сапоги ноги.

- Ааах..., - вздохнула Нора. - Старые добрые времена. Я скучаю по преклонению перед ногами. Нет ничего сексуальнее мужчины-саба, целующего носки сапогов.

- Не могу с этим не согласиться, - закивал Гриффин.

- А вообще существует много мужчин сабов? - спросил Микаэль, глядя на молодого мужчину, проложившего дорожку поцелуев от ступни к колену Никс.

- Гораздо больше, чем люди хотят признать, - сказала Нора. - Особенно мужчины. Ты, Ангел, нечто особенное, но не уникален. Там, наверное, столько же мужчин-сабов, сколько и доминантов.

- В самом деле?

- Да, Мик, - вмешался Гриффин. - И это касается не только гей-сессий.

- Сексуальная фантазия номер 1 – это гетеросексуальные мужчины, занимающиеся сексом с красивой женщиной. - Нора сделала большой глоток вина. - А номер 2?

Гриффин усмехнулся и поднял два пальца. - Номер 2, - сказал он, - это быть связанным прекрасной женщиной и затем оттраханным ею. Даже я это люблю.

- И даже больше чем любишь, если я правильно помню..., - вздохнула с тоской Нора и подмигнула Гриффину.

- Если таких, как я, много, - спросил Микаэль, - Тогда почему...

- Почему ты чувствуешь себя таким одиноким?

Нора бросила на него долгий взгляд. Микаэль молча кивнул.

- Ты не одинок, - сказала она, Гриффин потянулся и по-дружески стиснул его колено.

К сожалению, это дружеское прикосновение вызвало более чем дружескую реакцию в боксерах Микаэля.

- Мужчины-сабы оплатили мой дом, Ангел, - продолжила Нора. - Они купили мне мои автомобили. Они сделали меня очень богатой женщиной. Я имела все, что хотела в своем подземелье - поэтов и художников, священников и раввинов, полицейских и грабителей.

- Копов?

- О, да. Чем большими и крутыми мужиками они притворяются, тем более вероятно, что им захочется, чтобы женщина обозвала их шлюхами и встала им на шею каблуком.

- Или парень. - Гриффин смотрел только на Микаэля, произнося это.

- Так, тихо, мальчики, начинается второй акт.

Никс вывела свой гарем со сцены. Через несколько минут они вернулись, на этот раз Никс была в одеяниях римской богини. Она правила колесницей, которую тянули ее молодые мужчины. В их ртах были уздечки, на груди сбруя.

- О, Боже, игра в лошадок. Как очаровательно. Я обожаю лошадок. - Нора наклонилась вперед, опираясь подбородком на руку. - Ими так весело управлять.

- Да ладно. - Гриффин закатил глаза. - Как будто ты когда-либо в своей жизни сидела на лошади.

Нора выпрямилась.

- Чтобы вы знали, Мастер Фиске, я каталась на лошади несколько раз в своей жизни. Ну ладно, три раза. Мой старый сосед по комнате, Уес, был из Кентукки. Видимо все в Кентукки умеют ездить на лошадях.

Гриффин пожал плечами.

- Не совсем. Только самые отъявленные богачи центрального Кентукки. Лошади очень дорогие животные.

Нора усмехнулась.

- Уес Райли? Богач? Пацан не мог позволить себе даже приличный автомобиль. Водил жук. Бедняга.

Микаэль посмотрел на улыбающуюся Нору. Улыбка Сатерлин казалась странной, вымученной. Совсем ничего общего с ее обычными улыбками.

- Райли?

Гриффин склонил голову и уставился на Нору.

- Как Кентуккские Райли?

- Ну да, он Райли, и он из Кентукки, - сказала Нора.

- Знаешь имена его родителей?

Гриффин отвернулся от скачек на сцене и сосредоточил все свое внимание на Норе. Сатерлин, казалось, внезапно растерялась.

- Ну, имя его матери Кэролайн. Я использовала его в своей недавно вышедшей книге. А имя его отца...

- Джексон. - Гриффин закончил фразу за нее. - Джексон Райли?

Глаза Норы расширились.

- Гриффин... откуда ты узнал?

Гриффин усмехнулся, а затем засмеялся.

- Гриффин..., - голос Норы стал угрожающе низким. - Почему ты смеешься?

С тяжелым выдохом Гриффин достал из кармана айфон, несколько раз нажал на что-то, а затем улыбнулся тому, что показалось на экране, и молча передал телефон Норе.

- Сукин сын, - выдохнула она.

Она медленно протянула телефон обратно Гриффину. Затем быстро встала из-за стола.

- Куда ты идешь? - спросил Гриффин.

- Убедись, что Микаэль доберется домой в целости и сохранности. Я приеду домой попозже. Нужно кое-что проверить.

Нора исчезла в толпе, и Микаэль вдруг оказался наедине с Гриффином. Ему не нравилось, насколько сильно он желал этого.

- Гриффин? - прошептал Микаэль. - Что ты показал Норе?

Гриффин передал парню свой телефон. Микаэль взял его и внимательно посмотрел на экран. Понадобилась целая минута, чтобы собрать свои мысли насчет увиденного.

Микаэль смог выдавить только одно слово.

- Блять.

Глава 14

Сюзанна бродила по гостиной Отца Стернса, пока тот, извинившись, ушел переодеваться. Такой красивый дом... камин, сложенный из больших камней, сотни книг в кожаных переплетах и самый красивый рояль, который она когда-либо видела. На верхней части фортепиано лежала книга со стихами Джона Донна. Открыв книгу на странице, заложенной старинной вышитой закладкой, она прочла:

«Приди ж в мои объятия, сделай милость,

И да свершится все, что не доснилось.»

- Мне разрешено читать Джона Донна, - послышался голос Отца Стернса у нее за спиной. - Он был священником.

- Англиканский священник, который написал анти-католические стихи, - напомнила она ему.

- Я не принимаю это близко к сердцу.

Сюзанна нервно улыбнулась, когда Отец Стернс забрал книгу и положил ее обратно на рояль. Он, очевидно, принял душ - его светлые волосы выглядели темнее - и он снова надел свой воротничок. Черт. Ей действительно понравилось любоваться на его горло.

- Вы играете? - Она указала на фортепиано.

- Я научился играть на фортепиано даже раньше, чем выучил английский язык. Меня научила моя мать.

- Ваша мать-датчанка?

Отец Стернс жестом указал на кресло и сам присел напротив девушки. Солнце уже зашло, и только одна маленькая лампа отбрасывала слабый свет в комнате.

- Моей матери исполнилось восемнадцать лет, когда она приехала в Соединенные Штаты. Получила музыкальное образование в консерватории в Нью-Гемпшире. Стипендии хватало лишь на то, чтобы покрыть обучение. Так она нашла работу в качестве няни в доме моего отца. Его жена только что родила дочь.

- Ваша сестра Элизабет, верно?

- Да. У жены моего отца была трудная беременность, тяжелые роды. После Элизабет, она больше не смогла иметь детей. На время ее восстановления моя мать стала матерью для Элизабет.

- И привлекла внимание вашего отца? - спросила Сюзанна, улыбаясь.

Она могла представить, к чему это привело.

- К сожалению, да.

Отец Стернс не улыбнулся. Улыбка Сюзанны исчезла при слове «к сожалению», и это объяснило все.

- О, мой Бог, - прошептала она.

- Мой отец был монстром. И я не преуменьшаю. Его гнев по отношению к своей жене на неспособность дать ему больше детей... он выместил его на моей матери. Он насиловал ее до тех пор, пока она не забеременела. Она жила в качестве заложницы, потому что он угрожал причинить боль Элизабет, если она расскажет кому-либо или сбежит.

Сюзанна прикрыла рот рукой.

- Я родился через десять месяцев после того, как она стала жить с моим отцом. Спустя несколько лет врач, который помогал мне родиться, рассказал, что он никогда не видел ничего подобного... молодую женщину, которая рожала в муках в полнейшей тишине. Она не хотела кричать. Моему отцу это бы слишком понравилось.

- Он был садистом?

Отец Стернс медленно кивнул.

- Я родился вскоре после полуночи 21 декабря. Она назвала мне Сорен в честь ее деда. Врач записал это имя на подлинном свидетельстве рождения, которое спрятал от моего отца. В официальном свидетельстве я назван Марк Леннокс Стернс. Маркусом звали моего отца. Вот почему я предпочитаю, чтобы меня звали любым именем, но только не этим.

Сначала Сюзанна ничего не ответила.

- 21 декабря, - повторила она. - Самая длинная ночь в году.

- Это была самая длинная ночь в жизни моей матери, как она однажды призналась мне. Хотя я был рожден от насилия, она любила меня. И оставалась в доме ее насильника, чтобы ухаживать за мной. Мой отец хотел вырастить меня, как своего ребенка, его и его жены. Вероятно, у него бы уже никогда не родился еще один сын, чтобы унаследовать фамилию и богатство. Когда он счел меня достаточно взрослым, он отправил меня в школу в Англии. Мать вернулась в Данию и потратила годы на мои поиски. Мой отец к тому времени скопил невероятное богатство и власть. Она никому не могла рассказать о том, что случилось с ней.

Сюзанна встала и подошла к холодному камину. Никому не могла рассказать...

- Мой брат Адам, - начала она и сделала глубокий вдох. - Он любил Церковь. Он был алтарным служкой в возрасте десяти лет... и уже тогда решил, что хочет быть священником.

Она повернулась и встретилась глазами с Отцом Стернсом. Он ничего не сказал, только кивнул, чтобы Сюзанна продолжила.

- Мы нашли... после того как он выстрелил себе в голову в возрасте двадцати восьми... записку, в которой говорилось, что его насиловал наш священник. Неоднократно, в течение многих лет. Католическая церковь скопила невероятное богатство и власть..., - процитировала она Отца Стерна. - Он тоже никому не рассказал.

Отец Стернс подошел к ней. Он с нежностью положил руку на ее лицо, и она увидела свои слезы на его пальцах.

- Так как он покончил жизнь самоубийством, церковь не позволила захоронить его по-католически. Гребаная католическая церковь, - сказала она, проглотив комок в горле, чувствующаясь как камень.

- Сюзанна, мне так жаль.

Отец Стернс мягко погладил по ее щеке подушечками пальцев.

- Вы только что называли меня Сюзанна, не мисс Кантер.

Он улыбнулся.

- Да.

- Тогда как мне называть вас теперь?

- Дети в церкви уже много лет зовут меня Отец С. Звучит не так устрашающе, как Отец Стернс, я полагаю. Близкие мне люди, те, кто действительно знают меня, зовут меня Сорен.

- Я хотела бы узнать вас... Сорен.

- Вы уже начали, - сказал он, отходя и вновь садясь в кресло.

- Могу ли я спросить, как называет вас Нора Сатерлин?

Снова опустившись в кресло, Сюзанна вытянула ноги, и посмотрела на него.

- Элеонор зовет меня именами всех персонажей своих книг, - сказал он, и они оба рассмеялись. - Но в основном Сореном. Она говорит, что мое имя звучит достаточно претенциозно.

- Не могу поверить, что она сказала это вам. Seriously, я встречала генералов, но они были невинными младенцами по сравнению с вами.

- Элеонор - бесстрашная женщина и всегда была.

- Вы очень нежно о ней отзываетесь. Не говорите мне, что вы не близки.

- Мы близки. У нее была неприятная стычка с законом в возрасте пятнадцати лет. Судья заставил меня быть надзирателем в ее общественных работах. Ее родители не хотели заниматься ею после того случая. Полагаю, можно сказать, что мне пришлось заменить ей отца.

- Вы гордитесь тем, какой она стала? - спросила Сюзанна, уверенная в ответе.

Эротическая писательница, Госпожа... плохая девочка.

- Я не мог бы гордиться ею больше. Ее жизнерадостность, интеллект, сила... мы все должны стать такими, как она.

- Она сильная?

Сюзанна видела фотографии Норы Сатерлин – краешком глаза.

- Достаточно сильная, чтобы даже я мог быть слабым рядом с ней.

Сюзанна улыбнулась.

- Вы слабый? Думаю, что хотела бы это увидеть.

Сорен обратил свой взгляд на нее, и тот был самым холодным, тяжелым и острым, который Сюзанна когда-либо видела. Ее кровь похолодела, руки онемели, а сердце затрепетало.

- Уверю вас, - сказал он с тихой угрозой, - вы бы не захотели.

Сюзанна хотела вздрогнуть, спрятаться, отвернуться, убежать... но что-то удерживало ее там, не давая уйти. Да, он запугал ее до смерти. Но за этой каменной стеной, которая была Отцом Стернсом, показалась тень чего-то еще, того, что было спрятано под священническим воротничком. Она должна была увидеть его, должна была узнать.

- Расскажите мне об Элеонор, - сказала она, каким-то образом интуитивно понимая, что узнать ее поможет узнать его. - Ничего секретного. Ничего личного. Просто о ней. Какая она?

- Какая Элеонор? - Он чуть не рассмеялся на заданный вопрос. - Точно так же вы могли бы спросить меня, какой Бог. Она не Бог, но ее почти так же трудно описать. Это может занять всю ночь.

Сюзанна откинулась в кресле и посмотрела на него... орлиный нос, сильная линия мужественной челюсти, четко-очерченные губы. Ее взгляд скользнул на его руки.

Руки пианиста, изящные, ловкие, аккуратные. Каким было бы их прикосновение на ней... в ней? Она хотела увидеть его слабым. Она хотела увидеть его любимым, каким смогла бы.

- У меня есть целая ночь.

* * *

Держась подальше от центра, Нора взяла такси и дала водителю адрес на Манхэттене.

- Вы уверены? - спросил водитель. - Это не...

- Просто езжайте, - приказала Нора, и водитель моментально заткнулся. Через несколько минут они подъехали к черно-белому трехэтажному особняку. Нора бросила деньги на переднее сидение салона и вышла без слов. Промчавшись вверх по ступенькам, она открыла двери, и на нее тут же оскалились четыре ротвейлера.

- Шшшш... сидеть, малыши.

Все четыре собаки заскулили и сели на задние лапы. Обычно она любила немного поиграть с собаками, у которых была ужасная репутация, но еще и просто бездна любви и привязанности. Нора поднялась на третий этаж и пошла по коридору. В конце зала она открыла дверь в кабинет Кингсли.

Файлы... ей нужны файлы. Нора осмотрела офис. Так много шкафов. Она не знала, с чего начать.

Сатерлин открыла верхний ящик первого шкафа и увидела ряды файлов, аккуратно помеченных по имени - фамилия, запятая, имя и номер. В третьем шкафу во втором ящике снизу она нашла файл Райли, Уесли (Джон), 1312. Нора открыла папку.

- О Боже, черт бы тебя побрал.

Она закрыла папку, захлопнула ящик и прислонилась к поверхности шкафа из черного дерева. Она забыла, что Кингсли закодировал все свои файлы. Нет, поправила себя Сатерлин, Кингсли и Джульетта закодировали свои файлы. И Джульетта, красивая Гаитянка и секретарша Кингсли, обожала делать все, чтобы разозлить своего босса. Включая и возможность помочь Норе расшифровать один из файлов. Открыв досье снова, Нора пересчитала страницы - четыре. Наверняка, Джульетта могла бы...

- Chérie? Что ты здесь делаешь?

Нора даже не повернулась.

- Уже полночь, Кинг. Джульетте не станет холодно и одиноко в постели без тебя?

- Пару минут без меня она переживет. И ты не ответила на мой вопрос.

- Хотела почитать чего-нибудь легкого на ночь. - Она снова пролистала файл, надеясь понять хоть что-то. - Как ты узнал, что я здесь?

- Я поставил в офис сигнализацию.

Нора резко посмотрела на Кингсли. Сигнализация? Кингсли даже двери в своем особняке не запирает, не то что ставил сигнализацию. Он любил хвастаться его чувством защищенности. Все в Нью-Йорке, по крайней мере, уголовные элементы, знали, что лучше не перебегать дорожку Кингсли Эджу.

- Кто бы ни украл мой файл... ты боишься его, не так ли? - спросила Нора.

- Oui. И это означает, что тебе тоже должно быть страшно. Это означает, что ты не должна появляться в городе без разрешения своего хозяина.

Кингсли встал прямо перед Норой. Поверх файла Сатерлин видела обнаженный торс мужчины – оливковая кожа, с великолепно развитой мускулатурой и вся в старых шрамах, как внутри, так и снаружи. Кингсли забрал папку из ее рук, и Нора неохотно встретила с ним глазами.

- Зачем ты здесь? - спросил Кингсли, его голос был мягким, но не безобидным.

Нора ничего не ответила.

- Ответь мне, - сказал Кингсли.

Нора бросила на него свирепый взгляд. Ей мог приказывать только Сорен, и больше никто.

- Что ты здесь делаешь? Ты должна быть на севере штата с Грифффином. Никак не в моем офисе посреди ночи.

Нора промолчала. Кингсли, одетый только в темно-серые брюки и расстегнутую белую рубашку, взглянул на надпись на папке.

- Ааа, - кивнул он. - Понятно. Твой питомец... ты скучаешь по нему.

- Уесли был моим лучшим другом и соседом по комнате. А не домашним питомцем. А сегодня мы ходили на пони-шоу, и я заговорила о лошадях и Уесли и Кентукки, а Грифффин...

- А Грифффин знает. И ты теперь тоже.

- Скажи мне, кем был мой сосед, - потребовала Нора. - Грифффин показал мне его фотографию. Уес был на Кентуккском Дерби и разговаривал с принцем Гарри. Принцем Гарри. И на фото было написано...

- "Принц Кентукки сравнивает гонки с принцем Англии", - Кингсли закончил за нее, открывая последнюю страницу файла и показывая ей ту самую фотографию. - Я хорошо об этом знаю.

- Черт побери. Ты знал. Ты знал, кто он, и не сказал мне. Как ты мог так поступить?

- Он никогда не говорил тебе. Это был его выбор. И это не я должен был тебе рассказывать обо всем.

- Сейчас как раз такое время. Расскажи мне, кто такой мой сосед.

Кингсли подошел к столу и уселся на его краю.

- Во-первых, скажи мне, зачем тебе это. Ты отослала его подальше. Он ушел.

Нора положила руку на сердце.

- Не здесь. Отсюда он не ушел.

- Он заслуживает лучшего, чем это, *le prêtre does*.

Нора не могла с этим поспорить.

- Я знаю. Я знаю, что это так. Ты хотел, чтобы я вернулась к Сорену.

- Я просто хотел, чтобы *le prêtre* снова был счастливым. По какой-то причине, ты делаешь его счастливым. Но это... - Он поднял файл. - Это не сделает кого-то счастливым.

Нора вздохнула. Она подошла к столу Кингсли и рухнула в кресло напротив.

- Я собиралась вернуться к нему, к Сорену.

Она посмотрела на голые ноги Кингсли. Так странно видеть его не в его фирменных сапогах для верховой езды. Только секс мог вытащить его из сапог. Где-то в глубине дома ждала и гадала, куда же подевался хозяин, Джульетта. Но ей придется подождать.

Кингсли рассмеялся низким смехом.

- Сколько ты выпила сегодня, *maîtresse*? Ты уже вернулась к нему.

Нора улыбнулась.

- Нет... Я имею в виду, я собиралась вернуться к Сорену полтора года тому назад. Это было в среду в сентябре. Та целая неделя... Я не знаю, почему, но всю ту неделю я едва могла дышать, настолько скучала по Сорену. У меня были хорошие и плохие дни без него. Тот день начинался плохо. Так плохо, что я решила сдаться, смириться и упасть перед Сореном на колени, пока он не заберет меня обратно. Но я этого не сделала. И знаешь почему?

Сначала Кингсли ничего не ответил. Через десять ударов сердца он, наконец, спросил.

- Pourquoi?

- Потому что это был первый день, когда мне дали тот глупый курс по письму в Йоркском университете, и я зашла в класс и увидела эти красивые большие карие глаза, смотревшие на меня так, будто никогда ничего подобного не встречала. Я встретила Уесли. И я просто забыла. Я забыла, что хотела вернуться к Сорену. - Нора проглотила слезы в горле. - Упс.

- Я притворюсь, что никогда этого не слышал.

Нора грустно рассмеялась.

- Я пришла к тебе той ночью, помнишь, Кинг?

Нора встретила с ним взглядом, и позволила ее мыслям и телу наполниться воспоминаниями - гонки по Манхэттену, бег вверх по лестнице... почти как сегодня.

- Ты крепко спал в своей постели, и я заползла к тебе, взяла тебя за запястья, пока ты спал...

Кингсли резко вдохнул и отвернулся. У них было правило никогда не говорить о той стороне Кингсли.

- Oui, я помню.

- Я горела, - призналась Сатерлин. - Тем парнем на моем курсе в Йорке. Уесли. Я не могла позволить своим чувствам стать очевидными. И выместила все на тебе. - Нора встретила с темными глазами Кингсли. - Та ночь, возможно, была первой ночью, которую мы провели вместе, не фантазируя об одном и том же человеке.

Кингсли молчал. И Нора ничего не ответила.

- Я думал пару раз, люблю ли я le prêtre больше чем ты, chérie. Теперь я знаю, что да.

- Кингсли... - Нора сильно зажмурилась, но вниз покатила одна крохотная слезинка. - Я знаю, что ты понимаешь, каково это любить кого-то настолько сильно и не иметь возможность получить его. Пожалуйста... я умоляю тебя сегодня.

- Если используешь любую деталь этой информации, чтобы навредить le prêtre... - голос Кингсли затих, и угроза так и осталась невысказанной.

Он не должен говорить. Она и Кингсли не стали друзьями, и никогда ими не были. Они были как Иаков и Исая для Сорена. По крайней мере, так думал Кингсли. И сейчас если она навредит Сорену... между ними больше не будет соперничества. Это будет настоящая война.

Так тому и быть.

Бросив на нее последний взгляд, Кингсли взял со стола элегантные очки в тонкой оправе, и, надев их, открыл файл.

Он читал. Нора слушала. И к рассвету она знала одну вещь.

Уесли солгал ей.

Глава 15

Микаэль и Гриффин решили не задерживаться надолго после того, как Нора сбежала по своим делам – что она собиралась делать, Микаэль совсем не знал. Вместе с Гриффином они досмотрели пони-шоу до конца. Когда оно закончилось, Микаэль наклонился вперед в ожидании следующего акта, но замер, почувствовав пальцы на затылке. Каждый мускул в его теле напрягся, каждый нерв пульсировал, Микаэль медленно повернул лицо к Фиску, наблюдающему за ним из-под полуприкрытых глаз.

- Пойдем. - Гриффин нежно сжал шею парня, и Микаэлю пришлось заставить себя сконцентрироваться, чтобы не выдать возбуждение в своем теле. - Давай, моя птичка.

Микаэль медленно кивнул, ему так не хотелось лишаться прикосновения руки Гриффина, но, к сожалению, тот встал, покидая ложу, и взял парня за руку. Микаэль шел за ним вплотную, пробираясь через забитый клуб к черному выходу. Он так сильно сосредоточился на том, чтобы идти за Гриффином, что не заметил чужую ногу на своем пути, пока об нее не споткнулся.

Повернувшись, чтобы извиниться, Микаэль столкнулся лицом к лицу с бледным и очень красивым парнем, лет двадцати, с вьющимися светлыми волосами и смеющимся, но пустым взглядом.

- Мне жаль, - Микаэль запнулся, когда парень сделал шаг к нему.

- А мне нет. - Парень оглядывал Микаэля сверху вниз. - Как тебя зовут?

- Хм... - Микаэль оглянулся в поисках Гриффина, но тот, казалось, растворился в толпе. - Микаэль. Я должен...

- Так, Микаэль, - сказал парень, откидывая ногой стул со своей дороги. - Ты прошелся по моей ноге и испачкал мою туфлю. Меньшее, что ты можешь сделать для меня, это сесть и выпить со мной. И тогда мы поговорим о том, как тебе жаль, и что ты с этим можешь сделать.

Сердце Микаэля забилося чаще. Куда, черт побери, делся Гриффин?

- Я не могу. Я должен найти...

- Ты можешь. Ты должен. - Улыбнулся мужчина. - И ты станешь.

- Он не станет.

Микаэль вздохнул с облегчением, глядя, как рядом выступил из толпы Гриффин.

В глазах блондина промелькнуло узнавание.

- Гриффин Фиске... что, черт возьми, ты тут делаешь? - спросил блондин, одаривая Гриффина широкой и совершенно фальшивой улыбкой. - Разве ты не должен сейчас отсасывать у Кингсли Эджа?

- А я беру выходной по пятницам, - ответил Гриффин.

- У меня каждый вечер выходной. Нет, даже не так. Я оттягиваюсь каждый вечер. Чем я сейчас и занимался. Так что ты тут слегка лишний, Грифф. У меня тут намечается новый друг.

- Твой новый друг это мой старый друг, Шакал.

Гриффин встал еще ближе к Микаэлю.

- А мы все втроем не можем стать друзьями?

Гриффин улыбнулся.

- Нет. Мы уходим.

- Ты уходишь. Он остается. У меня с ним свидание.

Шакал усмехнулся и потянулся вперед, как если бы хотел погладить Микаэля по лицу. Рука Гриффина взвилась в воздух и схватила запястье Шакала с молниеносной скоростью так, что Микаэль даже вздрогнул.

- Убери свои руки от моей собственности, Джек. Если они тебе все еще дороги.

Микаэль мог только смотреть, как бессильно болтаются в воздухе пальцы блондина, в нескольких сантиметрах от его лица, рука Гриффина вцепилась в них мертвой хваткой. Даже в полутьме клуба Микаэль мог различить едва скрываемую боль на лице шакала и посиневшее запястье. Блондин стиснул челюсть.

- Прости, Грифф. Не знал, что он твой.

Гриффин задрал подбородок и уставился сверху вниз на Шакала.

- Что ж, так и есть.

- Я просто ошибся.

Кивнув, Гриффин отпустил руку парня.

- Конечно. С каждым может случиться. Готов, Мик?

Микаэль посмотрел на Гриффина. Краешком глаза он видел, что на них уставилась половина клуба. Микаэль должен был чувствовать себя униженным, привлекая столько внимания. Но от публичного признания его личной собственностью Гриффина Фиска, пусть это и была ложь, его сердце и каждую частичку тела переполняло от счастья и гордости.

- Да, Сэр.

При слове "Сэр", глаза Гриффина слегка расширились, но мужчина быстро оправился. И как будто он был его Доминантом уже сотню лет, Гриффин положил руку на задницу Микаэля, увлекая к черному выходу подальше от Шакала.

- Кто этот парень? - прошептал Микаэль, пробираясь к выходу.

- Джек Альбрект.

- Бывший друг?

Гриффин не хотел встречаться с ним глазами, открывая дверь.

- Экс-дилер. С тех пор, как я не его лучший покупатель, он мне не рад.

- Оу.

Микаэль не мог придумать, что еще сказать. Они поднялись по лестнице на крышу, Микаэль уже скучал по ощущению руки Гриффина на своей заднице.

- Ну, спасибо, что спас меня. Ты знаешь... когда притворялся, что мы вместе. Я имею в виду, мы и сейчас вместе, но мы не... я не...

Гриффин повернулся и посмотрел на него. Он начал что-то говорить, но шум от лопастей вертолета заглушал все звуки. Всю дорогу в поместье Гриффина они летели в полном молчании. Теперь, когда наступила ночь, Микаэль уже не мог разглядеть происходящее внизу и просто смотрел в темноту и вспоминал горящий от ярости взгляд глаз Гриффина, когда Шакал пытался прикоснуться к нему, и невероятно успокаивающее ощущение пальцев Гриффина на спине, ведущего его через толпу. «Не смей трогать мою собственность, Джек»... даже книги Норы и эротические приказы, которые она шептала ему на ухо ночью, не возбуждали его так сильно, как эти шесть слов. Моя собственность.

Если бы.

В тишине они вошли обратно в дом. Микаэль хотел сказать что-то еще, но не мог подобрать нужных слов. Или, может, слова бы и нашлись, но вот смелости произнести их не хватило.

На верху лестницы они уже начали расходиться. Но Гриффин остановил на пару слов.

- Одну секунду, Мик. Я забыл, что у меня кое-что для тебя есть. Оно в моей комнате.

- В самом деле? Что это?

Микаэль нервно проследовал за Гриффином в его здоровенную спальню. Пару раз он заглядывал туда краем глаза, но никогда не переступал порог. Она казалась освященной землей, и парень считал себя недостойным находиться рядом с кроватью, где спал Гриффин, с покрывалами, на которых тот занимался сексом.

- Что это? - Повторил за ним Гриффин. - Ничего. Просто повод заманить тебя в мою комнату.

Микаэль замер. Гриффин рассмеялся и схватил его за плечо.

- Не смотри так испуганно. Каждый, кто входит в мою спальню, покидает ее с улыбкой. Ну, разве что Альфред будет исключением, просто он ненавидит быть нижним.

Микаэль расхохотался, входя в комнату.

- Нора говорит, это не каждому дано, - сказал Микаэль Фиску, начавшему копаться в ящиках.

- Когда буду нанимать нового дворецкого, то обязательно удостоверюсь, что его спросят насчет его предпочтений. Знаешь, даже хорошо, что у меня так и не было нормальной работы. Я просто ходячая бомба с сексуальными домогательствами с замедленным действием.

- Нора сказала, что приписала «подвергался постоянным сексуальным домогательствам» в описании работы своего прошлого интерна.

- Она умная женщина. Могла бы стать адвокатом, но в ней слишком мало от садиста.

Гриффин вытащил сумку из-под кровати и протянул ее Микаэлю.

Мик уставился на него перед тем, как открыть сумку. Из нее он вытащил что-то квадратное, обернутое тканью. Когда он снял обертку, то под ней обнаружилась большая черная книга, обернутая самой мягкой и тонко выделанной кожей, к которой он когда-либо прикасался.

- Это просто новый молескин, - сказал Гриффин, начиная расстегивать рубашку. - Я видел, что твой прошлый был заполнен рисунками почти до конца.

Гриффин бросил рубашку на спинку стула.

Тронутый таким подарком, Микаэль едва мог говорить. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он смог говорить.

- Спасибо, Гриффин, - прошептал он. - Это потрясающе.

У него никогда не было молескина, настолько дорогого и высокого качества.

Пожав плечами, Гриффин расстегнул ремень и вытащил его из петель. Вид черного кожаного ремня в руках Гриффина... его самого без рубашки, и его обычно идеально уложенные волосы слегка растрепанными после полета... Микаэль вдруг понял, что ему почти невозможно дышать. Он продолжал вдыхать, но не мог выдохнуть.

Гриффин стоял прямо перед ним. Даже если бы в коридоре разорвалась бомба, Микаэль все равно не смог бы оторвать свои глаза от рельефного пресса Гриффина.

- Мне больше нравится «Спасибо, Сэр».

Гриффин наклонил голову, поднимая бровь и глядя на парня. Микаэль смог только покраснеть.

- Всегда пожалуйста, Мик.

Отступив назад, Гриффин присел на край кровати, все еще с ремнем в руках.

- Он действительно красивый. Я пойду, эм... рисовать.

Микаэль начал пятиться обратно к двери.

- Удачи... с рисованием.

Гриффин глядел на него без улыбки, без иронии, даже без тени развлечения на лице на четко-очерченных губах. Одним движением, которое казалось как бессмысленным, так и хорошо-просчитанным, Гриффин резко натянул ремень в своих руках.

- Ладно... Спокойной ночи, Грифф. Еще раз спасибо. Ну, за все.

Гриффин, наконец, улыбнулся, но улыбка так и не коснулась его глаз.

- Спокойной ночи, Мик.

Микаэль повернулся и направился к двери. Он мог сделать это. Он мог уйти. Он собирался уйти и лечь в постель. Он собирался держать рот на замке и молчать,

потому что он всегда держал рот на замке и никогда ничего не говорил. Он никогда не просил того, чего хотел, никогда не признавался, что на самом деле ему было нужно. Так было и так и должно быть впредь.

На пороге спальни Гриффина Микаэль остановился, будто наткнувшись на невидимую стену. Он медленно развернулся.

Гриффин по-прежнему сидел на краю кровати, с кожаным ремнем в руках, наблюдая за ним.

- Эм... Гриффин?

* * *

Сюзанна повернулась и села. Какого черта? Она потеряла глаза и огляделась вокруг. Черт побери, она заснула в доме Отца Стернса, в доме священника. Доме Сорена, напомнила она себе. Если бы ее отец был насильником, она тоже не хотела бы зваться его именем.

Подняв запястье в полосу лунного света, она проверила время - 3:53 утра. Сорен не шутил, сказав, что рассказ о том, какой была Нора Сатерлин, займет всю ночь. Он потчевал ее историями о ее юности в Пресвятом Сердце... как она когда-то спросила монахиню, правда ли, что и белье, которое она носит, освященное; как она подвернула лодыжку в походе, когда ее толкнул мальчик за то, что она обозвала его членососом, потому что он пинал свою маленькую сестренку; как общественная служба превратила ее из маленького разъяренного монстра и подростка, угоняющего машины, в сочувствующую молодую женщину, плакавшую в его объятиях, когда ее любимый бездомный из приюта умер от передозировки наркотиков.

- Я думаю, она бы мне понравилась, - сказала Сюзанна, улыбаясь и глядя в пустой камин. - Интересно, понравилась бы я ей.

- Зная Элеонор и учитывая, что вы шпионите за мной, она бы соблазнила вас за первые пять минут разговора и угрожала бы убить через следующие пять.

После их разговора Сюзанна пришла к единственному выводу насчет Отца Стернса - он не был врагом. Она до сих пор не знала, чем был этот конфликт интересов и каким образом он касался ее. Но Сорен никак не мог быть сексуальным насильником. Она чувствовала правду всем своим сердцем.

Даже сейчас, в этой глупой ситуации она не сомневалась в его внутренней порядочности. Сюзанна заснула после нескольких часов разговоров и одного очень большого бокала вина. И проснулась на диване, укрытая одеялом и все еще в своей одежде, правда без туфель.

Сверху послышался скрип древесины. Ей нужно было идти домой, стоило пойти - прямо сейчас. Но она не могла просто уйти, не попрощавшись и не поблагодарив за одеяло. Он признался, что у него иногда были проблемы со сном и обычно он работал до утра. Сюзанна сложила одеяло, надела туфли и с тревогой в сердце направилась вверх по узкой лестнице на второй этаж. В конце коридора она увидела бледный свет, льющийся на пол из открытой двери. Громко стуча каблуками, чтобы предупредить о своем присутствии, Сюзанна подошла к концу коридора и резко вдохнула.

Это был не его офис... а его спальня. Рядом с его кроватью с балдахином, покрытой девственно-белоснежными простынями, спиной к ней стоял Сорен. Она увидела его воротник священника на столе рядом с кроватью. Наблюдая за ним, Сюзанна замерла, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд, когда он принялся медленно расстегивать рукава и позволил рубашке соскользнуть по рукам.

Никогда в своей жизни она не видела мужчину с более совершенным телом... каждый сантиметр его спины был покрыт мышцами, бицепсы были испещрены выступающими жилками. Она хотела бы снова и снова проследовать по длинной линии его спины своими губами. Она могла жить и умереть счастливой на его широкой груди, в гладкой коже между выступающими крыльями лопаток. У нее чесались руки от желания проследить за изгибом ребер, она хотела бы языком провести по выемке на шее позади. Пальцы тряслись, соски напряглись, и глубоко внизу ее тела зародилось влажное тепло.

- Сюзанна, вы так и будете всю ночь стоять в коридоре и пялиться на меня? Или вы зайдете?

Часть II

Глава 16

Шесть недель спустя

Если он продолжит молчать и не открывать глаза, то наверняка сможет через все это пройти. Его рука скользнула под ее шелковую блузку и прошла по нежной коже ее живота. Его губы проложили путь от ее рта к шее, а ее руки бродили по его груди. Все еще плотно зажмурившись, он и все его тело начало отвечать на нажим ее бедер, прижатых к нему, и на тепло ее тела. Она издала влюбленный вздох, когда он начал задиравать ее юбку.

- В моей постели было бы гораздо комфортнее, Уесли.

Уесли выдохнул и открыл глаза. Одно предложение от нее, и момент разрушен. Зря он перестал целовать ее рот, так она бы не могла говорить. Сидя на заднем сиденье своего автомобиля, он провел рукой по волосам, и потер лоб.

- Что случилось? - спросила Бриджит, потянув юбку вниз. - Не нужно было останавливаться. Просто наверняка стоило закончить это где-то еще, а не в машине.

- Извини. Я просто..., - Уесли не закончил фразу, потому как не мог подобрать ни одного искреннего слова, которое бы не ранило ее чувства.

- Просто, что?

Он услышал резкость в ее голосе и вздохнул.

- Просто... не готов.

Как он и думал, эти слова заставили девушку закатить глаза и скрестить руки на груди.

- Уес, мы встречаемся уже два месяца. Два месяца. Мой последний бойфренд и я занимались сексом уже на втором свидании. Мы с тобой? Уже два месяца, а ты даже не позволяешь мне дотронуться до тебя.

- Я не люблю торопиться. Я...

Он остановился и подумал, возможно, стоило рассказать всю правду. Но вся правда будет включать в себя разговор о некоторых вещах – и об одной конкретной женщине – о которой он никак не хотел говорить.

- Старомоден.

- Старомоден. Ладно. Я могу это принять. Может быть. Намекнешь мне, когда старомодный парень вроде тебя будет готов заняться сексом со своей девушкой?

Он повернул голову и посмотрел на Бриджит. Такая красивая женщина - темные волосы с мелированными прядями, высокая и стройная, как говорил его отец – убийственная красотка; и эта убийственная красотка была на семь лет старше его.

- Ты секретарша отца. Думаю, это плохая идея, нас могут застукать.

Дурацкая отговорка. Его отец чуть не умер от счастья, когда увидел его флиртующим с Бриджит. И практически приказал Уесли пригласить ее на свидание.

- Если в этом все дело, тогда порви со мной, и покончим с этим. Хватит играть с моими чувствами.

Расстаться? По какой-то причине эти два слова, которые должны были звучать как похоронные колокола, показались свободой. Порвать со всем – может, и следовало.

- Хорошо, - сказал он, кивая.

- Хорошо, что?

- Хорошо, мы расстаемся. Ты права. Я поступил с тобой как полный идиот. Все сложно, и я не хочу тебя впутывать. Но ты совершенно права.

Карие глаза Бриджит расширились.

- Я не говорила, что хотела порвать. Я только имела в виду...

- Тогда почему...

- Почему ты ведешь себя так? - Спросила она. - Нам хорошо вместе. По крайней мере, я думала, что так оно и было.

- Но ты все время жалуешься, что мы очень медленно продвигаемся. Естественно, я подумал, что нам не хорошо вместе.

- Я думаю, это можно изменить... Уес...

Она подняла руки.

Его желудок сжался от чувства вины. Если бы Бриджит почувствовала хотя бы тень того горя, которое он ощутил в день, когда Нора...

Нет, он не собирался думать о Норе. Он прожил весь день, не думая о Норе, и не собирался позволить ей вернуться назад в его мысли. Его с Бриджит проблемы не имеют ничего общего с Норой или с тем, что он чувствовал к ней. Чувствовал – в прошедшем времени.

- Может мы..., - начал он и остановился.

Он хотел сказать «Мы можем поговорить об этом завтра?» но знал, что рано или поздно ему придется через это пройти. Бриджит, по крайней мере, заслуживает знать правду. Не ту правду, что он все еще был девственником. Не поэтому он все еще не мог переспать с ней. Наверное, это была самая меньшая из причин.

- Может, мы что?

Уесли сделал глубокий вдох, успокаиваясь, и встретился в темноте с глазами Бриджит.

- Я влюблен в другую. И я не могу заниматься с тобой сексом, думая все время о ней, ты этого не заслуживаешь.

Бриджит молчала долгое время. Она даже не смотрела на него.

- Кто?

Она, наконец, заговорила.

Уесли рассмеялся, жалким, уставшим смехом.

- Когда-нибудь слышала о Норе Сатерлин?

У Бриджит отвисла челюсть.

- Та сумасшедшая писательница?

Уесли кивнул. Она смотрела на него долгим взглядом, затем покачала головой и распахнула дверцу автомобиля.

- Брось меня, если так хочешь бросить. - Она схватила сумочку с переднего сиденья. - Но, по крайней мере, будь мужиком, чтобы сказать мне правду.

Высокие каблуки Бриджит процокали то короткое расстояние от машины к ее дому. Он услышал, как открылась входная дверь, а затем громко захлопнулась. Уесли перелез с заднего сидения просторного отцовского кадиллака на переднее и завел двигатель. Свернув на Версаль роуд, он направился прямо к ферме. Он ненавидел водить в ночное время. Слишком долго, слишком скучно, слишком просто, и его разум начинал думать о том, о чем не следовало. Небольшой замок, который какой-то псих построил для своей жены, около двадцати лет назад был единственным визуальным развлечением вдоль всей дороги. Уес посмотрел на строение справа. Да, все еще стоит. Он поехал дальше.

Всю дорогу домой Уесли корил себя за то, как плохо закончился вечер. Бриджит... она была замечательной. Умная, красивая и старше – как ему нравилось. Прожив год и три месяца вместе с женщиной, которой стукнуло тридцать, Уесли стал практически аллергиком на девушек его возраста – с их смсками по пьяни, с их надоедливymi постами в фейсбуке, их уггами и большими невинными хлопающими глазками. Нора не носила угги. Не сидела в фейсбуке. Не писала ничего по-пьяни. Она носила черные кожаные сапоги с ремешками и застежками-молниями. Она ругалась как моряк, пила как сапожник, дралась как мужик - буквально. Он видел ее боксирующей, и она уложила своего партнера по спаррингу - отставного боксера в полулегком по имени Брюс - в три тура. И Нора не флиртowała с кем попало.

- Флирт для людей, которые не знают, чего хотят, Уес, - как-то сказала Нора. - А я соблазняю.

Черт возьми... он только порвал с Бриджит и опять думал о Норе. Опять. Как всегда. Как думал каждый день после переезда обратно в Кентукки. Он никогда не говорил своим родителям о Норе - просто сказал, что заскучал по ферме. Мама купилась на это. Отец был более подозрительным. Естественно, он был похож на зомби все эти ужасные недели после того, как Нора выгнала его из своего дома. Он закончил семестр в протрации, поселившись на диване его друга Джоша и глядя на мобильный, ожидая, когда позвонит Нора и скажет, что это была ошибка, и она хочет, чтобы он вернулся.

Но телефон не звонил. И даже когда он сам звонил ей, Сатерлин так и не отвечала. И теперь, тринадцать месяцев спустя, он все еще не услышал от нее ни слова. Была ли она счастлива? В безопасности? Была ли она с Сореном сейчас? Или этот ублюдок снова причинял ей боль? Сердце Уесли сжималось от одной только мысли о них вместе. Казалось, его ненависть к Сорену заставляла сердце биться сильнее, чем долгая любовь к Норе. Но только чуть-чуть.

Уесли подъехал на дорожку и остановился, чтобы набрать код безопасности. Железные ворота открылись, и он проехал через них. Время было - 11: 53 вечера. Отец и мать должны были быть в постели к этому времени. Никто не набросится на него с вопросами.

Он выключил дальний свет, подъезжая к круговому объезду лужайки. Хотя он и вернулся домой, все равно жил в домике для гостей позади основного особняка. Вся почта отправлялась в главный дом. Он подал заявление в Тюлэйн – отличная

программа подготовки для медиков – но не был уверен, что сможет пережить местную погоду. Ему хватало и летней жары в Кентукки.

Уесли остановился в фойе и повернул лампу на большое зеркало у входа. Он все еще не мог узнать себя в отражении. Уже несколько месяцев он откладывал необходимую стрижку. Когда он жил с Норой, она просто набрасывалась на его волосы, особенно если те сильно отрастали, иногда в буквальном смысле. Однажды лежа на диване с книгой в руках Уес почувствовал чужой вес на своей груди. Книга полетела в сторону, а Нора устроилась между его ног, прижимаясь бедрами к его коленям; обе ее руки были на его груди, а в зубах у нее были ножницы, как будто она играла в партизан-парикмахеров.

- Что ты делаешь?

Уесли спросил, когда Нора одной рукой прижала его к дивану, а в другой защелкали ножницы.

- Собираюсь отрезать твои волосы. У тебя самые красивые карие глаза на свете, а ты позволяешь этим чертовым волосам их прятать. Теперь не двигайся, а то я заодно еще выколю тебе глаз.

Ножницы приближались, и он постарался зарыться с головой в диванные подушки так, как только мог. Нора отступила только, когда он поклялся на могиле Анаис Нин - ее личной героине – что сходит к профессиональному парикмахеру на этой неделе. Теперь же его волосы почти достигали плеч. Его мать устраивала взбучки за длину волос, но ее жалобы едва ли волновали его так, как замашки парикмахера-убийцы Норы. Втайне он думал о длине своих волос как о силе, как будто был Самсоном. И не постриг их назло Норе. Она не могла это видеть, или даже подумать об этом. Но он знал, что если бы она его увидела, то возненавидела длину его волос. В какой-то мере это было злобной мстью. Глупой. Ее он больше не заботил, она не любила его, не скучала. Зачем волноваться?

Уесли пролистал почту и не нашел ничего интересного. Ничего из Тюлэйн. Наверное, еще слишком рано. Они только выслали ему некоторые вещи пару недель тому назад. Он бросил письмо обратно на столик и заметил большой мягкий конверт, адресованный ему.

В адресе было указано, что он пришел откуда-то из Нью-Йорка. Может, кто-то из его старых друзей в Йорке послал ему его? Уесли открыл конверт.

По крайней мере, целую минуту Уесли стоял, уставившись на обложку книги в твердом переплете.

«Утешительный Приз» от Норы Сатерлин.

Дрожащими пальцами Уесли медленно открыл обложку. Перелистнул одну пустую страницу... потом еще. На титульном листе была записка, написанная знакомой рукой.

Переверни страницу, Уес.

Уесли сделал вдох. Его сердце бешено забилося в груди. Тринадцать месяцев ничего, кроме молчания и сейчас...

На следующей странице было посвящение.

Уесли всем телом оперся на входную дверь. Нужно было что-то, за что держаться, чтобы не упасть. Дверь не помогла, и он сполз на пол. Он вспомнил... Нора была в своей постели, волосы влажные, на лице никакого макияжа. И она еще никогда не выглядела настолько красивой. На следующий день был ее юбилей с Сореном и, как обычно, она собиралась туда пойти. Наконец Уесли понял простоту этого ужасного факта.

- Ты все еще любишь его, да? - спросил он ее.

Ее руки прошли по мокрым волосам, позволив каплям воды упасть на пол.

- Большие воды, - сказала она.

Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Песнь Песней Соломона 8:7.

Другими словами, да, она все еще любит Сорена.

Уесли устался на посвящение, пока на глаза не навернулись слезы.

Для У.Р. Большие воды.

Она посвятила книгу ему. Не Сорену, как она посвящала все другие ее книги. Большие воды... Она все еще по-прежнему любила его.

Под посвящением Нора написала еще одну записку.

Уесли, ты засранец, мог бы и сказать мне.

Мог бы сказал ей? Мог бы сказал ей, что?

Уесли посмотрел вверх. С потолка в центре холла свисала хрустальная люстра, которая однажды висела в Версале – во французском дворце, а не в городке штата Кентукки. И книга пришла прямо на этот адрес, а не его старой школы, откуда потом перенаправляли письма.

- Черт..., - вздохнул Уесли.

Она знала, кем он был. Как она это выяснила? Ну, на самом деле это не было сложно. Наверное, нашла его в Гугле. Нужно было вернуть ей должок. Адрес на конверте был незнакомым. Может быть, она уехала из Коннектикута, покинула Нью-Йорк, оставила Сорена.

Схватив книгу и конверт, он помчался через большой дом к черному входу. Он едва мог попасть ключом в замок гостевого дома, его дома. Очутившись внутри, он включил свет, схватил ноутбук и вошел в Гугл. Затем набрал «Нора Сатерлин» и «город Гилфорд».

Самая первая ссылка привела его на Нью-Йоркский сайт желтой прессы. В статье упоминалось, что Нора пришла в садо-мазо клуб на свидание с парнем по имени Гриффин Фиске. Сначала сердце Уесли затрепетало от счастья, что Нора появилась где-то не с Сореном. Может быть, они порвали. Уесли быстро прогуглил имя Гриффин Фиске, неприятно шокированный тем, что, оказывается, уже знал его. Как-то раз он видел имя Гриффина в мобильном телефоне Норы, тогда он небрежно поинтересовался, кем тот был.

- Мой личный тренер, - ответила Нора, не моргнув и глазом.

"Личный тренер" Норы также оказался неприлично богатым сыном председателя Нью-Йоркской фондовой биржи, бывшим наркоманом, несколько раз попадавшим в реабилитационный центр, внуком владельцев Рэйберн, и еще совершенно неприлично красивым загорелым и мускулистым мужчиной. Боже, он выглядел как один из тех парней, которые появляются на обложке Vanity Fair во всем от Кельвина Кляйна. Не типаж Норы. Она тащилась по таким как Зак Истон – красивые в своей утонченности, образованные и, как правило, старше нее. Уесли никогда не видел Сорена, или даже его фотографию, но догадывался, что он был именно таким. Они говорили по телефону один раз, и даже голос Сорена звучал лощеным. Еще одна причина, чтобы его ненавидеть.

Уесли сделал долгий, медленный, глубокий вдох и попытался свести воедино факты.

Скорее всего, Нора больше не была с Сореном.

Однако Нора, казалось, продолжала вращаться в плохой компании.

Нора посвятила свою книгу ему со словами «Большие воды»...

Уесли встал и начал собирать вещи.

* * *

Уставившись в потолок, Сюзанна пыталась слиться со своим диваном. Очистив разум, она замедлила дыхание и сосредоточилась только на стуке сердца. Оно тяжело стучало, его практически можно было услышать. Девушка снова сделала глубокий вдох, но стук становился все громче. Со стоном Сюзанна подняла руку ко лбу и крикнула:

- Уходи, Патрик.

- Открой эту чертову дверь, Сюз, - ответил он ей. - Я не уйду, пока ты меня непустишь или за мной придут копы.

Он еще раз ударил в дверь. Как, черт возьми, можно было медитировать в этих условиях? Она встала, подошла к двери и открыла ее настежь.

- Хорошо. Входи.

Сюзанна бросилась обратно на диван и закрыла глаза.

- Какого черта с тобой происходит? Где ты была? - потребовал Патрик.

Даже не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что он стоит рядом, осуждающе уставившись на нее.

- Я была занята. Начала писать книгу о моем пребывании в Афганистане. Переселилась в библиотеку.

Далее последовало долгое молчание.

- Значит, книга... об Афганистане. И поэтому ты не перезвонила мне или не послала е-мэйл, или не открывала дверь все эти чертовы шесть недель?

- Я очень занята. Разве не видно?

Она надеялась, что его отпугнет ее стервозность. Вместо этого Патрик сел на диван рядом с ней.

- Сюз.

Она плотно зажмурилась.

- Сюзанна.

Девушка медленно открыла глаза.

- Что случилось? - спросил Патрик, убирая прядь волос с ее лица.

Тон его голоса был таким нежным, забота такой личной, что на глаза навернулись слезы.

- Что-то произошло. Расскажи мне.

Она сглотнула и закрыла глаза руками.

- Я не хочу говорить об этом, - ответила Сюзанна тихим шепотом. - Я не могу...

- Этот священник, расследованием которого ты занималась... что-то случилось? Он угрожал тебе? Сделал больно?

Сюзанна горько рассмеялась.

Сделал ей больно? Ну, у нее в самом деле наутро были синяки. Все тело Сюзанны покалывало при воспоминаниях о той ночи даже полтора месяца спустя. Она поступила как дура, пойдя в его дом. Оглядываясь назад на прошлое, она поняла, что начала влюбляться в Отца Стернса. Может быть, не именно в него. Может, это даже была не любовь. Но, как минимум, похоть. Похоть, которую она еще никогда в своей жизни не испытывала - жгучая, невыносимая, как удар кулака по животу и заноза в мозгу.

- Сюзанна, вы планируете простоять в коридоре всю ночь, пялясь на меня? Или зайдете?

И она зашла. И он повернулся к ней. Протянув руку, она положила ту на его грудь, чувствуя, как под ней медленно и уверенно билось его сердце. Он не боялся и не нервничал. Она - наоборот. В одно мгновение его рот впился бы в ее, а она отдала бы себя всю в этом поцелуе, душу и тело. Ее ногти, впившиеся в его спину, грудь, прижавшаяся к его груди. Ничто не остановило бы ее от того, чтобы быть вместе той

ночью. Никакая Церковь или государство, или ее суждение о нем, или работа или даже воспоминания об Адаме. Она потянулась к нему, чтобы расстегнуть ширинку, но на ее запястьях мертвой хваткой сомкнулись мужские руки. Она поняла, что ее оттолкнули назад к стене, прижатые руки над головой, а лицо Сорена было напротив ее лица, глаза закрыты, а на лице слабая гримаса боли.

- Я не могу..., - прошептал он, и его руки сжались сильнее на ее мягкой коже.

И она должна была оставить эти попытки. Но она не могла. За все двадцать восемь лет Сюзанна занималась сексом, ей нравился секс, она наслаждалась им... но в этот момент она не просто хотела его, он был нужен ей больше, чем воздух в легких.

- Пожалуйста. - Она сказала «пожалуйста» один раз, и ей следовало бы остановиться. Но она сказала это снова. - Пожалуйста, Сорен... пожалуйста..., - и снова и снова.

Она умоляла его, просила. Даже сейчас, спустя шесть недель, Сюзанна не могла не думать о том, как бесстыдно и не краснея умоляла его. Она продала бы душу, чтобы почувствовать его внутри себя. Вместо этого он накрыл ее рот ладонью, чтобы остановить ее слова.

- Простите меня, Сюзанна, - сказал он, и она услышала тень ее собственного желания в его голосе. - Я не принадлежу себе.

И медленно отпустил девушку. И как только его необычайно сильные руки отпустили ее, Сюзанна побежала изо всех сил из его дома, к своей машине, обратно в город, как можно дальше от него.

На следующий день она не могла оторвать взгляд от собственной кожи. От хватки Сорена на руках от локтя и до запястий остались багровые пятна. И от взгляда на эти синяки ее захлестывали такие волны желания, что она провела все это время в постели, даря себе удовольствие, в котором он ей отказал, рыдая от каждого оргазма.

- Я облажалась, Патрик, - сказала Сюзанна, наконец. - Я провалила все расследование. Я уничтожила его доверие ко мне.

- Что ты сделала?

Сюзанна убрала руки от лица.

- Я поцеловала его.

Полуправда казалась лучше, чем ложь.

- Ты его поцеловала?

Она жалобно кивнула.

- И это все не имеет значения. Потому что он не поцеловал меня в ответ. Я знаю, что он меня хотел, и он ничего не сделал. Просто стоял, оставшись верным своим обетам. Он хороший священник. Я потратила напрасно его и мое время, и твое тоже... Это бесполезно. Ты был прав. Мне не нужно было его преследовать.

Патрик покачал головой.

- Нет. Ты была права. С ним что-то не так. Иначе бы тебе не прислали этот анонимный донос, если бы он был таким святым.

- Я копала, Патрик. И не смогла ничего найти. Дети в церкви любят и доверяют ему. Их родители любят и доверяют ему. Что еще может быть? Если он ни разу не обидел ребенка, мне не важно, скрывал ли он свои налоги. Я хотела верить, что он монстр только потому, что он священник. Смотри. - Она указала на ящик на полу возле стола. - Там все мои заметки о нем. И ничего. Он святой.

Патрик встал со стоном, схватил коробку и вернулся на диван, пролистывая ее заметки.

- Как мило, что ты даже записала, насколько он горячий, - сказал Патрик, читая нацарапанные строчки.

- Просто оскорбительно, насколько он прекрасен, Пат. Ты бы стал геєм ради этого парня.

- Я так не думаю. Люблю молоденьких, пышущих здоровьем и рыженьких.

Он подмигнул ей, и в первый раз за последние шесть недель Сюзанна снова почувствовала себя живым человеком.

- Постараюсь найти тебе такого в таком случае.

Сюзанна села и уставилась на коробку с заметками, затем вытащила газету.

- Ох, посмотри на это. Мы думали, между Отцом Стернсом и Норой Сатерлин происходит что-то странное? Смотри сюда. Этот парень не кажется знакомым?

Патрик покосился на фотографию на шестой странице.

- Это Нора Сатерлин, - добавила Сюзанна. - А этот великолепный красавчик модельной внешности...

- Гриффин Фиске. - Покачал головой Патрик. - Да, пару раз устраивал погромы. Чертовы детишки владельцев трастового фонда. Им всегда достаются все девушки.

- И Нора Сатерлин тоже, по всей видимости. Наверное, предпочитает богатых мальчиков бедным священникам.

Патрик взял газету и бросил в сторону, затем вынул из коробки ноутбук.

- Аэточто? «Min Søren, Min søn er nu en far. Jeg er så stolt. Jeg elsker dig altid. Din mor».

- Мне кажется, ты просто изнасиловал датский язык.

Сюзанна приподнялась.

- Датский?

- Да, это значит, «Мой Сорен, мой сын, которым я так горжусь. Твоя мать».

- Так священник из Дании?

- Наполовину датчанин, наполовину англичанин. Мать работала служанкой в их богатенькой семье в Нью-Гемпшире. После рождения Элизабет у жены была гистерэктомия. И отец насиловал миленькую блондиночку няню, которая родила ему сына, которого он так хотел.

- Боже мой..., - выдохнул Патрик. - Это чертовски ужасно.

- Да. Не могу представить себе, как можно жить, зная, что твой отец насильник. Наверняка, его мать была замечательной женщиной, любила своего сына, особенно учитывая то, как он появился на свет.

- Сорен... Я думал, его имя Маркус.

- Оба имени принадлежат ему. Его отец дал имя Маркус. Мать звала Сореном. Он говорит, что только самые близкие люди, знающие его прошлое, называют его Сореном.

- Сорен... Полагаю, это хорошее имя для священника. Как Сорен Кьеркегор, да? Богослов?

- Не думаю, что Кьеркегор был католиком.

- Ты уверена?

Патрик открыл ноутбук. За все время их знакомства Патрик никогда не устраивал с ней спор. Он был репортером слишком долго и тщательно перепроверял все факты.

- Точняк. Ты права. Сорен Абю Кьеркегор - лютеранин. У вас одинаковые инициалы, Сюзанна Анджела Кантер. Кто-нибудь называл тебя Сюзанджела?

- Только Адам, пока я не дала ему в глаз за такое.

Сюзанна посмотрела через плечо Патрика на экран. Сорен... Абю... Кьеркегор. Почему это выглядело так знакомо?

Она схватила свой блокнот, пролиستала несколько страниц, и нашла слова MeineandereGeschenkwirdnichtineinerBoxpassen. ВЛВЭ.

Второй мой подарок не влезет в коробку. ВЛВЭ.

Квлвэ.

Глаза Сюзанна усталились на слово, будто требуя от него, чтобы то сказало ей, что оно обозначало. И оно, в самом деле, что-то обозначало. Она была в этом уверена. Затем Сюзанна перевела взгляд на полку, где стояла книга в кроваво-красной обложке, написанная Норой Сатерлин. В одно мгновение она подхватила с дивана и стянула с полки книгу. Прямо на первой странице было посвящение. Ответ все это время находился под боком на полке.

Слова Сорена во время их совместной почти ночи практически вопили в ее памяти.

- Мы очень близки. У нее была неприятная стычка с законом в возрасте пятнадцати лет. Судья заставил меня контролировать ее общественные работы. Ее родители не хотели иметь с ней ничего общего после того дела. Полагаю, можно сказать, что я был вынужден стать ей отцом.

- Сюз? - спросил Патрик, обращая к ней свое лицо.

- Твою же мать, - сказала Сюзанна сама себе. - Ты был ее священником, ее отцом...

- Что?

- У тебя есть машина?

- Да, а что? Что случилось?

- Она нужна мне. Не жди меня. У меня есть один кандидат на публичное распятие.

- Сюзанна, остановись прямо сейчас и расскажи, что происходит. Сейчас почти полночь.

Она подхватила свою копию книги Норы Сатерлин «Красный» и засунула ноги в сандалии. Остановившись в дверях, Сюзанна, сделав паузу, произнесла Патрику пять слов:

«Всегда Любимая Вами Элеонор».

Глава 17

Микаэль уставился на записку в руке и даже пожалел, что нашел ее. У Норы была дурацкая привычка оставлять записки в необычных местах; там были приказы на день.

Ангел, приходи в мою спальню в 10:00... на коленях. Захвати свою любимую плеть.

Он нашел эту записку в душе.

Ангел, полдень, бассейн. Приготовься к плаванию гольшом.

Эту записку она приклеила на его наручные часы, пока он спал.

Все они забавляли и возбуждали. Но вот эта последняя привела его в ужас.

Ангел, настоящий извращенец обязательно должен попробовать секс втроем. Встретимся с Гриффином в его спальне в полночь.

Секс втроем? С Норой и Гриффином? Микаэль был недалеко от того, чтобы его стошнило от волнения, пока он медленно шел по коридору. Все шесть недель он не мог думать ни о ком, кроме Гриффина. Та ночь в клубе... все это было нереально, он продолжал говорить себе. Гриффин не по-настоящему думал, что Микаэль его собственность. Он просто сказал так, чтобы отпугнуть Шакала. Но затем молескин... и то, как Гриффин смотрел на него, держа натянутый в руках кожаный ремень ... и Микаэль так хотел сказать ему что-то, пытался сделать это. У него были слова. Он хотел сказать, - Гриффин, я безумно люблю тебя, и это самая страшная вещь на свете,

черт побери. Мой отец убьет меня, если узнает, но прямо сейчас это заботит меня меньше всего, потому что одна ночь с тобой в постели стоила бы смерти.

Но Микаэль не сказал. Все, что он умудрился промямлить было:

- Спасибо за альбом. Спокойной ночи. Еще раз спасибо. Спокойной ночи.

Хорошо, что он уже пережил свои суицидальные попытки. В противном случае вполне бы мог перерезать запястья, потому что упустил, может быть, единственную возможность, с самым удивительным человеком, которого когда-либо встречал в своей жизни. Потому что с той самой ночи Гриффин прекратил флиртовать с ним. Они были друзьями с той ночи. Только друзья.

Микаэль хотел от Гриффина много чего – его сердце, его тело... Дружба не входила даже в первую пятерку.

А теперь Микаэлю придется наблюдать Гриффина, занимающегося сексом с Норой, это звучало так садистски, как если пригласить голодающего ребенка в буфет и не дать ему поесть.

Он подошел к концу зала и медленно толкнул дверь спальни. По крайней мере, это случится в комнате Норы, не Гриффина. Все будет хорошо, говорил он себе. Наверняка, они просто будут делать это по очереди с Норой. Вот и все. Ничего страшного. В течение последних шести недель он занимался настолько извращенным сексом, что вряд ли мог даже представить себе такое. А заниматься сексом под чужим взглядом – будет легко.

Все мысли о легкости упорхнули, когда он увидел Нору, развалившуюся на своей кровати в черных трусиках, черном пуш-ап бюстгальтере и в черных сапогах выше колена. С десятков черных свечей горели на поверхности стола. А Гриффина нигде не было видно.

- Иди сюда, мой Ангел.

Нора поманила пальцем, подзывая его к кровати. Микаэль подавил стон, глубоко вздохнул и нервно пополз к ней по простыням. Покачивая обутой ногой, она обхватила его талию и игриво потянула к себе, затем скрестила обе ноги на его спине, прижимаясь.

- Мой Ангел. Сейчас нельзя упорхнуть, - поддразнила она, обнимая руками. - Мой испуганный, дрожащий Ангел.

Ее голос упал до шепота и Микаэль спрятал лицо в изгибе ее шеи.

- Ужасно боюсь, - признался он.

- Хочешь рассказать, почему?

Нора поцеловала его в щеку, в лоб, и парень вздохнул от простого жеста привязанности.

Микаэль низко и печально рассмеялся.

- Не очень.

Нора кивнула, будто поняла все, что он не рассказал. И так оно и было.

- Все так плохо, да? - спросила она, смахивая волосы с его лица, он медленно поднялся на руках и посмотрел на нее сверху вниз.

Их глаза встретились, и в этом взгляде Микаэль увидел понимание, глубокое понимание и сочувствие.

- Еще хуже.

- Веришь или нет, но это может помочь.

Она провела по его губам кончиками пальцев.

- Помочь в чем? - Микаэль вздохнул, услышав голос Гриффина за спиной.

Нора раскрыла ноги и отпустила парня, тот повернулся на бок и сел. Фиске стоял в дверях в одних только черных шелковых пижамных штанах, а на четко-очерченных губах играла улыбка.

- В моей безумной одержимости двумя невероятно прекрасными мужчинами в моей кровати сегодня, - сказала Нора, откидываясь на локтях.

Краем глаза она подмигнула Микаэлю, и что-то сказало ему, что о его чувствах к Гриффину Сатерлин точно знала.

- Как вы думаете, поможете мне с этим справиться, мистер Фиске?

- Мистер Фиске - это мой папаша. Но если хочешь его трахнуть, подозреваю, что спрашивать об этом нужно именно у него.

Гриффин подошел к кровати и сел рядом с Норой.

Нора высунула ногу и положила ее на плечо Гриффина. Гриффин повернул голову и прикусил кожу, это заставило все внутри Микаэля скрутиться в тугой узел зависти и желания.

- И что мы будем делать сегодня, мальчики? Я открыта для любых идей.

- Это была твоя идея.

Гриффин провел рукой от ее колена к внутренней поверхности бедра.

- У меня есть замечательные идеи. - Она улыбнулась им обоим. - И просто ужасные идеи. И ужасно замечательные идеи. Подай мне книгу в тумбочке, Грифф. Мне пришла в голову еще одна ужасно замечательная идея.

Гриффин открыл тумбочку и вручил ей здоровенную, с кофейный поднос, книгу. Нора даже не взглянула на нее, просто передала Микаэлю.

- Дадим нашему Ангелу решить, где мы этим займемся сегодня. Давай, - приказала она, кивая на книгу в руках. - Выбирай.

Взглянув на обложку, Микаэль вытаращил глаза. «Радости секса».

- Выбирай? - повторил он.

- Да. Любая позиция. Гриффин и я устроим тебе небольшое шоу. Но ты должен сказать нам, что хочешь увидеть. Так что вперед.

Руки Микаэля застыли. Он едва мог чувствовать книгу в ладонях.

- Думаю, ты испугала его, Нора, - сказал Гриффин, глядя на парня испытующим взглядом.

Микаэль не мог встретиться с глазами Гриффина.

- Хорошо, - сказала она. - Я не самая страшная Госпожа в мире, но на меня тоже находят моменты вдохновения. Я уже возбуждена, Микаэль, да и у Гриффина тоже встал.

Она протянула руку и обхватила Гриффина между ног. В паху Микаэля заныло от его собственного голода и желания. Он бы многое отдал за то, чтобы так же прикоснуться к нему... - Так, давай быстрее. Выбери позицию. Поверь мне, не важно, насколько изощренной она бы ни выглядела, мы сможем ее изобразить.

- Никакого секса у стены, пожалуйста, - попросил Гриффин, пока Нора продолжала массировать его член через штаны. - Нора гораздо тяжелее, чем выглядит.

- Ты действительно говоришь это женщине, у которой в руках твои яйца? - захолопала ресницами Сатерлин.

- Резонно. Ты просто легче перышка. - Гриффин улыбнулся Микаэлю, дружелюбной улыбкой, и всего то. - Выбери, Мик, прежде чем вся кровь отошьет от моего мозга вниз.

Микаэль тяжело вздохнул и открыл книгу на случайной странице. Он был точно уверен, что не хочет видеть Нору и Гриффина, занимающимися сексом в любом положении, так что пусть решает судьба.

Судьба решила догги-стайл.

Книга лежала открытой на коленях, но Микаэль едва взглянул на картинку. Однако это не помешало Норе схватить ее и сунуть Гриффину в лицо.

- Гав, - сказал Гриффин, схватив Нору за лодыжку, и начал тащить ее к себе.

- Подожди. Анальный или вагинальный?

Нора пожала плечами.

- Выбери отверстие. Любое. Ангел?

- Что?

Микаэль подтянул ноги к груди.

- Тебе решать.

Нора улыбнулась ему через плечо.

- О, Боже... - Микаэль тяжело вздохнул. - Я... вагинальный.

Наверное, было бы проще смотреть на то, что не могли бы сделать он и Гриффин.

- Фантастика. - Гриффин схватил Нору за руки и перевернул на живот. Взявшись за ее бедра, он поставил ее на руки и колени. - Прелюдия, Нора?

- Не нужно, - сказала она, махнув рукой. - Весь этот разговор сошел за прелюдию. Действуй.

- Самая. Странная. Из всех. Известных. Женщин. - Гриффин покачал головой, становясь на колени позади нее. - Иди сюда, Мик. Время для некоторых дополнительных инструкций.

Микаэля чуть не затошнило на простыни Норы. Он сглотнул и осторожно пополз туда, где Гриффин встал на колени позади Норы. Фиске стянул трусики Сатерлин, оставив их висеть на коленях Норы.

- Временное ограничение, - объяснил Гриффин. - Широко раздвинутые ноги хороши для глубокого проникновения. Если она сжимает их, проникновение будет более тесным и жестким. И еще маленькая подсказка. Трусики вокруг колен равняются носкам на ногах мужчины во время секса.

- Мне это записать? - спросил Микаэль.

Гриффин рассмеялся.

- И не слушай женщин. Никакой прелюдии? Смешно.

Гриффин сделал хороший, сильный шлепок по подтянутой заднице Сатерлин. Нора вскрикнула, но больше никак не протестовала.

- Может, ей и не надо, а мне надо. Дай мне свою руку.

Микаэль медленно поднял руку и протянул Гриффину.

- Как у тебя дела, Нора? - Гриффин спросил, сгибая пальцы Микаэля, пока только его указательный и средний палец правой руки не остались прямыми.

- Я в порядке. В нетерпении, но в порядке. Вообще что-нибудь, черт побери, будет? Я спрашиваю просто из любопытства. Я могла бы пока поработать над рукописью для Зака, пока вы тут будете наслаждаться разговорами.

- Тише. Я скоро тебя оттрахаю. Теперь, Мик. - Гриффин повернулся к нему. - Мнения ученых насчет существования точки G разделились. Некоторые ученые говорят, что она существует. Некоторые ученые нет. Те, которые считают, что нет... - Гриффин взял руку Микаэля и направил внутрь Норы, - полные придурки. Видишь?

Гриффин направил пальцы парня еще чуть-чуть глубже.

- Прижми, - сказал Гриффин. - Посильнее.

Через почти два месяца под опекой Норы Микаэль практически не мог послушаться любого приказа. Он нажал, как ему приказали. С силой.

Нора ахнула, и ее внутренние мышцы сжались вокруг пальцев Микаэля.

- О, Боже..., - задыхалась она.

- Обожаю точку G, - сказал Гриффин, вытягивая пальцы парня из Сатерлин. - Правда?

Прежде, чем тот успел ответить, Гриффин поднял пальцы Микаэля ко рту и медленно, соблазнительно слизнул с них влагу. Мик чуть не умер в тот момент, когда язык Гриффина коснулся дрожащих пальцев. Пальцы Микаэля... во рту Гриффина...

- А теперь, прошу меня простить, - Гриффин отпустил его руки. - Мне нужно трахнуть твою госпожу.

- Черт возьми, давно пора.

Гриффин еще раз хлопнул Нору по заднице, и она издала вопль, следом последовало игривое хихиканье. Микаэль не мог отвести взгляд от Гриффина, снимающегося пижамные штаны и надевающего презерватив на вставший член.

Медленно Гриффин скользнул в Нору, она застонала, когда Гриффин толкнулся в нее со вздохом. Гриффин подавался вперед, и Сатерлин с силой толкалась ему навстречу. От вида тел Норы и Гриффина, соединенных вместе, по телу Микаэля прокатились волны различных чувств. Еще никогда в своей жизни он не был так возбужден, наблюдая за бедрами Гриффина, движущимися жесткими, но изящными движениями, мягкий свет свеч подчеркивал напряженные мышцы его бедер и живота. Но под жадной притаилась тоска и страдание, тяга и печаль. Он хотел этого, хотел стоять на руках и коленях с Гриффином позади и внутри него. Но не мог этого получить. Ни сейчас. Ни когда-либо потом. Ни с отцом, готовым убить его даже просто за такие мысли. И Микаэль знал, что Гриффин заслуживает лучшего, чем он – глупого ребенка без денег, славы, ничего особенного в нем. И Гриффин заслуживает кого-то гораздо лучше, чем мямлящего идиота, неспособного даже сказать ему, что чувствует.

Поэтому Микаэль просто смотрел с молчаливой завистью, как сильно и громко кончила Нора, руки Гриффина обнимали ее за талию. Еще несколько толчков, и кончил Гриффин, издав мягкий вздох. Микаэль закрыл глаза и попытался навсегда запечатлеть звучание оргазма Гриффина в своем сознании. Возможно, ему больше никогда не удастся услышать это, и тихий вздох из горла Гриффина на тот краткий момент был самым красивым и эротичным звуком, который Микаэль слышал за всю свою жизнь. Он мог бы слушать его каждый день в течение всей своей жизни и никогда не устать от него.

Гриффин вышел из Норы, и она перевернулась на спину. Протянув руку, она взяла ладонь Микаэля.

Микаэлю не пришлось спрашивать. Оседлав бедра Норы, он стянул с себя трусы и направил член внутрь тела Сатерлин. Она была такая теплая, такая влажная внутри. Когда он оказался в ней, Нора скрестила ноги на его спине и аккуратно перекатилась, пока Микаэль не оказался лежащим на спине с Норой сверху. Он закрыл глаза и позволил себе потеряться в невыносимом жаре ее тела. Ее губы ласкали его шею, щеку.

- Скажи ему, Микаэль, - прошептала она, пышная копна волос не давала Гриффину услышать ее слова. - Просто скажи ему.

Микаэль покачал головой.

- Я не могу, - прошептал он в ответ.

Нора продолжала двигаться на нем, принимая глубоко в себя, затем выскальзывая и снова насаживаясь. Микаэль стонал от физического удовольствия, такого сильного, как если бы его грудь пропорол насквозь нож.

Что-то задело руку парня, и его глаза открылись. Повернув голову, он увидел Гриффина, вытянувшегося на боку рядом с ним и Норой. Гриффин взял руку Микаэля в свою и переплел их пальцы. Гриффин ничего не сказал. Микаэль тоже. Они просто смотрели друг на друга, пока Микаэль не был вынужден закрыть глаза снова, кончая в Нору.

И пока он содрогался в тишине, Гриффин так сильно сжимал его руку, что это было почти больно.

Но даже в эпицентре оргазма, скручивающего все тело, Микаэль не мог разжать хватку.

* * *

Сюзанна подъехала к дому священника за несколько минут до полуночи. Сначала она проверила церковь, та была закрытой и пустой для маленькой часовни вечного поклонения, которая оставалась открытой все часы дня и ночи. Но Отца Стернса там не было. Когда девушка шла по тому коротенькому пути к дому священника, сердце ее стучало так сильно, что казалось, оно уже вырвалось из груди. За свою карьеру она сталкивалась с лживыми политиками, настолько всевластными, что те могли уничтожить ее и ее семью, с иностранными генералами с оружием наготове. Но никогда прежде она не испытывала такой страх. Сюзанна помнила ее реакцию на отца Стернса, на Сорена, в ту ночь в его доме, когда она унижалась ради его тела, умоляла быть с нею.

Но теперь она хотела заставить умолять его. И она окажет ему такую же милость, какую оказал ей он. То есть никакую.

В доме священника было темно и тихо. Никаких шагов внутри, или горящего света в окнах. Где он мог быть, если не дома в это время ночи? Когда она задала себе этот вопрос, то уже знала ответ. Он может быть где угодно. Этот священник играл не по правилам Церкви, наложенных на него. Он мог быть сейчас с проституткой, с любовником. Или еще хуже, с другой пятнадцатилетней девочкой, которую растлевал, пока та не выросла и не полюбила его достаточно, чтобы посвятить все до одной ее книги ему.

На всякий случай, если он спал дома с выключенным светом, Сюзанна постучала в дверь. Никакого ответа. Затем она ударила по ней носками ботинок. Прошла минута. И снова ничего. Ее заполнила ярость. Очевидно, у Отца Стернса не было никакого уважения к закону. Совершенно никакого, если он спал с несовершеннолетней Элеонор Шрайбер. Зачем тогда выказывать уважение ему самому?

Сюзанна повернула дверную ручку и обнаружила, что дверь не заперта.

Она вошла внутрь и произнесла тихое:

- Привет.

С каждой минутой кровь пульсировала все сильнее и сильнее в венах. Если она не успокоится, то хлопнется в обморок. А что, если он здесь? Наблюдает за ней? Поджидает ее?

Взывая ко всем инстинктам, заработанным во время военных действий, Сюзанна сделала несколько медленных, глубоких вдохов и постаралась успокоиться. Она позволила свету луны заполнить ее разум и шла осторожно, стараясь избежать скрипа старинных деревянных половиц под ногами.

Если можно было найти какие-то доказательства его извращений, то, скорее всего они будут в его спальне. Ее живот сжался при мысли о возвращении в то место, ту комнату, где она себя так опозорила. Естественно он отверг ее, в ту ночь. Она была взрослой женщиной, а не пятнадцатилетней девочкой. Совсем не его типаж.

Она прокралась вверх по лестнице, закрывая глаза и прислушиваясь, чтобы больше ни на что не отвлекаться. В конце коридора она пришла в спальню и положила руку на дверную ручку. Впервые за последние несколько бесконечных лет она произнесла молитву, настоящую молитву.

«Пожалуйста, Боже. Пусть его не будет внутри»

Бог ответил на ее молитву.

Комната была пустой и убранной. Проклиная себя за то, что не принесла фонарик, девушка включила небольшую старинную лампу на столе. Мягкий желтый

свет осветил комнату. Действительно спальня Отца Стернса была созданием чистой красоты – элегантная и простая, чистая и скромная. И все же все в ней – кровать, мебель, белые простыни – говорили об изысканности и вкусе. Но как Сюзанна узнала когда-то, первое впечатление обманчиво.

Сделав круг по комнате, Сюзанна просмотрела все возможные укрытия. Она понятия не имела, что ищет. Юная Элеонор Шрайбер давно выросла и стала всемирно-известной эротической писательницей, прославившейся своей прозой и извращенной личной жизнью. Она не просто писала об этом. Она жила этим. Но делала ли она это здесь? В этой спальне? Сюзанна прочла все книги. Тот вид БДСМ, который практиковала Нора Сатерлин, или, по крайней мере ее персонажи, требовал множество приспособлений. Сюзанна заметила сундук возле кровати Отца Стернса. Старомодный сундук с замком был достаточно большим, чтобы внутри поместилось что-то габаритное. Опустившись на колени перед ним, Сюзанна осмотрела замок. Она понятия не имела, как его открыть. Пришлось бы его разбить. Возможно, в машине Патрика будет что-то подходящее. Как самый практичный мужчина, Патрик, безусловно, хранил набор инструментов в своей машине. Поднявшись на ноги, Сюзанна заметила небольшую шкатулку на столе рядом с кроватью. Размером с Библию, шкатулка была вырезана из палисандра. Девушка взяла ее в руки и завертела в руках, снова и снова, пальцами исследуя замысловатую резьбу в виде креста на поверхности.

Шкатулка тоже оказалась запертой, но с таким маленьким замочком, что Сюзанна могла сломать его в руке. Она сделала глубокий вдох, впиалась ногтями в края замка и начала тянуть.

За ее спиной она слышала скрип деревянного пола.

- Вам помочь, *ma chérie*?

Глава 18

Нора проснулась в темноте в постели Гриффина. Потянувшись под одеялом, она помассировала ноющую поясницу. Раунды с Гриффином и Микаэлем были как приносящими удовольствие, так и выматывающими. Конечно, оба ее мальчика и рядом не стояли с Сореном и Кингсли. Те двое вместе дарили ей самые насыщенные сексуальные впечатления, какие она только испытывала за всю свою жизнь. Однако сегодняшняя маленькая игра, заключалась не только в сексе. И Норе она понравилась. А кому бы не понравилась? На протяжении шести недель она только и делала, что наблюдала за Гриффином, поглядывающим на Микаэля, когда тот смотрел в другую сторону, и за Микаэлем, подглядывающим за Гриффином, как только тот отвернется. Их едва скрываемые страдания уже начинали ее беспокоить. Этим двоим нужно было набраться смелости и мужества, и признаться в том, чего они хотят, чтобы, наконец, покончить с этим.

Вздохнув Нора села и потерла лоб. Гриффин сидел рядом с ней в постели, уткнувшись подбородком в колени. Возле него спал на животе Микаэль, обернувшись простынями по самый подбородок.

Сатерлин устроила голову на мускулистом бицепсе Гриффина, на что мужчина протянул руку и в простом дружеском жесте положил ту ей на колено.

- Все настолько плохо, да? - прошептала она.

Взгляд Гриффина был устремлен на Микаэля, он даже не дернулся, чтобы посмотреть на Нору.

Медленно Грифф кивнул.

- Да... настолько плохо.

Какое-то время она ничего не говорила, просто смотрела на Гриффина, который в свою очередь уставился на Микаэля.

- Так странно, - сказал Грифф. - Ты никогда не замечала, что он цепляется за простыни, как будто от них зависит его жизнь?

Нора усмехнулась. Микаэль всегда крепче цеплялся за простыни во время сна.

- Я знаю. Я дразнила его на этот счет. - Нора подняла руку и провела пальцами по волосам Гриффина. Его темный взгляд пропутешествовал к ней, прежде чем мужчина снова посмотрел на Микаэля. - Он сказал, что думает, его подсознание боится, что гравитация возьмет и исчезнет посреди ночи. Ему хочется быть готовым к этому.

Гриффин прикрыл рот, чтобы заглушить смех. Но смех быстро исчез, и Нора больше не видела в его глазах и намека на веселье.

- Я не могу его получить. - Гриффин протянул руку и позволил пальцам зависнуть над обнаженным плечом парня в сантиметре от его кожи, затем отдернул ее, так и не прикоснувшись. - Из-за Сорена.

- Сорен заботится о Микаэле. Но он не какой-то монстр, с которым нельзя договориться. Поговори с ним.

Гриффин, наконец, повернулся и уставился на нее с изумленным видом.

- Поговорить с Сореном? Да как будто это хоть когда-то работало. Он скажет «нет», а если и не скажет, отец Мика... его отец убьет сына за то, что он связался с другим парнем. Мик рассказывал мне о нем... Нора, этот ублюдок по-настоящему бил Мика. Бил. Боже, да я просто...

Челюсть Гриффина напряглась, а рука сжалась в кулак. Нора знала, что в своем воображении Гриффин осуществлял суровое возмездие над этим консервативным гомофобом и мудаком, который оказался отцом Мика. Она, как и Сорен, не потворствовали любому виду насилия, за исключением того, что происходит по согласию в спальне. Но кому-то в конечном итоге придется преподать урок, а может и два, отцу Микаэля о том, как обращаться с таким подростком, как его сын. Желательно такой урок, после которого отец Микаэля не окажется в больнице, а Гриффин за решеткой.

- Знаю. Я понимаю, Грифф. Seriously. И...

- И ничего. Я хочу его так сильно, что мне больно. Физически больно, Нора. И дело не только в сексе. Нет. Я не могу объяснить, что это такое, но я...

- Уесли, - сказала Нора и остановилась.

А это откуда взялось? Гриффин посмотрел на нее.

- Уесли?

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась ее взгляда и сердца.

- Уесли... у него есть проблема. Диабет первого типа. Чертов ребенок пугал меня до смерти своими иглками и анализами крови. Каждый вечер приходилось заглядывать к нему, пока он спал. Я больше не могу спать в своем собственном доме, потому что мне больше не приходится бодрствовать по ночам из-за него. Что вообще не имеет смысла.

- Нет, - сказал Гриффин. - В этом весь смысл. - Он снова посмотрел на Нору. - Это вообще когда-нибудь пройдет?

Что-то влажное и теплое побежало по ее лицу, и она стерла капельку, приподняв плечо.

- Нет, - прошептала она. - Никогда.

* * *

Сюзанна ахнула и резко развернулась. В дверях спальни отца Стернса стоял мужчина, которого она до этого никогда не видела. Пугающе высокий и статный, с темно-каштановыми волосами по плечи, почти черными глазами и загорелым лицом.

- Кто вы? - спросила она, отступая назад, понимая, что путь к спасительному выходу преграждает кровать.

- Полагаю, я должен задать вам тот же вопрос. В конце концов, у меня есть право находить здесь. Но не уверен, что вы можете похвастаться подобным. Oui? Non?

Он говорил на красивом английском с неповторимым французским акцентом. Мужчина перешагнул через порог, и впервые она обратила внимание на его одежду. На нем были черные брюки и черный сюртук, расшитый вычурными серебряными узорами, белая рубашка с закатанными рукавами, открывающая мускулистые предплечья, и сапоги для верховой езды по колено.

- Я..., - начала она. - Я была...

- Вы Сюзанна Кантер, репортер, который вынюхивает все о моем дорогом друге в течение двух месяцев. Двадцать восемь лет. Независимая журналистка, которая, как правило, проводит свои дни в зонах боевых действий. Что ж, я не вижу здесь никаких войн.

- Тогда вы не очень стараетесь, - возразила она.

- Мои поздравления с окончанием школы журналистики с отличием. Замечательная фраза - с отличием. Я всегда думал, что это должно относиться к чему-то другому.

- Откуда вы столько знаете обо мне?

Мужчина улыбнулся ей хищной, дьявольской улыбкой, от которой каждый волосок на теле встал дыбом.

- Меня зовут Кингсли Эдж.

Сюзанна беззвучно открыла рот и попыталась сделать еще один шаг назад и чуть не упала на кровать.

- Судя по вашей реакции, - сказал он, подходя ближе, - полагаю, вы слышали обо мне.

- Я журналистка. Конечно, я слышала о вас. Вы уничтожили мою подругу. Гвендолин Блэк? Помните это имя? Вы поставили на повтор ее порно-видео на каждом компьютере в школе ее сына. Она лечилась целых два года из-за того, что вы сделали.

Кингсли пожал плечами.

- Pas moi. Я был на Таити в это время. Хотя я слышал об этом неприятном инциденте. Жаль. Но все же... она попыталась сделать себе имя, выставляя частную жизнь человека, который бы никогда и младенца не обидел, адвоката в области прав человека, который спас тысячи жизней и отправил десятки убийц за решетку. Ваша подруга считала, что его интерес к сексуальным экспериментам означает то, что у него нет прав на личную жизнь. Я с этим не согласен. И так же посчитал кое-кто еще.

- Кое-кто, кто работал на вас.

Кингсли Эдж только усмехнулся.

- Возможно.

Сюзанна смотрела на него в молчании, пытаясь сформулировать план побега, или план атаки, если первый провалится. Время, проведенное в военных зонах, научило ее, как защитить себя. Но у нее не было оружия, и Кингсли Эдж, несмотря на расслабленную позу и элегантный вид, безусловно, был куда опаснее, чем выглядел. Она общалась с генералами в парадной одежде на вечеринках, которые выглядели смертоноснее, чем пехотинцы в полном военном обмундировании. Кингсли Эдж был именно таким. Что-то было в его глазах. Сияющее и бесстрашное. Он выглядел как

человек, который навидался крови достаточно, чтобы распивать бутылочку со Смертью по вечерам.

- Вы боитесь меня, - сказал он, наконец, делая еще один шаг в ее направлении. - Не стоит, Сюзанна.

- Все боятся вас. Все в моем мире.

Он усмехнулся, и улыбка, озарившая его лицо, сделало его таким красивым, что она едва могла дышать.

- Тогда приглашаю вас в свой мир на некоторое время, вам не придется бояться.

- Что... - Она огляделась. - Что вы делаете в спальне Отца Стернса? Да и вообще в его доме, черт побери?

- Его внезапно отозвали. Один из прихожан умирает. Семья нуждается в нем. Его, возможно, не будет день или два.

- Ну и что? А вы здесь, чтобы поливать цветы?

Он засмеялся глубоким, теплым, богатым смехом. Бесстрашным смехом.

- Мне нравится иногда сбегать из города. От телефона, который не перестает звонить. От бесконечных проблем, требующих решения. Сын сенатора хочет побыть сегодня нижним, а его любимая Госпожа занята с известной певицей. Мой портной уехал из страны, а мне очень нужен новый костюм на аукцион рабов. И еще я был так занят, что у меня даже не было времени как следует отыметь мою прекрасную Джульетту.

- Джульетту?

- Мою секретаршу.

Он наиграно вздохнул.

- Ах вы, бедняжка.

Мужчина кивнул.

- Моя жизнь трудна. Я прихожу сюда за тишиной.

- И что, вы вламываетесь в дома священников?

- Меня пригласили. Я член семьи, в конце концов.

Глаза Сюзанны округлились от шока.

- Харрисон... - Частишки пазла наконец начали становиться на свои места. - Вы?

- Она чуть не выкрикнула вопрос. - Вы тот самый французский родственник?

- Oui. Эта шкатулка, что так очаровала вас. - Он кивнул на резную шкатулку из палисандра. - Вам так хочется ее открыть?

- Да. Но она заперта. Вы можете ее открыть?

Тяжело вздохнув, Кингсли протянул руку и взял шкатулку из ее рук; вытащив небольшую связку ключей из кармана в жилете, он вставил один из них в замок и провернул.

- Вы, женщины... ну просто настоящие дочери Пандоры. Ничего не можете оставить в покое, не так ли? Вот. - Кингсли вернул ей открытую шкатулку. - Вот вам ответ на эту тайну.

Дрожащими пальцами она откинула крышку. Внутри на ложе из кроваво-красного бархата лежали два простых золотых кольца, одно большое, другое поменьше.

Она вытащила второе.

- Обручальные кольца? - спросила она.

Он кивнул.

- Это принадлежало моей сестре, моей Мари-Лауре. Другое - ему.

Сюзанна дотронулась до большого кольца, но не стала вытаскивать его.

- Я до сих пор не могу поверить, что он был женат, прежде чем стать священником. Он был так молод.

Скрестив руки на груди, Кингсли прислонился к спинке кровати и посмотрел в слуховое окошко.

- Как и я когда то. Мы были просто детьми, играющими в глупые детские игры. Мы вместе ходили в школу, le prêtre и я. Меня с Мари-Лаурой разлучили после смерти родителей – мне было только четырнадцать, и меня отправили к американским бабушке и дедушке. Она приехала навестить меня... Мне было тогда семнадцать лет, ему восемнадцать. Ей только исполнился двадцать один год. Я не мог потерять ее снова, но у нее не было двойного гражданства, как у меня. Он женился на ней, чтобы оставить ее с нами. Он женился на ней для меня.

- Он не любил ее?

- Он пытался. Ради нее. Когда она поняла, что он никогда не будет чувствовать к ней то, что она испытывала к нему...

- Я знаю, что она умерла. Мне жаль.

- Она не умерла, - сказал он, встретив ее взгляд. - Она покончила с собой.

Сюзанна чуть не уронила шкатулку. Но мужчина подхватил ее и удержал, несмотря на ее дрожащие руки.

- Я... Мне так жаль, мистер...

- Вы можете называть меня Кингсли. Или сэр. Или мсье. Но, пожалуйста, не называйте меня мистер Эдж.

Он закатил глаза и снова рассмеялся. Реакция казалась настолько абсурдной, что она тоже засмеялась.

- Хорошо, Кингсли. Мне очень жаль вашу сестру. Мой брат, он...

- Я знаю.

Кингсли произнес эти слова мягко, по-доброму, с глубочайшим сочувствием.

- Верно. Конечно, вы знаете... Итак, вы и Отец Стернс... вы как-то связаны.

- Только по уже давно ушедшему браку. Но мы оставались друзьями все эти годы. Полагаю, я знаю его лучше, чем кто-либо.

- Лучше, чем Нора Сатерлин?

Кингсли удивленно приподнял бровь и взял шкатулку из ее рук. С осторожностью он поправил обручальные кольца на бархатной подушечке, снова запирая крышку.

- Он сказал, что она знает его лучше, чем кто-либо.

Глаза Кингсли стали холодными и смертельно-пустыми, Сюзанна тут же пожалела о своих словах.

- То, что он говорит и то, что является правдой, не всегда одно и то же. Он может показаться всезнающим, но в том, что касается ЕЁ... вы когда-нибудь слышали фразу «умышленное невежество»?

- Они любовники, да? - спросила Сюзанна, надеясь поразить его.

Кингсли только рассмеялся.

- Ах... Пандора никогда не узнает. Неужели так уж важно: правда это или нет?

- Конечно, важно, - ответила Сюзанна, внутри нее поднялась буря ярости. - Он же ее священник. Был ее священником с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. А если он спал с ней, или еще раньше? Черт, да, важно. Только монстр мог сделать это. Сексуальный насильник. А...

Кингсли поднял руку и покачал головой.

- Вы не имеете ни малейшего представления о том, кто он, Сюзанна. И если будете судить его по его поступкам, то никогда и не узнаете.

Она сузила глаза.

- В этом нет никакого смысла. Нет другого способа узнать человека, кроме его поступков.

- Вы видите только крохотную частичку истины. А ложь может рассказать вам больше, чем частичная правда.

Сюзанна глубоко вздохнула.

- Тогда расскажите мне все. Вы говорите, что знаете его лучше, чем кто-либо. Я хочу узнать его тоже.

Кингсли поставил шкатулку обратно на тумбочку и шагнул к ней, становясь настолько близко, что между ними не могла проскочить даже пылинка.

- Вы не знаете, о чем просите. - Он поднял руку к ее лицу, лаская изгиб скулы кончиками пальцев. - Попытка узнать его равноценна борьбе с Богом. Вы помните, что случилось с Иаковом, нет? Он сцепился с Богом и на следующее утро пожалел об этом.

Сюзанна медленно кивнула.

- Мне плохо с того дня, как умер Адам. Пожалуйста... Я знаю, что вы можете мне помочь.

Кингсли осторожно поцеловал ее лицо возле уха.

- Я могу вам помочь. Но я ничего не даю за просто так. Если вы хотите, пересечь реку Стикс, нужно заплатить монету Харону.

- У меня нет денег. Я всего лишь репортер.

- У меня больше денег, чем идей для того, что с ними можно делать. Я желаю не ваших денег. - Рука Кингсли вернулась к ее шее. Он прижал большой палец ко впадинке на горле. - Но если вы готовы платить, я готов отвечать.

Сюзанна сглотнула и почувствовала давление пальца на шею.

Была ли она готова платить? Она не сомневалась в той форме оплаты, которую он требовал. Помимо Отца Стернса, Сорена, она никогда не видела более привлекательного мужчины в своей жизни. Все в нем... его одежда, его чувственный рот, голос, и этот акцент... честно говоря, это казалось не такой уж страшной ценой. Даже без обещания ответов, это было более, чем заманчиво...

- Мне хотелось бы верить, что в этом мире есть хотя бы один хороший священник, - прошептала она. - Но, если он...

- Он хороший священник. И хороший человек. И я могу предоставить вам доказательства, если так нужно. Если это то, чего вы хотите.

Наконец Сюзанна кивнула.

- Да.

- Тогда пойдемте со мной.

Кингсли протянул руку, и Сюзанна взяла ее с большим страхом, чем она чувствовала на поле боя. Мужчина потянул ее за собой вниз по коридору.

- Куда мы идем?

Она думала, что он возьмет ее в постели Отца Стернса, или даже на полу, но они покидали дом.

- На Манхэттен. У меня есть кое-что для вас... если вы заслужите это получить.

Они вышли из дома на задний двор, где их ждал Роллс-Ройс. Красивая молодая женщина в униформе шофера вышла из машины и открыла заднюю дверцу. Кингсли сел первым, Сюзанна последовала за ним, уже сожалея о своем решении.

- Но у меня есть своя машина. Ну, автомобиль Патрика.

- Тогда я попрошу вернуть ее Патрику. Он по-прежнему в городе, oui?

- Господи, да вы все обо мне знаете.

Кингсли снова улыбнулся, машина завелась и поехала по дороге.

- Не совсем. - Обхватив ее лицо, он коснулся ее губ большим пальцем. - Я не знаю, какие звуки вы издаете, когда кончаете. Давайте выясним это, м?

Прежде, чем она успела ответить, Кингсли наклонился вперед и прижался своими губами к ее губам. Он оставался неподвижным, ожидая от нее ответных действий. Сюзанна сказала себе, что делает это ради Адама... прежде чем открыть рот для поцелуя. Закрыв глаза, она позволила Кингсли главенствовать. Его рука запуталась в ее волосах. Он держал ее шею крепко, как бы напоминая, что она принадлежит ему сейчас и не может убежать. Когда его язык коснулся ее, желание Сюзанны сбежать испарилось, сменяясь на необходимость подчиниться. Она больше не делала это ради Адама или Отца Стернса. Она хотела Кингсли. Она сделает это ради себя.

- Скажите мне, Сюзанна, вы когда-нибудь занимались сексом на заднем сидении Роллс-Ройса?

Кингсли не стал дожидаться ее ответа. Он толкнул девушку на спину, раздвигая ее ноги и с силой прижимаясь своими бедрами к ней. О, Боже, подумала она, это происходит на самом деле. Ловкими движениями он расстегнул ее блузку, выцеловывая дорожку от шеи и до пупка, и возвращаясь обратно.

Сюзанна закрыла глаза, позволяя ощущениям чужих прикосновений затопить ее. Не просто чужак, напомнила она себе. Это был Кингсли Эдж, призрак, державший даже самых матерых репортеров по ночам в страхе. А теперь она стала одной из них. Одним из репортеров, которая оказалась с Кингсли Эджем ночью и наедине.

- Не делайте вид, будто вам это не нравится, - прошептал Кингсли ей на ухо. - Я знаю, что вы стараетесь не наслаждаться.

- Я делаю это ради информации, а не для удовольствия.

- Лгунья.

Сюзанна покраснела от справедливого обвинения. Кингсли прикусил кожу ее уха, плеча. Ощущение от укусов посылало волны наслаждения прямо в середину живота.

- Даже когда я наклоняю свою секретаршу над столом, то стараюсь убедиться, что она наслаждается этим. И вижу, что вам это очень нравится, хотите вы этого или нет.

Прежде чем Сюзанна смогла запротестовать, Кингсли поднялся и отодвинулся от нее. Она уже собиралась спросить, что происходит, но увидела. Он спустился с кожаного сидения Роллс-Ройса, становясь на колени на полу, затем щелкнул пальцами, указывая ей сесть перед ним.

Сюзанна скользнула к центру сиденья. Кингсли полез под ее юбку, хватаясь за трусики и грубо сдирая их вниз к коленям. Она хотела остановить его, но обещание информации об Отце Стернсе заставило ее замолчать, когда Кингсли расстегнул брюки.

Он широко раздвинул ноги девушки и ввел в нее два пальца. Вздвогнув, она боролась с желанием сомкнуть ноги.

- Дыши, chérie. Обещаю, тебе понравится, если ты разрешишь себе наслаждаться.

Он вытащил из нее пальцы, разглядывая девушку. Она же едва могла видеть его в темноте ночи, только тогда, когда машина проезжала под светом фонаря.

Одним рывком он задрал ее бедра кверху сидения. Своими пальцами он снова раздвинул ее наружные и внутренние губки, затем накрыл их своим ртом, слегка посасывая клитор. Сюзанна впиалась пальцами в мягкую кожу сиденья, откидывая голову назад.

Кингсли лизал ее лоно по всей длине вверх и вниз, дразнил своим языком и губами. Сюзанна сообразила, что раздвигает ноги еще шире и толкается бедрами вперед. Его язык погрузился глубже, пока она не почувствовала, что он дотрагивается до самого сосредоточия. Его руки схватили ее бедра, и Сюзанна вцепилась в его

волосы. Двигатель с тяжелым ревом передавал вибрацию сиденью под ней. Ее тело вибрировало от того, что вытворял с ней Кингсли. Внизу живота зародилось давление; откинувшись на сиденье, Сюзанна схватилась за подголовник, и кончила с низким, почти болезненным стоном.

Прежде, чем она могла хотя бы вздохнуть, Сюзанна услышала ни с чем не спутываемый звук упаковки от презерватива.

- Подожди, - она задышалась, но Кингсли стянул ее с сидения, и насадил на себя.

Она была такой влажной, что приняла всего его до последнего сантиметра одним махом.

- Боже, - выдохнула Сюзанна, ее тело напряглось, вбирая его.

- Я уже говорил, можешь называть меня просто Кингсли, - прошептал он ей на ухо.

Сюзанна не могла сдержать смеха.

- Вы должно быть самый эгоистичный человек из всех живущих.

Она обхватила его спину для поддержки, когда Кингсли взялся за ее бедра, начиная медленно двигаться.

- Всего лишь второй. С первым вы уже познакомились.

Она покачала головой и открыла рот, но Кингсли нашел ее клитор кончиками пальцев, заставляя на мгновение лишиться дара речи.

Мужчина покусывал ее губы, шею и плечи, и в помутненном разуме Сюзанны крутилась только одна мысль. Ее трахает Кингсли Эдж. Единственный и неповторимый Кингсли Эдж.

И, черт побери, ей это нравилось.

Сжав его коленями, она двигала бедрами вперед и назад, подстраиваясь под его точные движения. Все, что он делал, посылало потоки жара и электрического напряжения, пронзавшие все ее тело. Она вплотную приблизилась ко второму своему оргазму, но Кингсли остановил ее поцелуем.

- Повернись, - сказал он ей на ухо, в то время как его левая рука вытворяла удивительные вещи с ее правым соском.

Кивнув, Сюзанна приподнялась и повернулась к нему спиной. Он прижался к ее спине и укусил за плечо так сильно, что она вздрогнула.

- Что вы хотите знать о le prêtre?

Он толкнулся в нее тремя пальцами сзади, и Сюзанна резко вдохнула, шокированная внезапным удовольствием.

- Все.

Она раздвинула бедра еще больше и насадилась на его руку. Четвертый палец присоединился к другим. Она никогда не чувствовала себя так открытой прежде. Боже, этот мужчина знал, что делает.

- Вы никогда не сможете узнать о нем все. Даже если будете копать до окончания времен. - Он вытащил руку, и медленно проник в нее членом снова. Он вошел так глубоко, что Сюзанна громко застонала от невероятного ощущения наполненности. - Но я могу сказать вам только, что знаю сам, если вы скажете мне одну вещь, ma chérie...

Он снова начал двигаться, с силой в этот раз, мощно. Сюзанна хваталась за дверцу, за сиденье, хоть за что-нибудь, способное удержать ее на месте, пока он трахал ее с такой избирательной тщательностью. Она не могла поверить, как сильно ей это нравилось, когда ее берут вот так... Кингсли снова нашел ее клитор, и в этот раз с его толчком она снова кончила, громко крича, а острое болезненное наслаждение пронзило ее спину и бедра. Кингсли еще несколько раз толкнулся в нее, затем кончил сам, содрогнувшись, от чего они оба покачнулись.

Кингсли задержался в ней еще мгновение, пока они переводили дух.

- Что? - Задыхалась она. - Что я должна сказать вам, прежде чем вы расскажете мне о нем?

Кингсли поцеловал ее волосы, кончик уха, его член все еще продолжал пульсировать внутри нее. Она могла бы привыкнуть к подобному ощущению.

- Скажите мне, - он толкнулся в нее еще раз, - почему вы хотите это знать.

- Я... - Почему она хотела знать? Все еще из-за Адама? Разве Адам будет счастлив, если она сделает это? Горд ею? На одно мгновение она была рада, что он ушел, не видя, каким человеком она стала, что она могла сделать ради такой истории. - Я не знаю, - призналась она. - Мне просто нужно знать. Я должна. Если он причиняет детям боль...

Кингсли вышел из нее так быстро, что она вздрогнула. Он поправил одежду и растянулся на сиденье машины, скрестив ноги в лодыжках. Сюзанна вдруг почувствовала смущение и стыд за свой полуголый вид. В темноте она нашла трусики, застегнула блузку и осторожно села на сиденье напротив.

- Он не причинит вреда ребенку, - сказал Кингсли голосом холодным, как зима, острым, как нож. - Элеонор Шрайбер никогда не была его жертвой. И кстати для записи, она никогда не была ребенком. Я знаю ее почти так же долго, как он.

- Ну и что? Она флиртовала с ним, когда была подростком? Таким образом, она заслуживает того, чтобы ее соблазнил кто-то постарше? Ее священник?

- Нора Сатерлин, Элеонор Шрайбер, как бы вы ее ни называли, и что бы вы о ней не знали... вы должны уяснить одну единственную вещь о ней. Соблазняет она. Не ее.

Сюзанна глубоко вздохнула и встретила с ним глазами в темноте.

- Я не знаю, почему мне нужно это знать. Но мне надо. Он... - Она замолчала, подыскивая слова, любые слова, чтобы объяснить, что она чувствовала, чего хотела. - Я поверила в него, как я когда-то поверила в Бога. Я не хочу верить в любого из них... если только они не будут того достойны.

Кингсли тяжело вздохнул, подтягивая обутую в сапог ногу к груди и обнимая ее.

- Верить или не верить... на этот вопрос можете ответить только вы, - сказал он, когда Роллс остановился перед элегантным черно-белым особняком. - Но я могу помочь вам в ваших поисках. Я могу указать вам в правильном направлении, по крайней мере. Пойдемте.

Дверца открылась, и Кингсли вышел из машины. Сюзанна поправила блузку и юбку и последовала за ним через двери из кованого железа и вверх по лестнице.

На третьем этаже их встретила самая потрясающе красивая женщина из всех, которых Сюзанна когда-либо видела в своей жизни, с чашкой чая в руке и улыбкой на лице. Почти такая же высокая, как и Кингсли, с темной кожей, угольно-черными глазами и игривой улыбкой на полных губах; женщина показалась Сюзанне как грациозной, так и величественной.

- Ааа... моя Джулс. Я скучал по тебе, - сказал Кингсли, приветствуя женщину поцелуями в обе щеки. - Это Сюзанна Кантер, репортерша и мой друг.

- Bonjour, мадемуазель. Чаю? - спросила женщина, в которой Сюзанна опознала личную секретаршу Кингсли, Джульетту.

Как и Кингсли она говорила с насыщенным акцентом. Но ее звучал как-то по-другому, более карибским. Она, должно быть, с Гаити, решила Сюзанна, узнавая говор. Чернокожая гаитянка, работающая на богатого, белого, француза... Кингсли действительно был самым эгоистичным мужчиной на свете.

- Она не может остаться. - Кингсли сделал глоток из чашки. - Она здесь ради одного файла.

- Какого, monsieur? - спросила Джульетта. - Я принесу его.

- Госпожи... ее медицинской карты.

Темные глаза Джульетты расширились на одну секунду, прежде чем лицо снова стало невозмутимой маской совершенно покорного секретаря.

- Oui, monsieur.

Джульетта скрылась в другой комнате, и Сюзанна решила осмотреться. Как странно. Апартаменты Кингсли, казалось, были перевезены из другого места, другой эпохи. Она увидела огромные черные дисковые телефоны на больших столах в стиле арт-деко. Деревянные картотечные шкафы, лампы от Тиффани... и никаких компьютеров в поле зрения.

- Вы луддит, - сказала Сюзанна, начиная понимать.

- Я просто старомоден, - ответил Кингсли с дьявольским блеском в глазах.

Джульетта вернулась с толстой черной папкой, обвязанной бордовой лентой. Кингсли взял ее, и Сюзанна потянулась к нему, но он прижал папку к груди.

- Для вас, и только для вас, мадемуазель, это отдал один очень дорогой мне друг. Вам будет разрешено держать этот файл у себя один день. Он должен быть возвращен мне завтра в это же время. Ничто в этом файле не может быть записано или ксерокопировано в любом виде. Никто, кроме вас не может на него взглянуть. Я узнаю, если вы не выполните любое из этих условий. Последствия неповиновения будут ужасны. Вы понимаете меня?

Кингсли сказал слова обычной интонацией, но угроза в них была явно-различимой.

- Да, сэр, - сказала она. - Jecomprends.

Кингсли удивленно посмотрел на нее, прежде чем передать ей файл.

- Я попрошу моего водителя доставить вас домой.

Сюзанна направилась вниз по лестнице, и Кингсли последовал за ней. Меньше чем двадцать минут назад, он был внутри ее тела. Теперь же он почти не разговаривал с ней, хотя она видела, как он краем глаза поглядывал на нее. На площадке второго этажа он остановился и жестом указал ей идти без него.

- Спокойной ночи, - сказала она, прижимая папку к груди. - Я верну все завтра, обещаю.

- Bon.

Он кивнул.

Видимо поцелуев на ночь не предполагалось. Сюзанна кивнула и направилась в сторону входной двери, где шофер Кингсли ждал ее в полном молчании.

Шофер открыл дверь.

- Мадемуазель? - Кингсли позвал, и Сюзанна обернулась и посмотрела на него. - Еще один совет в ваших поисках.

- Да? Что?

- Сходите к сестре. Вам нужно поговорить с ней.

Сюзанна моргнула.

- Сестра? Вы имеете в виду к монахине? Какой монахине?

Кингсли рассмеялся - насмешливым, высокомерным, возмутительно французским смехом.

- Нет, Сюзанна. Его сестре.

- Точно, - сказала она, еще один кусочек мозаики встал на свое место в ее памяти.

- У него три сестры, да? К которой?

- Той, которую вы не хотите видеть.

- Я не хочу видеть ни одну из них...

- И последнее, - сказал Кингсли, все веселье и соблазнение исчезли с его лица и голоса. - О файле в ваших руках...

- Да?
- Это было мое.
- Что было...
- Au revoir, Сюзанна.

Прежде чем Сюзанна смогла задать еще один вопрос, Кингсли повернулся на каблуках и направился вверх по лестнице.

Сюзанна наблюдала за ним до тех пор, пока он не исчез из виду.

Прижав файл к груди, она подошла к Роллс-Ройсу.

- Все в порядке, - сказал Сюзанна, принимая внезапное решение. - Я пройдусь домой пешком.

Шофер только посмотрел на нее, прежде чем поклониться и отправиться обратно в дом.

Сюзанна направилась вниз по улице, пока не нашла то, что ей нужно - скамья под уличным фонарем.

Она открыла досье Норы Сатерлин и начала читать. Час спустя она знала, что Кингсли имел в виду, когда сказал «Это было мое».

Глава 19

Уесли гнал машину в ночи до тех пор, пока мог еще держать глаза открытыми и разум ясным. За два года Йоркского университета у него появилось много друзей между Мэрилендом и Мэном. Он остановился в доме своего старого соседа по комнате и позавтракал с ним, прежде чем отправиться в Коннектикут. К концу дня он прибыл в Уэстпорт. Практически целые сутки он гнал как бешеный, на чистом адреналине, чтобы встретиться с Норой лицом к лицу. Два слова эхом отдавались в его голове, звуча, как самая прекрасная мелодия на свете.

Большие воды... большие воды... большие воды...

Вернувшись в город, который был для него когда-то родным, он сбавил скорость, спрашивая себя, что он сделал бы, что сказал бы при встрече. Тело начало покалывать от волнения, когда он свернул в сторону тихого пригорода, где жила Нора с ее Нью-Йоркскими соседями, относившимися к их всемирно-известной эротической писательнице с легкой настороженностью и интересом. К тому времени, как он затормозил перед их домом – ее домом, поправил себя Уесли, больше не их общим - он едва мог дышать. Ее машины нигде поблизости не было, и сердце парня замедлило ход. Все, что он хотел, это посмотреть ей в лицо, в ее глаза.

Подойдя к входной двери, он постучал. Не услышав ответа, Уесли стал стучать громче. Засунув руки в карманы, он почувствовал, как связка ключей царапает костяшки пальцев.

Его ключи...

Уесли вытащил ключи и посмотрел на них. Конечно, Нора уже должна была поменять замки после того, как он съехал. Наверняка же.

Он нашел в связке ключ, который звал домашним, и вставил в замок входной двери. Замерев, сделал глубокий вдох и повернул его.

Дверь открылась так легко, будто все тринадцать месяцев ада без Норы были всего лишь сном, как если бы он заснул в университетской библиотеке за учебой, а теперь, проснувшись, смог вернуться домой.

Войдя в гостиную, Уесли вдохнул спертый воздух. Дом пах так, будто в нем никто не жил в течение нескольких месяцев. Но горы писем у входной двери не было.

Неужели она так серьезно закрутила роман с Гриффином Фиске, что даже попросила пересылать свою почту к нему? Гриффин Фиске – наследник громадного нью-йоркского биржевого фонда, плеядой с ужасно-плохими выходками в прошлом... и все же Уесли был бы куда более счастлив узнать, что Нора была с ним, чем с Сореном. Гриффин ему не нравился, его он не знал и, конечно не доверял. Но Сорен... Сорена он ненавидел.

Воспоминания вернулись к нему, пока он бродил по дому. Воспоминания, которые, как он думал, исчезли насовсем... но с каждым шагом они возвращались снова, воскрешаемые с поразительной легкостью. Он любил заниматься учебой на диване в гостиной. Норе приходилось проходить мимо гостиной, чтобы попасть на кухню, в ее любимое место. И она всегда дотрагивалась до него, проходя мимо, или просто гладила по макушке, щипала за кончик носа, лапала за коленку или его любимое – целовала в щеку. Книжным полкам требовалась большая уборка. Здоровенные, темно-коричневые, покрытые странными символами, книжные полки были любимой находкой Норы.

- Мне кажется, этот шкаф принадлежал друидам, - сказала Нора, дотрагиваясь своими маленькими ручками до резьбы.

- А мне кажется, друиды существовали задолго до, знаешь ли, изобретения шкафов, - напомнил ей Уесли.

Нора сделала вид, что не слышит его, ее обычное поведение, когда он пытался хоть как-то привнести разумность и рациональность в ее полеты фантазии.

- Наверняка, на этих полках приносили в жертву девственниц.

- А это не слишком неудобно?

- Мы с этим разберемся. Давай, залезай на верхнюю, парень с обетом целибата. Пойду достану нож для масла.

Боже, ну и со странной же женщиной он жил. Странной и веселой и красивой и удивительной... Он скучал по ней так сильно, что внутри все болело даже, когда он просто думал о ее имени.

Им было так хорошо вместе в этом доме. Так замечательно. Оглядываясь назад, он все еще не мог поверить, что Нора попросила его переехать к ней. Что в нем было такого? Целыми днями напролет, после того, как она предложила ему жить вместе с ней и работать в качестве ее интерна, он только мог ходить ошарашенный и все задавать один и тот же вопрос: «Но почему я?" Он был на грани нервного срыва, когда переехал после того ужасающе-холодного кануна Нового Года в его первый год в Йорке. Все начало налаживаться, когда он распаковал свою одежду и переставил мебель в комнате, которую ему выделила Нора.

Он хотел повесить парочку постеров на стены, но не смог взяться за молоток и гвозди, не спросив разрешения у Сатерлин. В ту ночь он бродил по дому, как бродил сейчас. Норы не было ни в своей спальне, ни в гостиной, ни на кухне. Наконец он нашел ее, стоящую на заднем крыльце в теплом пальто и сапогах. Он надел свое пальто и встал рядом на морозе.

На мгновение он просто смотрел на нее молча, стоящую с закрытыми глазами, ее лицо было обращено к яркой луне. Медленно вдыхая через нос, она задержала дыхание, прежде чем выпустить облачко пара изо рта.

- Тебе разве не холодно? - спросил Уесли.

- Ага, особенно моей заднице. Я скоро вернусь. - Она открыла глаза и улыбнулась ему.

- Что ты здесь делаешь?

- Мне казалось, тебе захочется обустроиться в комнате без моего назойливого жужжания над ухом.

Уесли даже рассмеялся над ее словами.

- Ты помнишь, что я выше метра восьмидесяти? Тогда уж скорее, над коленями, лепрекончик.

Лепрекончик? Он и в самом деле назвал Нору Сатерлин лепрекончиком?

- О, я могу это сделать, если попросишь.

Она сверкнула дьявольской улыбочкой. Уесли сурово посмотрел на нее.

- Ты ужасная. Ты ведь знаешь об этом, да?

- На самом деле, я чертовски хороша в этом. Ты только спроси Сорена.

Она за значением подмигнула

- Давай не будем говорить о нем.

Нора моргнула. Даже освещенное только лунным светом, ее лицо выдавало каждую мимолетную мысль. Такое красивое... жаль, что он не умел рисовать, чтобы хоть как-то запечатлеть это лицо, эти большие черно-зеленые глаза.

- Почему? Ты никогда не встречался с Сореном. Он очень хороший человек. Лучший из всех, кого я когда-либо знала.

- Ты рассказывала мне о нем. Хорошие мужчины не бьют женщин.

- Хорошие мужчины бьют только тех женщин, которые хотят, чтобы их ударили.

- Женщины не должны хотеть, чтобы их били.

- Тогда это проблема женщин, а не его, верно?

Она захлопала ресницами, глядя на Уеса.

- Нора, ты совсем сошла с ума. Заходи. Мое лицо сейчас отмерзнет.

- Нельзя этого допустить. Оно слишком красивое. Секундочку. Мне нужна еще секунда.

Она остановилась и снова глубоко вдохнула через нос, задержав дыхание на долгое время прежде, чем с неохотой выдохнуть.

- Увы, - сказала она. - Я люблю этот запах. Зимняя ночь... есть что-то лучше в мире, чем запах зимней ночи?

Уесли закрыл глаза и вдохнул запах зимы – хрустящий и свежий, морозный. Где-то далеко кто-то зажег камин, и запах тяжелого дерева наполнил воздух. Он мог почувствовать запах Рождества и поразительную свежесть Нового года.

- Да, пахнет удивительно, - Уес согласился.

- Так..., - вдохнула снова Нора, ее глаза сузились. - Так пахнет кожа Сорена. Именно так. Даже летом я чувствую этот запах, находясь рядом. По ночам перед тем, как заснуть я устраиваю подбородок на его спине, между лопатками, и вдыхаю, пока практически не теряю сознание. А он всегда смеется надо мной. Удивительно, не правда ли? Как кто-то может пахнуть вот так?

- Если бы его запах могли продавать в бутылках, он бы сделал на этом состояние.

Уесли посмотрел на небольшой задний двор Норы и подумал, что бы она сказала, увидев двор его дома в Кентукки – целая тысяча гектаров кругом.

- Боже, я так скучаю по этому запаху. Я люблю зиму. Это единственное время, когда я чувствую его запах, не находясь рядом с ним.

Уесли перевел взгляд со снега, окутавшего лужайку, обратно на Нору. В уголке ее глаз образовались слезинки, сверкающие как крошечные алмазы.

- Ты помешана на этом парне, да? - спросил он, не уверенный, что хочет знать ответ.

Нора кивнула.

- Помешана – отличное слово.

- Тогда почему ты ушла от него?

Вздых был первой реакцией Норы, окутанной облаком белого пара.

- Зима, - сказала она, наконец, - может быть такой красивой и такой жестокой. Жестокой и холодной. А если всегда живешь зимой, то никогда не узнаешь лето. - Нора шагнула к нему и дотянулась носом до его щеки. - Ты пахнешь как лето. Как чистое белье, вывешенное на солнце. Это тоже прекрасный запах.

Уесли покраснел от ее близости. Ее волосы щекотали его губы. Он никогда и не мечтал, что кто-то будет рядом, вдыхая его запах кожи, и это будет так интимно.

- Мы должны зайти внутрь, - прошептал Уесли. Если бы он остался с ней еще на секунду, то согрел бы ее поцелуями. А это плохо. - Тут слишком холодно.

Нора потянулась, ладонями обхватывая его лицо и согревая его прикосновениями.

- Все хорошо. Скоро наступит лето.

Уесли вернулся с заднего крыльца на кухню. Он приготовил тысячу обедов для Норы здесь. В периоды запойного писательства он мог оторвать ее от компьютера только ради еды. Он поднялся по лестнице на второй этаж и остановился в дверях своей старой спальни.

- Нора..., - выдохнул Уесли, шагнув в комнату.

Когда он переехал, она была больше похожа на то, что Нора звала "французский-бордель-стайл." Он быстро переделал все в то, что звал «не-французский-бордель-стайл». Уесли сорвал со стен плакаты, унес свои вещи... но на кровати лежали все те же простыни, те же подушки. Мебель по-прежнему стояла на тех местах, как он и хотел.

Кто-то останавливался в его комнате? Поэтому Нора и не вернула ее в предыдущий вид? Кровать выглядела так, будто на ней кто-то недавно спал. Его захлестнул гнев. Та ночь была самой прекрасной, эротической и интимной в его жизни, когда Нора пришла к нему, заползла в постель и легла рядом, лаская рукой. Он ненавидел даже самую мысль о том, что кто-то кроме него и Норы лежал на этих простынях.

Пока поток раздирающих эмоций одиночества, злости и желания, не захватил его, Уесли подошел к комнате Норы. Может быть, там он сможет найти подсказку, куда и как надолго она уехала.

Войдя в спальню Норы, Уесли постарался прогнать воспоминания прочь. Последнее, что ему было нужно, вспомнить тот день, когда он с Норой почти занялись любовью на этой кровати. Он так сильно хотел отдать ей свою девственность... и все же она не смогла это принять. Даже сейчас он все еще не понимал, почему. Но, наверно, это было даже к лучшему, предположил он. Она не хотела его по-настоящему. Если бы она его любила, тогда почему прогнала?

Уесли устался на кровать и заметил что-то странное на простынях. Свет просачивался через окно, золотясь в толстом слое пыли, покрывающем ее идеально застеленную кровать.

Правда поразила Уесли как снег, выпавший в середине лета. Горькая, но прекрасная правда.

- О, Боже..., - Уесли шумно выдохнул, надежда с силой билась в его груди. Его помятые простыни. Пыльное покрывало Норы. - Нора спала в моей постели.

- На самом деле, Уесли, - раздался голос откуда-то сзади, такой же холодный и суровый как сама зима, - она спала в моей.

* * *

Микаэль проснулся в середине утра под звуки улюлюканья. Честно говоря, не совсем улюлюканья, но ум не мог придумать слова получше. Этот шум, как оказалось, издавал Гриффин, а совсем не сова. И, по-видимому, это Гриффин сидел сейчас на

крыше, на этаж выше. Микаэль выполз из постели Норы и вернулся в собственную около пяти утра. После их секса втроем прошлой ночью, после того, как Гриффин наблюдал, как он занимался сексом с Норой, Микаэль боялся, что не сможет смотреть ему в глаза в течение нескольких дней. Но Гриффина, казалось, не волновала эта утренняя неловкость. А еще, похоже, его не сильно волновала гравитация.

- Гриффин? - Микаэль позвал, глядя на крышу, где в солнечном свете стоял Гриффин, без рубашки, выкрикивая радостные поздравления и улюлюкая. - Что ты делаешь?

- Шесть лет, Мик! - Гриффин заорал в ответ. - Скажи мне, что я потрясающий.

- Ты потрясающий, - незамедлительно повторил Микаэль. Потрясающий и прекрасный и умный и забавный и сексуальный. Но все эти эпитеты он удержал при себе. - А что за шесть лет?

Гриффин прошелся вперед по коньку крыши так спокойно, будто сила притяжения на него не влияла. Наклонившись, Гриффин ухватился за край крыши и опустился, запрыгивая в окно в спальню Микаэля.

- Сегодня шесть лет, Мик. - Гриффин усмехнулся так широко, что его улыбка затмила солнце. - Шесть лет сегодня, как я чист и трезв. Ни капли спиртного. Никаких наркотиков. Ничего.

Микаэль не мог удержаться от улыбки в ответ. Он обнял Гриффина совершенно спонтанно, но от ощущения близости теплого тела Гриффа, его сердце забилося, а кровь начала приливать к тем местам, куда ей не следовало. Микаэль отстранился, делая два больших шага назад.

- Невероятно. Я так рад за тебя. Тебе нужно отпраздновать, - быстро сказал Микаэль, пытаясь скрыть свою нервозность.

- Ага. Всегда так делаю.

- Делаешь как?

Гриффин усмехнулся.

- Новая татуировка. Добавляю к моему рисунку каждый год.

- Клево. Значит, ты собираешься в город?

Микаэль надеялся, что Гриффин пригласит их с собой. Шесть лет чистым и трезвым - Гриффин не должен был праздновать это в одиночестве.

Мужчина покачал головой.

- Неа. Спайк - она бьет мне татушки - приедет сюда сегодня вечером. Вечеринка татушек. И угадай, кто еще приглашен?

Микаэль покачал головой.

- Ты, Мик.

- Здорово. Не могу дождаться, чтобы посмотреть на это.

Микаэль знал, что улыбается как идиот, но не мог остановиться.

- Посмотреть?

Гриффин прошел мимо него к двери, и, прислонившись к дверной раме, уставился долгим, выразительным взглядом на парня. Микаэль не мог понять, что хотел этим взглядом сказать Гриффин, но желал, чтобы тот смотрел на него так целую вечность. - Ты не просто посмотришь, Мик. Тебе тоже достанется одна.

Гриффин подмигнул ему и вышел из комнаты, снова начиная громко улюлюкать от безумной радости, отчего сердце Микаэля подскочило так высоко, что он практически не расслышал, что ему сказал Гриффин.

А оставшись в одиночестве, вспомнил.

Микаэль выскочил в коридор.

- Подожди! Гриффин? Мне тоже... что?!

Глава 20

По дороге домой в метро Сюзанна нашла свободное место и вытащила медицинскую карту Норы Сатерлин из сумки. Прошлой ночью она читала ее в доме у Кингсли Эджа. Затем читала снова в своей квартире. И даже после двух прочтений она по-прежнему не знала, что с этим делать.

Файл начинался с физических показателей Элеонор Шрайбер, которые та давала перед началом первого года в Нью-Йоркском университете. Стандартная процедура для подстраховки, и все указывало на то, что та была здоровой восемнадцатилетней девушкой с низким уровнем холестерина, низким кровяным давлением и легкой аллергической реакцией. Единственным интересным фактом являлось то, что юная Элеонор отказалась от гинекологического осмотра. Эта маленькая приписка заставила Сюзанну насторожиться. Почему та отказалась от стандартного осмотра? Сюзанна сразу предположила худшее: ... беременность. Может быть, даже свидетельство аборта. Но через несколько страниц нашла то, что развеяло все ее темные теории в прах. В возрасте девятнадцати лет Элеонор Шрайбер в один из вечеров, по-видимому, слишком хорошо отпраздновала и вырубилась пьяной, а очнулась с лежащим на ней парнем из местного братства. Файл содержал заметки от консультанта по делам, связанным с насилием, который был доставлен, чтобы общаться с Элеонор до, во время и после медицинского освидетельствования. Видимо, той ночью консультанту не пришлось прибегать к своим методам, потому что отметка в таблице свидетельствовала:

Пациентка сказала, что сомневается в том, что молодой человек изнасиловал ее. Она утверждает, что ее вырвало на него во время попытки изнасилования. По прибытию ее священника, Отца Маркуса Стернса, от моих услуг отказались. Пациентка, очевидно, страдает от тяжелой формы отрицания.

Но юная Элеонор не страдала от отрицания. Доклад доктора не только не показал наличия травмы или жидкостей, но и какого-либо вреда, нанесенного девственной плеве девушки. В девятнадцать лет Элеонор Шрайбер все еще была девственницей. Сюзанна знала, что стоило прекратить дальнейшее чтение прямо там. Читать медицинскую карту другой женщины казалось совершенно извращенным вторжением в частную жизнь, что у нее даже свело живот. И все же она не могла остановиться, даже узнав, что юная Нора не была любовницей Отца Стернса или кого-то еще.

Когда Элеонор исполнилось двадцать, все стало еще интереснее. По какой-то причине, вместо того чтобы посещать обычного гинеколога в клинике, Элеонор Шрайбер отправилась к доктору Джонас для решения всех ее медицинских проблем. Доктор Уильям Джонас был терапевтом в Центральном Коннектикуте. И для молодой женщины, которая не принимала участия в организованных спортивных состязаниях, Элеонор, казалось, имела шокирующее количество незначительных травм - вывих запястья, ушибы ребра, даже вагинальный разрыв. Для Сюзанны это казалось явными признаками того, что Элеонор Шрайбер подвергалась физическому насилию в свои неполные двадцать. И все же доктор Джонас предложил только самое поверхностное лечение, назначив какие-то медикаменты, и отправил ее на все четыре стороны, так ни разу не позвонив в полицию или консультанту по делам, связанным с насилием. Это казалось шокирующим недосмотром с его стороны.

Сюзанна перевернула другую страницу. Ее руки задрожали, когда она шепотом произнесла:

- Нора Сатерлин... А ты плохая католичка...

В возрасте двадцати семи лет Элеонор Шрайбер забеременела. Католичкой она была или нет, но беременность быстро закончилась выписыванием рецепта препарата для медикаментозного прерывания беременности. После этого запись в карте прерывалась. Ни травм, ни других посещений доктора Джонаса. Ничего. Ничего... чтобы могла Сюзанна предъявить Отцу Стернсу.

Кингсли Эдж подсказал навестить сестру - которую она не хотела бы видеть. Она знала, что у Отца Стернса была сестра в Дании. Он рассказал ей это ночью в доме приходского священника. Конечно, Кингсли не имел в виду ее – это было бы чертовски далеко и выматывающе для одной поездки. Так что оставалась Клэр или Элизабет.

Она искала что-либо о Клэр прошлой ночью. Милая женщина возраста Норы Сатерлин - богатая светская дамочка с Манхэттена, без мужа и детей, никаких скандалов. Побывав военным корреспондентом, Сюзанна по-настоящему ненавидела общение со светскими людьми. Может быть, именно это имел в виду Кингсли. Но затем она взглянула на данные Элизабет. Самый первый запрос в Google об Элизабет Стернс выдал один жизненно важный и страшный факт. Несмотря на то, что она была прекрасно обеспечена, Элизабет Стернс работала. Она работала в качестве терапевта для жертв сексуального насилия в детстве.

От самой фразы внутри что-то заняло и тысяча воспоминания об Адаме выступили на первый план ее мыслей. После его самоубийства, каждое воспоминание о нем казалось зловещим и испорченным. Любое из этих воспоминаний, начиная с девяти лет - злая ухмылка Адама на его дипломном фото, день, когда он толкнул ее в бассейн на ее двадцатый день рождения, гордость в голосе, когда она вернулась домой из своей первой командировки на Среднем Востоке, живая и торжествующая - было омрачено знанием того, что каждая улыбка была подделкой, каждый смех - маской. Последнее, что она хотела, так это провести день с женщиной, которая работала с жертвами сексуального насилия.

Доехав до станции, Сюзанна закрыла досье. Через десять минут она уже садилась в машину, взятую напрокат. Через пятнадцать - была на пути к Нью-Гемпшир.

В четыре часа, она была там.

* * *

После сытного обеда в столовой на «анальном» столе Гриффина, все трое - Гриффин, Нора и Микаэль – доползли до гостиной. Нора везде разбрасывала конфетти в честь шестилетия трезвости Гриффина, в то время как Микаэль сидел в полном молчании на кожаном диване и смотрел на Гриффа и Нору, танцующих какой-то смешной развратный танец прямо на кофейном столике. Микаэль хотел присоединиться к празднованию, и он бы так и сделал, если бы не угроза Гриффина, что Микаэлю сегодня набьют татуировку, от этой новости он загрулся по полной. Его сексуальные предпочтения он мог скрыть, более или менее. По крайней мере, он мог держать страсть к подчинению и влечение к парням втайне от мамы. Но татуировку? Это не то, что можно было бы сохранить за закрытыми дверями спальни.

Сразу же после пяти раздался звонок в дверь, и Гриффин приказал Джемисону открыть, что тот и сделал, правда после того как обозвал виновника торжества "печальным разбазариванием таких замечательных талантов".

Дворецкий Гриффина вернулся с длинноногой девушкой с красными волосами, по рукам которой разбегались вверх и вниз замысловатые татуировки. Темно-зеленые ветви винограда поднимались к ямочке между ключиц и обвивали шею – кончики лозы прятались за проколотыми ушами.

- Гриффин Фиске, грязная ты шлюшка. Еще один год прошел? - спросила она с шотландским акцентом.

- Спайк... Не делай вид, что не скучала по мне.

- А мне и не нужно делать вид.

Она с силой ударила по бицепсу Гриффина, отчего Микаэль встрепенулся со внезапным чувством симпатии к девушке. Но Гриффин лишь усмехнулся.

- Нора, Микаэль. Это Спайк. Она бьет мне татушки. Лучшая в своем деле.

- Рада с тобой познакомиться, - сказала Нора, пожимая руку Спайк. - Твоя работа просто великолепна.

- А у тебя великолепная кожа, - сказала Спайк, ходя кругами вокруг Норы. - Она будет выглядеть еще лучше с татуировками на ней.

Нора села на диван и взяла свои заметки по книге, над которыми работала весь день.

- Я хотела бы сделать татуировку. Здоровенного Бармаглота на всю спину. Но мой священник не разрешает мне делать со своим телом что-то странное.

Гриффин закатил глаза, снимая с себя рубашку и ставя два стула рядом, бок о бок.

- Нора, у тебя пирсинг на клиторе, - Гриффин напомнил ей.

- Ага, - согласилась она. - Но кто, как ты думаешь, его сделал?

Она надела очки, заплела волосы в пучок, закрепив ручкой, мгновенно превращая себя в Писательницу Нору, единственный вариант Норы, который Микаэль считал еще сексуальнее, чем Госпожа Нора.

- Отец С сделал тебе пирсинг?

Во рту Микаэля внезапно пересохло. Нора только пожала плечами, переворачивая страницу в заметках.

- Вы празднуете День Святого Валентина по-своему, мы делаем это по-нашему. Не обращайтесь на меня внимания.

Нора пренебрежительно махнула рукой, в то время как Спайк и Гриффин устроились на стульях. Спайк включила электрическую машинку, смешала чернила и протерла руку Гриффина спиртом.

- Что-нибудь эдакое придумать, лапочка? - спросила она, обхватывая руку Гриффина.

- Не в этом году. Просто добавь еще один узор внизу.

Потребовалось меньше пятнадцати минут, чтобы закончить тату Гриффина – черная виноградная лоза вилась по бицепсу правой руки. Микаэль мог только зачарованно наблюдать за тем, как собиралась и капала кровь. Гриффин даже почти не вздрогнул, когда игла глубоко вбивала чернила в кожу. Все время, пока Спайк работала над рукой Фиске, Микаэль изучал его лицо. У него был такой красивый профиль. И даже испытывая боль, тот не мог удержаться от смеха или улыбки каждые несколько секунд. Откуда бралось все это счастье? В действительности Микаэля это не заботило. Он просто хотел быть частью этого.

Закончив, Спайк вытерла руку Гриффина и взяла фотографию тату.

- И когда мы доберемся до этого грифона на твоей спине, о котором договаривались? - спросила она.

- Думаю, прибережем его до следующего года, в счастливый юбилей номер семь. - Гриффин повернулся к Микаэлю. - Спайк специализируется на больших татуировках. Сделала большие черные крылья ангела по всей спине какому-то парню в Шотландии.

- Моя лучшая работа, - сказала она с гордостью. - Люблю крылья. Это мое любимое. Говорю о...

Она многозначительно посмотрела на Гриффина. А Гриффин посмотрел на Микаэля.

- Иди сюда, Мик. У меня есть для тебя подарок.

Микаэль встал и подошел к Гриффину. Нора отложила в сторону заметки, подняла очки на голову и посмотрела на них обоих.

- Гриффин, я не думаю, что мне нужно делать татуировку. Мама меня убьет. И я не знаю, что хочу или где.

Гриффин потянулся и взял Микаэля за локоть. Он поднял руку парня и положил на свою обнаженную грудь. Каждый нерв в теле Микаэля ожил при контакте его пальцев с кожей Гриффина.

Фиске принялся расстегивать часы Микаэля.

- Подожди. Стоп, - сказал Микаэль.

Грифф хлопнул его по руке и вернул ту на место.

- Все хорошо, Мик, - прошептал Гриффин. - Доверься мне. Пожалуйста.

Сглотнув, Микаэль кивнул.

- Хорошо.

Гриффин снял часы парня и отложил в сторону так бережно, будто это были его собственные за триста тысяч долларов, от AudemarsPiguet, а не за двадцать три доллара с eBay.

Сняв часы, Гриффин принялся за черный браслет на второй руке, затем повернул запястья вверх, показывая шрамы Спайк.

- Можешь исправить это? - спросил Гриффин.

Спайк прищурилась, глядя на шрамы, и Микаэль замер внутри от смертельного стыда.

- Я зарисовывала и похуже. Гораздо хуже, - сказала Спайк, проводя пальцами по шрамам Микаэля. - Да, я могу это сделать. Конечно, могу.

- Вот, что получилось, Мик. - Гриффин вытащил сложенный листок бумаги из заднего кармана брюк, развернул его и показал Микаэлю. - Я украл твой молескин, пока вы были с Норой, и послал некоторые из рисунков Спайк. Вот, что мы придумали.

Гриффин отдал рисунок парню, который уставился на него в немом изумлении.

- Я подумал, мы могли бы перекрыть шрамы, - прошептал Гриффин.

Он заправил выбившуюся прядь волос Микаэля за ухо, и тот вздрогнул от интимности жеста. Смотреть, как Гриффин занимается сексом с Норой, было не настолько интимным, как прикосновение того к его волосам.

- Тебе больше не нужно будет их прятать. Твои запястья будут выглядеть вот так.

- Так?

В руке Микаэль держал набросок с крыльями ангела - раскрытых и практически полностью черных. По одному крылу на каждое запястье.

- Ты сможешь сделать вот так, - сказал Гриффин, обхватывая оба запястья и соединяя их вместе, - и у тебя будет полный размах крыльев. Хочешь их сделать? Я заплачу, okay?

Микаэль сглотнул слезы. Никаких больше отвратительных шрамов на запястьях, которые ему придется прикрывать... Просто красивый узор, за который заплатит Гриффин. Получить такую татуировку было все равно что быть отмеченным Гриффином.

- Да. - Он посмотрел на Гриффина уверенно. - Давай сделаем их.

Гриффин хлопнул в ладоши и схватил Микаэля за плечи.

- Ты не пожалеешь, Мик. Чернила не просто попадают под кожу. Они проникают в самую душу. Меняют тебя. И тебя они изменят в лучшую сторону.

- Ты уверен, что хочешь это сделать, Ангел? - спросила Нора, ее глаза были полны беспокойства, но никакого осуждения.

- Да, определенно. Так можно, верно? - спросил он.

- Ты сам волен выбирать, что делать. Если хочешь, сделай это.

- Я хочу этого.

- Хорошо, - сказала Спайк. - Я надеюсь, вы понимаете, что забивать краской рубцовую ткань – это та еще жесть. Мы набьем основу сегодня и сделаем частичное закрашивание. И нужно, чтобы ты заглянул через шесть недель на дополнительные сеансы.

Микаэль сел на стул в то время, как Гриффин притащил стол и поставил перед парнем.

- Грифф, - сказала Спайк, глядя сурово. - Ты должен постоянно его держать. Это не так-то легко.

Гриффин посмотрел на Микаэля, и тот посмотрел на него в ответ, не мигая и не отводя взгляда. Странное чувство, которое он испытывал, находясь с Норой, вернулось. Он начал погружаться в этот странный Дзен, который Нора и Гриффин называли сабспейсом.

Микаэль протянул левую руку, и Спайк стала протирать запястье спиртом.

- Держи его, лапочка, - приказала Спайк Гриффину. - Не позволяй ему шевелиться.

Гриффин взял руку Микаэля и положил на середину стола.

- Он у меня даже не дрогнет.

Глаза Гриффина и Микаэля по-прежнему оставались прикованными друг к другу. Микаэль почувствовал, как пульсирует кровь под кожей, когда раздалось гудение электрической иглы.

- Не стану врать, малыш, - сказала Спайк, делая окончательную регулировку на игле. - Кожа на запястье тонкая и чувствительная. Сделать татуировку на члене было бы куда менее болезненно, чем это.

Микаэль сделал глубокий вдох и медленно выдохнул через нос, как его научила Нора.

- Все хорошо, - сказал Микаэль, зная, что никогда не был так спокоен или уверен в своей жизни.

Руки Гриффина прижимали его запястье. Ни страх, ни мучения, ничто в мире не могло сейчас пробить броню его счастья.

- Я могу выдержать боль.

* * *

Уесли медленно обернулся. В дверях спальни Норы стоял мужчина почти два метра ростом, с идеальными светлыми волосами, пронизательными серо-стальными глазами и лицом слишком красивым для земного человека. На нем были джинсы и черная футболка, обтягивающая впечатляюще мускулистые бицепсы, в правой руке он держал мотоциклетный шлем.

- Итак, Сорен водит мотоцикл, - сказал Уесли, не зная, почему это было первым, что вырвалось. - По какой-то причине, я не удивлен.

Глаза Сорена сузились, а уголок его рта дернулся от удовольствия. Он бросил шлем на стул и скрестил руки на широкой груди.

- Привет, Уесли, - только и сказал Сорен.

- Я не собираюсь здороваться с вами. - Уесли глубоко вздохнул и сделал несколько шагов ближе. - Мы не друзья. И это будет не дружеская беседа.

Сорен с секунду смотрел на него, и Уесли чувствовал, как тот оценивал его в своих глазах. За более чем два года Уесли думал о Сорене - как он выглядел, как он действует, что, черт возьми, Нора нашла в нем? Теперь тот стоял перед ним воочию. И Уесли увидел его. Мужчина - смертный, очень красивый, но всего лишь человек.

- Мы не друзья, нет. - Сказал Сорен с великодушием. - Но разве мы должны быть врагами?

Уесли собрал в кулак мужество.

- Вы били Нору. Вы часто издевались над ней. Вы выкручивали ей запястья. Оставляли синяки на ее ребрах. Вы делали с ней то, что она даже не всегда могла рассказать мне. Да, Сорен, я думаю, мы станем врагами.

Сорен не казался удивленным или уязвленным словами Уесли. На самом деле, он, казалось, был почти доволен.

- Я пацифист, Уесли. У меня нет никакого желания ввязываться с тобой в какое бы то ни было противостояние. Думаю, Элеонор умрет со смеху, если узнает, что мы подрались из-за нее.

- Тогда где Нора? - потребовал Уесли. - Я пришел, чтобы увидеть ее, а не говорить с вами. Вы последний человек в мире, с которым бы мне хотелось вступить в диалог.

Оскорбление прошло мимо. Мужчина казался непроницаемой стеной, которую ничто не способно пробить.

- Она в северной части штата с двумя друзьями на все лето. Я не буду утомлять тебя подробностями того, почему, но она вполне довольна, я тебя уверяю. Потрудись объяснить, что ты делаешь в доме Элеонор?

Уесли промолчал. Повернувшись спиной к Сорену, он раздумывал над тем, сколько информации мог выдать священнику.

- Нет, - сказал Уесли наконец.

- Что, прости?

Уесли повернулся и посмотрел на Сорена.

- Она не довольна. Я не верю в это, и что-то подсказывает мне, что и вы в это не верите.

- Ты не ответил на мой вопрос. Что ты здесь делаешь?

- Я здесь живу. - Уесли вытащил ключи из кармана. - У меня до сих пор есть ключ. Это был мой дом с Норой. А вот что здесь делаете вы?

- Кингсли поставил дом на сигнализацию, когда она уехала на север штата. Бесшумная тревога. Она сработала, когда ты вошел. Я был неподалеку и приехал проверить.

Желудок Уесли скрутило в тугой узел.

- Тревога? Но это же безопасный район. Зачем ставить дом Норы на сигнализацию, если ее даже здесь нет?

Сорен ничего не ответил, и тишина пугала даже больше, чем какие-либо объяснения.

- Кое-что происходит, - наконец отозвался Сорен.

Уесли коротко рассмеялся.

- Ну да, это же все объясняет. Спасибо, Отец Стернс.

- Из офиса Кингсли было украдено ее досье. В этом файле содержалась вся информация о ней. Мы не знаем, кто его украл. Мы не знаем, зачем кому-то так рисковать.

Гнев Уесли превратился в страх.

- Вы оба прикурки - вы и Кингсли. Она должна быть в безопасности, иначе вам придется отвечать передо мной. И я знаю, это вас не испугает, но если понадобится, я

найду, чем напугать. Теперь, думаю, мне пора. Нужно ехать на север штата, чтобы найти Нору и убедиться, что она в порядке.

Уесли направился к двери, зная, что ему придется пройти мимо Сорена. В таком настроении эта мысль казалась даже смешной.

- Кто-то должен сделать это, а вам, очевидно, на нее плевать.

Уесли направился к проему между телом Сорена и дверной рамой, пространству достаточно широкому для него, чтобы протиснуться, как вдруг рука Сорена хлопнула по раме, преграждая путь Уесли.

Ледяной страх прошелся по спине Уесли от жестокого взгляда холодных глаз Сорена.

- Уесли..., - произнес Сорен его имя с безошибочным намеком угрозы в голосе. - Я сказал, что не хочу быть врагами. Для твоего же блага, я бы настоятельно рекомендовал изменить свой тон.

Уесли не мог смотреть ему в глаза, не хотел. Он смотрел мимо Сорена в коридор. Там он мог видеть призрачный контур Нору, в ее пижаме с пингвинами, мокрыми волосами, собранными в пучок и чашкой какао в руке. Его Нора... его лучший друг... женщина, за которую он отдал бы все на свете. После того, как он предложил ей все до цента, а она отвергла его. Может быть, нужно было предложить еще раз, рассказав, сколько миллиардов таких центов у него есть на самом деле. И тогда был бы только он и она, ее какао и пижама в пингвинах и игры в морской бой и глупые шутки о друидах до конца жизни.

- Я люблю ее, - прошептал Уесли. - Я люблю ее даже больше, чем свою собственную жизнь, а вы... - Он, наконец, встретился глазами с Сореном. - Вы причиняете ей боль.

Сорен кивнул.

- Да.

- Вы избиваете ее. Вы делаете с ней вещи, от которых меня мутит.

- И это я тоже знаю, Уесли.

Сорен произносил слова с такой симпатией, что горло Уесли сжалось. Парень сделал шаг назад.

- Что? И вы не собираетесь защищаться? Оправдываться? Сказать мне, что это то, что Нора любит? То, что она хочет?

Сорен покачал головой.

- Конечно, нет. В конце концов, я не обязан этого делать. Ты знаешь не хуже меня, что она любит быть со мной, любит то, что я могу дать. Более того, она нуждается в этом.

Уесли выпрямился, однако Сорен все еще подавлял его своим ростом. Но то, что он не добрал в росте, выплеснулось гневом.

- Нуждается в этом? Она не может нуждаться в том, чтобы ее избивали. Никто не нуждается в этом. Вы обучили ее, запутали ее разум, заставили ее думать, что секс должен быть именно таким.

- И поэтому ты, девственник, собираешься научить Нору, каким должен быть правильный секс?

Все пять пальцев на правой руке парня медленно сжались в кулак. Что бы он только ни отдал за возможность разбить это красивое лицо, уставившееся на него с таким высокомерием, надменностью, таким...

- Ну уж сделаю это куда лучше, чем больной садист католический священник, который не может даже взять ее за руку на публике.

Что-то во взгляде Сорена дрогнуло... совсем чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы Уесли понял, что попал по больному месту.

Парень ждал. Сорен по-прежнему молчал.

- Я помог ей покрасить эту комнату, вы знаете? - Уесли кивнул на стены. - Двигал мебель, стирал испачканную в краске одежду... Мы красили весь день. Понадобилось три слоя, чтобы стены стали красными, как она и хотела. А этот плакат над кроватью? Я повесил его для нее. Она провела битый час, пытаясь выяснить, где именно ему место. Мы переставляли тут мебель до полуночи. А потом ели пиццу утром. И вы знаете, что она сказала после всего этого? Знаете?

Сорен смотрел на него, не мигая.

- Нет.

- Она сказала: Уес, я не знаю, что бы я делала без тебя. Надеюсь, что никогда не придется узнавать. - Уесли улыбнулся Сорену. - Понадобилось четыре месяца, но мы перекрасили каждую комнату в этом проклятом доме. Перекрасили, переставили мебель... Это был наш дом. Мой и ее. Я знаю, что она украдкой сбегала в ваш дом каждый раз ненадолго, позволяя вам измываться над ней всю ночь. Но я получил все остальное ее время. Я готовил ей завтраки. Я отвечал на письма ее фанатов. Я укладывал ее в кровать, когда она засыпала на столе над книгами. Я растирал ее спину, когда она мучилась от переутомления. И когда у нее с вами были размолвки, именно я был тем, кому она плакалась. Нет, у нас с ней никогда не было секса. Это правда. Но у нас была любовь, настоящая любовь, которая ничего не требовала от нас, не оставляла синяков или переломов. Я любил ее, не причиняя ей вреда. Вы спросили меня, как я, девственник, мог бы научить ее настоящему сексу? Никак, конечно, никак. Черт побери, не смог бы. Но, по крайней мере, я могу научить ее, какой должна быть любовь. И она тоже это знает.

- Знает ли?

Уесли улыбнулся.

- Еще не видели ее последнюю книгу? Прочтите посвящение на первой странице. Тогда вы поймете, почему я говорю, что она не настолько довольна, как вы хотите себе это представить.

Уесли вздернул подбородок, глядя на Сорена своим самым долгим самым холодным взглядом, на который только был способен. Сорен смотрел в ответ, его взгляд был дольше на еще одну секунду и холоднее на еще один градус. Вздохнув, Уесли сдался.

- Неважно, - ответил он. - Будто вам есть до этого дело. Я ушел. Удачной поездки на вашем прекрасном мотоцикле обратно в свою церковь, где вы можете и дальше притворяться святым, которым, как мы знаем, вы не являетесь.

В этот раз, когда Уесли протиснулся в зазор, Сорен позволил ему пройти. Уесли сделал целых пять шагов по коридору, когда он услышал свое имя.

- Что? - спросил парень, обернувшись.

- Уесли... - Сорен посмотрел на него таким взглядом, который испугал Уеса еще больше чем любая непроглядная тьма или холод. Этот взгляд был почти - Уесли пытался подобрать нужное слово - смиренным.

- Пожалуйста, Уесли. Я хочу попросить тебя об одной услуге.

Глава 21

Сюзанну окружила атмосфера богатства, когда она свернула на дорогу с обеих сторон обсаженную деревьями к величественному трехэтажному особняку в

колониальном стиле. Припарковав автомобиль, она подошла к входной двери и позвонила. Ей открыл мальчик лет десяти с большими голубыми глазами.

- Привет, - поздоровалась Сюзанна, не зная, что еще сказать.

Мальчик повернулся к ней спиной.

- Мама! - крикнул он и побежал вверх по лестнице, оставив входную дверь широко распахнутой. В холл спустилась женщина с полотенцем в руке. На ней были белая мужская рубашка и джинсы. Одежда была покрыта черными полосами грязи. Рыжие волосы забраны в хвост, а на щеке, словно синяк, темнело какое-то пятно.

- Очевидно, швейцар из Эндрю не получится, - сказала женщина, улыбаясь Сюзанне.

- Ну, зато у него хорошие легкие. Может быть, пусть попробует карьеру трубача?

- Возможно. Чем я могу вам помочь? - спросила женщина.

Сюзанна тяжело вздохнула, пытаясь подобрать слова, затем решила начать с правды и посмотреть, куда это приведет.

- Меня зовут Сюзанна Кантер. Я журналистка. И я расследую дела вашего брата. Будете ли вы так добры ответить на некоторые вопросы?

Руки Элизабет крепко сжали полотенце. Согласно записям Сюзанны, Элизабет было всего сорок восемь, и хотя лицо выглядело гораздо моложе, вены на руках добавляли лишние годы к ее настоящему возрасту.

- Пройдемте в оранжерею, - наконец сказала Элизабет. - Дети туда не заходят. Мы сможем поговорить наедине.

Оказавшись внутри, Элизабет протянула Сюзанне лопатку, и вместе они пересадили несколько саженцев в большие глиняные горшки.

- Расследуете дела моего брата? - спросила Элизабет. - Мне стоит знать почему?

- Его хотят назначить епископом епархии. Он самый молодой священник в коротком списке кандидатов.

Элизабет только фыркнула, вскапывая лопаткой черную почву.

- Я получила анонимное письмо о нем, - продолжила Сюзанна. - Имена священников из списка. Рядом с его именем была звездочка и приписка, в которой говорилось о возможном конфликте интересов. Это не много, я знаю. Но у меня такое чувство, что он что-то скрывает. Может быть, что-то опасное.

- Мой брат знает очень много секретов. Даже такие, о которых никто и понятия не имеет. - Элизабет взяла саженец, отщипнула несколько листьев и поставила его в ямку. - Почему вы думаете, что я должна быть в курсе о них?

- Кингсли Эдж... он сказал мне спросить вас, если я хочу узнать больше об Отце Стернсе. Я думала о разговоре с Клэр. Она кажется интересной.

Элизабет закатила глаза.

- Вы ничего не узнаете от Клэр. Она влюблена в своего брата. Всю нашу жизнь. Он для нее как луч солнца. Когда она думает, как выглядит Бог, то представляет себе нашего брата.

- Это звучит... нездорово.

- Не нездорово. Просто чрезмерно. В отличие от меня, она с ним не росла. Я не говорю, что он плохой человек. Нет. Он почти настолько же достоин ее восхищения, как она и предполагает.

- Но только почти? - предложила Сюзанна.

Элизабет вздохнула и отложила лопатку в сторону.

- Мисс Кантер...

- Вы можете называть меня Сюзанна.

- Сюзанна... когда вы говорите мне, что расследуете дела моего брата, католического священника, должна ли я предположить, что вы ищете доказательства сексуального насилия. Так?

Сюзанна не стала возражать.

- Да. Это действительно единственное, что меня беспокоит.

- Здесь что-то личное, верно?

Открыв рот, Сюзанна сделала паузу перед тем, как ответить.

- Да. Мой брат был жертвой. Он совершил суицид несколько лет назад. Думаю, именно поэтому кто-то выбрал меня и отправил тот факс. Они знали, что я не перестану искать, пока не докопаюсь до истины.

- О, Боже, истина. В мире нет ничего более лживого, чем истина. Истина в том, мисс Кантер, Сюзанна, что я знаю, что такое мой брат. Я знаю, кто он. И знаю, какой он. И я сказала ему, много лет назад, что если он когда-либо пойдет по стопам нашего отца или причинит вред ребенку, или же воспользуется кем-то из своих прихожан... что ж, тогда я лично удостоверюсь, что он разделит отцовскую судьбу. Без промедления.

Элизабет снова взяла лопатку и копнула с куда большей силой, чем требовалось.

Глядя на женщину, Сюзанна не могла поверить своим ушам. Неужели Элизабет Стернс только что призналась в убийстве своего отца? Нет... конечно, нет. Она наверняка не имела ничего такого в виду. Сюзанна сглотнула, и, взяв другой саженец, тщательно отряхнула корни.

Элизабет посмотрела на Сюзанну. Над ними повисло тяжелое молчание. Обе женщины ждали... Элизабет нарушила тишину первой.

- Мне было восемь лет, когда отец пришел в мою комнату в первый раз.

Сюзанна резко вдохнула и закрыла рот почерневшими от грязи ладонями.

- Мне так...

- Жаль, да. Я знаю. Всем жаль. Особенно моему покойному отцу, который сейчас горит в аду. Теперь он очень сожалеет.

- Вам было только восемь лет. Ваш брат знал об этом?

Элизабет покачала головой.

- Нет. Отец отослал его в какую-то школу-интернат в Англии. Хотел, чтобы его единственный сын получил надлежащее британское образование, как и он сам. К счастью, моего брата выгнали из его английской школы-интерната и отправили обратно к нам. В противном случае, приставания отца продлились бы намного дольше.

- Выгнали? Что случилось?

Элизабет рассмеялась холодным, невеселым смехом.

- Когда вы встретили моего брата в первый раз, вы испугались его?

- В первый раз? - Сюзанна сдержанно улыбнулась. - Да я до сих пор его боюсь.

- Да, он всегда был таким. Всегда. А когда учился в той школе...не знаю. Я слышала только кусочки той истории. Английские интернаты в то время были ужасными. Старшие мальчики, или префекты, как их называли, использовали тех ребят что помладше.

Сюзанне даже не нужно было просить разъяснить значение слова «использовать», так ясно выразилась Элизабет.

- Что случилось?

- Один из этих префектов, видимо, совершил ошибку, заинтересовавшись моим братом, когда ему было около десяти. Он спал в своей постели в общежитии, когда старший мальчик пришел к нему. Но мой брат уже его ждал. У него очень чуткий сон. Префект провел шесть недель в больнице и умер от инфекции, вызванной его травмами.

Сюзанна ахнула и чуть не уронила рассаду в руках.

- Отец Стернс убил мальчика?

- Мальчика? Полагаю что так. Префекту было пятнадцать лет. А еще он имел репутацию худшего из насильников в школе. Школа знала все. Никто не выдвинул обвинение против моего брата. Они замяли дело и отправили его обратно к нам домой.

Сюзанна отошла от стола, подальше от темной земли и нежных ростков. Отец Стернс в возрасте десяти лет избил, и впоследствии убил пятнадцатилетнего мальчика в своей школе...

- Я помню, как подслушала, когда наш отец рассказывал матери эту историю. Этот монстр гордился моим братом. Десять лет, а мой брат отправляет в кому мальчика на пять лет старше и на сорок килограммов тяжелее себя. Гордился. Мой насильник отец был горд сыном, убившим педофила. Ах, какая ирония. Я расскажу вам больше, если пообещаете оставить это в тайне, никаких записей. У меня двое сыновей. Я не хочу, чтобы это кошмар коснулся следующего поколения.

Сюзанна повернулась к ней снова, и мгновенно пожалела об этом.

- Есть еще?

Элизабет подняла подбородок, словно защищаясь, почти умоляя Сюзанну сказать ей замолчать или уйти. И она должна была... Ей стоило так поступить. Но она не смогла.

- Расскажите мне, - произнесла Сюзанна.

Элизабет взяла лейку, наполнила водой и начала ходить по теплице.

- Я пряталась рядом с кабинетом нашего отца, когда услышала, как он рассказывает маме ту историю, о чутком сне моего брата, который практически голыми руками убил мальчика. А потом мой брат приехал домой. Я не видела его в течение двух лет.

- И как это было? Увидеть его снова после двухгодичного отсутствия?

- Странно. Неловко. Он уже не казался моим братом. Ему было только одиннадцать, на год моложе меня, но выглядел он намного старше. Он был красивым засранцем даже тогда. И таким тихим, неприступным. Он напугал меня до чертиков. Я думала, он мог бы убить меня как и того мальчика... На самом деле..., - Элизабет остановилась, чтобы вздохнуть. - Я надеялась, что он так и сделает.

Вечерняя августовская жара в теплице была такой сильной, что Сюзанна подумала, что упадет в обморок. Но когда Элизабет произнесла последнюю фразу, по телу девушки пробежала холодная дрожь.

- Что вы сделали? - спросила Сюзанна. Что-то подсказывало ей, что это был правильный вопрос. Не "Что случилось?" Или "Что вы имеете в виду?" Элизабет явно что-то сделала.

Элизабет подняла лейку, поливая большую белую розу.

- Несколько дней после того, как мой брат вернулся из Англии, слова моего отца звоном отдавались в ушах... его сын Маркус... чутко спит... практически убил мальчика, который хотел до него дотронуться...

Желудок Сюзанны скрутило.

- Я..., - в первый раз голос Элизабет дрогнул. - Отец и мать уехали. Далеко, в какую-то деловую поездку. Я вошла в спальню брата ночью. Он спал. Я стянула с него одеяло...

Сюзанна смотрела, как глаза Элизабет потемнели и взгляд стал пустым, будто разум покинул реальность и отправился далеко в прошлое.

- Красивый засранец, - снова сказала Элизабет. - Я думаю, первый раз в своей жизни я почувствовала к кому-то такое влечение. Я не могла удержаться от того,

чтобы прикоснуться к его лицу. Ну, вы встречались с ним. Вы должны знать, каково это, находиться рядом с ним, тянуться к нему...

- Что вы сделали? – Сюзанна повторила вопрос.

Элизабет вздохнула, почти с тоской. Когда она снова заговорила, голос был глухим и отстраненным. Солнце зашло, и по теплице поползли тени.

- Интересно..., - начала Элизабет и остановилась. - Интересно, каково это было ему, проснуться и обнаружить себя внутри собственной сестры.

- О, Боже.

Сюзанна выпалила, с силой обхватывая себя за живот, чтобы не упасть.

- Я все ждала..., - продолжала Элизабет. - Я думала, в любую минуту он посмотрит на меня, изобьет, убьет, как того мальчика в своей школе. Но этого не произошло.

Волна тошноты подошла к горлу Сюзанны. Она схватилась за стол и задышала через нос, молясь, чтобы это прошло. Отец Стернс... в возрасте одиннадцати лет... был изнасилован собственной старшей сестрой.

- Я хотела, чтобы он убил меня, как того мальчика в Англии. Вот почему это случилось в первую ночь.

Сюзанна выпрямилась снова.

- Первая ночь? Это произошло больше, чем один раз?

Элизабет медленно кивнула.

- Я же сказала вам, мама и папа уехали. Весь дом был наш. Никакого надзора. Мы оба были так сильно испорчены, что даже не понимали, что делали что-то неправильное.

Что-то в предательски дрогнувшем голосе говорило страшную правду - это далеко не конец истории. Сюзанна хотела отвернуться и вытошнить, все, что она услышала и представила в своей голове, исторгнуть из себя до последней капли – тело юного мальчика, отвечающее на ее прикосновения во сне, отчаянный замысел сестры, чтобы найти покой в смерти, осознание того, что они зашли слишком далеко. Но Сюзанна знала, что пока будет жить, слова Элизабет, останутся в ее памяти навсегда.

Она не могла сейчас отступить. Поэтому ей нужно было идти дальше.

- Что произошло потом? - спросила Сюзанна, она не хотела, но должна была узнать все. - Чем это закончилось?

- Благодаря отцу, конечно. Они с матерью уехали на месяц в Европу по своим делам. Я думаю, он хотел взять меня с собой, но мама... наверное, она стала видеть его заинтересованность во мне. Она настаивала, чтобы они поехали одни, без детей. Второй медовый месяц. Между тем мой брат и я вытворяли что-то настолько извращенное, что я до сих пор даже не могу представить себя частью этого. Я вижу нас..., - Элизабет закрыла глаза и подняла руку, - там. Как будто я просто смотрела, не участвовала. Вы должны знать, что я была так же виновата, как и он. Честно говоря, даже больше. Я начала это. Он был девственником до меня. Но даже в этом юном возрасте у него было впечатляющее воображение.

Сюзанна сглотнула желчь, глядя, как Элизабет открыла глаза и опустила руку.

- Мы были вместе в библиотеке отца. Одно из наших любимых мест. Мать и отец вернулись домой из поездки на день раньше, чем мы ожидали. От усталости мать отправилась прямо в кровать. Отец же пошел к себе в кабинет, чтобы поработать. Он нашел нас... вместе.

Элизабет замолчала на мгновение. Глядя сквозь стеклянные стены оранжереи, она наблюдала за угасающим солнцем. Сюзанна даже боялась угадывать и молилась никогда не узнать, что сестра Отца Стернса видела в ее памяти.

- Я никогда не видела такой ярости, - Элизабет, наконец, заговорила. - Такой злобы. Отец даже не выглядел как человек. Мой брат и я называем его монстром. Мы не просто так делаем это. Он обратился в зверя в тот день. Он оттащил брата от меня и бросил его о стену. Я никогда не забуду кровь на обоях - красное на желтом. А затем повалил меня на пол, на живот. Он говорил, но я ни за что в жизни не смогу вспомнить, что же он говорил. Я не хочу вспоминать.

- И хорошо, что не помните, - прошептала Сюзанна.

- Он начал насиловать меня, чтобы заново пометить свою территорию, полагаю. Наверное, он думал, что избил брата до потери сознания. Но потом я услышала глухой стук. Самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала в своей жизни.

- Что это было?

- Мой брат, ударивший отца каминной кочергой. Он не вырубил его, к сожалению. Но остановил на время, достаточное, чтобы я выбралась из-под обмякшего тела. Отцовская ярость зашла даже дальше, чем я могла себе представить. Он схватил брата и швырнул на пол, и затем той же кочергой сломал ему плечо. Я слышала хруст.

Сюзанна закрыла лицо рукой. Она нашла маленькую скамью и села на нее, не в силах больше держаться на ногах.

- Отец схватил брата за сломанную руку и посадил. Привязал его к стулу. Рука брата... она просто болталась... так безжизненно. Помню, я подумала – глупо - но я на самом деле так подумала: "О, нет. Он же больше никогда не сможет играть на пианино». Кошмарно, какие вещи приходят на ум в такие моменты. Никогда не сможет играть на пианино? Да отец собирался убить его.

- Убить его?

Сюзанна знала, что выглядит как идиотка, повторяя вопросы как попугай. Но шок и тошнота отобрали все силы, повергнув девушку в немой ужас.

- Я помню, как он говорил это. "Ты покойник, Маркус. Ты покойник..." После того, как он привязал брата к стулу, он снова пришел за мной. Хотел, чтобы тот смотрел, как он меня насирует. Но я не могла позволить этому случиться. Изнасилование, пусть. Ладно. Это случалось и раньше. Но я не могла позволить убить моего брата. Я любила его. По-своему, извращенно, неправильно и ужасно... Я действительно любила его. Мы были всем, что есть друг у друга. Так что я взяла каминную кочергу, вооружилась всем, что было у меня на душе, и разбила ему голову. Милостивый Боже, он так быстро уgomонился. Так быстро, что я засмеялась. Думаю, этот смех привлек внимание матери. Я просто не могла остановиться и смеялась, смеялась...

- Вас нашла ваша мать?

Элизабет кивнула.

- Она ворвалась в библиотеку, увидела ее дочь практически голую и всю в крови, еле дышащего и привязанного к стулу брата и лежащего монстра на полу. Она больше не могла отрицать того, что происходило прямо у нее под носом. Она забрала меня и моего брата из дома. Отправила его в больницу, и там бросила...

- Бросила его? Она просто оставила его?

- Он не был ее сыном. Она всегда немного его ненавидела. Она могла бы закрыть глаза на интрижку, даже на ту, после которой появился незаконнорожденный сын. Но заставить ее относиться к нему как к своему? Она никогда не простила отца за это. Как будто это был худший из его грехов.

- Как будто...

- Таким образом, она бросила моего брата в больнице и сбежала со мной. Она развелась с отцом после. Это было в шестидесятых. Мать не могла позволить

случившемся стать достоянием общественности. Так как не было никаких обвинений, все активы разделили поровну. А они были и есть значительны. Даже после деления всего пополам, они оба оставались очень состоятельными людьми.

- Что произошло с вашим братом? - спросила Сюзанна, уже зная часть ответа. – Он был отправлен в школу, верно?

Элизабет кивнула.

- Полагаю, когда отец пришел в себя, то вспомнил, что мой брат был его единственным сыном и наследником. Но не хотел, чтобы тот был рядом, поэтому и отправил в ту школу. Академия Св. Игнатия, кажется, так она называлась. Одна из иезуитских школ-интернатов для мальчиков в штате Мэн. Черт знает где. Днем с огнем туда не доберешься.

- Звучит, как описание тюрьмы.

- Что-то вроде того. Думаю, отец боялся моего брата и возможного возмездия. Он был неправ, конечно. Мой брат не убийца. Мой отец боялся не того ребенка.

Сюзанна услышала улыбку в голосе Элизабет.

Она молчала. Несмотря на молодость, Сюзанна была журналистом достаточно долго, чтобы знать, правду можно получить только тогда, когда перестаешь задавать вопросы.

- Я рада, что он отправился в Академию, - продолжала Элизабет. - Он был счастлив там, по-видимому. Обратился в католичество. Выучил с десятков или больше языков ото всех священников, которые там преподавали. Встретил Кингсли.

Сюзанна улыбнулась, потому что знала, что Элизабет ожидала этого.

- И сестру Кингсли, верно? - спросила Сюзанна.

- Ах, да. Жену моего брата. Никогда не встречалась с ней. Я узнала о браке, только когда девушка умерла. Он сделал это ради денег, конечно.

- Денег?

- Целевой фонд. Мой брат и я унаследовали трастовые фонды от наших родителей. Мы могли получить огромную сумму в возрасте двадцати пяти или раньше, если...

- Если бы женились или вышли замуж.

Элизабет кивнула.

- Я думаю, мой брат просто хотел помочь Кингсли и его сестре остаться вместе в Штатах. Они оба были без гроша в кармане, без преувеличений. Все закончилось плохо, как вы знаете. Что, я полагаю, и к лучшему. Мой брат был предназначен для сана.

- Он, кажется, нашел свое призвание.

- Это так замечательно, когда брат - священник. Удобно иметь кого-то в семье, кто может отпустить вам грехи и обязан держать ваши секреты в тайне даже от человеческих законов. Мой брат... ему пришлось так много на себя взять.

Элизабет посмотрела на девушку голубыми глазами. В них Сюзанна увидела истину, услышала истину, поняла ее, наконец.

Элизабет Стернс хотела убить своего отца. И ее брат знал это.

И для Сюзанны священник, взявший на себя грех убийства и державший его в секрете даже от полиции...

- Для меня это звучит как конфликт интересов, - сказала Сюзанна. - Брат, выслушивающий исповедь сестры.

- Полагаю, так и есть. Наверняка вы получили теперь свои ответы.

- Возможно.

Сюзанна поднялась со скамейки на негнущихся ногах. Нужно было уходить прямо сейчас. Она знала, что должна была сделать, с кем увидеться и что сказать. И нужно было сделать это сегодня вечером.

- Мне надо идти. Спасибо за уделенное мне время.

- Конечно. Все, что угодно ради моего брата. Надеюсь, вы понимаете его хоть чуточку больше. Если вы ищете священника, замешанного в сексуальном насилии, то не найдете его в Пресвятом Сердце. Мой брат выше этого. Иначе ему пришлось бы отвечать передо мной.

Сюзанна натянуто улыбнулась.

- Нет, я уверена, что вы правы. После того, что случилось с моим братом, я могу полностью понять, что вы чувствуете и что..., - Сюзанна тщательно подбирала слова, - что со всем этим вы сделали. Я рада, что ваш брат освободил вас. Если бы это помогло, я бы тоже отпустила вам ваши грехи. Если бы я верила...

Элизабет снова взяла совок и начала копать землю, на этот раз уже не с такой силой.

- Я сама найду выход. Обещаю, ничего из этого никогда не попадет в прессу.

- Спасибо, мисс Кантер. Пожалуйста, будьте осторожны по дороге домой.

Сюзанна направилась к двери, но остановилась прежде, чем коснулась ручки.

- Вы не называете его Маркусом? - спросила Сюзанна. - Вашего брата, я имею в виду. Вы зовете его – мой брат. Почему?

- Он ненавидит имя Маркус. Это имя нашего отца.

- Спасибо. Мне было просто любопытно. Спокойной ночи.

Сюзанна снова потянулась к дверной ручке и остановилась.

- Думаю, я поняла кое-что, что не поняли вы, - сказала Сюзанна, вспоминая историю Элизабет. - О брате, который проснулся не так, как вы хотели.

Элизабет, не проронив ни слова, продолжала смотреть на нее.

- Вы хотели, чтобы он проснулся той ночью и убил вас, как и того мальчика, напавшего на него в школе. Но он этого не сделал. Потому что крепко спал. Он спал крепко, потому что был дома. Он думал, что находится в безопасности.

Даже в слабом свете Сюзанна могла видеть, как темнеют глаза Элизабет, превращаясь в два сверкающих аметиста.

- Нельзя было быть таким наивным. Безопасность – это миф.

Глава 22

Впервые в своей жизни Микаэль почувствовал себя в безопасности. Странное ощущение, учитывая количество боли за последние два часа, пока Спайк, девушка тату-мастер с фиолетовыми волосами, вводила иглу, заполненную черными чернилами глубоко в его чувствительную кожу. Однако боль помогала ему сосредоточиться, успокаивала. Но даже больше, чем боль, его умиротворяли прикосновения крепких сильных рук Гриффина, чего раньше никогда между ними не происходило. Нора сидела на диване, работая над своей рукописью. Спайк впиалась в его запястья жужжащей иглой. Но в мире сейчас не существовало никого, кроме него и Гриффа.

Каждые несколько минут Спайк останавливалась и набирала чернила. Гриффин же в это время ослаблял хватку на предплечьях Микаэля и предлагал ему выпить воды, спрашивая нужен ли ему перерыв. Боль стала сильной, по лбу Микаэля стекали

струйки пота. Гриффин просил остановиться, вытирал лицо Ангела, и разрешал передохнуть в течение нескольких минут, прежде чем Спайк снова бралась за работу. Ни разу Гриффин не спросил, не хочет ли Микаэль прекратить это. И по какой-то причине вера Гриффина в его способности перетерпеть боль значила для него больше всего на свете.

- Вот и все, приятель, - сказала Спайк, откинувшись на спинку стула и разминая мышцы спины. - Сделала столько, сколько могла за сегодня. Пускай заживет. Через шесть недель, мы добавим парочку штрихов.

Микаэль перевел глаза с Гриффина к его собственным запястьям. На протяжении всего сеанса он держал взгляд на лице мужчины, а не на игле Спайк. Парень ненавидел свои шрамы, ненавидел вспоминать тот момент отчаяния и идиотизма, который привел ко всему этому. К тому же он до сих пор не мог найти кого-то более притягательного, чем Гриффин. А теперь он смотрел на свои запястья и при виде них пораженно охнул - не с отвращением, как каждый день в течение последних трех лет, а с благоговением.

- Ничего себе..., - выдохнул он. - Спайк, это...

- Охрененно красиво, - сказал Гриффин, аккуратно касаясь кожи вокруг краев влажной и еще кровоточащей татуировки.

Они были красивыми, его черные крылья, покрывавшие оба запястья с внутренней стороны рук. Каким-то образом Спайк удалось создать иллюзию нежных крыльев с перышками из плоти и чернил. А шрамы... они пропали. Каждая татуировка полностью закрывала неровные, сделанные в порыве ярости остатки попытки самоубийства Микаэля.

Гриффин взял руки парня в свои и свел оба татуированных запястья бок о бок, создавая образ раскрытых крыльев.

- Великолепны, Мик. Они великолепны. - Гриффин сжал пальцы Микаэля. - Прямо как ты.

Боль от двухчасового сеанса татуировки уже подвела Микаэля к самому краю возбуждения. И руки Гриффина на нем, жадный тон его голоса заставил парня болезненно почувствовать ту самую часть тела, которая ныла еще сильнее, чем его кровоточащие запястья.

- Я сейчас вернусь, - бросил Микаэль и выдернул руки из хватки Гриффина.

Он практически выбежал из комнаты в ванную на нижнем этаже. Наклонившись над раковиной, Мик повернул краны и плеснул водой на разгоряченное лицо.

Так больше не могло продолжаться. В течение двух месяцев его вожделение к Гриффину было как шрамы на запястьях - то, что он прятал, то, чего стыдился, то, на

что боялся смотреть. Но сегодня на этом столе в нечто другое превратились не только его шрамы.

Микаэль любил Гриффина. Теперь он знал это. И не имел ни малейшего понятия, что с этим делать.

- Ангел?

Дверь в ванную открылась, там стояла Нора, уставившись на него любопытным взглядом.

- Нора..., - Микаэль встал и поднял руки сдаваясь. - Нора... я...

- Знаю, Ангел, - произнесла она. - Я знаю.

Она закрыла за собой дверь и подошла, притягивая мальчика к себе. Он почти застонал от прикосновения к другому человеку, прикосновения ее руки к его лицу, ее губ к его щеке. Сатерлин расстегнула его джинсы, а Микаэль задрал ее юбку.

Он стащил ее трусики вниз и вошел в нее. Никогда прежде он не был таким агрессивным с Норой. Но сейчас речь шла не о сексе, о БДСМ или сцене. Это было выживание. Он грубо толкался в нее, а она нежно гладила рукой по его волосам и вниз по спине.

Микаэль кончил быстро и тяжело, вздрагивая, уткнувшись лицом в сгиб шеи Норы.

- Я не знаю, что делать, Нора, - прошептал он, выходя из нее. - Я не знаю, что сказать. Он убьет меня. Мой отец убьет меня. И мама, она никогда больше на меня не посмотрит. Я не знаю...

- Ты должен рассказать Гриффину, - сказала Сатерлин. - Ты должен сделать это, Микаэль. Вы должны поговорить.

- Я не могу, не могу.

Тело Микаэля болело от похоти и любви. Колени подогнулись, и он вместе с Норой опустился на пол в ванной.

- Ты можешь, Ангел. Ты был таким смелым этим летом. Взглянул в лицо своим демонам. И я горжусь тем, кто ты и кем становишься... Просто скажи это. Скажи то, что хочешь сказать Гриффину. Выговорись. Никто не услышит, кроме меня. Но ты должен рассказать хоть кому-то. Просто говори, Ангел. Поделись. Что ты хочешь? Скажи мне.

- Я..., - начал Микаэль и остановился.

Даже рассказать Норе о своих чувствах казалось сложнейшей задачей.

- Микаэль, это приказ твоей Госпожи. Скажи мне, чего ты хочешь. Сейчас же.

- Я хочу Гриффина. - Слова вылетели мгновенно. Она слишком хорошо обучила его. - Я так сильно хочу Гриффина. Я люблю его, Нора. Я никогда не чувствовал ничего подобного. И это абсолютно глупо, потому что он богатый, идеальный и удивительный, а я никто. Я никто, и я влюблен в того, с кем не могу быть. Он такой красивый. Я не могу перестать смотреть на него, я не могу перестать думать о нем. Я мечтаю о нем по ночам. И он первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь. Я так сильно хочу прикоснуться к нему. Я хочу прикасаться к его лицу и безупречным волосам. Дотронуться до его губ, груди и рук, я думаю, как эти руки обвиваются вокруг меня, и мне стыдно от силы моего желания. Боже, я хочу жить в его постели. Я бы провел остаток жизни под ним. Я хочу чувствовать его на мне, внутри меня. Хочу подарить это ему. Я хочу упасть на колени перед ним. Хочу называть его Хозяином и носить ошейник, целовать его чертовы ноги, если он так прикажет. Я хочу гулять по оживленным улицам Нью-Йорка с ним, держась за руки, чтобы весь мир увидел нас вместе, и чтобы каждый знал, что я принадлежу ему. Я люблю Гриффина, Нора. Я влюблен в него. И я не могу быть с ним. Вот... вот и все. - Микаэль повернул голову и еще сильнее вжался лицом в изгиб плеча Норы. Он хотел остаться там, чтобы ему больше не пришлось ни на кого смотреть. - Ты ведь не расскажешь ему, правда?

- Ей не придется.

Послышался голос Гриффина из дверного проема. Микаэль ахнул и посмотрел вверх. Нора отодвинулась, чтобы повернуть голову.

- Вот дерьмо, - Микаэль выдохнул, его сердце вместе с желудком ухнуло вниз, тело застыло.

- Ты всерьез говорил обо всем этом? - спросил Гриффин, глядя на Микаэля, живое воплощение человеческих страданий во плоти.

- Гриффин, мне жаль. - Микаэль подтянул колени к груди. - Мне очень жаль. Забудь все, что я наболтал. Я просто...

- Встань, - отрезал Гриффин, в его тоне звучал безошибочный приказ.

Микаэль мгновенно вскочил на ноги.

- Я так..., - Мик начал, но Гриффин не позволил ему закончить извинения.

Гриффин потянулся и обхватил шею Микаэля, притягивая к себе с невероятной силой. Прежде, чем Микаэль понял, что происходит, рот Гриффина накрыл его губы.

Поцелуй вышел именно таким, как мечтал Микаэль - всемогущим, властным, неуступчивым. Грифф держал лицо Микаэля в своих руках, не оставляя тому шансов на побег. Но когда язык Гриффина нашел его, а губы соприкоснулись, Мик уже знал, что никогда и не хотел бы сбежать.

Медленно Гриффин отстранился.

- Я хотел сделать это с той самой секунды, как встретил тебя, - выдохнул Гриффин, прижимаясь лбом ко лбу Микаэля. - Я никогда не хотел никого, как я хочу тебя, Мик.

Микаэль не мог поверить словам.

- Нет... не может быть. Я был здесь два месяца. Если бы ты хотел меня...

- Твой, мать его, священник сказал мне, что если я посмею хоть пальцем прикоснуться к тебе, он никогда не разрешит мне видеться с Норой.

Микаэль обернулся к Норе, наблюдавшей за ними обоими с едва заметной улыбкой на губах.

- Нора? Отец С сказал...

- На то у него есть свои причины, - отозвалась Нора. - И да, он уведомил Гриффина, что отзовёт его привилегии в Восьмом Круге и выгонит из нашей тусовки, если он хоть что-то попытается сделать с тобой. И он бы запретил наши с ним встречи. Но я уже говорила, Гриффин. Сорен не монстр. Вы можете поговорить с ним. Позвони ему. Объясни...

- Нахер ему звонить. И к черту объяснения. Он думает, что он Бог, принимающий решения за нас. Что происходит между мной и Миком, не его дело. И я собираюсь пойти и сказать ему об этом. Прямо сейчас.

Гриффин снова притянул Микаэля к себе, впиваясь в его губы страстным поцелуем, заставляя Мика задыхаться и изнывать. Но это закончилось еще быстрее, чем Гриффин успел отодвинуться и выйти из ванной.

- Гриффин! - окликнула Нора.

И ей, и Микаэлю приходилось практически бежать, чтобы не отставать от широких уверенных шагов Гриффина.

- Собирается гроза. Не можешь подождать до завтра? Просто возьми чертов телефон.

- Для Сорена это будет недостаточно, и ты это знаешь, Нора. Когда я пришел к нему шесть лет назад и сказал, что влюблен в тебя, даже разговора не хватило. Я должен был доказать какой я. Я был слишком испуган, чтобы сделать это. И не любил тебя достаточно, чтобы собраться с силами и доказать. Для Мика я это сделаю. Хотя бы ради того, чтобы показать, что этот твой самоуверенный, надменный мудака в сутане не единственный Доминант, у которого есть яйца.

Микаэль смотрел на Нору с выражением крайнего ужаса.

- Гриффин не собирается драться с Отцом С, нет?

Нора отрицательно покачала головой.

- Нет. Сорен – пацифист.

Микаэль осел с облегчением. Каким бы сильным и жестким и молодым ни был Гриффин, у него было ощущение, что Отец С сможет вытерпеть пол любым человеком на планете.

- Слава Богу.

- Нет, Сорен не станет бороться с Гриффином. Он хочет сломать его.

- Ох..., - Микаэль смотрел, как Гриффин исчезает в конце коридора. - Твою мать.

Нора кивнула.

- В самую точку.

Микаэль ждал, что Гриффин снова появится на том же месте. Может быть, ему удастся его вразумить. Он вспомнил историю, которую рассказал ему Фиске утром после его первой ночи с Норой – как Гриффин ушел к Отцу С спросить разрешения быть с Норой. Отец С сказал, что до тех пор, пока Гриффин не почувствует на своей шкуре, что такое настоящая боль, он не получит никакой власти. Гриффин не смог пройти через это тогда, из-за Норы. Но из-за него... ради него...

- Я не могу позволить ему сделать это. Это глупо. Мы что-нибудь придумаем, - сказал Микаэль, не зная, как позаботиться о Гриффине. - Я поговорю с ним. Я поговорю с отцом С. Он...

Звук ревущего двигателя прервал Микаэля и положил конец всем его планам по спасению Гриффина от нелепой идеи противостояния Отцу С.

- Что за...

Нора вздохнула.

- Это Дукати Монстр выехал на шоссе, - сказала она. - На очень большой скорости. Он получит дохрена штрафов за превышение скорости, если не будет осторожен.

- Нора..., - Микаэль посмотрел на нее, его желудок завязался в узел боли, надежды, печали и радости.

Она выдохнула и засмеялась.

- Неужели мы не можем прожить хотя бы неделю без трагедий? Пойдем со мной, Ангел. Хочу показать тебе кое-что.

* * *

Не собираясь останавливаться на достигнутом, Сюзанна поехала обратно в город. Она продолжала ехать, пока не прибыла в Уэйкфилд, штат Коннектикут. Весь путь туда журналистка думала о Сорене, Отце Стернсе, брате Элизабет... Как все они могли быть одним и тем же человеком? Для Клэр он был идеальным старшим братом. Для Элизабет - символом худшей части ее жизни. Для своей паствы он был практически воплощением Бога. А для Норы Сатерлин - "Возлюбленным". Но то, что она любила его, не означало, что он любил ее в ответ, по крайней мере, не таким же образом. Сюзанна знала, что Патрик любил ее, был влюблен. Но она не чувствовала взаимности.

Или все же чувствовала?

Вытащив телефон из сумочки, она набрала номер Патрика и чуть не рассмеялась от облегчения, которое звучало в его голосе, когда он ответил.

- Сюз. Черт побери. Где ты была? Все в порядке?

- Ага. Я так думаю. Лучше, в любом случае. Можешь сделать мне одолжение? Я за рулем, и мне нужно кое-что просмотреть.

- Конечно. Что угодно.

- Можешь посмотреть, нет ли на женщине по имени Элизабет Стернс из Нью-Хэмпшира каких-то судимостей?

- Гугл в этом не поможет. Давай я позвоню другу из полиции Нью-Йорка. Он может поднять досье.

Сюзанна повесила трубку и стала ждать. Однако долго ей ждать не пришлось.

- Ну и что? - сказала она вместо ответа.

- Арестована по подозрению в непредумышленном убийстве. Отец свалился вниз через несколько лестничных пролетов и умер. Он был очень здоровым и резвым для старпера, так что никто не поверил, что он всего лишь упал.

- Никаких обвинений?

- Нет. Нет свидетелей. Неоднозначные улики. Единственная дискриминирующая Элизабет Стернс вещь – это то, что на следующий день после смерти отца она направилась напрямиком в Уэйкфилд, чтобы поговорить с ее братом священником.

- Копы думали, что она призналась ему в преступлении.

- Да. Пытались заставить его говорить. Но он не сказал бы и слова, даже если бы сестра не была католичкой. Видимо, только крещеные католики должны ходить на

исповедь, поэтому они очень давили на него, чтобы выбить признание. Даже епархия хотела, чтобы он рассказал. Он отказался на теологических основаниях.

- И на основании прикрывания задницы сестры. Зная, что ее ублюдок отец сотворил с ней, я не виню его.

Патрик выдохнул, телефон даже завибрировал в ее ухо от силы его дыхания. Она улыбнулась. Патрик... что бы она делала без него?

- Значит, ты закончила? Да? Ты возвращаешься домой, правда? Да?

Сюзанна улыбнулась в темноте.

- Есть еще одна вещь, которую мне нужно сделать.

- А потом ты вернешься домой, точно?

- Точно. Но не жди меня. Это может занять некоторое время.

- Я все же подожду.

Улыбка не сходила с лица Сюзанны еще долго после того, как она повесила трубку. Около десяти вечера она приехала в Уэйкфилд в Пресвятое Сердце. Редкие огни еще горели в церкви, подсвечивая витражи. Как красиво церковь выглядела ночью... так мирно, так свято. Она до сих пор не верила в Бога. Ничто было не в силах убедить ее, что какой-то человек в небе устроил представление здесь, на Земле. Но на этот раз она начала хоть немножко верить в одного из его слуг.

Она вошла в церковь, но та была пустой. Конечно, Сорену пришлось бы вернуться, чтобы выключить свет и запереть. Сорен... Она поняла, что он внезапно снова поселился в ее голове. И хотя она знала его имя, и его секреты, она не чувствовала себя достойной называть его по имени, как могли только его самые близкие люди.

- Отец Стернс..., - прошептала она вслух, глядя на алтарь в передней части церкви.

Она больше никогда не сможет назвать его по имени в уме или глядя ему в лицо. Оглянувшись, Сюзанна увидела небольшую лестницу, которая вела к хорам. Поднявшись по ней, девушка остановилась на краю балкона, осматривая святилище.

Святилище. Она знала, что в старые времена преступники и беглецы могли найти убежище в стенах церкви. Церковь была святой землей, освященной, и власти считались с ней, как с силой, которой невозможно противостоять. Впервые с детства Сюзанна чувствовала себя в безопасности в церкви, рядом со священником. Она считала, что единственное очищение для церкви лежит через тотальное уничтожение. И можно было с удовольствием процитировать слова Дени Дидро: «Человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего

священника». Она встретила и короля, и священника за время своего расследования и должна была признать, что мир мог и не быть с ними лучше, но уж точно гораздо интереснее.

Позади нее послышался звук открываемой двери, Отец Стернс зашагал по центральному проходу к алтарю. Она взглянула на него и улыбнулась, глядя, как он перекрестился, отвесил быстрый поклон в сторону алтаря и присел, чтобы помолиться. В руках он держал четки, и ей пришлось задуматься, о чем же он молился. Сюзанна уже хотела поприветствовать его, но услышала, как снова скрипнула дверь.

- Сорен! - разнесся эхом по святилищу сердитый мужской голос. Сюзанна сделала шаг назад от края перил, прячась в тени. Отец Стернс встал и обернулся.

- Гриффин... как приятно видеть тебя в церкви.

Сюзанна вдохнула в шоке. Она не могла видеть лицо мужчины, но по его накачанной фигуре Сюзанна признала Гриффина Фиске, которого неоднократно видела на фотографиях, сына председателя Нью-Йоркской фондовой биржи.

Какого черта...

- Нихрена подобного, - сказал Гриффин, его голос кипел от ярости. - Не трахай мне мозги. Ты знаешь, почему я здесь.

- Допустим, не знаю. - Отец Стернс встал в центре прохода и одарил Гриффина безмятежной улыбкой. - Но ты можешь мне рассказать, и мы обсудим все, что хочешь.

- Давай обсудим то, что моя личная жизнь не твое собачье дело. Давай обсудим, что такой высокомерный, претенциозный мудака, как ты не можешь указывать мне или кому-либо еще, с кем мы имеем или не имеем право быть.

- Ты очень нравишься Элеонор, Гриффин. До сих пор не могу понять почему.

Гриффин сделал угрожающий шаг вперед.

- Может быть, потому, что в отличие от тебя я не пытаюсь контролировать каждый ее поступок.

- Ну конечно, я же как никто другой подавляю Элеонор? - голос Отца Стернса был пропитан откровенной насмешкой. - Элеонор ведет себя как ребенок, потому что она полна детской радости. А ты просто не вырос, Гриффин. Избалованный мальчик, у которого никогда не было настоящих отношений в жизни. Я видел, как ты использовал людей и выбрасывал их раз за разом. Если ты хоть на секунду подумал, что я позволю тебе использовать и выбросить тех, кого я люблю...

- Я? - Гриффин горько рассмеялся. - Я? Я использую людей и выбрасываю их? Ты слепой? Или глухой? Твоя драгоценная Элеонор использует людей, как салфетки

для соплей. Один качественный трах, и она бросает их. Ее редактор? Ее стажер? Ее тысяча экс-поклонников? Господи Боже, Сорен, даже...

Чье бы имя ни собирался сказать Гриффин Фиске, оно так и осталось невысказанным. Все произошло так быстро, что Сюзанна не могла даже восстановить в уме серию движений, которую увидела. Она знала, что все началось с Гриффина, ткнувшего пальцем в грудь Отца Стернса, и закончилось Гриффином на полу церкви с его рукой, заломленной за спину. Отец Стернс двигался с такой невероятной силой и подготовкой, что Сюзанна едва смогла захлопнуть рот от шока.

- Гриффин..., - отец Стернс проговорил его имя с холодным, расчетливым, совершенно ужасающим спокойствием. - Ты в доме Божьем. А Элеонор его Дитя. И если ты посмеешь говорить о ней в моем или в Его присутствии, ты сделаешь это с максимальным уважением. Мы поняли друг друга?

Сюзанна могла только смотреть на разыгрываемую перед ней сцену. Казалось, что, если Отец Стернс сожмет руку Гриффина сильнее, то запросто сможет вывихнуть его плечо. Гриффин поморщился и страдальчески вздохнул.

- Да, сэр, - сказал он, наконец.

- Хорошо. - Отец Стернс выпустил руку Гриффина и встал. Гриффин быстро поднялся на ноги. - Мы будем продолжать драку, как школьники? Или обсудим все, как и подобает настоящим джентльменам?

Гриффин кивнул.

- В Круге?

Отец Стернс тяжело вздохнул.

- Если ты настаиваешь.

- Настаиваю. Все закончится сегодня. Ты знаешь, чего и кого я хочу.

- На самом деле, да. Готов ли ты заработать то, что так хочешь?

Гриффин выпрямился.

- Я сделаю все, что угодно. Последнее, чего я хочу - причинить этому ребенку еще больше боли. В любом случае, не такой боли.

Ребенку? Сюзанна подумала, что это странный способ обращаться к Норе Сатерлин. Из того, что она знала о печально известном Гриффине Фиске, он был немного моложе, чем Нора. И что, черт возьми, он имел в виду под словами «не такой боли»? Разве есть хорошая боль?

- Как и я. Именно поэтому я поставил условия.

- Хорошо. Давай покончим с этим. Я не собираюсь без необходимости проводить еще одну ночь в одиночестве.

Сюзанна увидела, как сузились глаза Отца Стернса, когда Гриффин буквально выбежал из церкви. Какими бы чистыми ни были его чувства к Норе Сатерлин, конечно, он не хотел слышать о ней в постели с каким-то другим парнем. Очевидно, отец Стернс имел значительное влияние над нею, если Гриффину Фиске пришлось сражаться со священником, заслуживая право быть с ней. Той ночью в доме приходского священника, когда он отбросил настороженность и рассказал, как ему пришлось спасти Элеонор Шрайбер от ее самой, как ему практически пришлось растить ее, когда семья девочки развалилась... может быть, Отец Стернс был именно тем, кем он себя и назвал – ее отцом.

Отец Стернс покинул церковь и Сюзанна опустилась на скамью, ее сердце все еще судорожно стучало от странного происшествия, которому она стала свидетелем. Отец Стернс чуть не влез в драку с наследником громадного биржевого фонда Нью-Йорка из-за Норы Сатерлин. Полное сумасшествие... У Сюзанны было так много вопросов, но той ночью она все еще не была готова к ответам. Почему Отец Стернс не хотел, чтобы Гриффин Фиске и Нора Сатерлин были вместе? Почему Гриффин называет ее "ребенком"?

И что такое, черт возьми, Круг?

* * *

Нора отвела Микаэля в его спальню и усадила на подоконник. Приказав ему оставаться на месте, сама она направилась в свою комнату, чтобы кое-что забрать. Когда Сатерлин вернулась, то нашла его бесцельно бродящим по комнате.

- Итак, ты только что нарушил один из моих приказов, как я погляжу, - она поддразнила его, присаживаясь на банкетку у окна. - Надеюсь, Гриффин сможет обучить тебя лучше, чем я.

Микаэль покраснел и печально рухнул напротив Норы.

- О, Боже, я люблю парня..., - простонал он. - Это отстой.

- Это офигенно.

Микаэль снова застонал и Нора усмехнулась.

- Ааа... подростки, - сказала она, подзывая Мика и перетаскивая его к себе. Он свернулся на ее коленях, положив голову на бедро. - Все просто смертельно важно, когда тебе семнадцать. Особенно, если это любовь.

- А разве это не смертельно важно?

Нора закрыла глаза и откинула голову назад к стене.

- Нет, честно говоря, это очень важно. Жизнь и смерть поодиночке не так важны, как любовь. Когда я влюбилась в твоего священника, я чувствовала ее как открытую рану. Я была такой неготовой, такой чувствительной. Было так больно. Но меня это не заботило. Любовь как рваная рана, которая, ты надеешься, никогда не заживает.

- Любовь станет в сто тысяч раз больнее, если о ней узнает мой отец.

- Твой отец мудак, Ангел, - напомнила ему Нора. - Почему тебе волнует, что он думает по этому поводу?

Микаэль покачал головой.

- Он заставляет маму жалеть меня. Все, что я делаю, он оборачивает против нас. Он бросил нас, развелся с ней, но по-прежнему приходит и постоянно рассказывает каждую мелочь, по которой он так меня ненавидит. Просто тонну гадостей.

- Твой отец нихрена не понимает в сыновьях. - Нора провела руками по длинным волосам Микаэля и отбросила челку со лба. - Я была бы в восторге, если бы, в конце концов, у меня родился такой ребенок, как ты.

Нора посмотрела на ухоженный газон и пустую дорогу. Гриффина, вероятно, не будет дома до утра. Только Бог знает, что Сорен сотворит с ним сегодня. Ничего страшного на самом деле. Ничего, чего бы он не сотворил с Норой пару раз. Просто чуть-чуть выпотрошит мозг и наверняка добавит изрядную порцию боли. Гриффину это пойдет на пользу. В борьбе за того, кого любишь, есть смысл в боли. Особенно, если тот, кого ты любишь, всего навсего семнадцатилетний парень, который не думает, что заслужил эту любовь.

- Так что произошло с ребенком? - прошептал Микаэль и Нора отвела глаза от вечернего неба.

- Каким ребенком?

Микаэль положил голову ей на колени и открыто посмотрел на нее. Нора тяжело вздохнула.

- А, тем ребенком.

- Я не часто говорю, но зато внимательно слушаю.

- Слишком хорошо, черт побери, - сказала Нора, смеясь без радости или веселья. Боже, это было последней вещью, о которой она хотела поговорить. - Ты действительно хочешь знать?

Микаэль кивнул.

- Может быть, это отвлечет меня от тревоги за Гриффина.

Мик сел и подтянул колени к груди.

Бедняжка... любовь не должна быть такой болезненной, подумала Нора, прежде чем поняла, каким хрупким было это чувство в ее мире. Смогла бы она почувствовать любовь без боли? Разве это вообще возможно?

- Мне было двадцать семь, - начала она, возвращаясь взглядом к заходящему солнцу. - Я была так влюблена в твоего священника, что у меня двоилось в глазах. Но в течение долгого времени, я не чувствовала себя... целостной, думаю, это самое подходящее слово. Я так много зависала у Кингсли в свои двадцать - это единственное место, где твой священник и я могли действительно быть собой, как пара. Помнишь того горячего француза, заехавшего за тобой на Роллс-Ройсе?

Микаэль улыбнулся.

- Никогда не забуду того парня.

- Этот парень владеет Нью-Йорком. По крайней мере, одной частью его. Он получает самых горячих сабмиссивов, Доминантов и Доминантрикс в мире по первому зову. Они все время где-то возле него. И я приходила и просто смотрела на Домин. Они были так прекрасны, так уверены. Даже мужчины Верхи уступали им место. Ты думаешь, что мужчины жесткие, сильные и ответственные. Но когда встречаешь такую женщину... Она сносит крышу. Я безумно хотела то, что есть у них. Не пойми меня неправильно, я люблю подчиняться твоему священнику. Это делает меня мной. Но это никогда не сможет насытить меня полностью.

- Я не могу себе представить, - сказал Микаэль, пожимая плечами. - Полагаю, в моем теле нет ни одной доминирующей кости.

- У тебя нет. Я уверена в этом. И это нормально. Я тебе завидую. Быть свитчем не так весело. Доминанты не верят тебе. Сабмиссивы не понимают тебя. Просто быть одним или другим это просто... Как быть бисексуалом. Лучшее из обоих миров. Худшее из обоих миров.

- Расскажи мне об этом.

Нора сжала колено Микаэля.

- Ты знаешь, что у твоего священника не одна, а целых две степени Доктора Наук.

Микаэль моргнул.

- В самом деле? В чем?

- Первую получил по богословию в свои двадцать, конечно. Но когда мне было двадцать шесть или двадцать семь, он работал над второй докторской по каноническому праву. Сорен, мягко говоря, тот еще ботаник.

Микаэль распахнул глаза и расхохотался. Как замечательно было слышать смех Мика, такой громкий, шумный, такой открытый. По крайней мере, за лето Гриффин научил его хотя бы немного общаться.

- Итак, твой сексуальный ботаник священник отправился в Рим, чтобы закончить свою диссертацию в Григорианском университете. Он никогда не оставлял меня одну, когда уезжал в свои поездки. Он всегда оставлял меня с другим доминантом, приглядывающим за мной. Тогда я этого просто не понимала. Первый раз мне было только двадцать три, и он бросил меня в этом особняке в самой заднице Новой Англии с горячим, brutальным и только что овдовевшим библиотекарем.

- Серьезно?

Нора закатила глаза.

- Seriously. Сорен сказал, что мне нужно быть послушной с этим парнем, Дэниэлом. И я была. И он был хорошим со мной. Но вся эта неделя с Дэниэлом заставила меня понять, как сильно я любила твоего священника и, что быть с ним стоит всех жертв. В этом был его замысел. Каждый раз Сорен оставлял меня, и это было испытание. Буду ли я все еще ждать, когда он вернется?

- Так что же случилось, когда тебе было двадцать семь?

- На три месяца он оставил меня с Кингсли.

Нора закрыла глаза, вернувшись мыслями обратно во времени. Она вспомнила горячие слезы на ее лице, когда Сорен поцеловал ее на прощание и наказал быть хорошей девочкой и делать все, что скажет Кингсли. Он обещал сотню подарков из Рима, писать каждую неделю... Она не могла вынести разлуку с ним так долго. Она чувствовала физическую внутреннюю боль.

- Я заболела, - сказала она, открывая глаза. - Почечной инфекцией. Пропила двухнедельный курс очень сильных антибиотиков. Я даже не думала о посторонних вещах. О том, что противозачаточные и антибиотики не очень ладят вместе.

Микаэль молчал, и Нора хотела бы молчать тоже. Но Сатерлин вздохнула и продолжила.

- Это случилось за несколько дней до того, как твой священник должен был вернуться из Рима. Я проснулась в постели Кингсли, умирая от боли, я едва успела добраться до ванной комнаты. Меня стошнило так сильно, что я думала, треснут ребра.

Микаэль вздрогнул так резко, что Нора чуть не рассмеялась.

- Да, беременность не такая уж красивая и замечательная, как показывают в фильмах. Она бывает отвратительной, болезненной и жалкой. И ни один человек в здравом уме не захочет сделать это специально. Поэтому я выдержала ну... ну, около одного дня.

- Что ты сделала?

Нора никогда не забудет, как каталась по полу, сворачиваясь в позе эмбриона после рвоты в течение безумно долгих десяти минут. Прохладные плитки ощущались прохладным раем под воспаленной липкой кожей.

Она медленно открыла глаза, и увидела Кингсли, уставившегося на нее своими темными пронизательными глазами.

- Chérie..., - прошептал он, убирая липкие от пота волосы с ее лба. - Что мы наделали?

- Думаю, мы оба знаем, - прошептала она в ответ, ее голос охрип от рвотных позывов.

Ей не нужно было никаких тестов, визитов к врачу. Она просто знала. Как и Кинг.

- Я позвоню le prêtre.

Кингсли начал подниматься на ноги.

Нора вернулась в реальность.

- Не могу даже сказать, как сложно было оторвать себя от пола, Микаэль, - сказала Нора. - Все так болело... каждый мускул в теле дрожал. Но я смогла. Я встала и посмотрела Кингсли в глаза, и сказала ему...

Нора вздохнула, потому что прошлое все же настигло ее.

- Не надо, Кинг. Не звони ему.

Кинг вздернул свой красивый подбородок.

- Я должен, и ты это знаешь, Элли.

- Если позвонишь ему... если сообщишь, то он будет решать. Да или нет, это будет его вина. Я не могу так поступить с ним. Я не могу заставить его принять это решение.

Она вспомнила холодную, твердую уверенность, которую чувствовала в тот момент, уверенность в том, что попытка позволить Сорену решать станет ошибкой. Если он скажет, что она должна сохранить ребенка, их совместная жизнь разрушится. Двадцать семь лет... работа в книжном магазине, за которую почти ничего не платили, и она была любовницей католического священника. Не самые идеальные условия для

воспитания ребенка. Но если бы он, католический священник, разрешил сделать аборт... Она не могла позволить ему принимать такое решение. Нужно было сделать это самой. Она должна была решить все самостоятельно. Не ради ее блага, ради его.

- Ты когда-нибудь слышал о грехопадении, Ангел? - спросила Нора, снова возвращаясь в реальность.

Микаэль покачал головой.

- Это теологическая теория о том, что Адаму и Еве было суждено укусить яблоко. Они должны были пасть вместе. В этом и был Божий план. Сорен считает, что это фигня. А я склонна не согласиться. В тот день, когда я должна была принять это решение без него... Ты должен понять, Ангел, твой священник принимал все решения за меня на протяжении почти десяти лет. Он владел мной. Он владел моим телом. Я даже не могла подстричь волосы без его разрешения.

Микаэль присвистнул.

- Это очень сильно.

- Добро пожаловать в мир тех, кто принадлежит другому. Тебе понравится. Пока ты это не возненавидишь, - сказала она и подмигнула. - Сорен... Я любила его слишком сильно, чтобы заставить принять решение за меня. Любой выбор разбил бы ему сердце. Поэтому впервые за долгие годы я сделала свой собственный выбор. Я не хотела терять Сорена и все то, что у нас было. Даже на секунду я не могла представить воспитание ребенка в мире, в котором я жила – секс втроем с Сореном и Кингсли, вечеринки в садо-мазо клубах, аукционы рабов. Совсем не домашняя атмосфера. Я отправилась к врачу, получила волшебные таблетки и приняла их. В ту секунду, когда я взяла их, это и было Грехопадением. Я попробовала плод познания... но не добра и зла. Знание свободы и собственных решений. И он был таким сладким, что я испугалась. Я пришла в дом приходского священника и ждала Сорена. Он вернулся домой и нашел меня на полу ванной в агонии. На той неделе я слишком много провалилась на полу в ванной.

- Было больно?

Нора вытерла щеку тыльной стороной ладони.

- Да, Ангел, это чертовски больно. И в самый разгар ужасной судороги твой священник нашел меня. Я тут же рассказала ему. Выпала все сразу. Антибиотики, и беременность, и Кингсли, и что я любила его слишком сильно, чтобы заставить принять это решение. О, Боже, никогда не забуду выражение его лица, когда я рассказала, что натворила, почему я корчилась от боли на полу в его ванной.

- Что? Он разозлился?

Нора потянулась и взяла руку Микаэля в свои.

- Нет... он посмотрел на меня и... - Она остановилась, чтобы перевести дыхание. - Он сказал: Малышка, мне так жаль... Он никогда не смотрел на меня раньше с такой любовью или состраданием. Он совсем не злился. На самом деле, наоборот. Черт, он хороший священник, правда?

Микаэль прикусил нижнюю губу и кивнул.

- Да. Это так. Лучший.

- Он спрятал меня в тех сумасшедших-сильных объятиях и прижал к груди. А потом приказал то, чему я никогда не смогла бы подчиниться.

- Что?

Нора улыбнулась.

- Он приказал мне выйти за него замуж.

Микаэль ахнул и Нора рассмеялась над его реакцией.

- Да. Очень романтично, как считаешь? Ну, мы странные люди и ничего не делаем по-обычному. Мне кажется, он считал, что мне нужно больше контроля, больше времени с ним. Он сказал, что оставит сан, и мы поженимся. И ничего подобного больше никогда не повторится. Мне никогда не придется пройти через что-либо подобное в одиночку снова.

- И ты сказала «нет»?

- Я сказала «нет». И тогда он рассердился. Я не боялась его. Я никогда в своей жизни не боялась его. Но не могла остаться ни на минуту дольше. Я так хотела то, что он предложил мне, что буквально могла ощутить этот вкус на своем языке. Но еще я чувствовала другое, вкус свободы. Поэтому я встала и вышла. А когда больше не смогла идти, то поползла. И твой священник не видел меня больше года.

- Года? - повторил Микаэль в шоке.

- Года. Я нашла место, где спрятаться. Место, куда он не мог последовать. И поверь мне, он пытался. А через год я вернулась обратно в город, к Кингсли. Мы похоронили Элеонор Шрайбер в прошлом, и ее место заняла Нора Сатерлин.

Микаэль улыбнулся.

- Но Элеонор не умерла.

- Тсс... - Нора прикрыла его рот пальцем. - Молчи.

В течение нескольких минут они сидели в тишине. Солнце уже зашло, и газон осветился тысячей желтых светлячков.

- Ты жалеешь об этом? - голос Микаэля казался не громче, чем жужжание светлячков.

- О чем? О том, что не родила Кингсли младшего или не вышла за Сорена?

- И о том и о другом.

Нора тяжело вздохнула и покачала головой. Наклонившись вперед, она прижалась губами к Микаэлю, даря ему глубокий, долгий, медленный поцелуй. Парень простонал в ее рот, и Нора улыбнулась, отстранившись.

- Нет, - прошептала она.

Микаэль печально рассмеялся.

- И ты даже не фантазировала?

- Иногда, - она призналась, наверное, впервые в своей жизни вслух. - Кингсли младшему было бы сейчас около семи лет.

- Прямо как Оуэну.

Нора прошла рукой по волосам и заткнула прядь за ухо. Оуэн Перри - волнистые черные волосы, как у нее, умный, необычный - каждый раз, когда она видела его, то вспоминала об этом.

- Да, как и ему. Но я же сказала, что не жалею. Жизнь слишком коротка, чтобы сожалеть о чем-то.

- Ты вообще ни о чем не жалеешь? - спросил Микаэль, и у Норы защемило в груди.

Повернув голову, она представила Уэсли, стоящего перед ней, в его больших карих глазах были слезы, когда она сказала ему прощай.

- Ни о чем, - солгала она.

Сатерлин встала и погладила Микаэля по макушке.

- Но мы не об этом должны говорить. Не для того я привезла тебя сюда, чтобы болтать обо всем этом ужасном дерьме моего прошлого.

- Это лучше, чем говорить обо всем ужасном дерьме, которое ждет меня в моем будущем, когда мой отец узнает об Гриффине. Нора, если Отец С не хочет, чтобы я был с другим парнем...

- Ангел, Отцу С нет дела до того, что ты хочешь быть с другим парнем. Он беспокоится, что Гриффин не сможет заботиться о тебе, как должен заботиться Доминант о своем сабмиссиве. Гриффин заядлый гуляка, бывший наркоман. И

плейбой. А еще они с Сореном ненавидят друг друга по причине, о которой никогда не расскажут мне...

Микаэль виновато посмотрел на нее.

- Мик... Ты знаешь, да?

Он не ответил. Нора взяла его за подбородок, заставляя посмотреть на нее.

- Ангел, Расскажи мне. Это приказ Госпожи.

- Так нечестно.

Нора улыбнулась ему.

- Я знаю.

- Гриффин..., - Микаэль начал и остановился. - Он... и ты...

- Господь Всемогуший, - Нора застонала. Микаэлю даже не нужно было больше ничего говорить. Ведь Гриффин был влюблен в нее когда-то по-настоящему. Выбрал ее из всех других. Может быть, однажды она все же узнает почему у каждого из мужчин в ее жизни был такой плохой вкус на женщин. - Гриффин пришел к Сорену из-за меня, так? Нужно было догадаться. Сорен и Кингсли считают, что Доминант не имеет право причинить боль сабмиссиву, пока он или она сами не испытают боль. А помимо драк в баре, татуировок и похмелья, Гриффин такого не испытывал. Думаю, сегодня все изменится.

- Отец С собирается причинить боль Гриффину?

- Не волнуйся. Он любит тебя. Он выдержит это.

- Ты думаешь, Гриффин любит меня?

Нора взяла его лицо в свои ладони и провела большим пальцем по его нижней губе

- Я уверена в этом. А после завтрашнего дня думаю, ты тоже убедишься.

Микаэль покраснел.

- О Боже. Я и Гриффин... Мы собираемся..., - он даже не смог закончить фразу.

- Он собирается затрахать тебя до смерти, если ему выпадет такой шанс. Надеюсь, у тебя с этим все в порядке.

Нора дьявольски усмехнулась.

Со стоном Микаэль рухнул на подоконник. Нора откровенно смеялась над ним.

- Не притворяйся, что тебя это не заводит, - сказала Нора. Она взяла сумку ноутбука и вытащила оттуда папку, в которой лежала одна из самых красивых фотографий которую она когда-либо видела в своей жизни. Куда бы она ни пошла, это фото всегда было с ней. Как и копия с приказом не показывать ее никому и никогда. И она следовала этому приказу... до сих пор.

- Нора... я и Гриффин? Серьезно? Я хочу его... правда. Я хочу так сильно, что умираю. Но я просто не могу. Отец С...

Нора открыла папку, в которой была заветная фотография, и, не говоря ни слова, протянула ту Микаэлю. Парень молча уставился на изображение перед ним. И любопытство в его глазах сменилось пониманием.

Микаэль наконец оторвал глаза от фотографии и посмотрел на Нору.

- Почувствовал себя лучше? - спросила она.

Ангел кивнул ей, его глаза все еще были широко раскрыты от потрясения.

- Намного.

Глава 23

Звук падающей воды вырвал Микаэля из сна. Дождь барабанил по крыше и стучал в окно рядом с кроватью. Обычно он любил шум дождя, особенно утреннего дождя летом. Но теперь его первой мыслью после пробуждения, был Гриффин на своем мотоцикле, о мокрых дорогах и визге шин.

Вот такая любовь, решил он. Любовь была ужасно пугающей.

Даже проснувшись, Микаэль продолжал лежать с закрытыми глазами, не желая вставать. Всю ночь он провел в эркере на кушетке, свернувшись калачиком на коленях Норы, как ребенок. Вчера вечером ему казалось, что он не сможет заснуть, но Нора гладила его по волосам и тихо напевала колыбельные. Песня и ее мягкие прикосновения смогли успокоить сорвавшиеся с цепи мысли и, наконец, позволили ему уснуть.

Микаэль слышал шаги в коридоре, знакомые шаги, и его сердце забилося от звука. Но он держал глаза закрытыми, продолжая притворяться спящим.

- Добро пожаловать домой, - прошептала Нора. - Ты пережил ночь?

Микаэль почувствовал чужую руку на спине, и это была явно не рука Норы.

- Едва, - раздался голос Гриффина, тоже шепотом. - Твой священник... у меня нет слов.

- Он надрал тебе задницу? Хотя нет, не говори. Я буду сильно ревновать, если так оно и было.

- Нет, - сказал Гриффин, Микаэль слышал удивление в его голосе и сдержанное уважение. - Мы говорили.

- Говорили с Сореном? О, я бы предпочла, чтобы меня избили.

- Это куда больнее, чем избиение. Но думаю, мне это было необходимо.

- Ну и каков его вердикт насчет тебя и моего Ангела?

- Вердикт...

Микаэль почувствовал, как рука Гриффина поднимается от его спины к шее. Пальцы Гриффина мягко впились в кожу.

- Хватит притворяться, Мик. Пойдем.

Мягкость прикосновения Гриффина сменилась силой, и Микаэль оказался внезапно поднятым на ноги.

- Гриффин, сейчас чертовых семь утра, - сказала Нора, широко зевая.

- Хорошо. У нас есть целый день, чтобы наверстать упущенное время. - Пальцы Гриффина сильнее впились в кожу Микаэля. - Прошу нас простить.

Сердце Микаэля забилося чаще, руки онемели и каждая капля крови в его теле спустилась прямиком к бедрам.

- Прощаю.

Нора махнула им, пока Гриффин тащил Микаэля к двери.

- О, сообщение от Сорена, Нора, - сказал Гриффин, задерживаясь в дверях.

- Господь всемогущий, что еще? - спросила она.

- Он сказал, что у тебя проблемы из-за того, что ты отправилась на вечеринку в город. Я же тебе говорил, нужно было остаться на севере штата подальше от неприятностей. Он наказывает тебя.

Нора закатила глаза.

- Черт побери. - Голос Норы звучал испуганным от новости о наказании. - Неважно. Я сделаю это. И в чем состоит наказание?

- Он сказал..., - Гриффин сделал паузу и Микаэль вздрогнул. Гриффин, казалось, искренне боялся сказать ей. Микаэль хотел, чтобы пауза длилась вечно. Он понятия не имел, что должно было случиться между ним и Гриффином, но что-то подсказывало ему, что что бы это ни было, его жизнь уже никогда не будет прежней.

- Что? - требовательно спросила Нора, в ее тоне слышался гнев.

- Не казните гонца с плохими вестями, ладно?

Микаэль внезапно испугался наказания Норы еще больше, чем того, что запланировал для него Гриффин.

- Гриффин... просто скажи мне.

Нора направила на него холодный, жесткий взгляд. Гриффин тяжело вздохнул.

- Сорен сказал, что ты должна посетить свою мать.

Микаэль чуть не рассмеялся вслух с чувством облегчения. Но лицо Норы вытянулось, она подняла руку ко лбу.

- Чертов ублюдочный садист.

- Удачи, - сказал Гриффин, быстро отходя к двери и увлекая за собой Микаэля, держа за футболку.

- А что не так с мамой Норы? - спросил Микаэль, когда они приблизились к спальне Гриффина.

- Они не любят друг друга.

- Но почему...

Вопрос Микаэля замер на его губах, когда Гриффин схватил Микаэля за плечи и толкнул парня уверенно, но осторожно в свою спальню. Зарывшись руками в волосы Микаэля, Гриффин заставил Мика посмотреть ему в глаза.

- Не говори, пока я не дам тебе разрешение.

Микаэль открыл рот в автоматическом "Да, сэр", но вспомнил и замолчал.

- Хороший мальчик. Теперь иди. В мою кровать. Сейчас же.

Не колеблясь ни минуты, Микаэль распахнул двери в спальню Гриффина, убрал покрывало и скользнул в кровать. И больше ничего.

Гриффин сорвал с себя кожаную мотоциклетную куртку, разделся до трусов и упал на кровать рядом с Микаэлем. Перекатившись на спину, он подтянул к себе Микаэля и сильно прижал к груди.

- А теперь спи, - приказал Гриффин.

Микаэль поднял голову и уставился на него. Гриффин встретился с ним глазами и внезапно расхохотался.

- Серьезно? - спросил Микаэль, нарушая правило «никаких слов».

- Я устал. Не спал всю ночь. Я люблю тебя слишком сильно, чтобы сейчас приставать. А теперь заткнись, саб, и спи.

Микаэль кивнул и положил голову на грудь Гриффина. Он сам спал прошлой ночью час или два. Но что-то, сказанное Гриффином, заставило его снова поднять голову.

- Ты меня любишь? - спросил он, его голос был чуть громче шепота.

Гриффин поцеловал Микаэля. Казалось, поцелуй длился год, но наверняка был не больше минуты, и для Микаэля это был самый мягкий и глубокий, самый чувственный поцелуй в его жизни. Опытными прикосновениями языка к его губам Гриффину удалось заставить Микаэля почувствовать каждый нерв в теле.

- Да, - сказал Гриффин, наконец, закончив поцелуй с самой эротичной улыбкой, которую Мик когда-либо видел. - Теперь давай спать.

Микаэль вжался всем телом в Гриффина, согреваясь теплом его груди, прижатой к мягкой ткани белой футболки. Перед тем, как заснуть, Ангел прошептал два слова, которые хотел сказать с момента, как встретил Гриффа.

- Да сэр.

* * *

Нора уставилась на себя в зеркало, и выругалась на свое отражение. Она не видела свою мать в течение шести лет, и вот теперь пыталась понять, одобрит ли та ее наряд. Последнее, что она хотела, это спровоцировать драку, показываясь в любой одежде, которая хотя бы отдаленно намекала на то, какой женщиной стала Нора. Она оставила мать и вернулась в город, в мир, который ее мама молила оставить позади.

Джинсы. Простые джинсы. Белая блузка, застегнутая до приличного уровня. Сапоги на низком каблуке. Волосы в хвост. Почти без макияжа. Наверняка это было достаточно хорошо, достаточно спокойно, достаточно ванильно для матери.

Забравшись в БМВ, она выехала на дорогу практически на головокружительной скорости. С наказанием следовало покончить как можно скорее. Находиться здесь, в Гилфорде, так близко к матери, было ошибкой. Следовало догадаться, что в какой-то момент Сорен приказал бы ей навестить свою мать. Они дружили когда-то - Сорен и ее мать. Когда-то, когда Нора была просто бунтующим подростком, которую все называли Элль или Элли, святой отец Стернс и ее мать работали вместе какое-то время, пытаясь укротить буйную натуру девочки. Конечно, методы Сорена оказались гораздо более эффективными, чем запугивание и презрение матери. Нора знала, о чем ее мать всегда думала, что в ее дочери было слишком много от подлеца отца. Было чудом, что мать приняла ее, когда однажды Нора заявила на порог ее дома, трясясь от количества таблеток, которые приняла, после шока, когда сбежала от единственного человека, которого когда-либо любила.

Но ее мать приняла, защитила, когда другие сомневались, принадлежит ли Нора этому месту или нет.

- Она оставила своего возлюбленного, - ее мать сказала другим, которые хотели вышвырнуть Сатерлин отсюда. - Он не придет за ней сюда. Он не может. Он издевался над ней. Физически.

Хотя Нору мутило от той лжи, которую говорила мать, она молчала, молясь, чтобы другие сжалились над ней, позволив остаться. И наконец, они разрешили. Норе выдали комнату, обязанности и приказы, чтобы она держалась тихо и не вызывала проблем. Она вызвала проблемы, конечно. Это было в ее природе. В этом был весь ее характер. Будучи в одиночестве там, в доме, Нора начала писать историю о девушке, сбежавшей от мужчины. Нора могла видеть ту мысленным взглядом, ее бег между деревьев, голову, оборачивающуюся назад каждые несколько секунд, чтобы увидеть, следует ли кто за ней. И Нора шептала девушке мысленно, "Не беги. Он единственный, кого ты не должна бояться..." И с этой одной фразы, одной идеей она написала свою первую книгу, Сбежавшая.

Одной этой книге, книге, изменившей ее жизнь, она навсегда была благодарна, за год нескончаемой пытки временем в этом доме вместе с матерью. Сорен однажды сказал, что книга была ее бегством от ада. Но этот дом не был адом. Адом стала разлука с Сореном. За воротами, через которые Нора проехала..., было всего лишь чистилище. То чистилище, куда она снова вернулась.

В аду наказывали за грех. В чистилище от них просто избавлялись. Однако Нора хотела бы оставить все свои грехи при себе. Независимо от того, какую бы боль они ни причиняли.

Припарковав машину, Сатерлин направилась к главному дому. Найдя колокольчик у ворот из кованого железа, Нора позвонила и стала ждать.

- Да, дитя? - послышался слабый голос очень старой женщины за воротами.

- Меня зовут Элеонор Шрайбер.

Нора ждала, пока женщина ее вспомнит. Старуха улыбнулась и кивнула.

- Я поищу ее для вас.

- Спасибо, - сказала Нора, но в голосе совершенно не было благодарности.

Она слышала звук ткани по полу, когда женщина ушла по коридору. Через несколько минут послышался звук более молодых шагов. Одна дверь ворот открылась, и через нее шагнули две женщины, одной было около восьмидесяти, другой – пятьдесят.

- Сестра Мэри Джон, ваш посетитель.

Женщина лет пятидесяти глубоко вздохнула.

- Элли? Что ты здесь делаешь?

- Привет, мам.

* * *

Когда Микаэль проснулся, утренний дождь совершенно рассеялся, и спальню Гриффина наполнял теплый белый солнечный свет. Мик догадался, что проспал до полудня или больше и спал он глубже и лучше, чем когда-либо в своей жизни. Грудь Гриффина была лучшей подушкой в мире.

Микаэль положил руку на грудную клетку Гриффина и почувствовал, как мерно бьется его сердце под рукой. Как же это произошло? Что он сделал, чтобы заслужить право быть в постели Гриффина Фиске, положить ладонь на его сердце? Это казалось самым нереальным чудом в мире. Подарком. Благодатью. Совершенно не задумываясь, Микаэль наклонился и оставил крохотный поцелуй на губах Гриффина.

Прикосновение губ вырвало Гриффина из сна. Его темные ресницы дрогнули и открылись. Микаэль замер.

- Простите, сэр, - пробормотал он в панике.

- Никогда не извиняйся за то, что целуешь меня, Мик. Это приказ.

Микаэль улыбнулся.

- Вашим приказам так легко следовать, сэр.

- Раздевайся, - сказал Гриффин, не теряя и секунды.

Руки Микаэля онемели.

- Хорошо, беру свои слова обратно.

Перекатившись, Грифф обхватил руками лицо Мика. Большим пальцем он погладил скулу Микаэля и мягкую кожу за ухом.

- Я помогу.

Потянувшись к нему, Гриффин сгреб футболку Микаэля и потянул ее вверх. Микаэль замешкался, прежде чем поднять руки, чтобы помочь процессу.

- Черт, я такой тощий, а ты такой...

Гриффин закрыл рукой рот Микаэля, отправляя снятую футболку в полет через всю комнату.

- В моей постели самый красивый саб в мире. Если оскорбишь его, наказание будет незамедлительным и ужасным. - Гриффин просверлил парня суровым взглядом.

- Ты понял меня?

- Да, сэр.

Микаэль кивнул в знак покаяния, даже когда его сердце, казалось, вспорхнуло от слов Гриффина.

- В течение нескольких недель я только и мечтал о том, как сделаю это. - Гриффин провел руками по волосам Микаэля, по его шее и спине, по рукам и вниз по груди и животу. - После твоей первой ночи с Норой меня убивало бездействие. Мне никогда так не хотелось коснуться кого-то или поцеловать так сильно в моей жизни.

- В самом деле?

Микаэль остолбенел от этих слов. Он не мог поверить, когда ему так сильно был нужен Гриффин, тот точно так же тосковал по нему.

- В самом деле. Клянусь Богом, Мик, невозможность коснуться тебя чуть не сгубила меня. Вот так..., - Гриффин дотронулся до впадинки горла Микаэля. - И так..., - Гриффин провел рукой по центру спины Микаэля от затылка к пояснице. - И так..., - Гриффин положил руку между ног Мика и обхватил его ладонью. Ангел сделал вдох и закрыл глаза.

- Мы не обязаны..., - начал Гриффин и остановился. - Это серьезное дело, позволить парню войти в тебя. Мы не обязаны делать это сейчас. Можем подождать, пока ты не захочешь. Я не против. Есть много других вещей, которые мы можем попробовать. Я крупноват для тебя, не хочу делать тебе больно. Мы можем подождать. Мы должны подождать.

Микаэль открыл глаза и посмотрел на Гриффина.

- Я хочу почувствовать тебя внутри, - просто сказал он. Затем протянул руку и вцепился пальцами в бицепс Гриффина. - Я буду просить тебя, если ты прикажешь мне сделать это. И я буду умолять тебя, даже если ты этого не сделаешь.

Гриффин смотрел на Микаэля с таким выражением на лице, которого тот никогда не видел прежде. Нет, поправил себя Мик. Он видел его. Часто. Такое же лицо было у Отца С во время молитвы. Это была любовь вместе с благоговением. Благоговение... к нему?

Почитание быстро превратилось в невероятную, чистейшую похоть, когда Гриффин схватил Микаэля за плечи и с силой толкнул его вниз на спину. Их губы встретились, языки переплелись... бедра Гриффина вжались в Микаэля. Мик дрожал, он чувствовал силу жажды Гриффина, прижавшегося к его животу. Но он хотел этого, нуждался в этом. Все лето он именно этого и ждал. Страху не под силу его остановить. О том, что подумает отец или скажет мир, можно будет поразмыслить завтра. Сегодня всем, что имело значение, был Гриффин.

- Оставайся на месте, - сказал Гриффин, отодвигаясь от Мика. Лежа совершенно неподвижно на спине, тяжело дыша, Микаэль кивнул. Он не смотрел на Гриффина,

просто пялился в потолок. Ему действительно понравилось смотреть на потолок комнаты Гриффина.

Грифф вернулся к кровати с веревкой в руках и улыбкой на лице.

- Встань, - приказал Гриффин, и Микаэль поднялся на ноги.

Он встал перед мужчиной и с удовольствием вдохнул, когда Гриффин обхватил локти Микаэля и обвязал веревкой за спиной. Микаэлю было интересно, почему же руки выше локтей, а не запястья. Потом он вспомнил свои свежие татуировки. Он почти забыл о них. А вот Гриффин нет.

- Теперь..., - сказал Гриффин с чувственной улыбкой. - Вниз.

Микаэль упал на колени без колебаний или слова протеста. Он мечтал встать на колени еще после того случая с подглядыванием за Норой и Гриффином, шесть недель назад. Гриффин стянул с себя боксеры и швырнул их в сторону. Да... Микаэль сделал глубокий вдох. Именно так.

Член Гриффина скользнул в рот Микаэля. На языке чувствовался легкий привкус соли, и Микаэль смаковал его, наслаждаясь тем, что теперь он знает, какой тот на вкус. Он вобрал его в рот так глубоко, как мог. Нора несколько раз практиковала с ним минет, но он по-прежнему не имел ни малейшего представления о том, как это делается.

- Все хорошо, Мик. Продолжай в том же духе, - сказал Гриффин, наматывая волосы Микаэля себе на руку. - Это охрененно.

Малейшие нюансы в его голосе словно подстегивали парня. Каким-то образом Микаэль смог сделать хоть что-то правильно. Настолько правильно, что Гриффин был вынужден остановить его.

- Да, это было также прекрасно, как я и представлял. Слишком прекрасно, - сказал Гриффин, выходя из рта Микаэля. - Не хочу заканчивать, когда все только начинается.

Наклонившись, Грифф схватил Мика за руку и рывком поднял его на ноги. И пока тот развязывал веревку, Микаэль успел поцеловать мускулистое плечо Гриффина.

Гриффин остановился, но Микаэль продолжал целовать.

- Так хорошо? - прошептал он, его губы оставили плечо Гриффина и направились к шее.

- Господи, да, так хорошо. - Гриффин склонил голову в сторону, давая парню лучший доступ к горлу. - Мик... Я хочу сделать кое-что, если ты захочешь.

- Все, что угодно, сэр.

Гриффин низко и хрипло рассмеялся.

- Дай сначала рассказать, что это, прежде чем ты скажешь да.

- Хорошо, сэр.

Микаэль слегка прикусил мочку уха Гриффина и был вознагражден его резким вдохом. Укусы... Гриффин любил укусы. Здорово.

- С тобой я хочу заняться сексом кожа к коже. Можешь отказаться.

Микаэль остановился, долго целуя ключицу Гриффина.

- Ты имеешь в виду...?

Гриффин кивнул. Мик не забыл их разговор около недели назад, когда Гриффин сообщил, что у него никогда в жизни не было секса без презерватива. Он сказал, это единственная вещь, которую он бережет для того, с кем будет в настоящих отношениях. И Гриффин хотел разделить этот момент с Микаэлем.

- Да. Да, безусловно, сэр. Абсолютное да.

- Мик, что ты пытаешься сказать?

Ангел рассмеялся и прильнул к мужчине, который обнял его в ответ.

- Да, сэр!

Он выкрикнул свое согласие и рассмеялся, наблюдая за Гриффином, у которого от шока округлились глаза.

- Впервые слышу, что ты повысил голос.

- Да..., - Микаэль пожал плечами. - Я сам не знал, что умею.

Гриффин обхватил шею Микаэля обеими руками.

- Мне это нравится. Мне нравится слышать тебя. Я всегда хочу слышать тебя, - сказал Гриффин, оставляя быстрый, но чувственный поцелуй на губах Микаэля. - Хочу слышать, как ты говоришь. - Он опустил голову и поцеловал горло Микаэля. - И как ты кричишь. - Он укусил мочку уха парня. - И хочу слышать, как ты умоляешь. - Рука Гриффина опустилась между их телами, в боксеры Микаэля и взяла его член в руки. - И как ты кончаешь.

Мик вздрогнул от этих слов. Закрыв глаза, он опустил голову и прислонился к Гриффину.

- И..., - сказал Гриффин, проводя руками по спине Микаэля. - Я хочу слышать, как ты смеешься.

Одним толчком он опрокинул Микаэля, распластав по кровати. Ангел громко смеялся, пока Гриффин устраивался на нем, с силой вжимая в матрас.

- Хороший мальчик. Теперь не двигайся. Потому что через пару минут я собираюсь оттрахать тебя.

Гриффин снова отодвинулся, и Микаэль попытался сделать медленный и глубокий вдох, как его учила Нора. Но сейчас ничто не смогло бы отправить его в состояние Дзен. Еще никогда в своей жизни он не хотел кого-то больше, чем Гриффина внутри себя. Нахрен Дзен.

Микаэль наблюдал, как Гриффин подошел к краю кровати с двумя черными шелковыми поясами и марлей.

- Когда твои чертовы татушки заживут, привязывать тебя будет куда легче, - сказал Гриффин, ухмыляясь, и осторожно положил марлевые тампоны на запястья Микаэля. - У меня есть кожаные манжеты, наручники, веревки... и я планирую использовать на тебе абсолютно все. Хотя на ближайший месяц лучше нам использовать марлю и шелк.

- Я никуда не сбегу, - сказал Микаэль, позволяя Гриффину связать свои запястья. - Тебе не нужно меня связывать.

Гриффин усмехнулся.

- Конечно, не нужно. Просто мне так хочется. И ты этого хочешь. Не так ли?

Микаэль сильно покраснел, не в состоянии отрицать правду.

- Отчаянно.

- Отчаянно, да? - повторил Гриффин, обвязывая шелковые ленты вокруг одного из столбиков кровати. Микаэлю пришлось повернуться на бок, чтобы найти удобное положение. На боку... ладно, так вот, как это будет в первый раз. - Ты проводишь слишком много времени с Норой и ее долбаными наречиями. Удобно?

- Да, сэр, - сказал Микаэль, глядя на Гриффина, на секунду остановившего руку на лице Мика.

- С тобой все будет в порядке. Мы остановимся, если станет больно. Говори со мной все время. Это приказ.

Сердце Микаэля сжалось от нежной заботы Гриффина. Неужели так чувствуют себя те, кого любят? Когда кто-то заботится о том, чего хочет и в чем нуждается Мик... это странно.

Гриффин снова забрался на постель и оседлал бедра Микаэля. Медленно он спустил боксеры Мика вниз по ногам. Оказавшись раздетым и абсолютно голым,

Микаэль устался в угол комнаты. Даже в ту ночь, когда они были втроем, во время секса на Мике были боксеры. Гриффин никогда не видел его голым.

Микаэль вздрогнул, когда его трусы полетели на пол возле кровати. Но Гриффин не сказал ни слова. Вместо этого он поцеловал бедро парня, прокладывая путь поцелуями к внутренней поверхности ног.

Легкие как прикосновение перышка поцелуи на никогда не целованных частях тела заставили Микаэля застыть на краю оргазма.

- Я хочу, чтобы ты кончил первым, - сказал Гриффин, беря член Микаэля в руку и слегка поглаживая. - Ты немного расслабишься. А это то, что нам так нужно.

Рука Гриффина творила с ним удивительные вещи. Нора знала, как дотронуться до мужчины. По части ее умений никаких жалоб и быть не могло. Но Гриффин был таким сильным, и все же так нежно касался... второй рукой Фиске обхватил затылок Микаэля. Рот Гриффина переместился к плечу парня, и он укусил его. Сочетание удовольствия и боли завели Ангела до предела. Приглушенно охнув, он кончил в ладонь Гриффина с оргазмом, который, казалось, длился вечно.

- О, Боже.

Микаэль наклонился вперед и выдохнул, зарываясь лицом в простыни.

- Я планирую заниматься этим до тех пор, пока не заставлю тебя кричать, когда кончаешь.

- От оргазма или от укусов? - спросил Микаэль.

- От того и от другого.

Гриффин лег рядом с Ангелом и прижался грудью к его спине. В течение нескольких минут они просто лежали неподвижно, вжимаясь друг в друга; Гриффин лениво проводил рукой по телу Микаэля. Ритм его прикосновений увел Микаэля в почти гипнотический транс. Каждый мускул в его теле начал расслабляться. Каждая капля беспокойства испарилась, скатившись с кожи и исчезнув в простынях.

Когда Гриффин открыл бутылочку со смазкой, Микаэль едва слышал его. Все, что он мог чувствовать - это прикосновения Гриффина, его близость.

- Сначала только пальцы, - сказал Гриффин. - Уверен, что вы с Норой это делали.

- Да. Мне нравилось, - сказал Микаэль, подтягивая ногу к груди, когда холодная жидкость встретилась с его теплой кожей. Почти мучительно медленно пальцы Гриффина скользнули внутрь Ангела. - Очень хорошо.

Гриффин рассмеялся, уткнувшись носом в затылок Микаэля и поцеловал.

- Рад, что тебе понравилось. Может что-то не так? Чувствуешь себя странно? Хочу, чтобы ты все мне рассказал.

- Чувствую себя удивительно.

- Удивительно – то, что нам надо. А еще лучше будет, когда ты залечишь свои раны, и я как следует тебя отхожу. Секс после садо-мазо – это совершенно отдельный разговор. Хотя думаю, ты и сам это знаешь после того времени, что провел с Норой.

- Да, - сказал Микаэль. - Но я не знаю, как это с тобой. И не могу дождаться.

- Как и я. Ладно, три пальца? Хорошо? Плохо?

- Хорошо. Лучше, чем просто хорошо.

Микаэль чувствовал себя открытым и расслабленным. Оргазм немного помог с напряжением, хотя на самом деле это все Гриффин, именно Гриффин, который мог заставить исчезнуть любое напряжение. Микаэль любил Нору и обожал ее. Но ее дикая сторона, непредсказуемая, та, что очаровывала, также и пугала. А вот с Гриффином... с Гриффином он чувствовал себя в безопасности.

- Лучше, чем просто хорошо, - повторил Гриффин. - Ну и заявление. Боже, Мик. Не могу поверить, что тебе так хорошо. Я должен быть внутри тебя. Не думаю, что смогу выдержать еще.

Микаэль натянул веревки на запястьях, когда Гриффин протолкнул пальцы еще глубже.

- Тогда не жди.

Пальцы Гриффина выскользнули, и Мик снова услышал звук открываемой бутылочки со смазкой. Больше холодной жидкости пролилось на кожу, Микаэль открыл глаза и уставился на связанные руки. Всякий раз, когда он мечтал об этом моменте с Гриффином, то всегда представлял себе страх и как придется с ним бороться, чтобы преодолеть. Но теперь он совсем не чувствовал страха. Ничего, кроме голода, страсти, потребности.

И любви.

- Есть маленькая хитрость, - сказал Гриффин, отставляя бутылку в сторону и придвигаясь еще ближе к Микаэлю. - Если ты сначала напряжешься...

- Знаю. Сначала напрячься. Затем расслабиться. Так все будет проще, - сказал Микаэль, цитируя Нору, когда она однажды бросила это в лицо тем старым сумасшедшим ханжам в церкви.

- Нора. Ага. - Засмеялся Гриффин на ухо Микаэля. - Я рад, что у тебя был такой хороший учитель.

- Кажется, мне еще многое предстоит узнать, - сказал Микаэль Гриффину, получив поцелуй в шею.

- Я научу тебя всему, что ты должен знать. Урок первый. Я вхожу, ты выдыхаешь. Идет?

Микаэль сделал один пробный вдох-выдох.

- Идет.

Он снова уставился в пустоту в углу спальни Гриффина и попытался не думать о том, что с ним происходит. Он не хотел быть испуганным и зажатым. Это он подчеркнул от Норы.

Поэтому, когда Гриффин начал проникать внутрь, Микаэль делал только то, что ему приказали. Он выдыхал, сильно и медленно, и только после второго долгого выдоха разрешил себе сосредоточиться на том, что чувствует.

Микаэль прижался лбом к локтевому сгибу.

- Черт.

Гриффин вцепился пальцами в бедра Микаэля.

- Хорошо? - спросил он тихим от напряжения голосом.

Микаэль кивнул.

- Хорошо. Очень хорошо.

В течение нескольких минут Гриффин едва шевелился, только позволяя себе пробежаться руками вверх вниз по рукам и спине Микаэля. Ангел не мог даже представить, какой самоконтроль был необходим, чтобы находиться внутри него неподвижно. Но это работало. Постепенно Микаэль расслабился настолько, что Гриффин смог войти в него еще глубже. И еще. Микаэль повернул голову назад для поцелуя, когда Гриффин начал медленно входить и выходить из него.

- Что-то не так с твоей спиной, - Гриффин вдохнул в губы Микаэля.

- Да?

Гриффин улыбнулся.

- На ней нет полос от моей плетки.

Микаэль рассмеялся, но смех стих, когда Гриффин вошел в него и нашел чувствительную точку, заставляя каждый нерв в его теле петь. Ангел и мечтать не смел, что это будет так хорошо. Выгибая спину, Мик еще глубже вобрал в себя Гриффина и забросил свою ногу назад на бедро мужчины. Руки сжались в кулаки, а от боли в запястьях удовольствие стало еще более мощным.

Он позволил всему исчезнуть, позволил уйти его эго, его страхам... С Грифффином внутри него стало абсолютно все равно, что думает его отец или кто-то еще. Это не было неправильным. И никто никогда не смог бы переубедить его в обратном.

Грифффин положил руку на живот Микаэля, толкаясь все быстрее и сильнее.

- Боже, Мик..., - Грифффин прохрипел ему на ухо. - Никогда раньше я не чувствовал ничего подобного. И это не...

Не из-за презерватива, вот что имел в виду Грифффин. Но ему не нужно было это говорить. Тело Грифффина говорило само за себя, его руки, обнимавшие парня так, будто мир готов был рухнуть, губы, не перестающие целовать его шею и плечи, отчаянные вдохи в унисон Микаэлю.

Мик почувствовал, как мускулы Грифффина стали твердыми как сталь. Тот толкнулся один, другой раз, и с последним усилием кончил, его рот прижимался к уху Микаэля. Ангел вздрогнул от шокирующего удовольствия, когда почувствовал, что Грифффин изливается в него.

Несколько минут или даже часов - Микаэль был слишком занят, чтобы отмерять время - Грифффин оставался внутри него, пытаясь успокоить дыхание. Мик почувствовал первую неловкость. Что им теперь делать? Что он должен сказать? Станет ли все странным теперь, когда они занимались сексом? После того, что было?

Грифффин обернул сильную руку вокруг груди Микаэля и прижал к себе.

- Я хочу владеть тобой, - прошептал он на ухо парню.

Микаэль улыбнулся, он в первый раз в своей жизни точно знал, что сказать и как сказать.

- Я уже твой.

* * *

- Элли? Что, во имя всего святого, ты тут делаешь?

Мать Нору, сестра Мэри Джон, шагнула вперед и обняла Нору, эти объятия та вернула быстро и небрежно, и сделала неловкий шаг назад.

- Долгая история. Как ты мама?

Нора чувствовала на себе внимательный изучающий взгляд матери, поэтому сохраняла нейтральное выражение, не отворачиваясь. Годы были добры к ее матери. В пятьдесят два года женщине едва можно было дать сорок два. Конечно, монахини в уединении отличались отменным здоровьем. Их жизнь была упорядоченной и так оберегала от стресса обычной жизни, что многие из сестер в ордене доживали до девяноста и оставались активными даже в последние годы своей жизни.

- У меня все хорошо. Очень хорошо. Пойдем, пройдемся, поговорим?

- Конечно.

Нора последовала за матерью через ворота в курию. Предупреждающий знак, что мужчинам вход в корпус воспрещён, приветствовал их перед альковами дома. Никаких мужчин... даже священников. Именно по этой причине Нора бежала в аббатство матери, когда ушла от Сорена. Насколько сильно он бы ни хотел ее вернуть, все равно никогда бы не посмел даже ступить на порог этого места. По ночам она иногда просыпалась в своей крохотной комнатухе и представляла, как он ждет ее за воротами аббатства. Сатерлин готова была поклясться, что пару раз слышала рев мотоцикла единственного в своем роде. Все это время, когда они были врозь, он точно знал, где она пряталась.

- Как ты, Элли? - спросила мать, проходя через заднюю калитку и выходя на лужайку.

- Здорово. Замечательно. Я начала работать с новым редактором в прошлом году, новым издателем. Новая книга снова на вершине всех чартов.

- Для тебя это очень хорошо.

Нора съежилась от спокойного тона в голосе матери. Хорошо для тебя. Не просто хорошо. А только для нее. Мать не одобряла ее книги, их эротическую составляющую. Так было всегда. Так будет всегда.

- Тебе могла бы понравиться моя новая книга. В ней почти нет секса. Ну, по сравнению с другими моими работами.

- Довольно необычно. Что привело тебя сюда?

Нора пожала плечами и ничего не сказала, выходя на одну из извилистых дорожек. Краем глаза она изучала мать. Сатерлин ненавидела то, насколько они были похожи друг на друга - тот же маленький прямой нос, те же глаза вечно изменяющегося цвета, тот же бледный цвет лица.

- Ничего. Просто хожу вокруг да около, пытаюсь написать что-то другое. Расширяю свои горизонты..., - Нора съежилась.

Боже, это прозвучало так, будто она давала интервью с двусмысленными ответами.

- Ты хорошо выглядишь. По крайней мере, он не разрезал тебя на куски.

Легкая улыбка играла на губах матери.

- Это твой способ узнать, снова ли мы вместе?

- Ты не можешь винить меня в том, что я за тебя беспокоюсь, не так ли?

Нора вздохнула. Классический материнский комплекс. Она просто обожала то, как ее мать могла взять все аспекты жизни Норы, самые личные и интимные - отношения с Сореном, ее жажду подчиняться, жажду доминировать... вещи, которые вообще не имели ничего общего с матерью - и перенести на себя. Наверное, матерям нужно проходить какую-то школу, чтобы научиться правильно расставлять приоритеты.

- Мы снова вместе. И мы счастливы. И я люблю его. И всегда буду любить. О, да, мы все еще такие же порочные, как сама преисподняя. На всякий случай, если тебе это тоже интересно.

Мать раздраженно выдохнула.

- Элеонор, он человек Божий. Он священник. Ты хоть представляешь, что станется с твоей душой за соблазнение священника?

- Соблазнение священника? - Нора закатила глаза. - Когда-то он был для тебя соблазвившим меня насильником. А теперь вдруг я тут соблазнительница?

- Ты сейчас взрослая женщина, не ребенок. Ты понимаешь жизнь лучше. И знаешь, что могла бы иметь другую жизнь подальше от него. А твое решение вернуться к нему? Это умышленное неповиновение.

- Это любовь. И я никому не подчиняюсь. Пока сам Господь не скажет мне, что нам не разрешено быть вместе, мы будем вместе. Вряд ли это делает его непригодным для священства. Почти все протестантские служители в браке, как и иудейские раввины. Мы, католики, просто уроды, заставляющие наших священников блюсти celibat. Почему бы нам не вернуться в Средневековье с такими законами?

- Он решил стать священником, зная, что безбрачие это одно из требований. Если он не может выполнить его, то должен оставить священство.

- Да, давай возьмем лучшего священника во всей Новой Англии и превратим его в, ну скажем, в учителя фортепиано только потому, что он влюблен в меня. Но оставим всех тех священников, которые любят насиловать алтарных служек в церкви. Последний раз, когда я читала Библию, не припоминаю, чтобы сексуальные домогательства детей считались частью работы Господа.

- Тебе было пятнадц...

- Мне было пятнадцать, когда я влюбилась в Сорена. Пятнадцать лет, когда я сказала Богу, дьяволу и всем, кто хотел бы меня слушать, что продам душу за одну ночь с ним. Когда же ты поверишь, когда же поймешь... Мама, я соблазнила его.

- И именно поэтому ему не место в церкви. Есть такие священники, которым удается сохранить свои обеты.

- Да, тем, кто еще не встречал меня, - чисто из вредности сказала Нора.

Мать вздрогнула, и Нора подавила приступ вины. Черт подери. У нее в любовниках был священник, а мать стала монахиней. Находясь между ними двумя, она набралась достаточно чувства вины, чтобы создать свой собственный религиозный орден. Но даже через десять лет Нора все еще не могла поверить, что мать выполнила свою угрозу - ее брак аннулировали, и она стала монахиней.

- Я молюсь за тебя, Элеонор.

- Знаю. Но он не ответит. Не согласием, во всяком случае.

Нора знала, что мать постоянно молилась за нее, читала одну и ту же молитву каждый день – Отче наш, пожалуйста, спасти мою дочь от этого человека.

Однако Нора не хотела, чтобы ее спасали.

- Для записи, - сказала Нора, нарушая неловкое молчание, - Я здесь только потому, что он хотел, чтобы я пришла повидаться. Он хочет, чтобы мы решили наши проблемы.

- Как заботливо с его стороны. А когда он станет решать свои проблемы?

- У него нет проблем. За исключением того, что его хотят сделать епископом, а ему этого не хочется.

- Я бы не стала так об этом волноваться. Бог никогда не допустит такого человека на это место.

- Что правда, то правда. Бог очень хорошо заботится о том, чтобы только святые могли править королевствами и странами.

- Ты потеряла свой ум и свою веру, когда оказалась в его постели.

- На самом деле нет, - возразила Нора. - Только мою девственность, и я совершенно точно не скучаю по ней.

- Элли...

- Это просто смешно. Наверное, он сошел с ума, если думает, что ты и я когда-нибудь решим нашу проблему. Я люблю его. Он хороший человек. Он самый лучший человек, которого я когда-либо знала. Я знаю, ты не понимаешь нас, но мне плевать. Это не твоя личная жизнь, а моя.

- Я уже смирилась с этим, как видишь. В противном случае я бы рассказала все епископу много лет назад.

Нора стиснула челюсти и замолчала. Причина, по которой ее мать не рассказала епископу о Сорене, не имела ничего общего с тем, во что она верила или не верила. В тот день, когда она узнала правду о ней и Сорене, Нора пригрозила, что, если мать попытается хоть как-то навредить Сорену любым образом, Нора уйдет навсегда и мать никогда не увидит ее снова. Угроза подействовала, хотя только Богу известно, почему. Когда они виделись друг с другом, то всегда воевали... как сейчас.

- Элли...

Мать остановилась как вкопанная и обернулась. Нора постаралась избежать зрительного контакта. Она ненавидела видеть маму такой, как сейчас, закутанной в шерстяную ткань, волосы покрыты повязкой, все ее тело спрятано в море ткани.

- Что, мама?

- Ты можешь просто попробовать влюбиться в кого-то или даже позволить кому-то тебя любить, не причиняя боли? Я слишком многого прошу?

Нора закусилла нижнюю губу и ничего не ответила. Вопрос попал в больное место.

- Нора? Ты ответишь мне, если я позвоню?

Мать спросила с беспокойством. От того, что она назвала ее, не тем именем, которое было дано при рождении, Нора моргнула, и из ее глаз на землю упали две слезы.

- Я пыталась, - прошептала Нора хрипло.

Желудок скрутило, в горле защемило.

- Ты пыталась? - мать выглядела потрясенной и счастливой. - Кто это был?

Нора вытерла щеки.

- Его зовут Уесли. Он работал на меня. Но все было гораздо глубже. Он был моим лучшим другом. И..., - Нора остановилась, чтобы вздохнуть. - Я очень сильно его люблю. Он заболел один раз, и я не могла его найти. Я никогда так сильно не молилась за всю свою жизнь за чье-то благополучие.

- Он тоже любил тебя?

Нора кивнула.

- Как сумасшедший. Я не понимала этого в течение долгого времени. Я никогда не думала, что кто-то настолько милый и чистый мог хотеть такую, как я. Но он не видел меня такой, как все остальные. Он не видел Нору Сатерлин, которая пишет эротику и любит извращения... Я была просто его Норой, его чокнутой подружкой, которую он хотел любить, быть рядом и заботиться. Думаю, что он бы остался со мной навсегда, если бы я не выгнала его.

- Почему... почему ты прогнала его из вашей жизни, если так сильно любила? Если он тебя любил?

- Потому что все, что тот ребенок хотел, это любить меня и не причинять боль. И ты понятия не имеешь, насколько это больно для кого-то вроде меня. И я хотела любить его, не причиняя боли... и так сильно обидела его. Он заслуживает лучшего, чем я. Я заставила его уйти.

Нора вздрогнула, когда мать протянула руки, обхватывая лицо дочери ладонями, как когда-то давно, когда Нора была еще Элли, ребенком, которому была нужна материнская ласка.

- Моя Элли... Ты послала его подальше по глупости. На свете нет никого лучше тебя. Моя прекрасная девочка. Ты самое лучшее создание Господа.

Только годы обучения у ног Сорена внушили достаточно самообладания в Нору, чтобы удержаться от падения в объятия матери. Нора скрестила руки на груди и уставилась мимо материнского лица, стараясь думать о чем угодно, только не о Уесли.

- Это к лучшему, - сказала она, наконец. - Неважно почему мы расстались, это к лучшему. Уесли... он...

- Ты все еще любишь его, да?

Нора коснулась своего лица и посмотрела на пальцы, мокрые от слез. Она протянула руку, позволив матери видеть их.

- Большие воды...

Ее мать взяла руку Нору в свою и сжала.

- Я никогда не видела, как ты плакала о нем, когда была тут. Ни единой слезинки.

- Некоторые раны слишком глубоки даже для слез.

Мать покачала головой.

- Или, может быть, не достаточно глубоки. Попробуй, Элли. Попробуй для меня. Только один раз, постарайся быть с кем-то, кто заставит тебя плакать только от любви. Не от боли или страха. Я слишком много прошу?

Нора пожала плечами и покачала головой.

- Слишком поздно. Это было так давно, что я уверена, он все забыл. Надеюсь, что забыл, во всяком случае.

- Лгунья, - поддразнила ее мать и Нора рассмеялась.

Смех? Смеяться с матерью во время разговора о парне? Такое дерьмо случалось и в реальной жизни, не только в книгах. Кто бы знал?

- Я должна идти, - сказала Нора. - Дел, которые нужно сделать. Людей, которых нужно избить. Была рада увидеться с тобой.

Мать всплеснула руками в жесте сдержанного сожаления.

- Конечно. Только постарайся прийти повидаться со мной не через следующие шесть лет.

- Не думаю, что мне позволят вернуться после того, что я натворила.

Нора ухмыльнулась, вспомнив все неприятности, оставленные в мире за воротами, куда не мог проникнуть ни один мужчина

- Ты шутишь? Они по-прежнему говорят о тебе. Ты дала нам тему для обсуждения на целых шесть лет.

- Рада услужить.

Нора присела в реверансе, прежде чем отправиться обратно к задним дверям. Она шла быстро, больше всего желая очутиться подальше от этого мира и вернуться обратно в свой. Все эти женщины, давшие обет безбрачия, пугали ее. Она не могла себе представить, как можно было отказаться от секса ради высшей цели. Даже ее Уесли отказался ждать и уже, конечно, переспал к этому времени со своей более взрослой подружкой. Мысль о другой женщине, дотрагивающейся до Уесли, вызывала жажду убийства в голове Норы.

Они прошли через курию в сторону ворот. Мать открыла дверь, ведущую обратно в реальный мир, на неосвященную землю, где жила Нора.

- Я приеду снова. Скоро, обещаю, - сказала Нора. - Могу я тебе что-нибудь привезти? Незаметно протащить? Пиццу? Заливную рыбу? Мясо в горшочках? Что-нибудь?

Мать улыбнулась.

- Только мою дочь, счастливой, в целости и сохранности

Нора широко развела руки.

- В целости и сохранности, - сказала она. - И счастливой?

- Веришь или нет, да. Может быть, не так, как хотелось бы тебе, но мне точно.

- Тогда я могу с этим жить.

Нора сделала паузу и посмотрела на маму. Она хотела сказать больше, но не могла найти слов. Или знала слова, но не могла набраться смелости, чтобы их произнести.

- Увидимся позже, мама.

- Ах да, Элли?

- Что, мама?

Нора повернулась к ней и ахнула, когда мать сильно и быстро ее ударила по щеке.

Сначала Нора даже не могла ничего сказать от шока.

- Наверное, только так ты можешь понять, что тебя любят. Да будет так, - сказала ее мать, опустив руку.

Нора выпрямилась и улыбнулась.

- Это не похоже на любовь ко мне, - сказала Нора, перешагивая через ворота. - Слишком любительски. В следующий раз, когда я приеду, мы поработаем над техникой.

Нора зашагала к своей машине, всю дорогу борясь со слезами. Она отказывалась верить, что ее мать была права. Она не бросит Сорена, чтобы удовлетворить мать и лицемерное общество, ради ванили и ее чертовски скучного определения для понятия «любовь».

Это не важно, в любом случае. Единственный ванильный парень, которого она когда-либо любила, был Уесли, и она больше никогда не увидит его снова. Сорен, конечно, не позволит этому случиться. Если только она не расскажет ему правду, что ее чувства к Уесли прокрались внутрь ее сердца, как змея в райский сад. Жизнь с Сореном была раем, темным, опасным раем, но все же идеальным обнаженным Эдемом.

- Почти идеальным, - прошептала она, садясь за руль.

Она засунула ключ в замок зажигания, но, прежде чем завела мотор, услышала зловещие звуки Токкаты и фуги ре минор.

Нора выхватила телефон из сумки.

- Сорен..., - выдохнула она с облегчением. - Боже, я скучала...

- Скажи мне правду, малышка. Ты помирилась с Уесли?

Нора вздохнула. Они с Уесли никогда не будут вместе. И она сможет с этим жить. Ради него и того, что у них есть, она будет с этим жить.

- Да, сэр.

Затем он произнес слова, которых она ждала все лето.

- Приезжай ко мне.

Глава 24

По дороге обратно в поместье Гриффина Нора практически преодолела звуковой барьер. Оказавшись внутри, она остановилась только один раз, на три секунды, чтобы прислушаться к звукам за дверью в спальню Фиске. Сатерлин услышала смех Микаэля, а затем тишину, тяжелую тишину. Нужно позволить мальчикам иметь свою частную жизнь. Нацарапав записку, она толкнула ту под дверь, давая им знать, что Сорен пожелал ее возвращения домой.

Она быстро собралась и еще быстрее отправилась в путь. После почти двух месяцев вдали друг от друга, Нора не могла подождать и минуты, чтобы увидеться с Сореном. Ей было необходимо прикоснуться к нему, поцеловать его, дать его рукам вспомнить, что она принадлежала ему и только ему. Почувствовав его внутри себя снова, Нора смогла бы отпустить те предательские мысли о Уесли и ее сожаления, что она отпустила его слишком легко, слишком рано.

Когда она подъехала к дому священника, на улице уже совсем стемнело. Нора припарковала свой автомобиль в роще деревьев, заслонивших дом от посторонних глаз.

Она вошла в особняк и быстро взбежала по лестнице, каблуки громко стучали по деревянному полу. Сердце барабанило внутри грудной клетки, кровь в венах бурлила. После почти двадцати лет, Сорен все еще мог взбудоражить ее, как никто другой, кого она когда-либо любила.

Ей даже не пришлось идти весь путь к своей спальне. Он, наверное, услышал звук ее каблуков по полу, потому что вышел в коридор и встретил ее на полпути. Без слов, они подошли друг к другу, сцепившись руками, пытаясь найти друг друга языками и губами. Нора запустила пальцы в его волосы. У него порвалась рубашка, когда Сатерлин отчаянно пыталась добраться до его кожи. Сорен укусил ее за

ключицу и схватил за бедра так яростно, что она закричала. От боли... конечно, от боли. Он должен был причинить ей боль, прежде чем мог заняться любовью. У Сорена не было ванильной стороны. Ему приходилось выкладываться полностью, чтобы получить свое - так она сказала Кингсли несколько лет назад. И для нее это было нормально.

Сорен прижал Сатерлин к стене и задрал вверх ее юбку. Через пару секунд он был глубоко внутри нее. Нора обняла его за плечи и прижалась так, будто ее жизнь зависела от этого, и в тот момент это так и было. Если она когда-нибудь отпустит Сорена... если она когда-нибудь уйдет от него снова, то не будет знать, достаточно ли она сильна, чтобы вернуться. Поэтому она крепко вжалась в него, вцепившись ногтями в его плечи, прошептала его имя на ухо и отдалась жестоким толчкам, от которых снова появятся синяки, внутри и снаружи.

Когда Нора кончила, то выдохнула его имя с закрытыми глазами. И даже несмотря на то, что он пока находился в ней, Сорен все еще сжимал ее в объятиях, прижав к стене.

- Моя малышка, - прошептал он, целуя в щеки, глаза.

Сорен медленно вышел из нее и опустил Сатерлин на пол. Они поправили одежду, когда их тела разъединились. Затаив дыхание, Нора ждала. Ей не пришлось долго ждать.

Сорен сделал шаг назад. И еще.

- Руки и колени, - сказал он, и Нора изящно опустилась на пол.

Два года тому назад, на их годовщине Сорен спросил ее, как она придет к нему, если когда-нибудь вернется в его постель.

- Если ты вернешься ко мне, малышка, ты прибежишь, или приползешь?

- Я прилечу, - ответила она.

Сегодня вечером, когда Сатерлин вернулась к нему, она приползла.

* * *

Микаэль провел почти три дня в спальне Гриффина. Они выходили на воздух только чтобы поесть и принять душ, и иногда погреться на солнышке, прежде чем снова вернуться в постель. Во вторую их ночь вместе, Гриффин привязал Микаэля к спинке кровати и выпорол его в первый раз. А ведь Микаэль думал, что у Норы была тяжелая рука. Даже делать татуировку было не так больно, как это.

Он наслаждался каждой секундой. Ничто больше не пугало, когда Ангел думал о нем с Гриффином. К сексу нужно было немного привыкнуть, но возможность чувствовать Гриффина внутри стоила всех забот и внезапных гримас. С садо-мазо частью они разобрались. Любовь... с любовью у него вообще не было никаких проблем. Микаэль купался в любви Гриффина, отдыхал в ней, позволяя сердцу, которое так жаждало ласки, упиваться каждой каплей. По утрам Гриффин говорил ему: "Я тебя люблю". По ночам он повторял то же самое. И все, что Микаэлю нужно было делать, это просто быть рядом с Гриффином - в самых сильных руках, которые когда-либо обнимали его за всю жизнь. После той попытки самоубийства Микаэль чувствовал почти постоянное одиночество, беспокойство и знание, что все это время люди, как отец С и Нора могли понять его, но никто не любил его по-настоящему. Однако с Гриффином он, наконец, почувствовал себя любимым, в спокойствии и безопасности.

Но на третий день Гриффин сделал и сказал одну вещь, способную гарантированно разрушить счастье Микаэля.

- Я не ввязываюсь в тайные отношения, Мик. Если мы собираемся продолжать так дальше, то я хочу встретиться с твоей мамой. Собирайся. Мы выезжаем.

Слова были сказаны тоном, не терпящим возражений. Микаэль подсознательно понимал, что все было чересчур хорошо, чтобы оказаться правдой. После того, как Гриффин увидит, каким по-настоящему убогим было его окружение - крошечный дом, десятилетний автомобиль, старая протертая до дыр мебель - он поймет, насколько они разные, и как мало места Микаэлю в мире Гриффина.

В напряженной тишине Мик смотрел из окна Порше Гриффина, как они выехали из поместья, направляясь в Уэйкфилд. Гриффин, казалось, чувствовал беспокойство Микаэля и оставил его наедине со своими мыслями.

Добравшись до Уэйкфилда, они с Гриффином решили посетить Пресвятое Сердце, но церковь была пустой. Микаэль догадался, что отец С и Нора были все еще в постели, наслаждаясь их воссоединением. Он хотел бы получить то же самое для него и Гриффина. Перед тем, как покинуть церковь, Микаэль отправился к изображению Девы Марии в углу притвора и зажег свечу.

«Мария, Матерь Божья, - Микаэль молился в своем сердце. - Пожалуйста, помоги моей маме. Пожалуйста, помоги мне и Гриффину». Вот и все. Он понятия не имел, о чем еще молиться. Он знал, что не хотел бы причинить боль своей матери, но не хотел, и чтобы она сделала больно Гриффину. Так много ужасных сценариев проносились у него в голове, пока Гриффин вел машину к дому Микаэля. Его мать сойдет с ума. Она, наверное, не даст Микаэлю видеть Гриффина. А он не станет ее слушаться. И что? Уехать? Жить с Гриффином? Казалось немного рано для этого. Хотя он не встретил бы Гриффина, если бы не все произошедшее с ним.

Гриффин свернул на улицу и Микаэль почувствовал подступающую тошноту. Она усиливалась с каждым домом, который они проходили на пути к его жилищу. А когда они подошли, тошнота превратилась в страх, шок и панику.

- Ох, твою мать, - Микаэль выдохнул, замечая знакомое и по-настоящему неприятное зрелище.

- Что такое, Мик? - спросил Гриффин, тронув колено Ангела.

- Мой отец здесь.

* * *

Нора растянулась на груди Сорена и блаженно вздохнула.

- Благодарю вас, сэр, - промурлыкала она, поворачивая голову, позволяя ему укунить ее под ключицей.

- Мне нужно знать, за что конкретно ты меня благодаришь, или я могу ограничиться простым «всегда пожалуйста»?

Нора практически полностью переползла на него, прижимаясь всем телом к Сорену, когда он обнял ее. Она любила рост Сорена. Высотой в метр девяносто два сантиметра, он был на тридцать сантиметров выше нее. Нора могла лечь на него сверху, прижимаясь грудью к груди, и все равно ее голова оказывалась прямо под его подбородком.

- Ну, я потеряла счет после седьмого оргазма. А еще ты сделал кое-что, что мне нравится, с кое-чем, что мне тоже нравится.

- Не нужно благодарить. Мне даже самому понравилось.

Нора подняла голову и посмотрела Сорену в глаза.

- Просто спасибо... за то, что ты такой, - сказала она. - С тобой мир становится лучше и интереснее.

Он улыбнулся, целуя ее в макушку.

- А мой мир более дикий, более красивый, когда в нем есть ты, малышка.

- В самом деле?

- Не сомневайся.

- Скажи еще что-нибудь приятное обо мне. Я напрашиваюсь на комплименты, если ты не заметил.

- Я заметил, - сказал он, переворачиваясь и опрокидывая Нору на спину. - Требовать комплименты против правил. Продолжишь, и мне придется наказать тебя.

- Я не помню это правило, сэр.

- Я только что его придумал.

Смеясь, Нора подняла голову и оставила на губах Сорена поцелуй.

Она отстранилась и невинно захлопала ресницами.

- Расскажи мне что-нибудь о моих глазах.

- Твои глаза..., - он начал, но внезапно остановился и соскользнул с кровати.

- Что? Мои глаза что?

Сорен начал одеваться.

- Я скажу тебе после моей встречи.

Он наклонился и быстро поцеловал ее, застегивая рубашку.

- Встречи? - Нора села. - Какой встречи? Я думала, ты сказал, что комитет остановился на кандидатуре Отца Петерсона. И никаких больше встреч.

Сорен надел белый воротничок.

- Все верно. И, слава Богу. Эта встреча не с представителем из комитета. Я обещал Сюзанне еще один долгий разговор.

Нора прищурилась.

- Эта сука репортерша действует мне на нервы. Почему она не может оставить тебя в покое?

- Она не враг. Особенно сейчас, когда больше не считает меня врагом.

- Ну, если мы ее так хорошо ввели в заблуждение, - начала Нора. Сорен посмотрел на нее таким суровым взглядом, что почти заставил ее хихикать. - Тогда почему же она до сих пор болтается рядом?

- У нее есть парочка заключительных вопросов для меня. После всего, через что я провел ее этим летом, я чувствую, что она заслуживает некоторые ответы.

Наблюдая, как Сорен направился к двери... Нора вдруг кое-что вспомнила и вскочила с кровати.

- Сорен? Подожди секунду. Позволь мне поговорить с ней самой.

* * *

- Мик? Ты в порядке? - Гриффин положил руку на колено Микаэля и сжал.

Ангел покачал головой.

- Нет.

Рука на колене переместилась на лицо Микаэля.

- Посмотри на меня, - сказал Гриффин почти шепотом. Мик неохотно повернул голову, встречаясь взглядом с Гриффином. - У меня все под контролем. Я не позволю случиться ничему плохому.

Что-то в тоне Гриффина заставило Микаэля почти поверить в это.

- Хорошо.

Гриффин улыбнулся.

- Хорошо. Давай покончим с этим. Я хочу успеть трахнуть тебя перед ужином.

С игривым шлепком по колену Мика, Гриффин вышел из машины и обошел автомобиль. С крайней неохотой Микаэль открыл дверь и ступил на тротуар. Гриффин протянул руку. Микаэль уставился на нее. Они никогда не были на публике раньше. В постели они держались за руки... и за все остальные части тела. Но здесь? На его улице? В его доме? Перед его родителями?

- Мы вместе, Мик. Я люблю тебя.

Микаэль завелся от этих слов. Они, казалось, звучали эхом из глубины каньона. Или каньон был внутри него, а слова наполнили все его существо, и, наконец, приглушенный голос внутри него предупредил, что его никогда не любили за то, кто он и кем он был.

Без дальнейших колебаний Микаэль взялся за руку Гриффина, и они шли к дому. Микаэль открыл дверь без стука, Гриффин шагнул за порог.

Ангел услышал голоса в кухне. Тихие, сердитые голоса.

- Они ссорятся, - прошептал Микаэль. - Они всегда ссорятся.

- Они развелись, - прошептал в ответ Гриффин. - Что они там опять не поделили?

Микаэль сглотнул.

- Меня.

Парни вышли на кухню, и родители Микаэля сразу же замолчали. Лицо матери казалось маской потрясения. Лицо отца выражало замешательство, быстро сменившейся на ярость при виде руки Микаэля в ладони Гриффина.

- Микаэль..., - начал его отец.

- Я Гриффин Фиске, парень вашего сына, - сказал Гриффин, широко улыбаясь родителям Микаэля. - Приятно познакомиться с вами обоими.

- Нет. Ни за что, - отозвался отец Микаэля. - Никогда в жизни этого не будет. Микаэль, что ты...

Он бросился вперед, и Микаэль напрягся. Но Гриффин встал между ними и поднял подбородок.

- Полагаю, вы не расслышали меня, - повторил Гриффин. - Я Гриффин Фиске. Я парень вашего сына. Приятно познакомиться.

На этот раз он произнес эти слова без улыбки и с тонким намеком на угрозу в голосе. Микаэль всегда думал о своем отце, как о крупном человеке - выше, мускулистее, чем он сам, но по сравнению с Гриффином, тот казался совсем низеньким и слабым.

- Кто ты такой, черт возьми? - потребовал отец.

Гриффин опасно улыбнулся, а Микаэль попытался приблизиться к матери, которая все еще стояла в оцепенении.

- Я чувствую, что повторяюсь. Мик, я повторяюсь? - спросил Гриффин.

- Мам, пап, - Мик попытался заговорить. - Гриффин и я...

- Заткнись, Микаэль, - приказал отец, - или клянусь Богом...

В чем его отец собирался поклясться Богу, так никто никогда и не узнает, потому что Гриффин поднял руку и громко щелкнул пальцами прямо перед лицом мужчины.

Громкий звук моментально заткнул отца Микаэля.

- Не делайте этого, - сказал Гриффин тоном непринужденной угрозы. - Не говорите ему заткнуться. Плохие вещи случаются с людьми, которые не обращаются с Миком так, как он того заслуживает.

- Не смей указывать мне, как разговаривать с моим сыном. С моим больным сыном извращенцем.

Микаэль вздрогнул при словах отца. Рядом с ним также вздрогнула и его мать.

- Кен, пожалуйста, - начала женщина. - Давайте успокоимся и просто поговорим об этом. Мы всегда знали, что Микаэль не был...

- Нормальным? - сказал отец. - Очевидно, нет. И это твоя вина, Мелисса. Ты позволяешь ему носить длинные волосы. Ты забрала его из католической школы. Ты избаловала его. Превратила в чертового пи...

Микаэль и его мать снова вздрогнули в унисон, потому что Гриффин одним быстрым движением впечатал отца Мика в стену. От того, как тот ударился плечом о плитку, в комнате раздался глухой стук.

- Гриффин, нет, - Микаэль умолял, испугавшись, что заявятся полицейские.

Но Фиске не обращал внимания. Он держал руку в центре груди отца Микаэля и прижимал того к стене, как насекомое в рамочке.

- Я сказал вам, что когда с Миком некрасиво обращаются, происходят плохие вещи, - произнес Гриффин, подступая ближе к отцу Микаэля и глядя на него с вызовом. - Я люблю вашего сына. И я изуведу вас, если вы когда-нибудь даже попытаетесь посмотреть на него искоса. Ваш "не нормальный" сын - самый талантливый художник-самоучка, которого я когда-либо видел. Он умный, замечательно катается на скейте, обладает большим чувством юмора и он самый добрый, скромный человек, которого я когда-либо встречал. Я так влюблен в него, что не могу даже трезво мыслить. Что хорошо, потому что очевидно, что я не нормальный. И он тоже. Кажется, я отвлекся. Со мной это иногда случается. Очень сложно меня заткнуть. Дело в том..., - произнес Гриффин, тыкая пальцем в грудь отца Мика с такой силой, что у того остался маленький круглый синяк. - Вашему мнению... в общем, как и всему остальному, здесь не рады. С Микаэлем все отлично. Теперь я забочусь о нем. Пошел вон.

Гриффин сделал пренебрежительный жест обеими руками, как будто отец Микаэля был просто мухой или бродячей кошкой, околачивающейся неподалёку.

- Он мой сын.

Отец Микаэля гневно указал пальцем в направлении Микаэля.

- Он моя собственность.

- Твоя что?

Микаэль съежился, чувствуя как внутри затрепетало сердце. Его назвали собственностью Гриффина, и это откликалось на самых глубоких уровнях разума.

- Моя. Собственность. Он принадлежит мне. Полностью его выбор. И вас больше нет в этом уравнении, - Гриффин продолжил. - Вы заставили его чувствовать себя ничтожеством. Следовательно, вам не следует находиться в его присутствии, пока не наступит день, когда вы сможете контролировать свои комплексы, чтобы держать свой рот на замке.

- Я плачу и даю ему пищу, одежду, крышу над головой с того дня, когда он родился.

- Деньги? - Гриффин выпрямился. - Все дело в деньгах? Деньги у меня есть. Сколько вы хотите за него?

- Прости? - повторил отец Микаэля.

- Сколько вы хотите за вашего сына? Я выпишу вам чек прямо сейчас, чтобы навсегда вычеркнуть вас из нашей жизни.

- Гриффин, не давай ему ни копейки. - Слова вырвались сами собой. - Он не заслуживает этого.

Он не заслуживает этого. Неужели он сказал это вслух? На самом деле он подразумевал: «Я не заслуживаю ни копейки, которую ты тратишь на меня». Ведь Гриффин так высоко ценил его, обращался как с самым редким и драгоценным сокровищем. Микаэль начал думать, может, он и в самом деле таким был.

- Нет, он не заслуживает этого, - ответил Гриффин, сунув руку в задний карман джинсов и вытаскивая бумажник. - Но ты заслуживаешь жизнь без него. Разве не ты говорил мне, что он записывает текущую сумму алиментов, которую выплачивается в чеках? Так что мы имеем? Какова общая сумма?

- Гриффин..., - умолял Микаэль.

- Сорок две тысячи триста долларов, - сказала мать Микаэля громким, ясным голосом, ее глаза встретились с Гриффином. - И если бы у меня были деньги, я отдала бы все до копейки, чтобы избавиться от него тоже.

Микаэль видел, как встречаются взгляды Гриффина и его матери. Что-то происходило между ними, что Микаэль видел, но не понимал.

- Давайте округлим. Пятьдесят тысяч? - Гриффин схватил отца Микаэля за плечо и развернул, толкая лицом в стену. Затем, используя его спину как плоскую поверхность, Гриффин заполнил чек. - Сегодня я чувствую себя щедрым. Мы округлим до шестидесяти девяти тысяч. Обожаю цифру 69. Надо записать это на всякий случай. За шестьдесят девять и вашего прекрасного сына.

Гриффин развернул отца Мика, вырвал чек из книжки и засунул в карман пиджака мужчины напротив.

- В этом я хорош, - сказал Гриффин. - Не так ли, Мик? Ты вроде говорил, что он был брокером?

Микаэль кивнул.

- У Гамильтона.

- Отлично, - сказал Гриффин в знак одобрения. - Мой отец Джон Фиске. Слышали о нем?

Отец Микаэля не сказал ни слова, но его широко-раскрытые глаза дали понять, что он прекрасно знал, кто такой отец Гриффина и каков общий капитал Фиске младшего.

- Иди, папа, - сказал Микаэль. - Ты хочешь, чтобы я был твоим сыном, не больше, чем я хочу видеть тебя своим отцом. Теперь тебе больше не нужно им быть.

- Вас только что бросили. - Гриффин похлопал отца Ангела по макушке. - Отстой, понимаю. О, до свидания.

И еще раз Гриффин сделал прогоняющий жест руками. Отец Микаэля смотрел на всех собравшихся взглядом полным нескрываемой ненависти.

Он выскочил из кухни и побежал по коридору, Гриффин следовал за ним по пятам, несомненно желая убедиться, что тот и в самом деле уберется прочь. Микаэль и его мать шли следом.

Выйдя на лужайку, отец Микаэля обернулся.

- Это грех, ты же знаешь? - сказал мужчина, его взгляд метался между Микаэлем и Гриффином. - Секс между двумя мужчинами. Это против природы и против Бога. Это просто мерзость. Ты ходишь в церковь, Микаэль, и знаешь все.

- Если это мерзость, папа, то только потому, что ты все делаешь неправильно. Ты просто напрягись, а потом расслабься. Сразу пойдет, - Микаэль почти выкрикнул слова.

Качая головой с отвращением, отец Микаэля сел в машину и уехал. Гриффин посмотрел на Мика, и они оба взорвались от безудержного смеха.

- Ты всегда выкрикиваешь грязные советы перед домом? - спросил Гриффин, прижимая Микаэля к себе для быстрого поцелуя.

- Что? А ты нет? - Микаэль все еще смеялся, вырываясь из объятий Гриффина. Именно тогда он увидел, что его мать молча стоит на крыльце. - Мама... ох, мама, мне так жаль... - сказал Мик, его сердце готово было ухнуть в пятки. - Я даже не подумал, что... соседи, я...

Женщина сделала два шага вперед и сжала его в объятиях.

Он замер, не в силах вспомнить, когда в последний раз мама обнимала его вот так.

- Мама? - Микаэль обнял в ответ.

- Я соскучилась по тебе, малыш. Слишком долгое лето без тебя.

Микаэль взглянул на Гриффина, который только пожал плечами и одними губами прошептал ему - «женщины».

Мать, похоже, не была готова отпустить его пока что, поэтому Микаэль прижался еще крепче и закрыл глаза.

- Я тоже по тебе скучал, мама.

Наконец она отступила и стерла слезу с лица. Обращаясь к Гриффину, женщина протянула руку.

- Приятно встретиться с вами, Гриффин.

Гриффин посмотрел на ее руку и закатил глаза, сделал шаг вперед и обнял так сильно, что поднял в воздух.

- Гриффин, ты должен опустить мою маму на землю.

Фиске поставил ее на ноги. Микаэль посмотрел на Гриффина, а затем на мать и снова на него.

- Ну что, - предложил Мик. - Как насчет ланча?

Глава 25

Войдя в святилище Пресвятого Сердца, Сюзанна нашла его пустым. Она приняла окончательное решение, и ей нужно было поговорить с ним; обсудить несколько важных вопросов, но она пришла не из-за них. На самом деле Сюзанне хотелось извиниться за свои подозрения и поблагодарить за то, что ей помогли поверить, если не в Бога, то по крайней мере, хотя бы в одного священника.

Бродя по периметру святилища, она изучала фрески на стене, образы страданий Христа с римскими цифрами, выгравированными сверху. Она остановилась перед одной, где была изображена женщина на коленях перед Иисусом, протягивающая свой платок. Сюзанна нахмурила брови и попыталась вспомнить имя женщины, но никак не могла вспомнить, когда последний раз молилась перед Стояниями Крестного пути. Быть может, она никогда этого и не делала.

- Как же тебя зовут? - спросила она вслух, пытаясь найти в сумочке свой айфон.

- Вероника, - раздался голос позади нее.

Сюзанна повернулась и увидела женщину, стоящую у дальней скамьи, со скрещенными на груди руками. На ней была узкая черная юбка, обтягивающая ее стройные бедра, туфли на высоких каблуках, приталенная красная блузка и таинственная легкая улыбка на потрясающе красивом лице. Женщина выглядела знакомой. Чрезвычайно знакомой.

- О, Боже, - сказала Сюзанна, внезапно осознав, кто перед ней. - Вы Нора Сатерлин.

Женщина кивнула, опустила руки и завела прядь волнистых черных волос за ухо.

- Так точно, - сказала она с такой улыбкой, что Сюзанна поняла, что этой женщине, скорее всего, никогда не приходилось испытывать чувство вины. - А вы Сюзанна Кантер. Вы еще красивее, чем он рассказывал.

Сюзанна покраснела и сунула трясущиеся руки в задние карманы джинсов. Отец Стернс казался ей угрожающим, но она никогда не чувствовала себя хоть наполовину так нервно, как в компании Норы Сатерлин.

- Хм..., - журналистка начала фразу и закатила глаза от собственной неловкости. - Что ж, зато вы красивы так, как он и описывал.

Нора Сатерлин, в отличие от нее, не покраснела. Она продолжала смотреть на Сюзанну с мрачной пронизательностью во взгляде.

- Один вопрос, - сказала Сатерлин.

Сюзанна моргнула.

- Один? У вас ко мне один вопрос?

Сатерлин наклонила голову.

- Вы преследовали его все лето. Шпионили за ним. Ворвались в дом священника. Вы даже ездили к его сестре. Вы настырная. Я могу это понять. Однако пора оставить нас в покое. Вы знаете, что он не угроза своей пастве. Могу предположить, что вы здесь все еще по другим причинам. Причины угадывать не нужно, потому что, давайте будем честными, мы обе видели его во плоти.

Румянец Сюзанны стал более очевидным, потому что она не могла отрицать правдивость слов Сатерлин. Ее влечение к Отцу Стернсу было еще слишком свежим, чтобы стараться отрицать.

- Да, - призналась Сюзанна. - Я видела его.

Сатерлин подняла бровь, очевидно, услышав глубокую истину в словах. Она снова улыбнулась, размыкая сомкнутые на груди руки, и села на подлокотник скамьи.

- Я сказала, один вопрос, и это именно то, что я имею в виду, мисс Кантер. Вы можете спросить у меня один вопрос. - Сатерлин подняла один палец. - А я отвечу. Честно. Без всяких уверток или отрицания. Я скажу вам правду, только правду и ничего кроме правды на один вопрос, который вы мне зададите.

Глаза Сюзанны округлились от удивления.

- А потом вы скажете мне, что я выиграла в лотерею, - сказала она, не веря своим ушам.

- Если только лотерею правдивости. Но за приз назначена цена. Я отвечу на вопрос, но ответ не должен попасть на пленку. И вы не можете использовать то, что я расскажу, чтобы причинить ему вред. Вы не станете попытаться выяснить что-то еще из того, что я скажу. Если хоть одно мое слово появится в печати, придется попросить Кингсли уничтожить вашу карьеру так основательно, что вам не удастся стать даже ведущей прогноза погоды, как предлагал ваш старый профессор. Вы это понимаете?

С трудом сглотнув, Сюзанна кивнула. Она слышала угрозу в голосе Сатерлин и знала, что та говорила на полном серьезе. Даже то, что она смогла узнать о старом профессоре, предложившем ей вести прогноз погоды, было знаком, что в мире этой женщины не было никакой необходимости задерживаться хотя бы на момент дольше, чем это необходимо.

- Как только я дам свой ответ, - Сатерлин продолжила, - Вы оставите меня, Кингсли и Сорена в покое. Мы перестанем существовать для вас. Вы прогоните нас из ваших мыслей, памяти, вашей речи и лексикона. Вы принимаете это?

Она не могла себе представить, как можно было полностью изгнать Отца Стернса из памяти. Тело все еще покалывало, когда она представляла его руки на ее руках. Но она попытается. Ради истины, она попытается.

- Хорошо. Я принимаю. В любом случае, в ближайшее время я отправляюсь в Ирак. Пора двигаться дальше.

- Да, - сказала Сатерлин. - Это точно. Теперь задавайте свой вопрос, и мы сможем двигаться дальше.

Сюзанне не пришлось задумываться ни на секунду, чтобы найти вопрос.

- Вы и Отец Стернс спите вместе?

Если она думала, что такой вопрос обеспокоит Сатерлин, то сейчас была очень разочарована. Сатерлин не выглядела ни испуганной, ни шокированной вопросом. Она остановила свои темно-зеленые глаза на лице Сюзанны.

- Вы действительно хотите потратить свой единственный вопрос на то, что и так уже знаете? - спросила Сатерлин.

Сердце Сюзанны ухнуло вниз. Она надеялась... верила... по крайней мере, ей хотелось верить... Но это не имело значения. Сатерлин была девственницей даже в

девятнадцать лет. Всякий раз, когда она и ее священник занимались любовью, она была, по крайней мере, совершеннолетней.

- Нет, я полагаю, нет. – Сюзанна тяжело вздохнула. - Как насчет этого? Конфликт интересов, о котором говорилось в анонимном послании, что это такое? Это его сестра Элизабет? Она практически призналась в убийстве своего отца.

- Она действительно убила своего отца и призналась Сорену, но он отказался раскрывать ее исповедь. Я подслушала это на похоронах. И он целых семнадцать лет беспокоился, что Элизабет выяснит, что я это слышала. Но нет, церковь заботил не этот конфликт интересов.

- Тогда что это?

- Отец Сорена был очень богатым человеком, когда умер. Ему досталась половина состояния жены в разводе, и с его безжалостной деловой хваткой он устроил деньги к старости. А когда он умер, то оставил каждый цент своему единственному сыну. Почти полмиллиарда долларов.

Сюзанна ахнула.

- Но... его отец отослал сына подальше после того, что случилось с Элизабет. Чуть не убил его.

- Правда. Но когда оказалось, что у него больше не будет сыновей, и никаких отношений с дочерью, то у него была возможность очистить свое сердце... ну или что у него там было вместо сердца. Но деньги не стали средством примирения. Это была взятка. Священники принимали обеты бедности. Чтобы унаследовать все деньги, Сорен должен был бы оставить священство. Но ничто и никто не заставят его когда-либо оставить его сан.

- Так что же он сделал?

Сатерлин усмехнулась.

- То, что сделает любой хороший священник. Он отдал десятую часть. Он передал десять процентов от всех денег церкви. Пять процентов ушли его старой католической школе в штате Мэн. И пять процентов для этой епархии. Остальное он разделил пополам и отдал каждой сестре. Для себя он не оставил и цента.

Сюзанна прикрыла рот рукой и отвернулась. В голове у нее щелкали цифры. Пять процентов из пяти сотен миллионов долларов было...

- Двадцать пять миллионов долларов, - выдохнула Сюзанна. Она повернулась обратно. - Он отдал все этой епархии?

- Да. Вы знаете, как это работает. Приходских священников постоянно переводят с места на место. Тем не менее, Сорен жил тут в течение почти двадцати лет. Как он получил такую свободу? Он купил ее.

- Я задавалась вопросом, почему они не уговорили его уехать или пойти вверх по карьерной лестнице.

- Ему здесь нравится.

Он оберегал свою частную жизнь, поняла Сюзанна.

- Как бы вы назвали попытку продвижения вверх человека, который пожертвовал двадцатью пятью миллионами долларов в вашу фирму? - спросила Сатерлин.

- Конфликт интересов, - прошептала Сюзанна. - Я думала, что... Я думала, он может быть хищником. Или, вы знаете, потому что... у него с вами был...

- Секс? Вы думали, конфликт интересов был в сексе? - Сатерлин рассмеялась, как будто это было самое смешное, что она когда-либо слышала. - Это католическая церковь, мисс Кантер. И католическая церковь закрывала глаза на секс в течение двух тысяч лет. Деньги - вот что заставляет их нервничать.

Сюзанна покачала головой. Слишком много мыслей внутри.

- Он отдал все это? Каждый цент?

Сатерлин кивнула.

- Ага. Упрямая задница этот священник. Когда он и Мари-Лаура поженились, он получил доступ к его обширному целевому фонду. После того, как она умерла, он отдал каждую монетку. Он был рожден, чтобы стать священником. Деньги его не интересуют. Это конфликт интересов. Теперь, если вы меня извините, я вернусь к своей жизни, не беспокоясь о репортерше, которая может причинить вред Сорену.

- Вы называете его Сореном? - спросила Сюзанна, вопрос вырвался, прежде чем она смогла его остановить.

- Конечно, да. Это его имя. Почему вы спрашиваете?

- Он сказал, что только близкие и дорогие ему люди, которым он доверяет, знают это имя. И они знают его настоящего.

- Это очень правдиво.

- Как долго вы называли его Сореном?

Лицо Сатерлин смягчилось, она перевела взгляд от Сюзанны к улыбке на нарисованном лице Вероники, протягивающей льняной платок упавшему Христу.

После долгого молчания Сатерлин посмотрела на Сюзанну.

- С того дня, как мы познакомились.

Помолчав, Сюзанна кивнула. Эти шесть слов сказали ей все, что было необходимо узнать. Отец Стернс и Нора Сатерлин делили что-то, связь, близость, ... глубокую и необъяснимую, неприкасаемую и недостижимую для простых смертных. Вечером, когда Сюзанна попросила его заняться с ней любовью, он сказал, что не принадлежит себе. Она думала, что он имел в виду, что принадлежит Богу или Церкви. Теперь она знала, что он имел в виду Нору Сатерлин.

- Я ухожу, - сказала Сатерлин. - И вам тоже пора.

- Можно хотя бы, по крайней мере, попрощаться с ним. Или мне не позволено? - спросила Сюзанна.

В вопросе не было сарказма. Что Нора Сатерлин прикажет ей, то она и сделает.

- Я разрешаю вам. Вы действительно ему понравились. Мне нет, но я немного предвзята.

- Я это вижу.

Сатерлин задрала подбородок при словах Сюзанны, понимая, что ее недопоняли. Медленно Нора подошла к ней, ее бедра плавно покачивались при каждом шаге вперед. Никогда прежде Сюзанна не сталкивалась с таким явным, животнов-притягательным и сексуальным созданием.

- Нет, вы не можете этого видеть, - сказала Сатерлин, вставая перед ней. - Вы не видите ничего. Ни меня. Ни его. Ни нас. Нас не существует, помните? Вы знаете, кто я?

Сюзанна пожала плечами в замешательстве.

- Вы... писателя.

- Так и есть. А еще я одна из самых известных Доминатрикс во всем мире. Я была номером один у Кингсли. Вы знали это?

Сюзанна снова сглотнула.

- Я, наверное, слышала некоторые слухи.

- Верьте им, - сказала Сатерлин. - И знайте, что они только верхушка айсберга. Я когда-то заставила техасского скотоводческого барона выплатить мне пятьдесят тысяч долларов, чтобы я заклеила его своей собственной железной печатью. Я заставила генерального директора Силиконовой долины заплатить мне шестьдесят тысяч долларов, чтобы я помочилась на его лицо. Я отправляла богатых и известных в больницу. И за возможность этого они платили втрое. У меня есть целое досье для

полиции, здоровенное, как член Кингсли, и все же я никогда не была осуждена за какое-либо преступление, будучи взрослой. Почему? Полицейские и адвокаты, судьи живут в кармане Кингсли. И один или парочка из них живут в моем. В городе я могу спокойно откосить даже от убийства.

Сюзанна расправила плечи и посмотрела Сатерлин прямо в глаза, на это потребовалось все ее мужество.

- Вы мне угрожаете, мисс Сатерлин?

Нора только улыбнулась.

- Нет, конечно, нет. Все, что я хочу сказать, что я сделаю все, чтобы защитить его. Абсолютно все. Но нет никакой необходимости беспокоиться. Я делала людям больно. Я причиняла им сильную боль. Оставляла шрамы на некоторых клиентах. Некоторые шрамы снаружи, другие внутри. Но всю боль, которую я причиняю... все это было по обоюдному согласию. Я никогда не смогу навредить кому-то без разрешения. Все, что я хочу сказать, мисс Кантер, так это..., - Сатерлин наклонилась вперед и оставила легкий, мягкий, очень пугающий поцелуй на губах Сюзанны перед тем, как отодвинуться всего на сантиметр и прошептать, - Все всегда случается в первый раз.

И с этим Сатерлин сделала один шаг назад. Затем другой. Потом она повернулась на каблуках и вышла из церкви.

Сюзанна глубоко вздохнула. Она подняла руку и увидела, что та дрожит. Зоны военных действий, напонила она себе. Она была в зонах боевых действий. Эта женщина не должна ее пугать.

Собираясь вернуть хотя бы толику ее достоинства обратно, Сюзанна выбежала из собора и увидела, как Нора Сатерлин идет к Порше, подъехавшему к обочине.

- Подождите! - позвала она, и Сатерлин обернулась.

- Да?

- Просто еще один вопрос... пожалуйста.

Нора ухмыльнулась.

- Еще один. Но пусть он хотя бы будет хорошим.

Сюзанна кивнула.

- Какой он... Вы понимаете, в постели? Я должна знать. Никто никогда так не привлекал меня в моей жизни. И я никогда не смогу быть с ним. Можете просто сказать мне на словах?

Сатерлин выглядела совершенно потрясенной вопросом.

- В постели? Я и Сорен? Мы не спим вместе, - сказала Сатерлин.

- Но... но я спросила, если вы спали. А вы сказали не задавать таких вопросов, на которые уже знаешь ответы.

Сатерлин кивнула.

- Точно. Конечно, мы не любовники. - Она опустила шикарные черные солнцезащитные очки на глаза. - Он священник. Это отвратительно.

И снова Сатерлин повернулась на каблуках и пошла прочь. На этот раз Сюзанна отпустила ее.

Она наблюдала, как Нора подошла к Порше. Из автомобиля вышли двое мужчин. Нет, не двое мужчин. Один мужчина и один подросток. Старший - Гриффин Фиске. А парнем помоложе был... Сюзанна прищурилась. Красивый молодой человек, кем бы он ни был. Почти ангельский внешний вид. Черные волосы до плеч, глаза такие яркие, серебряные, что она могла видеть их отблеск на десять метров вперед, бледная кожа, худой, каким бывают только подростки... даже его запястья казались хрупкими, как у детей. Сюзанна более внимательно посмотрела на них, увидев марлевые повязки. Бинты? Она соотнесла все. Микаэль Димир - мальчик, который перерезал себе вены в

храме – ему сейчас было около семнадцати. Гриффин Фиске и Нора Сатерлин обменялись быстрым поцелуем, а парень, Микаэль, снял бинты с запястий. Сатерлин скользнула по ним рукой, прежде чем быстро поцеловала его в губы. Парень откинулся на грудь Гриффина Фиске, который властно обвил своей рукой его тело.

Микаэль Димир... с Гриффином Фиске? Какого черта...

- Иисусе, что же это за церковь? - спросила себя вслух Сюзанна.

- Моя церковь, - произнес знакомый голос позади нее.

Сюзанна улыбнулась, глядя, как Нора Сатерлин похлопала парня, Микаэля Димира, по щеке. Она оглянулась, подняла вверх очки, немного высокомерно подмигнула Сюзанне и направилась к БМВ на стоянке.

- Вы когда-нибудь хотели встряхнуть душу из этой женщины? - спросила Сюзанна.

Отец Стернс сделал тяжелый и многозначительный вздох.

- Каждый день своей жизни.

Смеясь, Сюзанна повернулась и посмотрела на него. В его руках был небольшой, но изысканный букет белых роз.

- Для меня? - поддразнила она.

- Нет. - Легкая улыбка сошла с его лица, придавая мужчине вид глубокого сожаления. - Для Адама. Я думаю, пришло время вам навестить могилу вашего брата.

Сюзанна замолчала. Ее горло сжалось. Слезы навернулись на глаза.

- Я пойду с вами. Вы не будете одиноки, - сказал Отец Стернс, вручая ей цветы. Сюзанна прижала их к груди.

- Хорошо, - прошептала она, затем посмотрела на него и попыталась улыбнуться сквозь слезы. - Он похоронен...

- Я знаю, где он. Я также знаю, где он похоронен. Пойдем. Я буду ждать вас там.

Сюзанна не могла выговорить ни слова благодарности. Она просто направилась к своей машине и поехала на городское кладбище, где семья оставила лежать ее брата. Общая земля. Неосвященная земля. Когда она добралась до могилы, Отец Стернс был уже там, склонив его безупречно-светлую голову в немой молитве.

- Я до сих пор ненавижу церковь за отказ в католическом погребении, - призналась Сюзанна, положив цветы на могилу.

Опустившись на колени, она выдернула несколько диких сорняков из могильной плиты.

Адам Габриэль Кантер. Родился 3 июля 1978, умер 1 ноября 2006 года. Господь дал ему покой от всех врагов его. II Царств 7: 1

- Я не могу винить вас, - сказал отец Стернс. - Но я могу с этим помочь.

Сюзанна подняла голову и увидела, как Отец Стернс достает флакон святой воды из кармана. Открыв его, он окропил землю.

Святая вода.

К святой воде, пролившейся на землю, добавились собственные слезы Сюзанны.

- Вы молитесь за него, не так ли? - спросила Сюзанна. - Я не могу. Во мне просто нет достаточно веры для молитвы. Но для меня будет много значить, если это сделаете вы.

- Я буду молиться за него и за вас, Сюзанна, каждый день.

- Я никогда не увижу вас снова, не так ли?

Отец Стернс не улыбнулся.

- Я думаю, что нашим путям было суждено пересечься. И, возможно, лучше, если они не пересекутся вновь. Не в этой жизни в любом случае.

Сюзанна поняла намек.

- Спасибо вам за все. За Адама. За то вы, что хороший священник, хороший человек.

- Я человек, и мне свойственно ошибаться, как и всем. Но спасибо. Ваша вера в меня обнадеживает. Может быть, когда-нибудь вы найдете веру и в Него.

- Может быть, - сказала она. - Но не стоит сильно на это рассчитывать.

Отец Стернс кивнул. Он протянул руку и погладил ее по изгибу скулы.

- До свидания, Сюзанна. Если вам когда-нибудь по-настоящему будет нужна помощь, вы знаете, где меня найти.

- Зоны военного действия, - напомнила она ему с улыбкой. - Я могу о себе позаботиться.

Его пальцы задели ее губы, как мягким поцелуем.

- Я знаю, что можете.

Он опустил руку и зашагал прочь. На краю кладбища она увидела ожидающий его Роллс-Ройс.

- Ваш трастовый фонд, - Сюзанна крикнула, вдруг вспомнив последний вопрос. - Нора Сатерлин сказала, что вы отдали свой трастовый фонд. Кому?

Отец Стернс продолжал идти.

- Роллс-Ройсы сами себя не купят, правда, Сюзанна?

Он остановился, повернулся и подмигнул ей прежде, чем снова продолжить идти. Подмигивание казалось таким знакомым. Нора Сатерлин подмигнула ей точно так. Точно... так...

И Сюзанна поняла то, что нужно было понять.

Она смотрела ему вслед, католическому священнику, который в одиночку правил всем извращенным миром, Преисподней Нью-Йорка. Герой сюжета века шагал, все дальше удаляясь от нее. Всего одним телефонным звонком она могла бы уничтожить его, разрушить епархию, принести еще больше стыда и позора на голову католической церкви, чем все самые ужасные, но не такие глобальные сексуальные скандалы, вместе взятые.

- Нора Сатерлин..., - она вздохнула, глядя, как любовник эротической писательницы усаживается на заднее сиденье Роллса. - Ты чертовски везучая сучка.

Сюзанна повернулась к могиле Адама и улыбнулась.

- Я скучаю по тебе, старший братец, - сказала она, затем поцеловала кончики пальцев и коснулась надгробия.

Она оставит все так. В следующий раз, когда сможет прийти на могилу, то останется немного дольше. Сюзанна вытащила телефон и нажала на первый номер в ее скоростном наборе.

- Эй, привет, - сказала она, услышав Патрика.

- Привет, ты в порядке? - спросил он.

- На самом деле просто замечательно. Избавилась от всей этой истории Отца Стернса раз и навсегда.

- Хорошо. Покончила с этим?

- Полностью. Это была даже не сестра, ты оказался прав. Он пожертвовал деньги, которые заставили церковь понервничать. Он не станет епископом, хотя, наверное, ему стоило. Но неважно. Хочешь пообедать?

Она напряглась, потому что Патрик ответил не сразу.

- Я не знаю. Это просто обед? Или свидание?

Сюзанна ответила ему точно такой же паузой прежде, чем заговорить.

- Это свидание.

* * *

Микаэль послушно закрыл глаза, стараясь не чихнуть и не вздрогнуть.

- Это смешно, Нора, - сказал он. - Я чувствую себя так, будто выхожу замуж.

Нора усмехнулась.

- Ничего особенно официального или страшного. Церемония получения ошейника тут, в Восьмом Круге только предлог, чтобы публично унижить саба и постебаться над влюбленным доминантом. Гриффину достанется оооочень много подколок.

- А подводка для парней – это тоже часть унижения? - Микаэль открыл глаза, когда Нора закончила подводить их карандашом для глаз.

- Я знаю Гриффина. Он обмочится от восторга, когда увидит твои подведенные глаза. Одна из его слабостей.

- Отлично. - Он сделал быстрый вдох. - Не могу поверить, что это реально. Это реально, да?

Нора сделала шаг назад и наклонила его лицо в тусклом свете, затем одобрительно кивнула на результат дел ее собственных рук.

- Да. Очень реально. А еще реальнее оно покажется, когда перестанет быть веселым. Впервые Гриффин настаивает на том, что тебе не очень нравится... Вся эта суматоха с ошейниками просто сшибает с ног. Но она того стоит. Ты находишь своего Дома, и это полностью того стоит. Просто наслаждайся медовым месяцем, пока он не закончился.

Микаэль посмотрел на Нору, та надевала на карандаш колпачок и убирала его. Сегодня ночью она выглядела так необычно во всем белом. Белая юбка, белая блузка, белый ошейник вокруг ее шеи. Он был тоже во всем белом - белые брюки, никакой обуви, босиком, белая рубашка на пуговицах с рукавами, закатанных до локтей.

- Кстати о медовом месяце. Завтра на неделю он берет меня с собой на Ки-Уэст.

Нора поправила свой ошейник.

- Хороший выбор для однополых пар. Вы уже выяснили, как насчет места жилья во время учебы?

- Да. У него будет дом, куда легко добраться на скоростном поезде. Я просто буду жить в общежитии в будние дни, а у него на выходных.

- Ты собираешься рассказать всем в школе, что ты бисексуальный саб, да еще в ошейнике, самого богатого наследника трастовых фондов в Нью-Йорке?

- Может быть, не в этом семестре.

Нора усмехнулась.

- Отлично сказано. Твоя мама приняла это все?

- Да. Лучше, чем я думал.

- Матери могут удивить нас иногда.

Микаэль подошел к рюкзаку и вытащил папку с фотографиями.

- Вот. Я лучше отдам это тебе. Гриффин может подглядывать.

- Спасибо, - сказала она, принимая фотографию обратно, затем открыла бордовую папку и улыбнулась изображению. - Боже, они же горячи как сам Ад, правда?

- Точно, - согласился Микаэль, глядя через плечо Нору на черно-белую фотографию. В центре сидел восемнадцатилетний Отец С, раскинувшись в кресле в темном костюме, аккуратный причесанный. У его ног сидел другой парень, только на год моложе, с более темными волосами, его форма католической школы была помятой, пиджак куда-то пропал, галстук висел на свободном узле, открывая ворот рубашки.

- Кингсли и Сорен... Думаю, это единственная их фотография в таком возрасте. Как будто они заняты чем-то, учат. Интересно, что было бы, если это увидел кто-то другой, а не мы.

До Микаэля дошло. Он понял. Шею молодого Кингсли украшали два синяка, которые кто-то не такой извращенный, мог бы спутать с засосами или страстными

укусами. Но Микаэль знал эти знаки, видел их на своей собственной коже. Это были следы не от укусов или поцелуев. Большой и указательный пальцы, впившиеся в кожу, оставляли точно такие же синяки. Кингсли держали за шею, пока он занимался сексом с юным Отцом С.

- Нам всем нужно с чего-то начинать, правильно? - спросила Нора, закрывая папку и убирая фотографию. - Сорену и Кингсли совсем не стыдно, что они были любовниками, когда были детьми. Кингсли просто не хочет, чтобы кто-то знал, что он свитч.

- Я не скажу. Обещаю. Даже Гриффину.

- Знаю, - сказала Нора. - Нам лучше идти. Они ждут.

Вместе они покинули личные комнаты Отца С в Восьмом Круге, клубе, где он, Нора, Гриффин и Кингсли вовсю веселились несколько раз в неделю.

Через несколько дверей дальше по коридору были частные апартаменты Гриффина. Микаэль уже был предупрежден, что ему придется провести там много времени, обнаженным и связанным. Даже сейчас, войдя туда, без наручников и полностью одетым, он чувствовал себя голым и связанным. Неприкрыто уязвимым. Связанным с Гриффином.

Осматриваясь вокруг, он увидел Отца С и Кингсли Эджа, разговаривающими друг с другом вполголоса. Оба они были одеты во все черное, кроме белого воротничка Отца С и белого платка в кармашке сюртука Кингсли. Невероятно красивая женщина с темной эбеновой кожей, в сногшибательном платье цвета слоновой кости сидела на черном кожаном диване. Кингсли щелкнул пальцами, и женщина встала и подошла к нему. Наверное, это была Джульетта. Нора рассказывала ему о ней – гаитянке-секретарше Кингсли, хранившей все его секреты в пределах спальни, а Кингсли хранил ее. Джульетта ослепительно улыбнулась ему, и колени Микаэля практически подогнулись от силы этой красоты.

Нора подвела Микаэля в центр комнаты и встала рядом с ним. Гриффин вошел в черных брюках и черной шелковой рубашке, тоже босиком. Он бросил один взгляд на Ангела и направился напрямик к нему. Прежде, чем они смогли столкнуться, между ними втесалась Нора.

- Эй, полегче, Фиске. Тебе еще нельзя целовать саба. К ноге, мальчик, - приказала Нора, и Гриффин оскалился на нее.

- Тогда давайте покончим с этим. Мне нужно поцеловать его. Сейчас. Прямо сейчас, - сказал Гриффин, стараясь обойти Нору.

- Терпение - это добродетель, Гриффин, - сказал Отец С, и все они образовали свободный круг вокруг Гриффина и Микаэля.

- Я не видел его весь день. Это все, на что меня хватило, - отозвался Гриффин.

- Это только начало, - сказал Отец С. - Давай.

Нора шагнула в сторону, и Гриффин вытащил из кармана черный кожаный ошейник, обернув его вокруг шеи Микаэля, застегнул и защелкнул на замочек. Микаэль закрыл глаза, чувствуя, как вокруг него обвиваются руки Гриффина.

- Я люблю тебя, - прошептал Гриффин. - И ты принадлежишь мне.

- Да, сэр, - сказал Микаэль, улыбаясь.

Он открыл глаза, и Гриффин поцеловал его глубоко, страстно и несдержанно.

- Кошмар, - сказала Нора. - Эти два парня целуются. Это просто отвратительно.

- Это совершенно неестественно, - согласился Кингсли. - Меня трясет при одной мысли об этом.

- Что, правда? - спросила Джульетта своим богатым, мелодичным голосом с гаитянским акцентом. - Тогда что ты делал с тем молодым человеком прошлой ночью?

- Деловая встреча. Мы обсуждали ставки у Мебиуса.

- Пока были голыми? - спросила Джульетта, хлопая ресницами.

- Это была неформальная встреча, - ответил ей Эдж.

Микаэлю пришлось прервать поцелуй, чтобы он мог смеяться. По крайней мере, здесь, среди этих чудаков и извращенцев, он и Гриффин всегда найдут понимание. И, может быть, если им повезет, другие тоже их примут.

- Гриффин Рэндольф Фиске, - начал Отец С, - теперь вы гордый владелец Микаэля Димира. Он мне как сын. И если ты причинишь ему боль, которую он не захочет, то будешь отвечать передо мной.

- И мной, - сказала Нора, делая шаг вперед, чтобы поцеловать Микаэля и Гриффина в щеку.

- Etmoi, - сказал Кингсли.

- Etmoiaussi, - сказала Джульетта.

Микаэль проглотил комок в горле. Он знал, Гриффин никогда не сделает ничего, чтобы навредить ему, но признание в том, что все эти прекрасные люди встанут за него горой в случае, если бы он сделал что-то, трогали его.

- Не волнуйтесь. Ничего такого не произойдет, - сказал Гриффин, беря Микаэля за руку. - Но сейчас я хотел бы причинить ему ту боль, которую он любит. Поэтому если не хотите остаться и смотреть, пошли вон.

Гриффин сделал прогоняющий жест, который так хорошо сработал на отце Микаэля.

Никто не сдвинулся с места. Гриффин взглянул на Нору.

- Что? - спросила она с притворной невинностью. - Мы все хотим посмотреть.

Глава 26

Нора не могла перестать улыбаться. Она сделала глоток белого вина и поставила бокал на стол. Вино было таким прекрасным, что хотелось выпить одним залпом, но они были в Восьмом круге и новый бармен, которого Кингсли нанял, и в самом деле ввел в обиход правило - не больше двух напитков. Конечно, она и Сорен еще будут играть поздно ночью, так что даже лучше, если она останется трезвой и собранной. Сорен вел себя странно весь вечер. Он и Кингсли продолжали шептаться друг с другом тайком ото всех. То, что они не включили ее в разговор, было на них совершенно не похоже. Но она верила Сорену. Он скажет ей, что происходит, когда наступит время. Он посмотрел на нее через всю комнату, и Нора улыбнулась. Он не улыбнулся в ответ.

После нескольких минут Сорен подошел к ней. Она стояла возле бара в VIP секции и смотрела вниз на танцующую толпу. На заднем плане бушевала музыка, и тела двигались в ее ритме. Сатерлин обожала играть на самом дне бездны Круга. Править... подчиняться... не имело значения. Делать это на глазах у публики было настолько же унижительным, как и первобытно-возбуждающим. На дне она испытала свои самые сильные муки, но и самые сильные оргазмы. Хотя сегодня это все казалось ей другим миром - чуждым, странным, далеким.

- Ты сегодня тихая, малышка, - сказал Сорен, подходя к ней и целуя в лоб.

- Я в порядке, сэр. В последнее время мои мысли далеко блуждали.

- Они блуждали и в Кентукки?

Нора внимательно посмотрела на него.

- Кентукки? Нет, это...

- Элеонор. - Сорен приложил к ее губам палец. - Скажи мне правду или не говори ничего вообще.

Она кивнула, и он убрал руку.

- Да, - призналась она. - Иногда они бродят в Кентукки. Но всегда возвращаются сюда, к тебе.

- Я знаю, что они возвращаются. Но будучи так далеко от меня этим летом... ты должна знать, что мое сердце тоже кое-кто затронул.

Сердце Норы ухнуло вниз.

- Эта репортерша оказалась еще более горячей штучкой, чем было нужно.

- Умной и страдающей.

- Как раз в твоем вкусе. Я рада, что она не, ну ты понимаешь, не подобралась к тебе еще ближе, чем смогла. Или к нам. Какое-то время я волновалась, что она выяснит, какие мы на самом деле. Все могло пойти совсем плохо. Но я вот думаю, что зато ты не стал бы епископом, не так ли?

- Тот факт, что одна репортерша рылась в моем прошлом, не сделало меня епископом, - сказал Сорен, в его глазах сверкнула смешинка. Блеск рассказал ей все.

- Ах ты, сукин сын, - простонала Нора. - Так это ты послал к ней анонимный донос, да?

- На самом деле, Кингсли. Несмотря на то, что это была моя идея. Я понимал, если комитет узнает, что за каждым моим шагом следит цепкая прилипчивая репортерша, то они не пойдут на такой риск и не сделают меня епископом, а еще не предадут огласке мое пожертвование в епархию.

- Ты просто лживая бессовестная задница, настоящий Макиавелли. Обожаю тебя.

Нора расхохоталась. Следовало догадаться. Нужно было понять, что присутствие Сюзанны в их жизни было идеей Сорена с самого начала.

- В мою защиту, - сказал Сорен без единого намека на стыд или раскаяние, - мы выбрали ее, потому что я знал, что могу ей помочь.

- Да, ты просто святой. Святой Сорен Ублюдок, Покровитель Манипуляции.

Она не могла удержаться от смеха. Он действительно сделает все, чтобы защитить их, чтобы защитить ее.

- Я все еще в ожидании окончательного утверждения по поводу моей канонизации.

Нора поднялась на цыпочки и поцеловала его.

- Можешь открыть письмо сейчас, - сказал Сорен прямо ей в губы.

- Письмо? Ах, письмо.

Нора помнила, в какое бешенство привел ее Сорен в начале лета. Она сопротивлялась искушению открыть это письмо в течение нескольких недель. Сатерлин выхватила сумку из-за барной стойки и стала копаться в ней. Вытащив конверт, она вскрыла его и прочла слова, написанные элегантно почерком Сорена.

Вы приглашены на официальную церемонию принятия ошейника Микаэлем Димиром от Гриффина Фиске.

У Норы отвисла челюсть. Она посмотрела на Сорена и стиснула в руке приглашение.

- Ты знал? - Глаза Норы полезли на лоб.

- Конечно, я знал, - сказал Сорен. - Я знал Гриффина в течение многих лет. Я духовник Микаэля. Я знал, что они влюбятся друг в друга. Я знал, что это будет хорошая возможность исправиться для Гриффина. Я рад за Микаэля. Ему нужен кто-то такой же открытый и безумный в своей привязанности, как Гриффин.

- Так ты приказал Гриффину держаться подальше от Микаэля, потому что...?

- Мы ценим больше всего то, за что должны заплатить самую высокую цену. Я не хочу, чтобы Гриффин принимал Микаэля как должное. Хотя и не думаю, что он на это способен.

Нора посмотрела на приглашение, прежде чем порвать его на куски и подбросить в воздухе как конфетти.

- Я люблю тебя, ты ужасающе умный человек.

Нора обняла Сорена, как она думала, быстрым и игривым объятием. Но Сорен притянул ее к себе и крепко прижал. Так сильно, что это почти испугало ее. Он зарылся лицом в ее волосы и вдохнул.

- Сорен? Что случилось? - прошептала она. - Ты был напряжен всю ночь.

Рука Сорена покоилась на ее шее. Нора почувствовала что-то, услышала щелчок, и ее белый ошейник остался в руках Сорена. Сатерлин посмотрела вниз, на ошейник, и снова вверх на Сорена.

- Сэр?

Руки Норы онемели. Ее сердце забилось.

- Я люблю тебя, - сказал он. - Я люблю тебя достаточно, чтобы снять этот груз с тебя на некоторое время. Я люблю тебя, чтобы отдать тебе это взамен.

Он сунул руку в карман и протянул ей ключ с белой лентой на нем вместо брелка. Белая лента... Ключ к белой комнате. Она встретила Микаэля в этой комнате в прошлом году и забрала его девственность. Сорен отдал ей этот ключ со словами «Он все еще девственник... Ты можешь закрыть глаза и притвориться, что это... »

- Сорен?

- Ты вернулась ко мне после нескольких лет, что мы были врозь. И мне было так хорошо, что я забыл задать самый важный вопрос: почему? Зачем ты пришла ко мне? И ко мне ли ты пришла? Или сбежала от кого-то еще?

- Ты знаешь, я была...

- Я видел твою книгу. Видел посвящение.

Нора закрыла глаза. Она надеялась, что Сорен не заметит, что впервые она посвятила книгу кому-то другому, а не ему.

- Большие воды..., - сказал Сорен. - Ты все еще любишь его.

Слезинка скатилась по щеке Норы. Она не могла отрицать, но и не хотела признавать это.

- Я слишком сильно люблю тебя, чтобы держать против твоей воли, - сказал Сорен.

Нора посмотрела на него.

- Даже если против моей воли это то, что я хочу?

- Даже тогда. - Ключ казался теплым в ее ладони. Она смотрела на него и думала.

- Иди. Ты знаешь, чего хочешь.

Пальцы Норы обернулись вокруг ключа, сердце забилось от надежды. Но она успокоила его. Нет... она не могла поверить... или могла?

- Я вернусь, - пообещала она. - Я всегда буду возвращаться к тебе.

- Я знаю, - сказал он с холодным, спокойным высокомерием. - Если бы я не верил в это, то не позволил бы уйти.

- Поверь в это. Это правда. - Она сделала шаг назад. Потом еще. - Всегда.

- Элеонор, если в твоём темном сердце есть хоть капля милосердия, когда ты покинешь нас сейчас, то ты пойдешь, а не побежишь.

Она улыбнулась ему, улыбкой, которая сказала все, что она хотела сказать, хотя слов для этого не было.

- Я никогда не сбегу от тебя, помнишь? Но я всегда буду бежать обратно.

Нора больше не могла поцеловать его или прикоснуться. Если бы она это сделала, то не смогла бы остановиться. А ей было нужно, она должна была уйти, повидаться с тем, кто ждал ее за дверью белой комнаты.

Повернувшись, она с мучительной медлительностью подошла к двери в задней части бара. Нора открыла дверь и шагнула через порог, закрыв за собой.

Оставшись в одиночестве, Нора остановилась и посмотрела вниз на свои ноги. На ней были высокие каблуки. Она всегда носила их в клубе. Сорен предпочитал их сапогам, которые обтягивали ее ноги, когда она была Госпожой. Высокие каблуки были скромнее. Как у леди. В туфельках можно было делать все. Разве что не бегать, и Нора знала, что это и было настоящей причиной, почему Сорен заставлял ее их носить.

Она скинула туфли и оставила их в коридоре. Нора не пошла, не поползла, даже не полетела.

Она побежала. Она неслась по коридору так, будто все гончие ада грозили укусить ее за пятки. Она побежала так, будто сам Господь Бог приказал ей. Как будто ее жизнь зависела от этого, и в тот момент она могла бы поклясться, что так оно и было.

Она не знала, почему побежала. Она не знала, кто или что ждало ее в белой комнате. Она лишь знала, что должна попасть туда так быстро, как только могла, и кто бы это ни был, он стоил этого.

Руки Нору так тряслись, когда она, наконец, добралась до двери в Белом зале, что она едва смогла вставить ключ в замок. Но когда все же получилось, и дверь распахнулась, Сатерлин остановилась. Она остановилась, потому что...он был прямо перед ней. Бессмысленно, непонятно.

- Уесли..., - выдохнула Нора, не в силах сделать еще один шаг.

Но ей и не пришлось, он подскочил на ноги и подбежал к ней, держа Нору в своих руках, а она держала его в своих, и Сатерлин знала, что больше никогда не убежит от него. От него никогда. Не от ее Уесли.

- Нора... я скучал... так скучал...

Сатерлин отстранилась, чтобы посмотреть на парня. Ее Уесли - мальчишески красивое лицо, те же большие карие глаза, которые смотрели на нее так, будто он никогда не видел ничего подобного в жизни.

Нора взяла его лицо в ладони, по-прежнему не в состоянии поверить, что это был он, ее Уес, прямо перед ней.

- Боже, тебе нужно подстричься.

Конец второй книги!

Файлы предназначены только для частного просмотра. Выкладка на сторонних ресурсах или использование материала в коммерческих целях - ЗАПРЕЩЕНЫ!